

Огни Кузбасса

№ 5 / 2023

Русскому поэту Валерию Федоровичу Зубареву – 80 лет!

ОПОЛЧЕНЕЦ

Вышка времени.
Степь веков.
Кто там движется
Валкой рысью?
Надвигается стук подков...
Вот он –
Средневековый рыцарь.
С головы и до пят
Броня,
Механическая осанка.
Взгроможден
На бронеконя –
Прототип тяжелого танка.
Содрогается конь под ним.
А у росса –
Русь под ногами...
Ненавистен,
Неуязвим,
Неприступен,
Недосягаем!
Но споткнется железный конь,
Рыцарь наземь с размаху
Рухнет.
Понимаю ярость,
С какой
Топором его хряпал русич.
Запясан едва-едва,
Задышался от возмущенья...
Холодало,
Колол дрова,
Тут и кликнули в ополченье.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, заместитель
председателя Совета по
вопросам попечительства
в социальной
сфере Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 5 / 2023

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор

С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Татьяна ИЛЬДИМИРОВА

Андрей КОРОЛЕВ

Вера ЛАВРИНА

Дмитрий МУРЗИН

(ответственный
секретарь)

Наталья МУРЗИНА

Юлия СЫЧЕВА

Елена ТРУХАН

Дмитрий ФИЛИППЕНКО

Марина ЧЕРТОГОВА

Евгений ЧИРИКОВ

Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

16+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Владислав Русанов. А мы все-таки выживем.....	3
Галина Золотаина. Третий возраст.....	27
Андрей Фролов. Зайчик последнего солнца.....	39
Людмила Иванова. Во льду сибирской параллели.....	66
Александра Коржова. Перышки небо качали.....	89

ПРОЗА

Владимир Иванов. Испытание. Повесть.....	7
Андрей Тимофеев. Между лесом и бороздой. Глава из романа.....	30
Александр Ярошук. Золото Еловой пади. Приключенческая повесть.....	42
Алексей Поселенов. Рассказы.....	69
Татьяна Катрич. Чайка. Рассказ.....	91

ДРАМАТУРГИЯ

Яна Орехова. Человечки. Пьеса.....	97
------------------------------------	----

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Ирина Прищепова. Некрополь Знаменского монастыря.....	104
Николай Никитин. Атаман Ермак как фигура раздора (историографические заметки).....	111

ЗВЕЗДЫ НАД ДОНБАССОМ

Дмитрий Артис, Ольга Старушко, Анна Ревякина, Анна Долгарева, Елена Заславская, Игорь Караулов, Александр Сигида – младший, Дмитрий Мурзин, Наталья Литвиненко, Дарья Пиотровская, Ольга Еремина, Вероника Батхен, Игорь Никольский, Мария Семенова, Алексей Ширяев, Наталья Садовникова, Наталия Курчатова, Борис Лукин, Алексей Евтушенко, Анна Матвеевко. Стихи.....	122
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Аристарх, митрополит Кемеровский и Прокопьевский. Литературный процесс в России в XXI веке: трансформация и традиции.....	135
---	-----

КНИГА ПАМЯТИ

Алина Дием. Начальная школа. Автобиографические записки. 1962–1965 годы.....	138
--	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Григорий Шалакин. Уникальные «холсты» на оберточной бумаге.....	148
Олег Ражев. Герман Захаров: без повторов и штампов.....	154

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

прот. Сергей Адодин. Два рассказа.....	155
--	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав Елатов. Из Сибири с любовью.....	160
Виктор Арнаутов. Асинский патриот (о творчестве Сергея Подгорнова).....	161
Александр Мухарев. «Огни Кузбасса» в фокусе внимания.....	166

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Дмитрий Мурзин.....	169
--	-----

Русскому сибирскому писателю Вячеславу Яковлевичу Шишкову – 150 лет

(1873–1945)

– Река бедовая, свирепая... Уж Бог создал ее так, – спокойно говорит Фарков. – Она все равно как человечья жизнь: поди пойми ее. Поэтому называется: Угрюм-река. Точь-в-точь как жизнь людская. Да.

В. Шишков. «Угрюм-река»

**Владислав
РУСАНОВ**

**А МЫ ВСЕ-ТАКИ
ВЫЖИВЕМ...**

ВАЛЬС ОБРЕЧЕННЫХ

*Нас не язвите словами облыжными,
Жарко ли, холодно? По обстоятельствам...
Кто-то повышенные обязательства
Взял и несет, а мы все-таки выживем.*

*Мальчики с улиц и девочки книжные...
Осень кружится в кварталах расстрелянных.
Знают лишь ангелы срок, нам отмеренный,
Только молчат, а мы все-таки выживем.*

*Не голосите, холено-престижные,
Будто мы сами во всем виноватые.
На небе облако белую ватую
Мчит в никуда, а мы все-таки выживем.*

*Не разобраться: что лучше, что ближе нам?
«Шашки подвысь – и в намет, благородие!»
Нам смерть на Родине, вам же – без Родины.
Вот как-то так... А мы все-таки выживем!*

2014

* * *

*Кресты кружатся воронья на небе белом.
Зафевралело в сентябре, зафевралело.*

В разнос кибитку жизни мчит

*шальная кляча,
А небо плачет на ветру, а небо плачет.
Листает залп за разом раз судьбы тетради,
Ложатся «грады» у двора, ложатся «грады».
И ты летишь к земле ничком,
лютуют мрази.*

*Из князей в грязь, упав щекой,
от князей к грязи.*

*Выводит мины хвостовик шальное соло,
Шипит осколок в колее, шипит осколок.
Побрал бы черт и этот дождь, и эту осень,
И вдруг проносит артобстрел,
и вдруг проносит.*

*А ты лежишь, обняв Донбасс, – пошире руки!
Такая штука эта жизнь, такая штука...*

2015

АНГЕЛЫ ДОНБАССА

*Маленький шахтерский город,
пограничный с Россией.
Здесь
из окон пятиэтажки
небо такое синее.
Мальчик клеил из картона модели,
он мечтал в океане*

РУСАНОВ Владислав Адольфович родился 12 июня 1966 года. По образованию инженер-геологоразведчик, кандидат технических наук по специальности «бурение скважин». Прозаик, поэт, переводчик. Автор 34 книг, выходящих в разное время в издательствах «Крылов», «Астрель» (Санкт-Петербург), АСТ, «Эксмо» (Москва), «Шико» (Луганск, Севастополь), «Рапан-Принт», Edit (Донецк), «СеЖеГа» (Симферополь). Член Союза писателей Донецкой Народной Республики и Союза писателей России. Живет и работает в Донецке.

водит каравеллы.
Он бредил парусами,
хранил портрет Колумба,
изучал такелаж, галсы и румбы.
Он остался под обломками
рухнувшего здания.
Украинский летчик доложил
о выполнении
задания.

Самая обычная младшеклассница
знойным
луганским
летом
упрямо ходила в ДК,
занималась балетом.
Она крутила фуэте,
она стояла на пуантах,
легко различала аллегро и анданте.
Осколок прошел навывлет,
когда по Камброду
отработали украинские
минометы.

Он мог бы стать актером,
врачом,
инженером,
шахтером,
пилотом...
Просто парнишка еще не определился
с будущей работой.
Он часто сбивал коленки,
ругался со сторожами,
прогуливал уроки,
иногда курил за гаражами.
Скорая не успела помочь
даже просто уколом,
когда он зацепил растяжку
по дороге в школу.

Первого сентября
они входят в райские классы
и садятся за райские парты.
Белые.
Ангелы.
Донбасса.

ПАДШИЙ АНГЕЛ

По пшеничным полям пал,
в небесах дымный след сиз.
Светлый ангел на землю пал.
С облаков прямиком вниз.

Распрявился, могуч, наг.
Знал бы стыд, так прикрыл срам.
От изгиба шоссе танк
бьет наводкой прямой в храм.

За кургузым пригорком «град»
посылает в село смерть.
Ангел понял, что здесь – ад.
Значит, надо идти смотреть.

На сгоревшем авто вран
напророчит врагам кар.
От натуги хрипя, «Урал»
волочит награбленный скарб.

Чуть присыпан землей труп,
перемазан в крови трак.
Хочешь пальцы вложить под струп?
Хочешь в сердце впустить мрак?

Чуешь, ветер несет тлен?
Слышишь, грохот вдали стих?
Ангел шел и попал в плен
к батальону с руною «сиг».

На заре, когда свет бел
разрывает ночи креп,
повели его на расстрел –
отличился тербат «Днепр».

Двое суток срасталась кость.
Двое суток свивалась нить.
Ангел пули собрал в горсть
и ушел в ополченье. Мстить.

2017

ПРОСТО ПЕСЕНКА

Под Донецком в полях не ковыль,
под Донецком полынь да амброзия.
Кто Донецк никогда не любил,
пусть и дальше в столицах морозится.

Над Донецком гудят провода,
по проспектам гуляет метелица.

2017

Кто Донецк не любил никогда,
в Цеевропу пускай переселится.

Этот город задирист и шал,
у Донецка порядки недетские.
Кому город чего задолжал,
не дончане, а просто «донецкие».

Снова ступит весна на порог,
абрикосовым цветом вскудрявится,
а кто шел преподать нам урок,
пусть от злости своей и удавится.

Из донецкой земли уголек
добывают простые кудесники.
Тот, кто меряет счастье рублем,
никогда не поймет этой песенки.

2017

* * *

Мой город. Мой Донецк. Моя печаль.
Вдохнул со стоном. Глухо. Больно. Стыло.
Так плачет оцинкованная сталь
от легкого прикосновенья била.

Молчит труба. Архангелы не спят,
взирают сверху вниз на толковище.
Лишь некто в белом с головы до пят
кричит, срываясь в рык, на пепелище.

А некто в черном скалит тридцать два
на кураже. Он зол, упрям и весел.
Где истина? Слова, слова, слова...
О славе, о героях и о мести.

Еще не вечер, не гудит набат,
еще снаряды не жужжат слепнями.
Донецк не спит и, немотой объят,
молчит, вращая в тишину корнями.

2017

* * *

Вольно или невольно
лучик разбился в луже.
Больно или не больно?
Слышишь, опять утюжат?

Страшно или не страшно?
Выйди, спроси в окопах.
Важно или неважно?
Это войны синкопа.

Зримо или незримо
снова иголки под кожу.
Мимо или не мимо?
Это узнаешь позже.

Брату или не брату
выплатишь кровью виру?
Правда или неправда
правит распятым миром?

Если того достоин,
жизни допишешь повесть.
Стоит или не стоит?
Это подскажет совесть.

2017

* * *

Неидущий пути не осилит,
негорящий не будет в тепле,
а мне нравится ездить в Россию
по раздолбанной в хлам колее,

по гребенке, накатанной танком,
по проселку, где в пояс полынь,
по шоссе, где чернеют заплатки,
прячут оспины этой войны.

Тень дубрав и березок курсивы,
ширь полей и пригорков венец.
Открываю я снова Россию,
как влюбленный и жадный юнец.

Зачерпну я Россию горстями –
синь небес, духовитость земли,
от церквей до дворцов с крепостями,
величавость обеих столиц.

От Камчатки до Калининграда,
от ледовых широт до пустынь –
все в России мне свет и отрада,
я ее заблудившийся сын.

2018

* * *

Я видел пробитые навывлет панели,
я слышал, как пули срезают ветки,
я знаю, как вести себя при артобстреле,
я умею отличать «прилет» от «ответки».

Я видел, как дети боятся неба,
я слышал, как мать рыдает над сыном,
я знаю, как город выживает без хлеба...
И я не сумею простить Украину.

2019

ДИКОЕ ПОЛЕ

Мы дети Дикого поля,
разбойничьей, злой удачи.
Мы малочувствительны к боли,
мы редко и скрытно плачем.

Несли нас пегие кони,
земля под копытом горела,
умели пустою ладонью
отбить печенежьи стрелы.

Теперь наши степи – пашни,
нарыты в них шахты-норы,
натыканы телебашни,
куда ни поедешь – город.

Теперь мы не головы рубим,
а рубим горячий камень.
Дымятся заводов трубы,
гремят и кузны, и станы.

Но войны степным пожаром
в начале нового века
пылают заревом ржавым,
и льются из крови реки.

Ни выкрики конной лавы,
ни поступь цепи пехотной...
Здесь делят виновных и правых,
на русских идет охота.

Здесь снова до смерти спорят
селяне и рудокопы,
до пресного мелкого моря
тянутся нитки окопов.

Попробуй пустою ладонью
отбить осколок снаряда.
И скачут пегие кони,
и степь, словно простынь, смята...

Попробуй не чуют боли,
попробуй не видеть горя
в пределах Дикого поля,
у малосольного моря.

* * *

Поля надели маскхалаты.
Вороний грай.
Глядят расстрелянные хаты
за небокрай.

Торчат, чернея, дымоходы,
как в небо перст.
День ото дня и год от года
неси свой крест.

И ждут, почти что без надежды,
бойцы приказ,
который, получив депешу,
комбат отдаст.

И потекут, прорвав барьеры, –
долой тоску! –
рекой стальнойю бэтээры
по большаку.

Поддержат братьев батареи
стеной огня.
Победа воинов согреет
к исходу дня.

Рванет на всю, героев встретив,
гармонь меха,
И расцветут улыбкой стрехи
разбитых хат.

2021

* * *

Когда в эфире что ни час
бурлит злословье,
покрепче зубы сжал Донбасс,
стоит несломлен.

Когда исчадий Сатаны
оскал кровавый
и что ни день кошмар войны
приходит в яви,

когда безжалостные дни
и ждем мессию –
Россия, руку протяни!
Приди, Россия!

Но мы услышим рев машин
и рокот траков,
и частой дробью калаша
поддержат драку.

Тогда российского орла
взметнется знамя,
и в небе синем два крыла
плывут над нами.

Неудержимо на закат
волна победы
пойдет, как много лет назад
шагали деды.

2022

2019

6

**Владимир
ИВАНОВ**

ИСПЫТАНИЕ*

Повесть

1. НА НОВОМ МЕСТЕ

– Значит, так. Берем с испытательным сроком. Поселяетесь в редакционной комнате в общежитии, – сказал редактор и нажал на звонок.

Вошла миловидная секретарша. В коридоре она препоручила меня техничке, как потом выяснилось, тете Нюре. С той мы вышли на улицу. Редакция располагалась на третьем этаже двухподъездного трехэтажного дома. На первом этаже – типография.

Тетя Нюра повела меня в следующий подъезд. Поднялись на третий этаж. Коридор упирался в глухую стену. Выходило, что общежитие, где я поселяюсь, и редакция располагались на одном этаже. Техничка отперла самую дальнюю дверь справа по ходу, и мы вошли в комнату.

– Вот окаянные! – сказала она. – Редакции им мало!

На подоконнике, в углах и прямо на полу лежали стопки газет, журналов, каких-то папок. Две койки со свернутыми матрасами, три стула, две прикроватные тумбочки да шифоньер у входа составляли всю меблировку. Ну и халупа! Все пропитано табачно-алкогольным духом. И какой бардак! На столе засохший хлеб, пустые консервные банки, бутылки, окурки на тарелках. Но даже не этот натюрморт поразил меня больше всего, а то, что находилось под столом. Это бы-

ли грязнейшие ботинки, стоптанные набок до основания. Чтобы довести башмаки до такого вида, надо было носить их долго и упорно и при этом иметь кавалерийские ноги. Кто сей романтик, сей муж, возлияния ради экономивший на обуви? И где его лошадь, его Росинант? Какие приключения заманили его в эту дыру, какие подвиги он совершил и куда подался за новыми приключениями?

– Может, сегодня мне в гостинице переночевать? – спросил я раздумчиво не то себя, не то тетю Нюру.

– Э, милоч! Не ты первый, не ты и последний, – сказала она. – Сейчас все приберу, и будешь как дома.

Она вышла, вернулась с ведром воды, веником и совком, принялась за уборку. А я вспомнил, что скоро закроются все столовые и магазины, так и голодным можно остаться. Техничка дала мне запасной «жильцовый» ключ, и я вышел на улицу. На столбах уже загорелись огни.

После столовой вернулся туда, где мне предстояло жить и работать. Возле освещенного подъезда типографии и редакции играли мальчишки. Стоявшие здесь контейнеры и большие деревянные ящики были полны обрезков бумаги, пацаны сигали на них с крыши склада и потом кидали вверх бумажные ленты. А подалее двое футболили друг другу какую-то папку, из которой после каждого пинка высыпались листы.

* Журнальный вариант.

ИВАНОВ Владимир Васильевич родился 21 января 1948 года в деревне Макаровке Башкирской АССР. Вырос в селе Банново Крапивинского района Кемеровской области. Окончил Уральский государственный университет. Работал в совхозе «Банновский», сотрудничал в газетах Кемеровской области. Автор девяти поэтических сборников и книги прозы, вышедших в Москве и Кемерове. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Живет в Кемерове.

– Я вот вам! – крикнула выскочившая из типографии женщина. – Че мусорите?!

Мальчишки разбежались, женщина вытрусилась из мешка в ящик новую порцию обрезков и скрылась в подъезде.

Я поднялся в общежитие.

Тетя Нюра, сердобольная душа, привела мое жилище в порядок. Весь бумажный хлам, бутылки убраны, пол вымыт, постель заправлена чистым. Я разделся и разложил свои пожитки. Рухнул на кровать и стал молча смотреть в потолок.

И в этом чужом нежилком углу мне оставаться одному!

2. ЧТО МЕНЯ ЖДЕТ?

Какие неисповедимые пути привели меня сюда? Я поступил в Литературный институт. На заочное отделение. И подумал, что работу над словом лучше начинать в редакции газеты. Человек может все, пока ничего не делает. А как начнет делать, тогда и выясняется, на что он пригоден и способен. Вот я и решил испытать себя на черновой газетной работе.

Из своей деревни приехал в областной центр выяснять, куда можно устроиться в редакцию. Надеялся, подскажут в областной газете. Ответственный секретарь газеты – лысый, в очках, птичий профиль – посоветовал обратиться в сектор печати обкома партии. Именно сектор печати курирует городские и районные газеты и знает ситуацию с кадрами. Там удивились, а потом: «Позвоните через пару дней». Позвонил. Предложили несколько мест. Выбрал этот город – поближе к областной библиотеке, где можно пользоваться учебной литературой, да и к родителям домой поближе. Завтра приступаю к работе. Долго задерживаться не собираюсь. Потом переведусь на очное отделение. Мне сейчас важно набить руку по жанрам, пройти начальные ступени газетной работы, пообщаться с людьми, причастными к слову. Да и о жизнь неплохо бы пообтереться. Главное, не дать себя засосать рутине...

Помнится, в классе эдак четвертом я, малец, задался вопросом: для чего живет человек на земле? И никак не находил ответа. Этот неотступный вопрос отравлял мое существование, не давал возможности, как сейчас понимаю, насладиться золотым детством. Моя мировая скорбь обособляла меня от сверстников, от

обычных в таком возрасте игр. Я жаждал Учителя, который мог бы насытить мой смятенный детский ум успокоительными ответами. Но Учителя не было. Кругом звучали разговоры о самых что ни на есть обыденных заботах. Кругом быт, быт, быт и ни одного возвышенного слова, никакого ответа на самый главный вопрос. Вот приходят к нам соседки. Начинают с матерью судачить. А я гляжу на них и думаю: несчастные люди! Даже не подозревают, что занимаются переливанием из пустого в порожнее всякой ерунды. Живут себе какой-то суетной, пустой, бесполезной жизнью. Сейчас, когда повзрослел, понял, что был не прав. Их дело – рожать, растить детей. И хорошо, что высокие думы не касаются их чела. В гениальной простоте они исполняют им предназначенное. Может, и для меня потом простые жизненные удовольствия не будут омрачены подобными тревожными вопросами. Как сказал Уайльд, простые удовольствия – последнее прибежище сложных натур. Как хотел бы я жить светло и просто! Ведь мечтали же Бабель и Багрицкий дожить до преклонных лет и вместе, довольными жирными стариками сидеть на завалинке и греться на солнышке. Может, ошибка, что оторвался я от родительского дома, уехал? Может, стоило жить-поживать в родном селе?..

Откуда, как зародилась в обыкновенном крестьянском мальчишке тяга к слову? Не знаю. Может, в генах нашей родовой идет брожение слова и в ком-то из семьи нет-нет да прорвется? Мой дядя Николай, брат мамы, тоже писал стихи. Он погиб на войне. Видимо, и мне не дает покоя это брожение. Все-таки «в начале было Слово»... Есть, наверное, в слове тайна великая. Вот если бы все люди выявляли в себе искры творчества, делали шаг за шагом душевные и духовные накопления, постепенно образовалось бы единое духовное поле, и было бы меж людьми больше понимания, больше доброты и сострадания. Из тех, кто пишет, редко кто пойдет на святотатство, на дурной поступок. Творчество – это оберег от преступов, праздности, гильбы.

Недавно прочитал у Хемингуэя: писатель должен уйти из газеты вовремя, если хочет, чтобы газета не раздробляла ум. Вот и я хотел бы уйти из нее раньше, чем это случится. Я пишу стихи. А пока буду познавать прозу жизни, буду общаться с творческими работниками, причастными к слову.

Сейчас я в городской газете. Но в мечтах-то витал в столицах, где могу проявить себя в слове. Ведь недаром поступил в Литературный институт. Разве живя в деревне я смогу чего-то добиться? А в деревню я вернусь. Непременно вернусь. Тоскую по ней. Это я ощутил, когда после восьмилетки приехал в девятом классе учиться в город. Не думал, что так будет давить на психику его каменная громада. Вот тогда-то и дошло, как близки мне и дóроги леса и луга, где охотился, косил сено, озера и речки, где купался и рыбачил. Кончилась четверть, забрал документы – и домой! Стал учиться в районном центре, жить в интернате. Как праздника ждал субботы. Когда всей гурьбой отмахивали мы летом пешочком, а зимой на лыжах километров двенадцать до дому... Только глаза закрою и представлю родные места – всем нутром начинаю понимать, что только там могу испытать всю полноту жизни. Так что вернусь я, вернусь. А пока надо на все родное посмотреть со стороны... Может, я делаю что-то не то? Обманываю себя? Вспомни, как сельчане еле сводили концы с концами. Как шарили по углам уполномоченные, выискивая, не запрятана ли лишняя голова живности в отдаленном хлеву! Это разве жизнь была? Но все же, все же... Может, стоило мне пойти в сельскохозяйственный институт? Стал бы потом председателем колхоза – на меньшее не согласен. Повысил зажиточность села – благодарность и добрая память от селян, почет и уважение... Но если будет томить чувство, что ты жил не своей жизнью, в чем-то главном поступился собой, – на что такой почет и такое уважение? Как бы понять, что же все-таки во мне главное, кто я есть по главной сути? Мой шаг непонятен для родни. Все пахали, сеяли, косили – и были правы. Прав ли я, прерывая эту крестьянскую традицию? А если ничего не получится? Сколько мотыльков обожгло и сгорело в огне искусства, сколько околотитературных мальчиков кануло в небытие, так и не реализовав себя! Что меня ждет? Куда приведет меня волшебная сила искусства?..

3. «ЛЫКО» И «ТЕТЯ ТАСЯ»

Определили меня литературным сотрудником в отдел промышленности и строительства. Это, конечно, не блеск. Именно сюда, как я понял, газетчики идут без особой охоты. Потому в отделе Дойкова самая большая текучка. Мне бы

хотелось, конечно, заниматься литературной работой, скажем, в отделе литературы и искусства. Но где это возьмешь в такой маленькой газете? Может, на первых порах производство – оно и к лучшему?

Вчера отмечали мой приход. Наутро болела голова, но поправился я быстро. Пришел в редакцию. Моего шефа, заведомо промышленности Дойкова, еще не было. Пришел он после одиннадцати.

– Савелий Кузьмич! Не мог сначала информации подготовить? – упрекнул его ответственный секретарь газеты Полина Ильинична. – Ведь первая полоса до сих пор не закрыта!

– Полина Ильинична, разве когда подводил? Через полчаса будет все готово!

Ответсекретарь ушел. Савелий Кузьмич стал звонить по телефону. Каждый раз он задавал буквально пару вопросов, затем набирал другой номер.

– Вот, Денис, второй телефон, вот городской справочник. Я звоню по шахтам, а ты – по строительным управлениям, – сказал он мне, когда сам обзвонил несколько номеров. – У них после десятого уже данные есть.

9
Вот тебе на! Я думал, что хоть в первый-то день полистаю подшивку газеты, сделаю для себя кое-какие выписки, в общем, сориентируюсь на будущую работу. Мне расскажут о состоянии промышленности в городе, вообще о городе. Мало того, новичку, вступающему в газетный мир, солидарные и добросердечные собратья по перу на первых порах будут помогать всячески. И добрым советом, и свое мастерство, свою творческую кухню раскроют. И даже, может, тему интересную подкажут... Ну что, получил? Ты думал, будут с тобой тут нянчиться? Будут тебя носить на руках? Ах, ах! Смотрите, кто пришел! Мы его научим! Мы из него аса пера сделаем! Где – «сделаем»? Вот в этой дыре? И почему газетчики называются журналистами? Что общего имеет журналистика с этой повинностью – заполнять производственной информацией первую полосу? Хоть откуда, но чтоб непременно о производственных успехах...

Как это делается? Я смотрел на Савелия Кузьмича. Его не оторвать от листа, всю шпарит, заглядывая в свой блокнот. Я взял телефонный справочник, нашел раздел «Строительные

организации» и начал обзванивать. Не надо показывать свою неосведомленность. Ты что, никогда не видел подобных информаций? Ими первые страницы всех газет заполнены. Будто читатели так и жаждут прочесть: ну-ка, ну-ка, на сколько процентов перекрыт производственный план? Но – молчок. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Приглядывайся, мотай на ус и набивай себе руку. Звоню в одно строительное управление – посылают в отдел нормирования, оттуда – в отдел труда и зарплаты. Пока взял три информации и начал их обрабатывать, Савелий Кузьмич все свои уже написал и отнес на машинку. Не успел я написать вторую, как в дверях возникла Полина Ильинична.

– Ну как, ребята, надрали лыка?

– Уже на машинке! – самодовольно доложил Савелий Кузьмич и поглядел на часы. – Ну, что я говорил? Тютелька в тютельку! – постучал он указательным пальцем по циферблату.

– Надо бы до обеда успеть. А то типография уже ворчит, – сказала довольная ответсекретарша и ушла.

– Савелий Кузьмич, а что такое «лыко»? – спросил я своего зава.

Он пояснил:

– «Лыко» – сырье для материала, то есть факты в блокноте. «Тетя Тася» – материал ТАСС (Телеграфного агентства Советского Союза). При нехватке своих материалов обычно тетя Тася выручает, заполняет пустое место в газете. У тебя, Денис, как с информациями?

– Да вот вторую пишу.

– Да? Давай-ка первую. Гм, гм... Ну что ж. Пойдет.

Он что-то переправил на листке и понес его в приемную – секретарше на машинку.

– Информаций хватит, – сказал, вернувшись. – Так что перекур.

– А как же остальные две?

– На следующий номер. На первую полосу – сколько ни давай, всегда будет мало и всегда хватает.

Теперь я как-то по-новому стал поглядывать на репродукцию картины Репина, что висела в кабинете напротив меня, – той, где Иван Грозный обнимает своего убитого сына. Под ней крупным типографским шрифтом было набрано предупреждение: «Так будет со всяким, кто вовремя не сдаст информацию».

4. ПРИВЕЗ ТОННО-КИЛОМЕТРЫ

Поскольку вчера до самого вечера Дойкова в редакции не было, задание на завтра я попросил у заместителя редактора Гроздова. Раньше Петр Михайлович работал учителем в школе, и поэтому, когда он дает задание, не стоит удивляться его не терпящему возражений тону. А задание было – съездить на автобазу и написать о хорошем человеке. Есть в газете постоянная рубрика «О людях хороших». О хорошем так о хорошем! С утра поехал на автобазу. Из тех, кто был в тот момент на предприятии из хороших кандидатур, называли шофера Буткова. Расспросил его, «где родился, где крестился», давно ли в передовиках, сколько машина пробежала без ремонта и все такое. Вспомнил, как замредактора просил по возможности достать фотографию героя. В отделе кадров удалось взять фото. Правда, Бутков там почему-то в пиджаке на нижнее белье. Но куда деваться, взял что есть. Ведь фотографии в газете не держатся, и снимки на вес золота. А потом в производственном отделе попросил экономические выкладки по своему герою.

– За квартал Бутков привез 50 тысяч тонно-километров сверх плана, – говорит инженер отдела, наманикюренная такая дамочка лет под тридцать.

– А что это такое?

– Как что? Тонно-километры!

– Я понимаю, что тонно-километры. А что это означает?

– Тонно-километры и означает! – отрезала дамочка, высокомерно глядя на меня, непосвященного, и большим пальцем глядя ноготь на мизинце.

Милая моя! Тебе, конечно, глубоко плевать на все эти тонно-километры. Точно так же тебе глубоко плевать и на Буткова, который привез в твою сводку эти самые сверхплановые 50 тысяч. Мы все трое – из разных миров. Но ты кормишься его тонно-километрами, даже не зная, что это такое. Хотя по своей работе должна это знать. Мне позволительно этого не знать, а ты – обязана!

– Но позвольте! – запротестовал я. – Километры означают расстояние, а тонны – вес. Все это вместе должно же обозначать какое-то единое понятие! Как, скажем, килограмм на сантиметр означает давление. А что же означает тонно-километр?

Девушка, вся из себя Эллочка Людоедочка, кажется, впервые задумалась над этим термином.

– Тань, что такое тонно-километры? – обернулась она к другой сотруднице отдела.

– Тонно-километры и есть. Отстань, не до тебя!

Понял я, что меня тут не просветят, и поехал в редакцию. Позвонил в другую автобазу и уяснил, что тонно-километры – это грузооборот.

Савелия Кузьмича все не было. Я сел писать о шофере.

– Ну, что-нибудь привез? – спросила вошедшая Полина Ильинична.

– Да, тонно-километры. Вот пишу про шофера зарисовку.

– Хорошо, постарайся сегодня сдать, а то за парка прямо! Машина не на ходу, фотографа нет – беда прямо!

– Я и снимок к зарисовке привез, да сомневаюсь, что подойдет, – сказал я, протягивая фото Буткова, где он был в костюме и в сорочке без воротничка, сказать попросту – в нижнем белье.

– Надо посоветоваться с Петром Михайловичем, – сказала она, взяв снимок.

Последнюю точку в зарисовке я поставил часа в четыре. Хорошо бы перед сдачей на машинку показать материал Дойкову. Но его по-прежнему нет. Сдал без него машинистке, потом вычитал и – ответсекретарю. До конца рабочего дня время еще есть. Пойти, что ли, спросить задание на завтра у редактора или у зама, чтобы прямо с утра, не заходя в редакцию, поехать на какой-нибудь производственный объект? Ведь там рабочая смена обычно начинается еще до девяти. Но вдруг тем самым подведу Дойкова, который и должен со мной работать? Где ты, наставничек?

5. ЧУДЕСА С ДОЙКОВЫМ

Утром спустился в редакцию раньше девяти, а Савелий Кузьмич уже в кабинете. Весь опух, по лицу плавают красные кроличьи глаза. Сидит, набирает номер по телефону, а руки дрожат. Опять задает буквально пару вопросов, получает краткие ответы и дальше крутит диск. Я тем временем стал обрабатывать взятые вчера информации. Написал, отнес в секретариат, а шеф мой Дойков все еще пишет. Боже ты мой! Так ему же проще на азбуке Морзе отстучать! Рука с ручкой ходуном ходит!

– Денис, давай тебе продиктую, – говорит он наконец. – Пиши. На шахте «Таежная» замечательной трудовой победы добилась в социалистическом соревновании бригада Исхака Гумирова. При плане столько-то выдала столько-то тонн угля, сверхплановая добыча составила... Правофланговыми соревнования являются... – И пошли фамилии на добрых полстраницы.

Он же при мне данные брал! Никаких фамилий не спрашивал, а только про план, добычу и процент выполнения. А тут он и номер лавы называет, и горно-геологические условия, номер участка, да еще всех навеличивает полностью – по имени, отчеству и фамилии!

– По итогам прошлого квартала, – диктует дальше мой шеф, – первенство завоевывал традиционный соперник Исхака Гумирова – Николай Петрович Титенко, чья бригада...

Позвольте, позвольте! Да не спрашивал он про соперника! Я уже заполняю вторую страницу, а Дойков все сыплет и сыплет цифрами и фамилиями. Рог изобилия, волшебный рог Оберона – откуда все это? А вот откуда! Савелий Кузьмич уже отставил тот лист, куда записывал данные по телефону, а диктует по своей карманной записной книжке. Ну и ну! Учись, младенец, у старого газетного зубра!

Прошло, наверное, чуть больше часа, а мы уже написали, отнесли машинистке и вычитали с машинки семь информации. И когда Полина Ильинична зашла со своим неизменным «ну как, лыка надрали?», Дойков молча, но торжественно вручил ей свежее испеченные новости о производственных успехах городских предприятий.

Шеф явно повеселел. И я попросил его рассказать о промышленности города, о нашем отделе и конкретно о моих обязанностях.

Шахтостроительный трест с управлениями, три железнодорожные станции, три шахты, угольный разрез, лесхоз, леспромхоз, две автобазы – грузовая и пассажирская, геологоразведка, стекольный завод, углеобогатительная фабрика, щебеночный завод составляют основную промышленность города. Мы освещаем их деятельность, распространяем передовой опыт, рассказываем о «маяках», вскрываем недостатки, критикуем отстающих... Мы – это производственный отдел. А в отделе – он да я. Значит, так: он ведет официальную часть – статистическую отчетность и анализ итогов месяца, квартала, года, отчеты с заседаний, совещаний, конфе-

ренций и так далее. А я организую рейды, пишу о хороших производственниках, готовлю репортажи, корреспонденции...

Еще много чего рассказал мне Дойков, пока часы не показали одиннадцать.

После он сел писать, а меня отправил на шахту «Майская» разобраться с письмом и заодно забрать заказанную статью у инженера по технике безопасности. В письме сообщалось, что на шахте нет душевой, что из-за плохих условий труда и недостатка жилья люди «целыми пачками» получают расчет, многие уезжают в Ростовскую область по вербовке на новую шахту, где сразу дают жилье.

Я сел в автобус и поехал на «Майскую». В административно-бытовом комбинате сначала зашел за статьей. Она еще не была написана. Потом пошел к председателю шахткома поговорить о душевой. Оказалось, что душевую вот-вот запустят после ремонта.

Во время беседы в кабинет вошла маленькая сухощавая блондинка. Завершив беседу, я вышел. А эта женщина тут же догнала меня. И быстро-быстро заговорила:

– Я давно хотела написать о здешних порядках. Звоню в редакцию: будете разбираться или нет? А мне говорят, что вы как раз к нам выехали. Пойдемте, пойдемте, я вам покажу, в каких условиях работают люди. А как у нас ходят автобусы до рабочих мест с административно-бытового комбината! Выйдут шахтеры и гадают, когда же подойдет автобус. А ведь они уже переоделись в рабочее для работы под землей, на них уже нет теплой зимней одежды, как на нас. Ждут-пождут на морозе, а потом километра полтора топают пешком до своего ската. Невольно зайдешь в будку погреться, где подъемная лебедка. А по правилам техники безопасности там никого не должно быть, кроме лебедчицы. Без критики через газету в этих вопросах не обойтись. Как хорошо, что вы приехали!

Понял, что в этой ситуации я невольно оказался крайним стрелочником. Не могу же сказать ей, что тут на шахте совсем по другому вопросу.

Вместе с Аллой Сидоркиной, так звали эту женщину, мы побывали в будках, где находятся лебедки третьего и четвертого участков. Они не утеплены, нет питьевой воды, нет аптечек. Сама Сидоркина работает лебедчицей по соседству, на скате четвертого участка.

– Прошу обратить внимание, с какой скоростью вращаются лебедки там и тут, – предупредила она меня еще ранее, пока мы добирались.

Наконец пришли на ее рабочее место.

– Как вы считаете, с одинаковой скоростью вращаются лебедки?

Я не технарь, но тут любой бы заметил, что на скате четвертого участка лебедка явно крутится медленнее. Спросил, регулируется ли скорость вращения самой лебедчицей. Оказывается, нет. Скорость лебедок, поднимающих шахтные вагонетки, устанавливается еще на заводе-изготовителе и должна быть одинаковой. Лебедки одной марки.

Я снова отправился в административно-бытовой комбинат шахты. Там встретился с начальником четвертого участка.

– Почему до сих пор не утеплены будки?

– Нет людей.

– А вы пытались организовать для утепления субботник или воскресник?

– Люди целый день в забое, а потом кто же выйдет еще и на субботник?

– Значит, вы не пытались организовать людей и думаете, что никто так и не выйдет?

– Думаю, что нет.

– А почему нет в будке воды?

– Для воды надо иметь по санитарным нормам бачок закрывающийся. А его у нас нет. Нужно иметь воду кипяченую, а у нас негде и нечем кипятить.

– А почему нет в будке аптечки?

– Признаюсь, это моя вина.

– Почему мала скорость вращения лебедки и теряется много времени на подъем и спуск скрепера?

– Я на скорость никак не могу повлиять.

– Но вы же знаете, что на третьем участке скорость вращения больше.

– Может быть. Но это ко мне не относится.

– Так в чем же все-таки причина?

– Не знаю. Может, заводской брак.

Так приблизительно проходила беседа, и закончилась она, когда весь служащий народ высыпал на улицу. Рабочий день кончился.

Приехал я в общежитие и записал по памяти разговоры на шахте. А потом надо будет еще составить заметку. Но мысли не о ней, а совсем о другом... Это что же? В таких вот заботах и будет заключаться моя работа? Разве дело газетного корреспондента копаться в подобных мелочах в роли инспектора по охране труда или инженера

по технике безопасности? Неужели Савелий Кузьмич всю жизнь только этим и занимался? Ведь так с ума можно сойти или от тоски завывать!

Сегодня вышла в газете моя зарисовка о шофере Буткове. Я его не узнал! Выбрит, выглажен, одет в свежую белую рубашку, видимо, туго накрахмаленную, потому что воротничок у нее как картонный. К тому же и галстук безукоризненно черный у героя появился. Ай да сервис! На самом высшем уровне! Bravo, замредактора Гроздов! Подрисовал, подретушировал – человек получился как новенький! Правда, кольнула досада, что и мой текст тоже выправлен. Абзаца, где я говорю, что шоферу приходится доставать запчасти за свои кровные или за бутылку, вообще нет. Но, надо признать, кое-где правка сделана удачно.

Чем-то недоволен Дойков. Нагоняй, что ли, получил? Сухо сказал, чтобы предварительно я все свои материалы обязательно показывал ему. Тут-то я и подал ему корреспонденцию с шахты «Майская», которую написал вчера вечером.

– Не пойдет! – вынес заключение Дойков после просмотра.

– В чем мои ошибки?

– Вот ты пишешь: автобусы ходят не по графику. А чья в этом вина? Из твоего материала ничего не известно. В чем причина? Ты должен был докопаться и до этого. И так по всем разделам: по утеплению будок на объектах, по скорости вращения лебедки – по всем, по всем!

– Быть частным сыском промышленного отдела?

– А то как же! И такую работу приходится выполнять. Мы же не писатели! – сказал шеф, испытующе глядя на меня. – Это у писателей: поставить проблему, вскрыть пороки общества – а дальше хоть трава не расти. Лечить болезнь – не их дело. Нам, брат, и на недостатки надо указать, и виновника назвать. Да еще докопаться, где именно пробуксовывает транспорт, если вовремя не подходит на остановку. Газетчик кто? Ассенизатор и водовоз!

Что это он взъелся на писателей? Чем они ему помешали? Уж не в мой ли огород этот камешек?

Позже выяснилось, что наши старые газетные разбойники по молодости тоже баловались литературой. Дойков писал стихи и прозу, редактор – басни. Гроздов, продолжая эту славную традицию, пишет мини-басни.

6. ВЫЗЫВАЮТ НА КОВЕР

– Силин, к редактору! – крикнула секретарша, открыв дверь в наш отдел.

Что сие могло значить? Наверняка объявит, что пора пожитки собирать. Как ни стараюсь, по количеству строк никак не могу за другими угнаться. В предчувствии чего-то нехорошего я вошел в кабинет босса.

– Ну как, Силин, дела? – вскинул редактор на меня очки.

Станный вопрос! Именно потому, что дела, можно сказать, ни к черту, он и вызвал меня к себе. Сейчас сам скажет, как обстоят мои дела. Скажет: извини, дорогой, из тебя не то что журналиста, но даже и мало-мальски пригодного газетчика не вышло. А у нас нет времени с тобой нянчиться, воспитывать тебя: сам видишь, работаем с колес, тут нам нужен прожженный газетный волк...

Да нет, в глазах у редактора добрые лучики, смотрит приветливо. Может, он сам решил, что хватит новичку барахтаться в бумажном море, пора и руку помощи протянуть? Потому и спрашивает участливо, как, мол, дела.

– Да честно сказать, Иван Никитич, не получается идти в ногу с остальными. Не даю нужных оборотов.

– А что, Дойков мало помогает?

– Да объясняет он, но я-то представлял все это по-другому.

– Выходит, Дойков все-таки недотягивает.

Стоп! Уж не яму ли я копаю под Дойкова? Ведь у него уже сколько было проколов! Мужик-то Дойков ничего. Да и жалко его. Куда он пойдет такой? Хоть и хорохорится, что в случае чего нырнет в шахту подземный стаж дорабатывать. Но с его ли здоровьем?

– Я бы так не сказал. Объясняет он толково. Видимо, сам я где-то в чем-то недорабатываю.

– Пусть так, – внимательно посмотрел на меня редактор. – А вообще как тебе газета? Нравится работать? Укрепился в своем выборе, не передумаешь?

Так и есть! Редактор желает мне только хорошего. Но что ему ответить? Сознаться, что я и в мыслях не держал стать газетчиком, что это для меня просто практика, что я не собираюсь тут долго торчать, а набью маленько руку – и адыю? Для меня тут главное – понять, что это за ларчики такие: репортажи, статьи, корреспонденции, зарисовки, отчеты, интервью, фельето-

ны, очерки и прочая, и прочая. Если в этом со-
знаться ему, убежденному, что он достиг степе-
ней известных, сознаться, что место его мне и
даром не нужно, что они все тут с важным видом
занимаются никчемным делом, – считай, что уже
уволен. А к чему этот риск на пустом месте?

– Вообще-то коллектив мне нравится, нра-
вится работать в газете. Если, конечно, я редак-
цию устраиваю, хотел бы и дальше работать. Но
у меня такое ощущение, что я все еще прохожу
испытательный срок.

– Работай, работай, – сказал редактор благо-
душно. – Только давай оборотов побольше. Сам
видишь, у нас все с колес. Дойков и Гроздов в
основном с бумаг пишут, а ты молодой, будь по-
чаще в гуще жизни.

– Да я и так стараюсь живые материалы с
мест давать.

– А то я не вижу! Им что? Возьмет Гроздов
протоколы партсобраний – и давай строчить ста-
тью! А за ними и на предприятия не нужно ез-
дить, все в горкоме. А Дойков твой? Все по стар-
ринке, по линии наименьшего сопротивления.
Тоже ко всяким отчетам руки-ноги приделает,
кучу фамилий натолкает – и стряпня готова.
Строка строке рознь. Вот ты идешь к живым лю-
дям, на стройку, в шахту. Последний рейд, что ты
провел, очень даже был неплох, деловой, кон-
кретный. Да оттуда столько строк, сколько они, –
умри, не выдашь.

Толковый все-таки у нас редактор! Вот кто
мог бы быть настоящим наставником! А я думал,
что он всего этого не видит. Еще как видит!

– Понимаешь, Денис, так хочется сколотить
коллектив, где все за одного, а один за всех.

– Как мушкетеры?

– Ну да. Вот потому я и приглядываюсь ко
всем. Хочется собрать коллектив единомышлен-
ников. А для этого нужно знать, как ведет себя
человек, так сказать, в неформальной обстанов-
ке. Скажем, как относится к газете, к редактору,
который лицо газеты. Вот, скажем, что говорят
сотрудники в дружеском кругу. И о редакторе тоже.

Вроде все логично и правильно, но в душе
смутно закопошилось нехорошее чувство.

– Конкретно о вас разговора не было, во вся-
ком случае при мне.

– Ну да! Так я и поверил! Быть того не может.
Давай, Денис, так. Ты уже не маленький. Я тебя
попрошу, если будут что говорить, хорошо бы,
чтобы я был в курсе дела.

Вот куда беседу завернуло! А ведь ловко на
кривой козе подъехал! Не сказал ведь, что мое
дальнейшее пребывание в редакции будет зави-
сеть от того, буду я закладывать ребят или не
буду, а лишь сделал тонкий прозрачный намек.
Если умный – поймешь, если дурак, туда тебе и
дорога – за порог редакции. Сквозь стекла очков
глаза редактора выжидали ответной реакции. Я
молчал.

– Ладно, Денис, иди, поразмысли.

Пришел я в себя только в коридоре. Значит,
мне уж точно не работать в редакции. Ведь он
предлагает мне доносить на ребят. Но раз все
равно не работать, что ж я сразу не отказал ему
категорически? Молчал, квашня! Он наверняка
подумал, что меня можно просто так вот взять и
сломать. Не на того напал! Сейчас увидишь, что
будет.

– Послушайте. Он предложил на вас капать! –
сразу выдал я суть разговора, войдя в кабинет,
где ребята расслаблялись по случаю заверше-
ния трудового дня. – Иди, говорит, подумай.

И посыпались реплики:

– Вот негодяй!

– Вот подлец!

– Подозревал я, что он имел в редакции сво-
его сексота! Кто это мог быть? Видать, из уво-
лившихся, раз ему потребовался новый доноси-
тель.

– Ребята, погодите! Есть гениальный ход! Де-
нис, ты будешь сексотом!

– Да за кого вы меня принимаете?!

– Да погодите вы! Денису надо сделать вид,
что принял его предложение. А мы уж ему рас-
пишем! Каждый – кто о нем что думает!

– Все! Садимся писать письмо турецкому
султану!

– Стоп, ребята! Каждый пишет свое. А вече-
ром у себя в общежитии я составлю единый
текст.

– Правильно! О-о! Что я сейчас напишу! Это
будет лучшее, что я создал здесь, в редакции!
Укажу: редактор-кровопивец установил в кол-
лективе потогонную систему.

Пропадать, так с музыкой! В общем, ребята
набросали, что каждый из них думает о Мыскине
и о порядках в редакции.

Я у себя в общежитии вечером все это пере-
ложил в единый текст, утром размножили, чтобы
все скорее прочитали и внесли поправки. Я за-
ново от руки переписал, убрал повторения и от-
нес редактору.

– Ну что, надумал? – вскинул он голову.

– Сами прочитаете, – сказал я.

Положил писанину ему на стол и вышел.

– Принял? – спросили меня сотрудники, ожидавшие моего возвращения.

Я кивнул. Ребята зарычали и хлопнули в ладоши. Звук был такой, будто взвели на Мыскина капкан. Я вспомнил, с каким звуком захлопнулся редакторский сейф, когда он запрятал туда наш коллективный самодонос.

Все затаились в ожидании дальнейших событий...

Пришел я в газету с чистыми помыслами. Хотелось повариться в творческой среде, набраться опыта, освоить газетные жанры. И конечно, проявить себя миру. Ведь пока ты не совершил поступка, не совершил дела, ты известен лишь себе да Богу, как говаривала моя бабушка. Вот и хотелось, чтобы моим делом стало слово. А такое дело не осилить без чистой и светлой души, без чистых помыслов.

Вечером в общежитии я не находил себе места. Помимо моей воли меня втягивают в какую-то суетную, грязную заваруху, несвойственную моей натуре. Ну зачем, зачем я во все это ввязался? Что может иметь общего с главной сущностью жизни вся эта суетная канитель?

7. ПЛАНЕРКА

Сегодня планерка. Она бывает по вторникам. Но прежде мы, как всегда, названивали, искали информацию, заполняли первую страницу завтрашней газеты. Она выходит по вторникам, четвергам и субботам. Это для читателей. Для нас же она «выходит» на день вперед.

В двенадцать собрались в кабинете редактора.

– Докладывай, Полина Ильинична, – вскинул редактор очки на шароподобном лице.

– Прошлая неделя была до того нервотрепной, до того нервотрепной! – зачистил ответсекретарь. – Информации только в пятницу были сданы вовремя, в остальные дни – поздно и мало. Приходилось тетю Тасю подключать.

– А со статьями как?

– Ой, с материалами и того хуже! Начнешь верстать номер и не знаешь, что ставить как гвоздевой материал. Ну нечего ставить! Все проходное. – При этом она посмотрела на нас с Дойковым.

– Савелий Кузьмич, в чем дело? – обратился к нему редактор.

Во всех газетных грехах, во всех недостатках, конечно, виноват наш промышленный отдел. А замредактора (он же партийный отдел), отдел культуры и быта, отдел писем сидят как ни в чем не бывало.

– Заказанные материалы срываются, а чем располагаю – выдаю, – пожал плечами мой шеф.

– Ну, так же нельзя, слушайте! – повысил голос редактор. – Работаем с колес, хватаем что под руку подвернется, а потом с невинными лицами сидим тут и пытаемся уверить, что всё сделали! Кстати, как, Полина Ильинична, со строкажом?

Ответственный секретарь раскрыл свой блокнот и озвучил, кто сколько выдал строк за неделю. Я удивился, что остальные дали так много строк. А у меня так мало! При этом я не только на работе писал, а еще и вечерами, и нередко допоздна. Неужели я непригоден для этой работы? Если мне столько выдавать, то сколько же для меня должно быть часов в сутках? Про остальных не могу сказать, но Дойков-то, Дойков каков! У него строк больше всех! Когда это он успел? Как сумел? Ведь он несколько дней был под винными парами.

– Савелий Кузьмич, в чем дело? – опять вскинул голову редактор.

15 Действительно, в чем дело? Хвалить надо Дойкова, а не портить ему настроение. Но редактор еще не закончил мысль:

– Нет ни одного проблемного материала. Ни одной серьезной критической статьи. А ведь ты знаешь положение в городе. Добыча угля за квартал сорвана, строители уже не помню когда план выполняли, а ты благодушные отчеты даешь.

– Не отчеты, а анализ деятельности.

– Да, Савелий Кузьмич! – вмешался Гроздов. – Как же это у тебя так получается? Авторские статьи, подготовленные тобой, совершенно не отличишь от твоих собственных. Там и там – сухая отчетность.

– Хорошо, конечно, иметь под боком горком, – парировал Дойков. – Туда стекаются протоколы партсобраний с предприятий. Все расписано как по нотам. Бери и катай статью. Жаль вот, я так не могу. По производственным вопросам приходится все больше самому добывать...

Где я нахожусь, что я вижу и что слышу?! Сидят взрослые дяди и с важным видом ведут разговоры о всяких строчках и прочих пустяках. Неужели в этом они видят смысл жизни? А если

видят смысл в другом, неужели всю эту муру надо делать с важным видом? Интересно, о чем они мечтали, какие благие цели себе ставили в начале жизненного пути? Не верю я, что они мечтали найти жизненное пристанище в этой провинциальной газетке. Но почему они такого высокого мнения о своей редакции, о своей работе и о себе самих? О том, что тут свято место, они дали понять, как только я переступил порог редакции. Но что значит для них работа в газете? Какая-то переходная ступень на пути к чему-то важному, к какой-то избранной цели? Может быть. Нельзя судить огульно. Но если твой путь остановился на этой газете и ты больше ничего не желаешь, ни к чему не стремишься, дальше не видишь других высот, то можно ли, положив руку на сердце, сказать себе, что ты вполне доволен, что жизнь твоя удалась? Не могу этого представить! И если такое возможно, значит, я чего-то не понимаю... Я вот вижу взрослых мужиков, которые играют в чернильные игры и ведут чернильные войны. Ведь все это – пустое, семечки, даже не семечки, а шелуха от семечек! Неужели они всерьез полагают, что их статьи что-то изменят в этом мире? Неужели они ничего не понимают? Или понимают, но играют в придуманную не ими игру? Потому что жить надо, зарплату получать надо, утвердиться где-то надо... Пстой-пстой! А может, то же самое и с литературой на производственную тему – потому что жить надо, заявить о себе надо, утвердиться надо?.. Все равно, не будь прямым, как оглобля, не суди прямолинейно и примитивно. Но и не расслабляйся...

– Наш новый сотрудник что-то мало отдачи дает, – перебил мои мысли редактор.

Но при этом он смотрел на зава нашим отделом, и получалось, что в моей низкой отдаче опять виноват Дойков.

– В чем дело, Савелий Кузьмич? Я, конечно, понимаю: Силин только осваивается, но газету-то делать надо! А где материалы?

– Он здесь ни при чем, – перебил я. – Просто я еще вхожу в курс дела и, кажется, немного затянул раскачку... – Тут я вспомнил про злополучную лебедку, которая тоже никак не хотела ускорять обороты, и добавил: – Обещаю давать больше оборотов.

– Ценю самокритичность. Но, Савелий Кузьмич, надо активнее помогать новичку. Больше помогать и больше спрашивать.

Я думал, теперь с количества съедут на качество и будут придирааться к моим материалам, но никто об этом и не заговорил. Вывод: не лезь в философские дебри, умри, но сдай нужное количество строк! Поехал за статьей, не получилось собрать хороший материал, но кровь из носу – хоть черта в ступе привези!

– Другой вопрос. Очень мало материалов от инженерно-технических работников, от специалистов производства, – продолжил редактор. – Вот и снова в горкоме партии указали на этот наш пробел. Савелий Кузьмич, в отделе вас теперь двое. Неужели так и будет продолжаться?

– Раз уж промышленный отдел не справляется с этим вопросом, я предлагаю включить в перспективный план нашей работы публикации статей ведущих специалистов предприятий города и представить на утверждение в горкоме партии, – сказал Гроздов, глядя на Дойкова. – Тогда уж точно материалы появятся. Посодействуют парткомы предприятий. Как отдел партийной жизни редакции, могу взять контроль на себя.

Что за дела! После того как в прошлый раз редактор на планерке говорил о том же, эта тема не выходила у меня из головы. Попросил Дойкова просветить меня.

– Ты думаешь, я не предлагал инженерам написать? – сказал он тогда. – Да только им все некогда. Но их тоже понять можно. Дела. Наши просьбы только лишняя обуза. К тому же, учти, не все ведь владеют словом. Из-за этого тоже могут уклоняться.

– Это понятно. Но главное, чтобы каждый из них сам сначала поработал, свои мысли набросал. А когда есть фактура, мы обработаем и потом статью согласуем с автором.

Но фактуры кот наплакал. В основном Дойков пишет сам, а потом ставит подписи специалистов предприятий. Хотя, если подумать, почему газетчики должны писать за умных, грамотных специалистов своего дела? Они же лучше нас знают тему и проблемы. Но, как я понимаю, такие статьи особо-то не нужны ни газетчикам, ни самим инженерно-техническим работникам. А кому нужны? Горкому партии? Так пусть горком своей властью и рождает эти статьи!

Хотел поделиться этой мыслью со своим шефом Дойковым. Но он, как обычно, в отлучке в неизвестном направлении.

Зашел в партийный отдел к заму редактора Гроздову:

– Петр Михайлович, перспективный план работы редакции утверждают на бюро горкома партии. Так?

– Та-ак. Ты к чему это клонишь?

– Давайте впишем в план публикации статей ведущих специалистов предприятий города. План утвердят. Мы поднимем трубку – и звонок в партком предприятия: согласно утвержденному в горкоме партии плану специалист вашей шахты должен представить в редакцию городской газеты статью. Обозначаем тему и срок представления статьи.

– Ты лучше побольше снимков для газеты добывай, когда бываешь на местах, – перебил он меня. – А то, видишь, фотографа подходящего до сих пор не можем найти.

И перевел разговор на другие темы.

Тогда Гроздов вроде бы вообще не обратил внимания на мое предложение, а сейчас с важным видом выдает за свое! Ай да молодец! Как все вывернул! Получилось, что он не только утер нос промышленному отделу, но и, как куратор вопроса, припишет заслуги себе...

– Ты все-таки давай побольше оборотов, а то что-то у тебя каждый раз маловато строк выходит, – говорит мне почти после каждой планерки Дойков.

Он прав. Но неужели судьба определила мне так и заниматься лебедками, графиками, тонно-километрами? Неужели всю жизнь мне так вот и трепать нервы в поисках информации в номер и на каждой планерке получать взбучку, что не сдал положенные строки за неделю? Неужели это строчкогонство и будет главной моей житейской головной болью? Нет, нет и нет! Я сумею вырваться из этого круговорота! Я вырвусь и докажу, что стою большего!.. В душе так гадко, будто сто медведей нагадили...

Когда бывают свободные от писанины в газету вечера, принимаюсь, как сейчас вот, за личное... Пишу в свой творческий блокнот до позднего вечера, а то и ночку прихвачу. Иногда засиживаюсь над контрольными и курсовыми. И не замечаю, как смолю сигарету за сигаретой. Кончается пачка – открываю другую. Нет, так дело не пойдет! И голова потом не соображает, и сам порядком устал. А ляжешь – голова как жернов на холостом ходу. Все крутятся и крутятся мысли ни о чем, несутся будто неуправляемая машина без тормозов...

Пишу для себя совсем мало. Приходится свои стихи и контрольные перепечатывать на машинке в выходные дни, когда не уезжаю к родителям в деревню. Голь на выдумки хитра! У меня пишущей машинки нет. Да и печатаю пока медленно. Додумался пользоваться редакционной машинкой. Уборщица тетя Нюра оставляет мне редакционный ключ в нише электрощитка на лестничной площадке. После ужина в столовой я поднимаюсь в редакцию и потихонечку печатаю свое. Но вот в субботу, в выходной, в редакцию неожиданно пришел босс Мыскин. Я сидел и печатал в его приемной, за столом секретаря-машинистки. На мое счастье, когда он вставлял ключ в дверь, я как раз не печатал, а обдумывал фразу. Успел моментально забрать свои бумаги и скрыться в промышленном отделе. Редактор побыл в своем кабинете, вышел и... закрыл меня. Я оказался в западне! Дело в том, что второй замок открывает и закрывает дверь только снаружи. Редактор его и закрыл. И я никак не мог выйти из редакции. А она на третьем этаже, балконов нет, и не спрыгнешь. Пришлось названивать ребятам, причем многих дома по случаю выходного не оказалось. Кое-как отыскал Виктора Уткина. Он пришел, я сбросил ему ключ и только так вышел на свободу...

17

Недавно на занятии литгруппы обсуждали и мое творчество. Указали на недостатки. В общем-то, справедливо. Пришли к выводу, что не надо ограничиваться одной темой. Уткин, скажем, пишет про шахту. А я в основном про деревню. Но надо стараться писать обо всем, что задело за живое. Решили: к следующему занятию каждому подготовить что-то новое «не по любимой теме».

Так-то оно так, но стихи имеют такое свойство, что по специальному заказу что-то стоящее написать просто невозможно. Нельзя создать поэтический образ на заданную тему. Нельзя взять отпуск и повелеть себе: теперь весь месяц буду писать стихи, и только стихи. Можно весь месяц сиднем просидеть за столом и не создать ни одного удачного стихотворения. Стихи приходят внезапно и так же внезапно уходят. Едешь ли в автобусе, пошел ли в кино – раз, строчкой осенило! Думаешь, запишу дома. Но порой и не припомнишь. Как взбредет в голову, так и убредет. И что интересно, со временем лишь изредка придет в голову нечто похожее. Так что я теперь на ночь стал класть на стул ря-

дом с кроватью карандаш и бумагу. Но, с другой стороны, если голова постоянно забита далекими от творчества заботами, то и в этом случае ничего хорошего на ум не придет. Или крайне редко.

У художника должно быть свободное время. И желательно в неограниченном количестве. Но «где отыскать тебя, свобода, между работой и женой?» Впрочем, жены еще нет. Но и свободы тоже...

8. ЧУТЬ БЫК НЕ ПОДВЕЛ

От дальнейших редакционных хлопот меня на время избавила зимняя студенческая сессия. Но на сессию в институт я не поехал. Хотя вызов мне, как успешно обучающемуся, действительно пришел. Я оформил в редакции все документы, а сам не в Москву на сессию, а к родителям в деревню подался. Из разговоров в институте со студентами-заочниками я знал, что иногда такое практикуется. Мало ли какие жизненные ситуации не позволяют студенту выехать. К этому в институте относятся терпимо, с пониманием. А у меня ситуация уважительная. Стареющим родителям надо помогать. Уголь купить, стаскать, дров напилить-наколоть. Да и мне самому, честно признаться, после редакционной суматохи никакая учеба в голову не лезет.

Отец с матерью сетовали, что я не остался в деревне, ведь как-никак имел корочки механизатора (их нам выдали еще в школе после производственного обучения). Так что запросто мог работать в деревне и учиться заочно. Хотя бы в Новосибирском сельхозинституте. Так нет же! Выбрал столичный институт, да еще и литературный... Родители поинтересовались, сколько я сейчас зарабатываю. По лицам заметно, что зарплата их не обрадовала. Хотя сам факт, что я выбился в люди, для них много значил.

Все же мать не удержалась:

– Сынок, может, передумаешь? Уж больно непривычное это дело. Как семью думаешь кормить, когда женишься?

Но отец неожиданно поддержал мой выбор:

– Пускай попробует, на землю всегда успеет вернуться. А помнишь, брат твой Николай тоже баловался стихами? Может, у Дениса что и получится.

Бродит, бродит в родове этот странный и беспокойный ген. Значит, не случайно пошел я по этой стезе, есть в этом какой-то неведомый промысел...

От витания в высоких сферах вернул меня на грешную землю отец:

– Раз ты дома, давай-ка напилем дров. Заготовленного с осени с гулькин нос осталось.

Во двор я вышел раньше отца. Осмотрел пилу, заметил неровности зубьев и узковатость развода. Легкими постукиваниями молотком расширил и выровнял развод.

Потом мы пилили хлысты березы, которые подбросили родителям деревенские трактористы. После постоянного строчкогонства в редакции как все-таки хорошо на родине! Можно расслабиться, понежиться, почувствовать себя снова в надежных теплых стенах родного дома.

Я соскучился по давней привычной работе и с удовольствием раскалывал березовые чурки. Этим был занят почти всю вторую половину дня. А вечером пошел в клуб, заглянув по дороге в школу. Узнав, что я учусь в столичном вузе, учителя погордились и пожелали мне успехов.

Ближе к концу недели отец сказал:

– Пока ты здесь, сынок, давай-ка заколем быка и отвезем на базар.

Закололи, наняли грузовик и в воскресенье повезли. Приехали в город. Отец направился к ветеринару рынка, а я заскочил в забегаловку напротив, чтобы малость отогреться, чайку горячего попить. Вышел из забегаловки, иду к нашему грузовику, случайно бросил взгляд на центральный вход рынка – и обомлел! Подъехала наша редакционная машина, из нее выходят редактор, его жена, шофер, бухгалтер. Надо же такому случиться! Коллеги приехали из нашего городка в областной центр через неделю после моего мнимого отбытия на сессию и почти одновременно со мной оказались на рынке. Скажешь кому о таком совпадении – не поверят. Я нырнул назад в забегаловку и стал наблюдать за улицей из окна. Отец стоит в кузове и озирается по сторонам, меня глазами ищет. Куда же это я делся в самый ответственный момент? Ведь надо тушу быка затаскивать внутрь рынка в ветеринарный пункт, чтобы там проверили мясо, посмотрели справку от нашего ветеринара и выдали разрешение на торговлю. Вот так помощничек! Мне неловко, что подвел отца. Но выбраться из укрытия сейчас никак нельзя. Редактор отпускал меня на сессию с явным неудовольствием. Кому охота терять, пусть даже на время, работника, когда постоянная запарка в коллективе и вечно не хватает материалов в газету? Если сейчас увидимся, редактор скажет: а кому это я неделю

назад на сессионном бланке печать свою ставил? Да еще, не дай бог, потребует, чтобы я вернулся на работу. Не могу же я это все объяснить отцу! В общем, только после того, как редакционники покинули рынок, я вышел наружу и подключился к торговле.

Продажа пошла бойко. Своим бывшим односельчанам, которые нет-нет да попадались среди покупателей, я отвешивал самые малокостные куски, да еще и с перевесом. Как говорится, хорошим клиентам – хороший товар, а очень хорошим клиентам, то есть односельчанам, – очень хороший товар.

Успешно продав быка, мы с отцом, довольные, вернулись в деревню.

9. К РЕДАКТОРУ

– Силин, тебя к редактору!

Лишь на днях я появился в редакции после мнимого пребывания на зимней экзаменационной сессии. Вызов к боссу встревожил. Неужели разоблачен? Или какая другая причина? Захожу в кабинет.

– Денис, тут к тебе товарищ. Побеседовать, – говорит редактор и выходит из своего кабинета.

Передо мной подстриженный под бокс, спортивного облика, темноволосый мужчина.

– Садитесь. Член бюро горкома Анкудинов, – представился он. – Мой участок работы – работа с молодежью. Вот зашел, так сказать, узнать, чем дышит молодежь в творческой среде. Да ты садись, садись. Редактор сказал, что ты только из столицы, был на сессии.

Вот те на! Значит, речь пойдет о столичных встречах и творческих веяниях. Но ничего крамольного в тамошних кругах я и раньше не слышал. Так зачем я сотруднику КГБ? А то, что он именно оттуда, я не сомневался.

Член бюро горкома стал засыпать вопросами:

– Как у вас проходят заседания литературной группы?

– Раз в две недели.

– Много народу бывает?

– Когда как. Когда пятнадцать – двадцать, когда и менее десятка, а то и меньше. Дело ведь добровольное.

– Да, добровольное. Тут уж по позыву души. И кто же посещает литгруппу?

– Шахтеры, строители, школьники посещают. Да и пенсионеры тоже.

– Школьников можно отбросить. А остальные – о чем пишут?

– Вы бы сами пришли послушать ребят. Тут ведь никаких секретов нет.

– А разговоры? Неужели не бывает никаких споров, так сказать, на злобу дня? Не говоря уже о политике.

Выходит, столица ни при чем. Собеседника интересует именно литгруппа при редакции.

– Группа-то литературная. Нас на занятиях больше интересует, что нового напечатано в «Литературной газете» и в литературных журналах. Ну, и свое читаем, обсуждаем.

– Хорошо. Будем откровенны. Вот ты лично едешь в областной центр, посещаешь там литературное объединение. А о таком альманахе там не слышал – «Фейерверк»?

– Нет...

Я был поражен. Именно про этот альманах я как раз слышал, когда ездил на занятие литературной группы в областной центр. Ребята о нем говорили. Слышал, что этот альманах дошел аж до Магадана.

– Но это же чисто литературный альманах! Какая там может быть антисоветчина? – вырвалось у меня.

Зря я сказал последние слова! Выдал Анкудинову, что знаком с альманахом «Фейерверк», что знаю, кто он и с какой целью меня спрашивает.

– Денис, в бюро горкома я курирую молодежь, – повторяет мой собеседник. – И мне хотелось бы знать, чем дышат творческие люди. Давай договоримся. Периодически будем встречаться с тобой на собеседовании, чтобы быть в курсе жизни творческой молодежи. Может, кто неправильное мнение будет высказывать. Хорошо?

И этот туда же! Еще не хватало доносить на кого-то!

– Это что – предавать кого-то? – прикинулся я наивной овечкой.

– Нет-нет, что ты! – быстро перебил член бюро горкома и тут же свернул разговор.

Опекуны вы наши, спасибо за заботу, спасибо, что о нас печетесь! Мы, любители литературы и начинающие литераторы, собираемся на заседания литературного объединения. Это отдушина в серых буднях. Читаем стихи по кругу, обсуждаем творчество наших местных поэтов и прозаиков, делимся впечатлениями о прочитанных литературных новинках. Среди шахтеров,

строителей и другого рабочего люда немало любителей поэзии и пишущих стихи. Это, кстати, меня приятно поразило.

Иногда разнообразят наши собрания люди с чудинкой. На последнем заседании вошел к нам человек лет тридцати, с окладистой бородой, в одеянии вроде зипуна, в широкополой шляпе, с посохом и холщовой сумкой через плечо. Попросил разрешения почитать стихи. Только, говорит, стихи мои наполнены положительной биоэнергетикой и могут показаться непонятными. Начал читать – полнейшая абракадабра! Но было в нем нечто от юродивого, блаженного. Казалось, вот-вот изречет слово возвышенно-пророческое, изречет неизреченное, скажет несказанное. Но не дождалось. А так хочется новизны!

Или вот отмечали юбилей давнего участника литературной группы. Дошел черед сказать тост одному нашему завсегдаю, оригинальному краснобаю.

– Сегодня замечательный юбилей нашего друга – поэта и медика! – начал он. – В сравнении с девятнадцатым веком наш период не ознаменовался заметными шедеврами в литературе. В девятнадцатом творили Толстой, Достоевский, а также другие замечательные писатели. В наше время сошли бы за звезд первой величины Тургенев, Гончаров, Лесков, Чехов, например. Но они в тени этих гигантов оказались во втором ряду. Разве что Шолохов один вошел бы в эту плеяду. Все прописаны в столице, один Шолохов в станице. Но сколько времени витает тень сомнения в авторстве «Тихого Дона»! Шолохову сочувствую: невольно закручинишься и пуще перепьешь. В последнее время доказано, что истинный автор – сам Шолохов. Стоит задуматься: почему двадцатый век не дал великих писателей? Нет ли тут взаимосвязи с уровнем медицины? Известно, что биографию великих в существенной мере должны бы написать их врачи. Не логично ли предположить, что при высоком уровне медицины – а советская медицина и есть таковая – так вот, при высоком уровне медицины совместно с устранением болезней в корне подрубается и зародыш гениальности? Как говорится, с водой выплескивается и младенец. Потому мы и имеем что имеем. Вернемся к нашему юбиляру. Он держит в одной руке поэтическое стило, в другой, так сказать, инструмент от Эскулапа. Поэтому в смысле творчества будем к нему снисходительны. Да он и сам осознает свое

скромное место в литературе. (Юбиляр оторопело: «Не осознаю!») И правильно не осознает! Иначе в силу неразрешимости конфликта между медициной и творчеством выпадает дорога в желтый дом. С одной стороны, он врач, он должен лечить. Но именно в процессе лечения с давлением болезни угнетаются зачатки гениальности. С другой стороны, юбиляр, как творческий человек, как поэт, думаю, не сторонник стерилизации той почвы, той основы, на которой совокупно с отклонениями замешана гениальность. Убирая одно, лишаемся другого. Лишаемся гениальности – идеала, вершины творчества. Я поднимаю бокал за то, чтобы эти противоречия, эти подводные камни в житейском море не пробили днище, не посадили на мель корабль нашего юбиляра. Большого ему плавания и семь футов под килем! За тебя, дорогой наш юбиляр!

Все слушали оратора с нескрываемым интересом. Вот если бы он так же увлекательно писал! А то ведь в его стихах почти ни одной поэтической находки. Можно с ним не соглашаться, но ума и оригинальности ему не занимать.

Или взять другого персонажа. Этот возник тихо, посещал наши занятия аккуратно и регулярно, обычно скромно сидел в дальнем углу. На вопрос, пишет ли он сам, лишь кивнул. Почитать что-то свое не стремился, как другие. Когда просили его высказать мнение об услышанном, отвечал односложно и как-то невыразительно. Я счел его за обычного поклонника и любителя литературы, книголюба. Ну, ходит человек на наши занятия и ходит. Пусть ходит. Себе я взял за правило таких в жизни привечать, не записывать с ходу в графоманы, всегда стремился найти в их рассказах и стихах что-то хорошее, а на слабости творений указывать как можно корректнее. Он же не с бандитским ножом на большую дорогу выходит, чтобы грабить, а тянется к искусству, к прекрасному. Стало быть, воспитывает и укрепляет в себе прекрасные помыслы и поступки.

Поскольку я учился в Литинституте и работал в редакции, как-то естественно выдвинулся в негласные лидеры и стал неформальным руководителем литгруппы. А тут как-то наш молчун напросился почитать свою пьесу. Я удивился. Быть драматургом – значит обладать редким талантом, это штучный дар. Поинтересовались, о чем пьеса. Говорит, пьеса идейная. В надежде, что вещь скорее на отвлеченную тему и разби-

рать ее не придется, говорю автору: будем обсуждать при условии, что пьеса на местном материале. Он заверяет: на местном, на местном!

И вот на следующем занятии литературной группы автор начинает читать свою пьесу на местную тему. В его частном доме, в закутке за русской печью, Сталин, Ворошилов и Буденный обсуждают военное положение на Мариинском тракте. Красная армия наступает, а колчаковцы отступают в сторону Иркутска. Приехали! Вот и вся местная тема! И к слову, вот и вся политика, если моего собеседника в кабинете редактора интересовала наша литературная группа на предмет политической крамолы.

10. НОВОСТЬ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Как ни накручиваю обороты, но в сравнении с другими у меня по-прежнему маловато строк. С трудом укладываюсь в недельную норму. Много времени пожирает добывание информации. Да и отвлекающих моментов слишком много. Такое ощущение, что каждый в редакции сделает свое дело – и прется в наш отдел. Кто в шахматы квадратно-клеточную мысль изощряет, кто байки травит. Ну и само собой – дым коромыслом. А когда, изо всех сил помешав тебе сосредоточиться, с чувством исполненного долга разойдутся, уж и вечер накатил. Дорабатываешь статьи, корреспонденции в общежитии, в своей комнате...

Поручили поехать на шахту «Таежная» и подготовить материал от имени бригадира передовой проходческой бригады Тонковида. Сколько пришлось помаяться, прежде чем с ним встретился! В диспетчерской сказали, что сегодня он выйдет во вторую смену. В обед перед второй сменой я приехал на шахту. Только начал расспрашивать его, как пора уже было спускаться в шахту. Я остался ни с чем.

Второй раз моего героя я попытался разговаривать на шахте ранним утром, когда он работал в первую смену. Для этого проснулся в шестом часу утра. А у шахтеров перед спуском в забой наряд-задание надо получить, узнать на планерке ситуацию в горной выработке, успеть переодеться в робу, получить самоспасатель, отметить себя в нарядной – не до корреспондента. Шахтная клеть, спускающая вниз всю смену, ждать не будет. А за считанные минуты беседы много не узнаешь.

В третью же мою поездку на шахту перед первой сменой Тонковид просто не зашел в кабинет участка и мы разминулись.

А пойду-ка я к нему домой! Выцелю, когда он придет с первой смены, после этого у него выходной – вот прямо дома и побеседуем. В отделе кадров узнал адрес, у начальника участка уточнил график работы и в половине пятого уже был в его частном доме. Пристройки, куры, поросенок, приусадебный участок. Хозяин сразу угостил на стол.

– Пока не уважишь, – говорит, – и беседовать не буду!

Уважил – и пошла беседа. Долгая, обстоятельная. В другой обстановке таких подробностей не услышишь. Подобные разговоры о работе и о жизни полезны и для будущих материалов. Правда, утром трещит голова, как лед на реке, а хоть что-нибудь в газету – умри, но выдай. Пишешь превозмогая себя. Но это – издержки производства. Да поможет мне мой здоровый организм в неравной борьбе со Змием Горынычем!

Иногда скрашивали газетные будни и забавные случаи.

Фанаты своего дела на любые явления и предметы смотрят сквозь призму собственной профессии. Взять медика. Спросите его: в чем смысл жизни? Истинный доктор вам ответит: смысл жизни в том, чтобы лечиться. И будет прав! Это его правда жизни. Совокупно и смысл жизни. Одному моему приятелю доводилось выступать перед аудиторией медицинских работников. В зале сидели врачи разных специальностей. «И я, – вспоминал приятель, – всеми фибрами души чувствовал: они меня просвечивают как рентгеном. Каждый по своему профилю. Стою перед ними будто обнаженный, в чем мать родила. И от этого чувствую себя неуверенным, беспомощным, виноватым, будто студент, не выучивший предмет». Про медиков это я к примеру. Такие же истинные приверженцы своего дела есть и в других сферах жизни, на них и держится мир.

Именно к этой когорте я бы отнес инженера по технике безопасности и охране труда из горкома профсоюза угольщиков Ивана Алексеевича Мефодина. По стройкам и шахтам мы с ним провели не один рейд, выявляя недостатки. И всегда он мне, начинающему газетчику, объяснял положение вещей конкретно и доходчиво. При подготовке материалов я мог в любое время обратиться к нему за консультацией. И разве мог я отказать, когда уже ему самому понадобилась моя помощь?

Как-то заходит ко мне Иван Алексеевич и говорит:

– Денис, помоги составить опровержение.

Это что-то новое! В газету, конечно, пишут опровержения, когда усмотрят неточности в публикации. Особенно когда материал критический. Тут уж будь начеку, повода критикуемому не давай! А то в опровержении от сути критики уведут разговор в сторону, заболтают предмет публикации.

Не ошибается тот, кто ничего не делает. Я тоже получал опровержения на свои критические материалы. Был, например, такой досадный случай. Я вызвался вместе с председателем народного контроля поучаствовать в рейде по магазинам отдела рабочего снабжения. Практически ОРС – это все магазины и товарные склады города. И там мы выявили немало недостатков. А председатель народного контроля сказал мне тогда, что руководитель ОРСа плевать хотел на критику, ведет себя как хочет. Вот я возьми да и напиши, что этот начальник ведет себя так, как захочет его левая нога. Откуда мне было знать, что человек потерял левую ногу, у него протез? В газетном материале все было правдой, кроме данной расхожей фразы. Опираясь на это, начальник ОРСа написал опровержение. Пришлось редакции перед ним извиняться официально через газету, да еще и с указанием, что корреспондент, допустивший ошибку, то есть я, получил взыскание.

Или другой случай. Редакция поручила мне подготовить материал, почему строительство жилья ведется с сильным отставанием от графика. Совместно с Иваном Алексеевичем вникаем в тему. Выдаем идею, что самый эффективный путь поправить положение – работа в две смены. Но прежде надо учесть все проблемы, которые в связи с этим возникнут. Скажем, на стройке трудится много женщин, в том числе и крановщицами. Так что надо продумать все удобства для женщин. Например, решить вопрос с длительностью работы детсадов. И вот после публикации в газете редакция получает опровержение от главного инженера строительного треста: марку башенного крана корреспондент указал неверно. Так оно и было. К сожалению, окончательный вариант корреспонденции я не показал Ивану Алексеевичу. Уж он-то заметил бы мой промах. Но главное, что по существу опубликованного материала от треста ни слова!

Вот такие отписки-опровержения нет-нет да и мелькали в редакционной почте. Но чтобы из редакции писали опровержение – это что-то новое!

– Помоги, – говорит Иван Алексеевич, – составить опровержение. Вчера по телевизору показывали фильм про Дина Рида...

Да, я тоже его посмотрел, все еще свежо в памяти. Известный американский певец, режиссер, общественный деятель и просто красавец Дин Рид гостил у нас в стране по приглашению Советского комитета защиты мира и Центрального комитета комсомола. В связи с этим и был показан фильм по телевизору. Певец делился планами, сказал, что намеревается поехать на строящуюся Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль. Потому в фильме лейтмотивом звучала песня про поезд, мол, в этом поезде мы стремимся к счастью. Дин Рид пел песни, играя на гитаре, и, разумеется, сопутствующие кадры были в основном на железнодорожную тематику. Хотя не был обойден вниманием и воздушный, и наземный, и водный транспорт.

Вначале я подумал, что Иван Алексеевич шутит, затеял розыгрыш какой.

– А чем это вам Дин Рид не глянулся? – спрашиваю. – Тем, что американец?

– Да нет! – говорит. – Пока он пел, я тридцать два нарушения правил техники безопасности насчитал! Вот Дин Рид поет на крыше вагона движущегося поезда. Наигрывая на гитаре, расхаживает безо всякой страховки. По его стопам любой пацан ведь полезет на крышу, рискуя жизнью. Но пацан опасности не понимает. У таких безбашенных чувство самосохранения на нуле. И какой американец пример показывает! А что? Певцу можно, а пацану нельзя? И будет потом горе и слезы!

– Я помню. Вы мне говорили: правила техники безопасности написаны кровью. Кровью погибших из-за нарушений правил.

– Вот именно! Неужели там у киношников инженера по технике безопасности нет? Он обязательно должен быть! Пойдем дальше... – Иван Алексеевич достал блокнот и, заглядывая в него, продолжил: – Вот певец залез со своей гитарой на крышу кабины движущегося камаза и опять поет...

– Так вроде там самосвал стоит неподвижно.

– Нет, эта здоровенная махина проезжает по мосту, а он, видите ли, поет как беспечный птах. То он в вертолете, то на катере свесился за борт,

то за перила тепловоза. И везде без страховки. Ну как так можно?!

Развеселил меня Иван Алексеевич, развеселил! Через призму своей профессии он увидел то, чего другие люди не заметили.

Конечно, я помог ему составить развернутое опровержение. Причем делал это не без удовольствия. Потом в круговороте редакционных будней этот случай забылся. Напомнил сам Иван Алексеевич. Пришел-таки ответ на его опровержение. В телевизионной редакции тоже сидели люди не без юмора. В ответе выразили признательность автору письма за активную жизненную позицию и проявленную бдительность. Его замечания непременно учтут в дальнейшей работе и включат в штат инженера по технике безопасности и охране труда. Полученное письмо также доведено до сведения большого друга нашей страны товарища Дина Рида. И он, конечно, будет руководствоваться сделанными замечаниями, предложениями, советами и пожеланиями в дальнейшей своей многогранной творческой работе.

Мне было бы достаточно освещения деятельности тех предприятий, по которым я и так мотался в поисках материалов для газеты. Но редактор твердил на планерках: проявляйте инициативу, давайте свои предложения по улучшению газеты! Вот я и раскинул мозгами. Городок у нас небольшой. Предприятий не так уж много. И редакции вполне по силам освещать жизнь каждого. А то об одних пишем и пишем, а о других нет и упоминания. Я взял подшивку газеты и сделал подсчет материалов за полгода адресно по предприятиям. В итоге получилось, что ни разу мы не писали про щебеночный завод, железнодорожную станцию, про стекольный завод. Предложил завести график освещения деятельности предприятий и повесить в кабинете. На нем наглядно все будет видно. Такие же графики по темам, по географии можно завести и в других редакционных отделах. На планерке предложение поддержали.

Но инициатива наказуема.

– Денис, по тем предприятиям, которых ни разу не касалось наше перо, срочно организуй публикации, – сказал мой шеф Дойков, когда мы вернулись в свой кабинет. – Начни со стекольного завода. А то ведь и в самом деле – будто и нет у нас такого предприятия. Я слышал, там вроде запустили новую линию.

Я охотно согласился. Приезжаю на завод. Да, говорят, недавно запустили новую линию, сейчас выпускаем стеклоблоки для автобусных остановок и перегородок в медицинских кабинетах.

Это что-то новое, интересное. Мастеру цеха, моему сопровождающему, объясняю: я ни разу не был на подобном производстве. Прошу, если можно, показать весь технологический процесс от начала до конца. И меня повели по всей технологической цепочке. Если кратко, вначале готовится шихта: смешиваются очищенный песок, вода, сода и прочие компоненты. Все это по транспортеру поступает в печь. Там готовится стекломасса. Потом идет формирование и отжиг изделия.

– А вот и конечный пункт нашего краткого путешествия, – с гордостью говорит мой гид, когда мы завернули за угол. – Цех готовой продукции.

И что мы видим? В конце всей этой современной автоматизированной линии здоровенный мужик кувалдой бьет по готовой продукции – от стеклянных блоков только брызги летят! Оказалось, контролеры выявили в составе стекла отклонения от заданных параметров: стекло может взрываться, не выдержав внешнего напора. Поэтому стеклобой, полученный посредством кувалды, вместе с шихтой повторно отправится в стеклоплавильную печь.

Как жалко! Я в мечтах уже составил живописный репортаж о новом производстве. И все теперь псу под хвост! Не в моих правилах привирать. Вот когда новую линию отладят до кондиции, приеду и обязательно напишу репортаж. Жалко, что время затрачено, а материала в газету нет. Опять ограничусь зарисовкой о хорошем человеке да мелкими информациями. Но все-таки интересную увидел картину. Производство развивается, на смену старому приходит новое. Прогресс неостановим. А что в итоге? Осколки продукции. Если что-то пошло не так, где-то кособочина – так ведь и от жизни человека могут остаться не славные дела, а лишь одни осколки...

А если взять все человечество? Допустим, кто-то запустил линию нашего развития, но затем обнаружил: цивилизация движется не по задуманному замыслу, человечество – не оправдавшая себя форма развития, и в какой-то момент – бац нас вдребезги! Может, даже нашими же руками...

Что-то меня понесло не туда. А может, как раз туда и это я сам занимаюсь не тем? А чем

надо? Поди разберись. Но хватит витать в облаках. Лучше думать, как выдать нужные строки из того, что накидал в блокнот на стеклозаводе. Помимо новой поточной линии, конечно. Эта тема на потом.

На шахте «Южная» провел рейд по использованию и хранению горношахтного оборудования. Хотел привлечь Ивана Алексеевича, но тот не смог из-за занятости. Зато заверил, что поможет при написании материала.

Под землю я спускался с инженером по технике безопасности этой шахты. Когда на огромной глубине переходили из одной горной выработки в другую, было не по себе: стойки, держащие кровлю, посогнулись, дерево даже кое-где расщепилось.

– Полезем? – обернулся ко мне инженер.

Мой пастырь, мой бесстрашный Вергилий! Знал бы ты, как у меня захолонуло в груди! Я думал, он шутит. Не дождавшись ответа, инженер стал спускаться. Ничего другого не оставалось, как последовать за ним.

По горным выработкам под землей мы прошагали не один километр. Сколько горного оборудования и механизмов валяется бесхозно в шахте! Горняки-проходчики пройдут выработку, горнорабочие очистного забоя отработают угольный пласт – ненужное надо поднимать на поверхность. Но часть оборудования так и остается в шахте, ржавеет.

Фактов много, материал в газету получится. Спустился в шахту не зря.

В одной из выработок меня потихонечку отозвал в закуток какой-то горняк. Лицо черное от угольной пыли, только глаза видны да зубы белеют в темноте.

– Поменяемся сапогами? – предложил он. – Свои, вишь, порвал. Когда еще выдадут? А тебе – поднялся на-гора, и больше не нужны.

Поблизости Вергилия не было, и я быстренько поменялся сапогами.

Когда возвращались к шахтному стволу на подъем, к нам присоединился начальник четвертого участка, где мы завершили свой рейд.

– Вы там, ребята, своего Гроздова приструните, – обратился он ко мне. – Мой шахтер, фамилию говорить не буду, в шахту, а Гроздов ваш – шасть к его жене! Жена-то рядом с вашей редакцией работает, в горкоме комсомола. Вы там вольные казаки, а горняк мой по графику вкалы-

вает, да еще в три смены – не уследишь же! Рисковый у вас парень Гроздов. Ведь до горкома партии может дойти!

Никогда бы не подумал, что глубоко под землей я узнаю такую новость, о которой на поверхности, возможно, мало кто слышал. Тесен мир не только на земле, но и под ней. Интересно, знают ли об этом в редакции? А зачем мне это? Ну Гроздов! Если на том свете суждено ему спускаться в ад Дантовыми кругами, не ведает он, что о нем там уже осведомлены...

11. ВНЕОЧЕРЕДНАЯ ПЛАНЕРКА

Серые будни текли своим чередом, пока по отделах не объявили о внеочередной планерке в пятницу. К чему бы это? Ведь обычно у нас планерки по вторникам, прошлая состоялась три дня назад. Заходим в кабинет редактора. А там секретарь горкома партии по идеологии. И наш редактор весь взвинченный какой-то.

Беседу повел не редактор, а сам секретарь:

– Газета недостаточно освещает жизнь города. Однобоко. То у вас на страницах одни шахтеры, то одни строители. Не говоря о том, что о транспортниках, железнодорожниках, культуре и других сферах жизнедеятельности города – материалы от случая к случаю. Мало пишете о передовиках производства, мало критических материалов о недостатках. Если критикуете, допускаете ошибки...

Значит, со стороны горкома это дежурный визит. Очередные центральные указания согласно их внутреннему плану. Понятно, почему редактор не в себе.

– До горкома дошло, что в вашем коллективе нездоровая обстановка. Вы же понимаете: это ни нам не нужно, ни вам. Такая обстановка отрицательно сказывается на качестве газеты, – продолжил секретарь. – Положа руку на сердце, я не ожидал, что в вашем небольшом коллективе царит такая атмосфера.

Мы переглянулись. Вот те на! Откуда дуют ветры? Откуда секретарь прознал про нездоровую обстановку в коллективе? Неужто горком завел в редакции своего осведомителя? Это маловероятно. Но кто дергает за ниточки? Кто против кого борется? Ничего не понятно! Ясно только, что я оказался в центре этой странной заварухи. Такое ощущение, будто меня использовали втемную. Но кто? Ведь коллеги своими руками писали и сами диктовали, какие сведения занос-

сать редактору. Не вяжется, что кто-то из участников самодоноса явился источником информации для горкома.

– Я знаю, какие работники мутят воду в коллективе, – прервал молчание редактор и произвольно указал рукой на металлический шкаф, стоящий справа от его стола.

Шкаф считался сейфом, в нем хранились документы. Редактор побагровел и пошел пятнами. Чувствовалось, этот шаг дался ему нелегко.

– Осведомитель постарался? – послышался едкий голос.

– У меня достоверные сведения, – гнул свое редактор, словно не замечая реплики.

– А что, если у нас есть копия этих сведений, что вы держите в сейфе? – вырвалось у Веры Востриковой из отдела культуры и быта.

Настала очередь ничего не понимать секретарю горкома. На его лице нескрываемое недоумение. Куда попал? В гадюшник, серпентарий! И это бойцы идеологического фронта, лицо и рупор горкома партии?!

Так что теперь непонимающих в кабинете стало трое. Редактор, которого, похоже, секретарь горкома не поставил в известность о поступившем к нему сигнале. Сам секретарь, который явно не ожидал такого поворота разговора. И я, невольный участник и соучастник этой заварухи.

Все словно воды в рот набрали. Немая сцена.

– Так! Можете разойтись по рабочим местам! – властно приказал секретарь горкома.

Спереди и сзади солнцем палимы, разошлись по отделам тогда пилигримы. Редактор и секретарь горкома остались в кабинете.

Секретарша Людмила, подслушивающая из приемной, позже рассказала, что в кабинете редактора шел разговор на повышенных тонах.

– Сам навонял – сам нюхай и разгребай! И чтоб подобного больше я не слышал! – отчетливо разобрала она фразу секретаря горкома.

До конца дня в редакции тишина. Никто не слонялся из отдела в отдел, как обычно. Не слышно шуток, смеха, громких разговоров по телефону. Длившееся в кабинете редактора молчание как тьма египетская накрыло редакцию...

12. ИЗ ЛУЧШИХ ПОБУЖДЕНИЙ – ХУДШИЙ РЕЗУЛЬТАТ

Вечером в своей комнате в общежитии я рухнул на кровать и стал молча смотреть в потолок, как в первый день приезда. Помимо моей воли

меня вовлекли в передрагу. Моей работе в этой редакции пришел конец. Несуразная стыковка событий – нарочно не придумаешь. В кулуарах под нажимом Вера Вострикова призналась, что, когда мы утром перед занесением «письма турецкому султану» просматривали и обсуждали текст, она сделала копию. Стало понятно, откуда растут ноги. Значит, у Востриковой есть копия письма. Скорее всего, и сигнал пошел в горком на основе нашего коллективного самодоноса. Как еще создалась Вера, в этом подметном письме сообщалось, что редактор завел привычку иметь секретного сотрудника, который доносит ему, что происходит в редакции в неформальной обстановке. Тем самым сеется раздор, порождается раздрай и нервозность в коллективе.

Несомненно, еще до моего появления в редакции велись интрижки. В каждом социуме свои гласные и негласные, писанные и неписанные правила. Вероятно, отношения будут выясняться и дальше. Вострикова, видимо, сама не осознавая того, меня серьезно подставила. Стоп! Но она ли это сделала, не я ли сам себя подставил? Как так получилось? Ведь никто мне не указывал и не подсказывал, как поступать. Мог бы и промолчать о предложении редактора предоставлять доносы. Но я сам, выйдя из кабинета Мыскина, во всеуслышание объявил, что редактор предложил мне секретно с ним сотрудничать, про всех и обо всем ему докладывать.

Да-а!.. Испытания я не выдержал по всем пунктам. Строк даю меньше всех. Доносы редактору не поставляю. Стало быть, утратил его доверие. В-третьих, он же не дурак, понимает, что в заварухе с вовлечением секретаря горкома не обошлось без меня. Более того! Редактор может предположить, что письмо в горком направил именно я. А в-четвертых, зачем ему сотрудник, который из газетных рядов высовывается в писатели? Куда, может, в молодости он и сам стремился...

Не ведал я, что мой испытательный срок ожидает такой причудливый финал! Но как же так вышло, что лучшие мои побуждения привели к наихудшему для меня результату?

Раньше я тешил себя мыслью, что вся эта вечная редакционная запарка для меня временные неудобства. Нужно претерпеть это временное на пути к главной своей жизненной цели, все это не мое. Но теперь я неожиданно с удивлением осознал, что все эти суматошные будни стали

частью меня. Несмотря на повседневную суету и вечную торопливость при подготовке газетных материалов, я стал вживаться в такой образ жизни. Даже привычки мои стали меняться. Например, поймал себя на том, что стал частить в разговоре по телефону да и в беседах тоже. Эта спешная манера телефонного общения в первую очередь связана с постоянным добыванием информации. Боязнь, что плохая связь вот-вот прервет соединение или же абонент, до которого с трудом дозвонился, преждевременно положит трубку, – вынуждает торопиться. Суетная манера. Колготной разговор, как говаривала бабушка.

Смотри-ка, как все оборачивается! Я стал смотреть на серые редакционные будни несколько иначе. И на Дойкова, на других своих коллег взглянул по-иному. Стало всех жалко. И себя тоже.

Как-то Дойков в дружеской беседе в ответ на замечание о частом употреблении им кривой воды откровенно признался: «Жизнь меня задавила, Денис!» Я тогда не придавал этим словам особого значения. Но теперь усмотрел в них конкретный житейский смысл: газетная текучка так возьмет в оборот, так затянет, что не вырвешься! Поэтому, желая спрятаться от всех неподъемных проблем, он и нырнул в бутылку...

Но все же работа в газете – занятие нерядовое. Сколько всего нового познаешь, сколько событий, сколько встреч с интересными людьми! В какой еще профессии такое возможно? Я охватил мысленно весь свой трудовой путь в редакции. Столько событий и впечатлений за такой непродолжительный срок у меня раньше не бывало. Но теперь мне пора собирать пожитки...

В газетной суете отодвинулись извечные вопросы, которые тревожили душу с подростковых лет. Для чего человек живет? Для чего вообще жизнь? Наше пребывание на земле – тоже испытательный срок? Для чего Вселенной нужен человек? Для чего, с какой целью возник разум? Каков во всем смысл? И есть ли смысл вообще?

Или жизнь и зарождение разума – это во Вселенной всего лишь нелепый несчастный случай, как при нарушении техники безопасности? На этот вопрос Иван Алексеевич ответа не подскажет...

Перед глобальными вселенскими вопросами редакционная суета вкупе с доносами и подметными письмами – такая мелочь! Такая мелкая, муравьиная возня!..

Эх, в философы, что ли, податься и завывать от тоски перед вечными вопросами?..

Но как раз редакционная спешка не оставляет времени для мучительных вопросов. Жизнь, кажется, устроена мудрее. Суета и мелкие бытовые хлопоты упасают от бездны, направляя разум на выживание. И особенно важный вопрос жизни: как дотянуть до зарплаты? Земная суета отводит от края бездны вечности. И какая разница, на каком участке жизни ты впрягся в эту земную суету? В газете или в каком другом месте. Все едино. Паши и сей или подключись к какому другому земному делу – и будешь прав! Жаль только, что творчество выпадает из этого ряда. А работа в газете – как раз на стыке земных забот и творчества. Как граница между первой космической скоростью и второй. Только на второй космической можно преодолеть земное притяжение, вырваться в беспредельность, в вечность.

«Главной частью своей, каковой является душа, человек призван к большему, нежели просто человеческая жизнь». Эти слова Аристотеля врезались мне в память. Главной частью своей, главной сутью своей человек выше земных забот, выше бренной жизни. В творчестве кроется тайна. Творчество – это вам не просто вирши, не просто плетение стихотворных словес, где лишь бы задние слова стыковались. Творчество не вмещается в земную жизнь. Главной частью своей человек тянется к волшебной силе искусства, к творчеству. Это, можно сказать, базовый инстинкт. Не все, кто творит, на этом пути состоятся, реализуются. А кто состоялся, он оправдание поколения, оправдание земной жизни...

Галина
ЗОЛОТАИНА

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

ЗАЗЫВАЛКА

Ладно-ладно,
Блинно-оладно!
Птичка на проводе,
«Лолита» на «Оводе»,
Свечка в аптечке,
Тетрадка в печке,
Снег в зиме,
Нога в пиме,
Башка под градусом,
Другус стал гадусом,
Приди ко мне,
Кто на моей волне!

МЕСТОИМЕНИЕ

Я зимой пишу на снегах тугих,
Голова моя не седа... почти...
И стихи не хуже, чем у других,
А не веришь – так возьми прочти!
Я всегда стихи начинаю с «я»,
Потому что в куче, где правят «мы»,
Не найдешь концов, лишь края, края –
От Калининграда до Колымы.

ГОЛУБЬ

Голубь, голубь, что ты, голубь,
Клювом жалобно стучишь?
Полетай учиться в школу,
Али ты не Кибальчиш?
Станешь сильным, крепкокрылым,
Как на море альбатрос,
А иначе до могилы
Будешь гадить, клювонос:
На асфальте у фонтана,
На балконе у княжны,
Нам такие фулюганы –
Отвечаю! – не нужны.
Полетай опять на небо,
Если есть ты дух святой,
А не клянчи крошек хлеба
У старухи у слепой.

ПАМЯТЬ

Вечерело сильно,
Над рекой туманилось,
От еды обильной
Голову клонило.

К храму шла старуха,
По пути всем кланялась:
«У меня парнишку
Младшава убило...»

Сытый да холеный
Усмехнулся: «Бабка,
Было это ровно
Сотню лет назад!»

Встала как вкопалась,
Стала словно стела,
Словно крест могильный,
Словно обелиск:

«Гадина с рогами,
Замолчи, проклятый!
Семушка мой андель.
Провались, фашист!»

Солнышко садилось,
Шла старуха в церкву
В старых ботах драных,
В серой фуфайчонке.

А душа у бабки
Как платок пасхальный,
Чистая, как небо,
Как слеза ребенка...

* * *

Мне подарили автомат!
Стираю днями все подряд:
Прокуренные шторы,
От сшитых платьев лоскутки,
Чехлы, тряпицы и чулки –
Все ветхие заторы.

Потом в тазу все на балкон.
И как, бывало, князь Гвидон,
Из-под ладони вдаль гляжу:
Он – не летит ли лебедь,
Я – хоть дождю бы не́ быть!

Ты думаешь, что я пишу,
А я стираю и сушу!

ШУТКА

Вставишь в дырочку шуруп
И начнешь куртить по стрелке,
На базар снесешь поделку –
Принесешь оттуда рупь.

А напишешь детектив,
Пропечатаешь, получишь...
Скажет дед, очки спустив:
«Можно было и получше ж!»
Лучше делать, чем писать.
Лучше жить, чем притворяться.
Лучше б все вернулось взадь,
Перед тем как завершаться!..

ЛАМЦА-ДРИЦА

Нет у девочки отца,
Ламца-дрица-опца-ца!
И встречается такой
Ей стареющий герой.
Он уставший, он небритый,
Всеми розгами побитый.
В доме пыль и неуют.
Правда, женщины дают.
Приласкал, к груди прижал,
На коленках подержал.
Вот девчонка и сдалась,
Целовала ночью всласть,
Все понравиться хотела,
Не жалела, дура, тела!
Ну а тот рекорд побил,
Встал с постели, закурил,
Я, грит, малая, гад и трус,
На тебе я не женюсь...
И пошла она домой
Прямо к матушке родной.
Та сбежала к ней с крыльца –
Ламца-дрица, опца-ца!

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

В кресло сел, поморщился от киви,
С яблока очистил кожуру.
Удиви меня, мой милый, мой красивый,
Только не болтай, что я умру.

Вот пойду по тропке у шоссейки,
Пусть метель дудит в свою дуду,
А потом вернусь, сниму шубейку
И весь мир pošлю в караганду!

ГРИБ

На полянке кучерявой
Гриб стоял лилово-алый.
Шляпка домиком, уздечка,
Ну не гриб, а прямо свечка!

Огляделся, постоял,
В поры воздуху набрал,
Смирно лег на левый бок –
Не обиделся, а мог.

ЗА ДЕРЕВЬЯМИ – ЛЕС

За деревьями – лес.
Ничего в нем хорошего нет –
Ни чудес, ни сокровищ,
закопанных справа от дуба,
Только корни прогнившие
смотрят тоскливо на свет,
Оголенные корни лесного могучего зуба.

Нынче я не в фаворе у музы,
да что с нее взять!
Это только для юных наживка
сия проканаает:
Им еще предстоит натолкнуться,
упасть и узнать,
Что не чудо она, а простая игрушка дрянная.

ЯНВАРСКАЯ ШУТКА

Полдня питалась ультрафиолетом.
Гуляла по заснеженной аллее,
Трясла с деревьев синий-синий иней,
Смешила птиц, кормила малышей.
Ой, что я говорю – наоборот! –
Кормила птиц, смешила малышей,
Съезжая на картонке с ними с горки –
Такая тонна, бог не приведи!
Потом пошла заслуженно обедать,
Потом читала и потом чита...
Нет, кажется, потом я задремала.
Теперь пишу зачем-то про Читу...

ПТИЦЫ

Я буду любить тебя все лето...
М. Цветаева

Я буду любить тебя всю весну,
А летом долюбливать.

Мы будем, как птицы,
Касаться клювьями.
А после, примерно так в августе,
Мы поморгаем глазками
И разлетимся на юги.
У нас у каждого свой юг.
Я пропою вослед:
«Прощай, ла-ла-ла, друг!»
А ты оглянись и протянешь...
Ах да, у птичек же нету рук!

ОЧКАРИКИ

Я – очкарик, ты – очкарик,
Нам лицом не торговать!
Чай мы здесь не на базаре,
И скамейка не кровать!

Посидим, бульвар весенний
Зорким оком обозрим.
Ах вы, сени наши, сени,
Ах вы, гуси, ах ты, Рим!

Воробью клевать соринки.
Деве с парнем ворковать.
Ну, а мы уж по старинке
Будем стекла протирать.

ГЕРБАРИЙ

Засушу березовый лист с прожилками,
На него поглядывать буду зимами.
Как вы неразборчиво, мальчики, жили-то –
Девочку веселую проразинили.

У меня в ладонях слова как мячики,
Я и до сих пор еще необозлимая.
Я б таких стихов написала, мальчики,
Только вы вот взяли и проразинили.

Обросли разводами, вышли в классики,
А могли в любви купаться, как в озере.
Милые ровеснички седовласые –
Прутики мои березовые...

Андрей
ТИМОФЕЕВ

МЕЖДУ ЛЕСОМ И БОРОЗДОЙ

Глава из романа

Прошлой зимой, засыпая сквозь боль на своей кровати в дальней комнате, Анатолий Николаевич мысленно возвращался к тому дню, когда тятя рассказал ему о происхождении камней.

Камни эти были рассыпаны в деревне и на полях повсюду – от огромных валунов величинной с трактор «Беларусь», до бесчисленных осколков размером с куриное яйцо, с кулак, с человечесью голову. Толик часто видел, как пахали на лошадях мужики и, если вытаскивали очередной камень, тянули его на межу. А если лешев подарок был слишком велик, копали рядом с ним глубокую яму и ватагой сваливали туда. Валун ухал на дно, увлекая за собой землю. И когда весной он вместе с рогдой потихоньку выползал наружу, бабка в ответ на ругательства тяти только пожимала плечами: дескать, а чего ты хотел, если земля каждый год камни родит, это и дураку понятно...

В тот день тятя рассказал Толику, что камни, найденные в поле, громоздящиеся то тут, то там среди болот рядом с Лодьмой, перегораживающие русло Сямжены у Чертова леса, принес сюда миллионы лет назад ледник с далеких Скандинавских гор. Он полз на юг, как огромный медведь, волочась пузом по земле, и осколки эти ползли вместе с ним, разлетаясь во все стороны.

Тятя почему-то все это знал – и когда ледник полз, и с какой скоростью, и как потом растаял, – словно сам он жил уже тогда, задолго до остальных людей на Земле.

Ночью Толик вышел за ворота и пробрался к крупному валуну, лежавшему на задах между их и соседским участками. Взобравшись на него, прижался к теплой, прогретой солнышком каменной спине и поразился, какая большая вокруг него жизнь, но все в ней подсчитано и учтено, и всему хозяин – его тятя. И вдруг во весь голос рассмеялся от озорного ощущения всемогущества, с которым можно смотреть в этот темный мир и нисколько его не бояться.

А мир вокруг был огромен и прекрасен: за мостом через Сямжену раскинулась другая деревня – Пигилинская, где был магазин и школа, потом через поле – Подужемье и Уна, там жили Толикины двоюродные братья, а дальше – Мегра, куда каждый день тятя уезжал в колхоз. А весной по улицам часто ходили странники, люди из далеких краев, названий которых Толик даже не знал. Взрослых часто не было дома, и тогда соседские малыши набивались в избу Черепановых, запирались на засов и ждали, что странники придут их есть. К дверям выставляли лопаты и ухваты, бегая выглядывать то сквозь оконца в сенях, то в кухню, где сидела Толикина бабка.

ТИМОФЕЕВ Андрей Николаевич родился в Салавате. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Лауреат премии им. И. Гончарова, им. А. Кузьмина, им. Л. Леонова, журнала «Наш современник». Старший преподаватель Московского государственного института культуры. Руководитель Совета молодых литераторов Союза писателей России. Член Центрального штаба Культурного фронта России. Живет в Химках.

Но та и не думала защищать их, а только неподвижно глядела в одну точку, словно людоеды уже пробрались в дом, но видела их она одна.

Никто не знал, сколько Толикиной бабке лет, казалось, она тоже жила на земле вечно. Бабка стригла себе ногти красивыми мамушкиными ножницами и прятала обрезки за пазуху, потому что после смерти готовилась влезать на крутую и гладкую, как яйцо, гору. По утрам выходила на зады, падала на колени и долго молилась, руки мыла не водой из колодца, а сухой землей. Иногда, обычно под осень, бабка на несколько дней пропадала в Чертовом лесу, мамушка плакала и тщетно бегала ее искать, а тятя ругался матерными словами. Приходила назад бабка с бешеными глазами, грязная и в разодранной одежде, которую мамушка потом целый вечер зашивала. А бабка, не говоря ни слова, шла в баню, которую в те дни всегда держали натопленной, и возвращалась обычной старухой, усталой и тяжело дышавшей от любого движения.

От бабки Толик узнавал, что в Чертовом лесу живет орда, которую не могут найти люди, а чувствуют только собаки, и что Сямжена – это кровь великана, из тела которого образовалась земля, древесные корни – его жилы, а камни на самом деле великаны кости. Бабка не разговаривала ни с кем из соседей, в избе подолгу молча сидела на одном месте, и даже сам Толик иногда не мог поверить, что вчера бабка рассказывала ему что-то скрипящим, как дверца в сенях, голосом, а потом опять растворялась в углу за печкой, лишь изредка качая там своей тенью, чтобы люди думали, что она жива.

Только одно в человеческом мире волновало бабку – большой сруб-пятистенник, стоявший на краю Подужемья, в трех дворах от дома Толикиных братьев. Тот сруб построил ее муж – дед, которого Толик никогда не видел, и младенчиком там даже жила мамушка. Она рассказывала Толику, как был большой пир в новом доме и как потом приходили чужие люди, забирали холсты, скатерти, полотенца, а бабка обливалась горячими слезами, и мамушка не понимала, почему она так плачет. После этого деда сослали в Кировскую область, а когда его братья ушли на войну и сразу же погибли, в деревне больше никто не захотел помогать бабке с мамушкой. Дед отсидел на зоне, и они уехали к нему – это мамушка уже хорошо помнила. Жили в теплой бане с печкой из кирпича, но дед очень тосковал по родным местам и хотел вернуться. Его отправи-

ли куда-то на Север гнать серу, но он не подчинился, перевез семью обратно в Подужемье, а сам ушел в соседнюю Мегру на уборку хлеба. Но там его схватили и посадили еще на два года. И в этот раз с зоны он уже не вернулся, написали, что умер от воспаления легких. Бабка к тому времени тронулась умом, они с мамушкой ютились в рабочем бараке в комнате еще с двумя женщинами и часто голодали. Там мамушку и встретил тятя, пожалел, женился и увез в Лодьму.

Когда он стал председателем колхоза, мамушка упросила перевезти сруб из Подужемья поближе. Тятя сопротивлялся, он не мог сделать что-то не для общего блага, а для личного, потому что так было неправильно. Но наконец все-таки распорядился поставить сруб в Лодьме рядом с сельсоветом и устроить там избу-читальню. И теперь бабка часто ходила туда, наворачивала круги по главной улице, потом незаметно пробиралась к срубам и стояла рядом, терла бревна, пропитывая их соком своей дряблой кожи.

Тятю бабка боялась. Когда он возвращался домой с работы, всегда скрывалась в темном углу и только громко сопела оттуда. Тятя приезжал обычно поздним вечером, а с рассветом отправлялся обратно в колхоз. Толику редко удавалось побыть с ним рядом, пригреться на огромной груди, послушать веселый рокошущий голос.

Тятю уважали во всех окрестных деревнях, и слово его было – закон. Он был родом с Новгородской области и с детства бегал в северных лесах с партизанами, а потом воевал с желтолицыми япошками. В ногу у него когда-то был осколок, поэтому тятя всегда ходил будто подпрыгивал. Откуда-то Толик знал, что этот осколок тятя сам вытащил у себя из ноги, и рассказывал об этом пацанам, а те смеялись, но на самом деле завидовали, что у них нет такого великана-отца.

А с тех пор как тятю назначили председателем, колхоз Мегры стал передовым. Тятя приказал людям рыть множество канав в полях, чтобы был больше урожай, потом поставил между молочным комплексом и птицефабрикой огромный бетонный зал, где навоз смешивали с пометом и торфом. Люди в колхозе работали за двоих, но зато и заботился тятя о них хорошо: построил в Мегре больницу, клуб и двухэтажные дома на несколько жильцов с водопроводом. Про него даже написали в «Правде» – что он лучший председатель в СССР и первый в Вычегодской

области достиг 15 центнеров с гектара. Мамушка вырезала статью и повесила желтый лист бумаги на скрепку над окном. А тятя увидел и сорвал, потому что ему было стыдно, если кто придет и увидит. Он раздражался, когда его хвалили, и только в эти моменты становился угрюмым, а потом вновь превращался в оживленного, никогда не останавливающегося человека, от которого все вокруг приходило в движение, как от кругляша токарного станка на пилораме.

Он редко брал Толика куда-то с собой, и потому Толик сохранил эти яркие счастливые мгновения. Вот по дороге в Подужемье они остановились перед огромным полем озимого ячменя. Тятя спрашивает: помнишь, здесь были сырые торфяники и кустарник? Толик не помнит, он видит, что поле похоже на огромную изумрудную тарелку. Но вдруг понимает, что тятю важно показать ему свое чудо, что он на самом деле не так недоступен в своей силе, но открывает свою гордость только одному, своему сыну, и у Толика замирает сердце от открывшейся ему тайны. А вот они едут вдвоем в Череповец, чудесный и страшный город с высоченными каменными домами, и Толик отчаянно задирает голову, чтобы увидеть тоненькие антенки на крышах. В Череповце тятя покупает ему морской компас, и, вернувшись в Лодьму, Толик уже не верит, что видел город своими глазами, но носит в кармане тятин подарок и никогда не расстается с ним, даже когда мамушка укладывает его спать.

Между бабкой и тятей мамушка жила, все время как бы оглядываясь, пытаясь угодить обоим, разрывая душу на две половины, и пела свою, почти неслышную песню. Мамушка заболела на исходе зимы и лежала в большой комнате, куда Толика теперь не пускали, боясь, что он подхватит заразу. Сквозь дверную щель он видел только ее длинные черные волосы, разливавшиеся по подушкам.

В первые дни бабка сильно суетилась, бежала на зады, носила мокрый песок, прикладывала дочери ко лбу, посыпала кровать ячневой крупой, поила отваром из корешков. Но потом разом успокоилась и спекла в печи большой продолговатый пирог, отделила верхнюю корку и выложила поперек перекладами, как лесенкой. И Толик почему-то понял, что по этой лесенке мамушка станет скоро забираться на небо. На следующий день ее увезли в ту самую больницу

в Мегру, которую построил тятя. Бабка кинулась было мешать, чтобы та умерла дома, но ее никто не слушал.

Дом опустел, а тятя сгорбился и сжался, будто его проткнули и выпустили всю силу. Иногда еще он уезжал в Мегру, но больше не в колхоз, а проверить мамушку. А по вечерам пил мутный самогон из бутылей, ругался матом и падал спать прямо на лавку.

Однажды утром, проснувшись один в избе, Толик выглянул во двор и увидел там большую черную собаку, которая остервенело рыла лапами яму. Услышав его, собака замерла, посмотрела исподлобья мамушкиными глазами и ласково завывала.

Толик кинулся было обратно, но от пустоты в избе стало еще страшнее. А когда опять выглянул во двор, собаки уже не было, только раскинутые повсюду комья земли. Не помня себя от горя, он побежал по улице, ходил по залитым талой весенней водой полям, наконец, потерялся в болотах Сямжены у Чертова леса и, перемерзший, но странно спокойный, сидел на кочке и вертел в руках компас, пытаясь вспомнить, что там объяснял отец, как искать нужное направление. Из черной хляби леса иногда выглядывала на него орда, похожая то ли на белку, то ли на кошку, но Толик был как мертвый, и орда принимала его за своего и не нападала.

К вечеру он вышел к окраинам Пигилинской и дополз до дома. А издали увидел колхозную машину-буханку, из которой тятя вытаскивал большой белый камень и шел медленно, держа его на руках. Из последних сил Толик побежал к нему и вдруг понял, что это был не камень, а живая мамушка в одеяле. Во дворе собрались бабы из соседних домов, удивляясь чудесному возвращению, и никто не обращал внимания на грязного усталого Толика. Он пытался протиснуться к мамушке, но только без сил опустился на землю у ворот. Тятя, бережно занесший жену в дом, сразу же вышел за Толиком и минуту еще стоял в дверях, оглядывая двор, пытаясь высмотреть сына, — огромный великан, победивший смерть. А потом так же взял Толика на руки и понес в теплые мамушкины объятия...

Все это Анатолий Николаевич вспоминал теперь, ворочаясь на кровати в дальней комнате, мысленно переключая электрический тумблер в голове: то в детство, то обратно — в какой-то фильм, напоминавший реальность. А в фильме этом начиналось все буднично — с повышенного

ПСА по анализам для медосмотра, а потом – снимки, еще анализы, биопсия, опять снимки, врачи в Вычегде и в Ярославле, где крепкий мужик наконец оборвал разом всю эту канитель: четвертая стадия, максимум год-два, нечего больше ездить к нам, в онкодиспансер по месту жительства, и все.

И вот теперь, особенно по ночам, образ отца приковывал к себе Анатолия Николаевича. Но не того отца, который мирно угас с мамушкой в старом доме в Лодье десять лет назад, а того, что нес ее живую на руках в избу. И тогда, лежа на постели, Анатолий Николаевич представлял себя мальчиком, который может глядеть в звездное небо, и точно знать, что человеку подвластно все на свете, и опять смеяться от души...

В середине 80-х он, тридцатипятилетний парень, не так давно окончивший сельскохозяйственный институт в Костроме, получил свой колхоз. Была тогда мода на молодых председателей: кроме него еще троих ребят с курса назначили в разные деревни и поселки городского типа на севере Вычегодской области. Анатолий приехал в Порог, небольшое село на Сухоне, гиблое болотистое место, никогда не дававшее больших урожаев. Здесь жили в основном дети заключенных с Опоки, которые во время войны строили неподалеку судоходный шлюз.

В тот день, когда он первый раз увидел Порог, сгущались темные грозовые облака. Издалека, с пригорка, едва угадывались зажатые в излучине извиляющейся Сухоны сельские дома. Не пообедав и не дождавшись бригадира, а только бросив вещи в колхозной подсобке, он отправился осматривать хозяйство, наобум, сначала вверх по течению, потом в сторону, куда вела тракторная колея. Неожиданно раскатился гром за рекой и эхом ответил ему такой же с этого берега, потом просыпался мелкий частый град, словно разбрасывали зерно на будущий урожай. Анатолий шел не останавливаясь, воображая, что посадит на этой террасе и как распашет вот этот участок на опушке. Гроза усилилась, все небо сотрясалось от раскатов, и одежда давно промокла насквозь. Но никогда – ни до этой минуты, ни после – не чувствовал он себя таким сильным, как тогда, и весь план видел ясно, каждую деталь, каждый пункт продумал и готов был оплодотворить эту бессильную, ждущую хозяина землю, и все казалось по плечу в суровом краю.

Колхоз в Пороге специализировался на животноводстве, но Анатолию хотелось увеличить урожаи зерновых, и он запланировал распахать пятьсот гектаров новых полей. Нашел мощные бульдозеры, которые стерли с земли кустарник и мелкоколесье, выписал из другого района дренажный экскаватор. Специалистов в колхозе не нашлось, поэтому сам сел в железную коробку-кабину и осторожно вел ее по готовой траншее, укладывая на дно керамические трубки, прикрывая их стыки, как бумажными салфетками, мягкими квадратами стекловаты. Почва здесь была не такая, как в родных местах в Мегре и окрестностях, часто обнажался песок. Для восстановления загубленного плодородного слоя еще нужно было уложить торф, особенно в этих песчаных проплешинах, но их оказалось так много, что лопатами перекидать было просто невозможно, даже если бы все мужики Порога работали днями и ночами. Анатолий пытался достать торфоразбрасыватели, но в области те были на вес золота. Бригадир заметил еще, что откосы канав размывались дождями, и Анатолий придумал укрепить их дерном, но руки так и не дошли. Тем временем на скот напала какая-то зараза, с которой он вообще не знал, как справиться. Показатели молока и мяса рухнули вниз, Анатолия хотели даже исключить из партии, но в сумбуре, происходящем в стране, все сошло с рук. Да и не доведенные до ума поля тоже почти не давали урожая, с трудом отбивая посеянное.

Те годы промелькнули, почти не оставшись в памяти. Анатолию казалось, что он стоит перед огромной плотной на порогах с черным ведром горячей смолы, и каждое мгновение где-то образует трещина, из которой напором хлыщет вода, и ему нужно бежать туда и смолить, но едва прореха залатана, в другом месте прорывается еще.

Но самым страшным были – люди.

Когда он шел по весне по пахоте, ожидая увидеть ровные, одинакового цвета во всю ширину поля всходы, а обнаруживал разномастье – то темно-зеленая полоса, то бледная, как только что из-под снега, – Анатолий понимал, что здесь халтурщики растащили минеральные удобрения по своим хозяйствам. Когда мужики делали все через пень-колоду, не понимая, зачем это приспичило чудаковатому председателю, он упрашивал их еще поднапрячься, чтобы завтра честным трудом получить результат, но тщетно. Когда потом принялись хапать все, что плохо лежит,

когда к нему, председателю, приезжали и предлагали за чемодан денег списать новенький трактор, когда те трое ребят с курса, с которыми делил мамушкины посылки в костромском общежитии, приватизировали себе участки рядом с Вычегдой и понастроили огромных домов, когда жена Нинка запиливалась по вечерам до смерти за то, что не воровал, – он чувствовал, как размывается в нем вера в людей, которые больше не хотели быть великанами, а разбегались в свои норки, как тараканы, шевеля усиками, выискивая, как бы чего еще утащить в свою щелочку.

В начале 90-х он намаялся со своим неудачным председательством и проводил потерявшую надежду на его сельскохозяйственные опыты Нинку с сыном в Вычегду, где нашлась-таки работа для нее. И предпринял еще один решительный рывок – выкупил на последние деньги часть той самой окультуренной земли, где дренажная система удалась лучше всего, нанял трех самых ответственных мужиков из Порога и, уверенный, что уж сам себя он прокормить сможет, засеял все картошкой.

Но бог знает почему – то ли клал он в свое время трубки не совсем ровно, то ли вода перед порогами на Сухоне поднялась – это поле тоже оказалось загубленным. В такой же грозовой день, что и семь лет назад, он съездил в Вычегду проведать семью, а на обратном пути вернулся на поле и увидел его залитым по колено. Кинулся было в село, но мужиков не нашел. Прибежал обратно, стал сдуру руками выкапывать картофель, но не было мешков с собой, складывал перемазанные грязью, мелкие еще клубни по карманам, уже в совершенном отчаянии. Наконец, бросил, бухнулся на колени, зачерпнул ладонями земляную жижу и с маниакальным наслаждением умылся ею. А потом закричал из последних сил – на себя, на ненавистную породу людскую, на черную нечисть-орду, которая вышла теперь из своих лесов и хозяйничает на его земле повсюду. На перемазанное лицо и волосы садились слепни и больно жалили, но он их не замечал...

Та же страшная сила одолела его теперь, и, как и тогда, много лет назад, он остался с ней наедине. Люди вокруг только мешали победить болезнь, как когда-то мешали победить гиблую болотистую землю Сухоны. Врачи в диспансере говорили неточно – сдавать анализы через месяц или через полтора, а потом выписывали лекарства, которых в ведомственной аптеке не

оказывалось. Медицинские чинуши устраивали свистопляску, чтобы выдать сильное средство, стоившее тысяч под двести рублей, но полагавшееся ему бесплатно, и заставляли звонить не в вычегодский даже, а в сам московский Минздрав, где его еще долго перебрасывали с одного номера на другой, а потом называли любую дату, чтобы выждал до нее и опять пошел по кругу. Анатолий Николаевич знал, что наука в двадцать первом веке невероятно развилась, что, несмотря ни на какие прогнозы, если все делать правильно, то чудо неизбежно. Но эти люди вокруг мешали лечению протекать как положено и затягивали выверенный план в вязкую тину.

Прошлой осенью стало совсем туго, сил не хватало даже на простые действия. Он пытался разбираться в нетрадиционной медицине, что-то читал в телефоне, просил дочку Лару искать ему нужные статьи, но разум туманился – все слабее становилась в нем отцовская твердая воля, все больше путал проклятый бабкин морок. Только после Нового года Минздрав наконец поправил свои списки, в аптеке Анатолию Николаевичу выдали то самое дорогущее лекарство, а к февралю вдруг стало лучше: ПСА упал почти до нуля, и опять вспыхнула в нем надежда.

И тогда, оглянувшись на свою жизнь, Анатолий Николаевич понял, что последние двадцать лет после переезда в Вычегду он не жил, а как бы пребывал в монотонном размеренном сне. Нет, конечно, сначала маялся по разным подработкам, но в итоге устроился к частнику ремонтировать машины, потом перешел в механический цех при молокозаводе, потом в проектный отдел. Поднимал сына, воспитывал, а в начале 2000-х родилась главная его радость – Ларушка, тихая послушная девочка, похожая на мамушку. Привычно ссорился с Нинкой, съездил на пару лет вахтовиком в Норильск подзаработать, удалось даже скопить денег на маленькую квартиру Генке на окраине Питера. Заслужил сын, не лодырем вырос, поступил на бюджет, отучился, работает там. И вроде бы не в чем было себя упрекнуть Анатолию Николаевичу, но тянул он лямку как-то без огня, без того самого звездного неба над головой, обрастая мхом.

И вот в эту весну он неожиданно вошел новым человеком, с жаждой жизни и дела.

Теперь, просыпаясь утром еще до звона будильника, Анатолий Николаевич лежал в даль-

ней комнате, поглядывая на пробивающийся между занавесками свежий весенний луч, и чувствовал, как медленно течет солнечное время, как наполняет теплом его комнату, его душу.

Потом приподнимался, проверяя, слушаются ли его омертвевшие за ночь мускулы. Брал заготовленную с вечера корзинку с термосом, прокрадывался мимо спящей в зале Нинки к двери, спускался по скрипучей подъездной лестнице и выходил во двор – как-то сдержанно и осторожно, словно кто-то наблюдал за ним в эту минуту. Но сворачивал на Лесную, ускорял шаг – и включалась в нем неслышная посторонним музыка жизни, так что каждое движение, каждое слово потом в течение дня было воплощением этой самой музыки.

В эту весну Анатолий Николаевич упросил начальника, Михалыча, опять взять себя на работу на полставки. Рабочий день его теперь начинался с обеда, а перед этим можно было съездить на дачу в Ивановское, повозиться на грядках. Нинка на даче всегда куда-то торопилась, бегала как ошпаренная, заставляла сделать то одно, то другое, с ней нельзя было насладиться работой в охоточку, и потому Анатолий Николаевич любил отправиться в Ивановское на первом утреннем автобусе, один. Да и, честно говоря, старался не светиться перед соседями: больше ни у кого из них не было второй дачи, и после уничтожения участков рядом с домом Анатолий Николаевич как-то стыдился своего запасного имущества, словно он припрятал заначку, о которой все вроде бы и так знали, но пользоваться ею в открытую все равно было как-то не полюдски.

Он ступал на свою землю и впервые за последние двадцать лет слышал, как она отзывалась – звучала, шелестела, трогала душу. В отличие от города, где все жили сумбурно и каждый на свой лад, на даче в любой мелочи чувствовался смысл. Раньше в Лодье говорили: «Одуванчики расцвели – пора огород сажать», и Толик воспринимал эту присказку как должное. Теперь же он понял: в такой незатейливой связи сама природа приоткрывала людям умную логику своего устройства, и нужно только осторожно разгадывать ее, чтобы понять все вокруг.

Этой весной Анатолий Николаевич особенно увлекся астрономией и астрологией, определял посадочные дни, необходимость выбора тех или иных семян. У Нинки и раньше были лунные календари, и иногда они ориентировались на них,

но все это было баловство: Нинка верила указанным датам слепо, а когда что-то не сходилось, просто махала рукой и действовала как придется. Тогда как надо было понять систему. Настоящей астрологией Анатолия Николаевича заразила Ларушка. Она всегда была такая – умненькая, интересующаяся и еще прошлой осенью объяснила ему про синастрии и асценденты, ретроградный Меркурий и другие умные вещи, установила специальную программу на ноутбук. Но тогда болезнь подкосила, а весной Анатолий Николаевич припомнил ее уроки и вдохновенно погрузился в изучение новой науки. Так что теперь, обогащенный этим знанием, как-то иначе слышал и мелодию растений и деревьев на даче, различал в их движении тайный ритм. И это понимание давало ему неизвестное раньше удовлетворение.

Но музыка звучала даже в городе, тая загадку в каждой мелочи жизни. На обратной дороге с дачи Анатолий Николаевич любил зайти в магазин на Лесной, где работала новая приветливая продавщица, которая часто откладывала ему буханку свежего хлеба. В один день хлеба было много, а в другой не оставалось, и продавщица извинялась, потому что думала, что он сегодня не зайдет. Привоз был всегда одинаковый, даже в одно и то же время, но странный народ то брал хлеб, то не брал – и в этом тоже таилась притягательная логика, которую Анатолию Николаевичу хотелось разгадать.

А сегодня, возвращаясь домой, чтобы перекусить и потом отправиться на работу, он услышал, как один мужик в автобусе сказал другому, что жене никогда не угодить, потому что она курица. Эти слова причудливо сложились в голове у Анатолия Николаевича в шутовую поговорку: курицу не накормить – жене не угодить. «Курицу не накормить – жене не угодить», – повторял он, шагая по Лесной, удивляясь, что вот так просто из воздуха родилась штука, которая, как вечный двигатель, может питать и радовать тебя. И если бы просто сказать: жена, мол, дура, пилит днями напролет – это как ругательство звучало бы и сердце отравляло. А так складно – и даже Нинке не обидно, если услышит. Даже наоборот – хочется прийти домой да и ляпнуть и посмотреть, как она скуксится и заругает привычно, без злобы...

У подъезда стояли Стефаныч и Вера. Анатолий Николаевич вспомнил, что сегодня они должны были сходить в мэрию по поводу незаконного сноса дома, и ему неловко стало от сво-

ей беспечности. Постарался нахмуриться и деловито подойти – ну что, мол, как прошло? Увидев его, те тоже как-то растерялись. Вера ответила грубо, словно действительно злилась, что он не пошел с соседями. А Стефаныч побряхтел, взял за локоть и повел к обрыву, на дальнюю скамейку.

– Слушай, там с этим человеком в мэрии Лара была...

– Как это – Лара? – сначала не понял Анатолий Николаевич. – С вами ходила? Как узнала-то?

– Да нет, не ходила. Работает она там теперь, что ли. Секретаршей у него вроде как.

– Она же учится... Как это – работает?

– Вера говорит – спрашивала... Не учится она. В общежитии не живет.

– А где же?

– Вера говорит – у него. Но это все слухи.

– У кого – у него?

– Да говорю же, Толь, у работника мэрии... Который зам Пряникова по строительству. Который сносом нашим занимается.

Они еще стояли так минут десять – пятнадцать, и Анатолий Николаевич все выспрашивал, но толком ничего не понял. Поднялся в квартиру, увидел, что Нинка тоже пришла домой на обед, шумит на кухне.

Постоял в дверном проеме и спросил задумчиво, как бы продолжая осваивать начатую во дворе мысль:

– Слышала, дед говорит, Ларку видел сегодня в мэрии?

Нинка шмякнула половником в раковину, отвернулась, а потом недовольно взмахнула руками:

– Брось об этой шалаве думать. У нас один сын. – И задохнулась от злости, протиснулась мимо него в прихожую и стала одеваться, не попадая сразу ногой в сапог.

И одно только понял Анатолий Николаевич: что окончательно разломился напополам мир и он в нем больше ничего не понимает.

Вышел через минуту вслед за женой, увидел, что они с Верой стоят во дворе у скамейки.

– Нет, отличница, карьера – это все хорошо... Но какая карьера – под быка ложиться каждую ночь, Нина Сергеевна? – услышал он слова Веры и скривился от обиды.

Нинка – мать, она могла так сказать, но это материнская злость, почти как любовь, только вот такая, искореженная. А Верка, тихоня, не должна была такое говорить, не ее это дело. И Нинка не должна была это разрешать, должна

была защитить дочь, какая бы та ни была. Но жена стояла и покорно кивала в ответ, как бы прикармливая жалость к себе. Анатолий Николаевич махнул рукой – пусть себе говорят, сплетницы, и двинулся прочь со двора в город.

Конфликт жены и дочери начался для него незаметно. Потому что был поглощен своей болезнью и потому что те их заусенцы, что до крови царапали друг друга, казалось, были и у той и у другой всю жизнь и вроде стали всем привычными. Нинка, сколько себя помнил, гнобила и его, и Лару, только Генку хвалила и жалела. А Лара была послушной девочкой, но такой, неспокойной: заденешь – сразу в слезы. В прошлом году она стала ходить по психологам и часто теперь взрывалась, а не плакала. Осенью Лара с Ниной в очередной раз поссорились, как-то быстро и непонятно для Анатолия Николаевича: кто кому что сказал, он даже не слышал, да только через минуту дочь уже выскакивала из квартиры. А на следующий день, пока мать была на работе, Лара собрала вещи и съехала в студенческое общежитие. Они толком и не поговорили даже, несколько раз дочь звонила, спрашивала, как он сходил в диспансер и про те дорогие препараты, но в последнее время все реже. Как она там живет, Анатолий Николаевич не знал, не успевая вместить в свою жизнь еще и эту грусть.

Неожиданно для себя он оказался на Товарной, а потом привидением ходил вдоль скамеек возле мэрии, надеясь встретить то ли Лару, то ли этого быка, но толком не понимая, что же хочет им сказать.

Сам он, может, тоже обижался на Нинку, когда она после известия о его болезни как-то отстранилась, не занималась ни врачами, ни лекарствами, хотя могла бы. А когда однажды упрекнул ее в этом, разругалась: ты, мол, тоже никогда не занимался моими болезнями – ни когда меня клали в Ярославль после рождения Лары, ни когда умирала здесь от пневмонии, пока ты баловался со своей картошкой в Пороге. И была в этом правда, потому и не стал спорить, сначала ожесточаясь от вины, а потом соглашаясь принять эту справедливость как извечный закон: ты – мне, я – тебе. Была бы рядом Лара, можно было попросить ее и в диспансер записать, и узнать про лекарства и анализы, про которые все не то говорили врачи. Но пару раз не ответила на звонки, и он не стал больше трево-

жить. Только ложился в дальнюю комнату, впадая в обморочное состояние, ничего уже не желая и ни к чему не стремясь, только чувствуя теплящуюся жизнь в теле и наслаждаясь этим сонным лежанием.

А в эту последнюю весну, возродившись после таблеток, обнаружил возле себя Нинку, еще более подавленную, беспокоившуюся то о Генкиной квартире, на которую не хватало денег, то о дальней даче, которую не потянуть одной. И понял, что она живет уже будущим, временем, когда останется наедине со своей жизнью, и понял, что это правильно. Поэтому и на работу вышел, и, сколько хватало сил, домик подновлял на даче, тропинку выложил камнями, до которой пять лет руки не доходили. Если бы только они жили в мире, ему было бы веселее работать, думая о том, как хорошо и чисто будет после него. Но Лара вроде бы на Генку обижалась, что ему копили на квартиру, а о ней, мол, не думали и не любили никогда. Нинка на нее самую теперь обозлилась, как на врага последнего, Генка развелся в далеком Питере и, кажется, ночевал на работе, но в Вычегду ни за что возвращаться не хотел – в их общей жизни будто заклинило все механизмы, как в ржавом комбайне. И все-то Анатолий Николаевич мог разгадать – и про хлеб в магазине, и про посадочные дни, и про все звезды в небе, но про семью свою не понял ни черта. А к мэрии пришел, наверно, Ларушке что-то объяснить, как будто не права она была, ошибалась где-то, но сам он разве знал, где и в чем...

Пиликнул звонок. Анатолий Николаевич вздрогнул, стал рыскать по карманам. Звонил Михалыч: конечно, рабочий день второй смены начался, а его нет.

– Извини, Михалыч, приболел...

– Надрался, что ли? Слов не выговариваешь.

– Не-не, какой надрался... живот прихватило. – Деревенская смекалка подсказала-таки ответ, даже подумать не успел, слова сами пришли.

– Совсем плохо?

– Не, к вечеру пройдет, ничего.

Начальник часто так спрашивал о здоровье – вроде с участием, но и с мыслью: «Может, уволюшься?» Конечно, от такого работничка, как он, пользы было мало, но через дружбу и сочувствие перешагнуть начальник не мог.

– Погоди, Михалыч, потом позвоню, – сказал Анатолий Николаевич и сбросил звонок, потому что на пороге мэрии появилось человек пять быков.

Он спрятал телефон и напряженно разглядывал их издали – вдруг за спинами притаилась Лара? Но нет, дочери не было, а как выглядит настоящий бык, Анатолий Николаевич не знал. И глупо было подсказывать, спрашивать, все было глупо в последнее время...

Лару он чуть не проморгал: несколько часов перед глазами мельтешило столько людей, что Анатолий Николаевич теперь почти и не вглядывался в них. Увидел ее уже со спины, и шла дочка по Товарной от здания мэрии действительно с высоким человеком в плаще. Окликнул из последнего голоса, она остановилась, нервно дернулась вправо-влево. Наконец обернулась и распахнутыми своими глазами смотрела на него.

Человек остался стоять на месте, а Лара тревожно пошла навстречу отцу.

– Тятя... ты почему здесь? Меня ищешь?

– Не, не, случайно проходил, Ларушка. В торговый центр. Присел тут на лавочке, смотрю, вроде ты.

– Давай мы тебя до дома доведем, – заботливо дотронулась до плеча, как само собой разумеющееся предложила.

– Не, ты чего? Мать меня тогда со свету сживет...

37 Она улыбнулась сквозь слезы. Он заметил это и засмеялся, и она подхватила, и засмеялись вместе, чувствуя, как хорошо было смеяться вот так вдвоем над тем, что было сейчас больше всего.

Человек вдали подошел к черной машине и, кажется, нетерпеливо топтался возле нее.

– Иди, – сказал Анатолий Николаевич ласково. – Все хорошо, Ларушка, иди.

Дочь замотала головой, и отец понял, как сильно мучается она внутри себя.

– Он обещал, что поможет вам с мамой, – наконец выговорила Лара. – Пусть она не думает...

– Хорошо, это хорошо, ты молодец, – уговаривал он ее, чтобы успокоить.

– Пусть она не думает, – опять повторила, потом порывисто обняла его дочь и прижалась дрожащим телом.

А через несколько секунд, не в силах сдерживать новый порыв, отстранилась, прошептала резко:

– Пап, прости! – и, не оглядываясь, побежала к машине.

Он проснулся на своей кровати в дальней комнате, не помня, как вернулся домой, как по-

валился без задних ног. Было начало первого. За окном маячили огни. Неожиданно много людей собралось во дворе: он различал и знакомые силуэты, и народ из соседних домов на Лесной, и совсем чужих – все о чем-то наперебой говорили. Не включая свет, чтобы не привлекать внимания, он сел на кровати и принялся думать только о том, что касалось его самого, не загадывая на будущую жизнь, которая тонула в темноте и в которой он теперь ничего не понимал.

Как-то еще в школьное время, незадолго до поездки в Кострому в институт, тятя сказал ему: мы с тобой молоды да могутны, нам песню свою во весь голос надо спеть. И тятя спел хорошо и весело. А теперь и Анатолию Николаевичу хотелось хотя бы краешек своей музыки оставить жить. Но Генка с Ларой звучали уже по-своему, ничего не взяв от него в свою песню, а значит, его песня скоро должна была потеряться совсем.

Он осторожно и грустно свистнул в темной пустой квартире, звук был ясный и аккуратный, как маленькая картофелина. Потом от горечи отдался внятной мелодии, которую свистел уже кто-то внутри, и мелодия эта причудливо складывалась почему-то в колыбельную, что пела в детстве мамушка. Он встал и, качаясь в такт, бесцельно слонялся по избе, натываясь то на стены, то на мебель.

Вышел в подъезд. А там на старом сундуке сидела Веркина дочка, разложив вокруг себя школьные тетрадки.

– Уроки, что ли, делаешь, Юлька? Чего глаза портишь в подъезде? – удивился он.

– Маму жду, – улыбнулась виновато. – А вы, дядь Толь, почему не там? – И кивнула, показывая в сторону двора.

– Не знаю. А что, собрание?

– Ребята пришли, – ответила она, но не объяснила, что за ребята и почему это так важно.

Анатолий Николаевич присел на краешек сундука рядом.

– А знаешь, Юлька, что Вычегда – это кровь великана? Вот у тебя есть на запястье вена – смотри, какая синяя. Вот так же у него.

– А вы, дядя Толя, разве сказочник?

– Да ну, не вру я. Взаправду это так.

– Бедный великан, значит.

– Почему это?

– А вы давно не купались? Кровь у него совсем грязная.

Толик грустно засмеялся. Юлька продолжала писать что-то в тетрадке, иногда тревожно поглядывая, а он откинулся на подъездную стену и с горькой нежностью думал о детях. Здесь, на этом сундуке, который, кажется, сотни лет стоял в их подъезде, играли и Генка с Ларушкой, когда были маленькими. А он как-то пропустил этот момент, пытаясь выправить свою покореженную судьбу, – и никто не играл им в детстве ту главную колыбельную. Может, потому-то так быстро улетели они из родного дома и так сбивчиво началась их собственная молодая жизнь.

– Юль, а ты свистеть умеешь?

– Вроде нет, – засомневалась девочка.

Он выждал несколько секунд (одно дело мурчать себе под нос, и совсем другое – живому человеку) и тихо и осторожно приласкал первый звук. А потом дрожащим голосом провел первую ровную борозду и вроде не сорвался нигде. И хорошо было на душе, оттого что этот чужой, прибившийся к ним когда-то ребенок слушает сейчас и что-то запомнит о сегодняшнем вечере и сохранит его в своей детской памяти навечно. Поднялся на ноги, и сам уже показался себе настоящим великаном, и разогнался в эдаком захватском разгоне, и уже не колыбельная это была, а настоящая русская песня.

Потом оставил Юленьку заниматься уроками, спустился по скрипучим ступеням, вышел во двор. На ветках черными грачами сидела орда. Только клювами своими обращена была не на Толика, понимая, что он уже мертвый, а на галдящих людей во дворе.

Тогда изо всех сил по-разбойничьи свистнул он, так что зверята эти вздрогнули, а некоторые так и посыпались на землю. Люди на скамейке оглянулись на него удивленно и замахали руками, мол, иди к нам. И тогда он, мотая головой и сбрасывая с себя морок, медленно двинулся навстречу.

**Андрей
ФРОЛОВ**

**ЗАЙЧИК
ПОСЛЕДНЕГО СОЛНЦА**

* * *

Как на дежурстве,
 бодрясь через силу,
кажется: вот упадет,
Время раздумчивым
 центром России
тяжеловесно бредет.
Здесь у мгновений
 разбег черепаший,
в душах осенний покой.
Завтрашний день
 повторяет вчерашний –
на эти хаты, дороги и пашни
Время махнуло рукой.

ЗАТИШЬЕ

Слабеющий зайчик
последнего солнца
с церковного купола
падает вниз
и между крестами
уныло плетется
и вязнет в пыли
позабытых гробниц.
Глядит исподлобья
больная собака,
прижав к животу
леденеющий хвост.

39

Мохнатым крылом
неминуемого мрака
склоняется небо
на тихий погост –
тревожно и медленно,
будто немилость
ниспослана Богом
на здешний приход.
И если еще
ничего не случилось,
то лишь потому,
что случится вот-вот...

ЛОТО

Старушка играет в лото,
забросив на время шитье.
Одна – ей не нужен никто.
И нет никого у нее.

В кармашек лорнет помещен –
не так уж еще и стара,
и голос не дрогнет еще,
«выкрикивая» номера.

Поправив дареную шаль,
достала число «двадцать пять»
и затосковала: «Как жаль,
что некому проиграть».

ФРОЛОВ Андрей Владимирович родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум и Орловский государственный университет. Работал плотником, инженером, в настоящее время – руководитель Орловского Дома литераторов. Автор семи книг стихотворений и рассказов. Произведения публиковались в альманахах «Поэзия», «Невский альманах», журналах «Наш современник», «Роман-журнал. XXI век», «Простор», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Огни Кузбасса», «Подъем», «Бийский вестник» и др. Лауреат ряда всероссийских литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в Орле.

БОБЫЛЬ

*Под сочащимся ржавчиной краном
торопливо стирает белье,
объявляет войну тараканам
и проигрывает ее.*

*Вечерами вздыхает устало,
как в период страды тракторист,
и заглатывает сериалы,
поминутно влюбляясь в актрис.*

*Поливает щетинистый кактус,
не надеясь, что тот зацветет.
Если спросишь участливо: «Как ты?» –
угловато плечами пожмет.*

ЮРОДИВЫЙ

*Тих, одинок, печален.
Нечего взять с него.
Смотрит из-под развалин
разума своего:
взглядом пронзит тяжелым,
и не удержишь слез.
Паперть метет подолом,
что-то бубнит под нос.
Скорбный, как шорох листьев,
голос его дрожит.
И от колючих истин
в страхе народ бежит.*

РЕПЕЙ

*Под небом пыльным и сухим,
меж двух сквозных степей
живет адептом строгих схим,
отшельником репей.*

*От зноя жилист он и черн,
тревожен, как беда,
корнями в выветренный дерн
вцепился навсегда.*

*Когда тебе у той черты
случится проходить,
не пожалей глотка воды
и дай ему попить.*

КОММУНАЛКА**1. Утро**

*Понедельник. Час рассвета.
Коммунальный коридор.
В ожидание туалета
вяло тлеет разговор.
И вот-вот совсем потухнет,
темнотой углов распят...
Озабоченно на кухне
восемь чайников сипят.
Завтрак. Судорожный выход –
кто к станку, кто на базар.
Дверь жильцов листает лихо,
как услужливый швейцар.*

2. Морской волк

*Дядя Коля списан с теплохода,
потому в запое третий год,
и его мятежная природа
продыху соседям не дает:
то швырнет их в пасть водоворота,
то волной накроет штормовой...
Зря, конечно, изгнан из морфлота
бывший первоклассный рулевой.
Вот и сам он: в латаном бушлате,
испитой и выпитый до дна,
маятно распластан по кровати,
будто вахта трудная сдана...
Но вниманье: цокают стаканы –
дядя Коля снова «у руля»...
Стойкие к волнениям тараканы
драпают, как крысы с корабля.*

3. Вечер

*К ночи тягостней промахи власти,
откровенней мольбы стариков –
и коммуна дробится на части
перещелком надежных замков.
Гулко кашляет, пьет валерьянку,
раздражаясь нахальством луны;
убеждает себя: спозаранку –
на работу во благо страны.
А когда перед самым рассветом
беспокойным забудется сном,
беспардонным охрипшим дуэтом
прогнусавят будильник отпетый
и дежурный петух за окном...*

ПРО СОСЕДКУ

Долго не пишется...
 Яблони ветка
 лезет в окошко, тихонько звеня...
 Тут вот на днях прицепилась соседка:
 «Ты, – говорит, – напиши про меня.
 Я ж, погляди-ка, страдаю от веку:
 брошена, дети – сиротки как есть...»
 Как же, ну как объяснить человеку:
 судеб разбитых на свете – не счесть.
 Нынче хорошее встретится редко,
 чаще – предательство, злоба, вранье.
 Ну а соседка... Да что там соседка!
 Я ведь уже написал про нее:
 в этом стихе, и вот в этом, и в этом –
 долго веревочку горькую व्यю...
 Нет, обзывает хреновым поэтом –
 хочет фамилию видеть свою.

БАЙКА

Дело-то смешное приключилось,
 дело-то не стоит и гроша:
 в собственных потемках заблудилась
 чья-то бесприютная душа.

Лес не лес, болото не болото...
 И, уже от страха чуть дыша,
 высмотреть пытается хоть что-то,
 но во тьме не видит ни шиша.

Ладно бы потемки-то чужие:
 ты туда не суйся – и хорош!
 Ну а тут же – на тебе, дождили:
 в собственных себя же не найдешь...

Кто-то скажет: «Знаем байку эту»,
 усмехнется: «На уши лапша!..»
 Только очень, очень хочет к свету
 выбраться пропащая душа.

ВОСПРИЯТИЕ УТРА

Еле светает, а я уже мчусь на работу
 и улыбаюсь такому ж, как сам, идиоту –
 каждое утро я бодро ему улыбаюсь,
 возле облезлой чугунной ограды встречаясь.
 Небо сырое висит в ожидании солнца,
 кажется, свистни –
 и вниз оно тотчас сорвется.
 Сплющит в лепешку
 своей многотонной громадой
 мир,
 окруженный ажурной чугунной оградой,
 мир,
 где людей не собаки кусают, а люди,
 мир,
 бесприютней которого нет и не будет...
 Все же я рад за себя и того идиота:
 есть у нас общее,
 есть у нас дом и работа,
 краешек неба, где каждое утро восходы,
 и обязательный минимум личной свободы.

* * *

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
 Хотя не морозно еще и не снежно,
 но в сумерках рыжих запуталось время,
 как спички сгорев, почернели деревья.
 А небо готово на землю свалиться,
 и первыми это почуяли птицы
 и, вскинувшись, высь надо мной раскачали.
 И сердце застыло в предзимней печали...

* * *

Вырастая до прежнего роста,
 человек возвращался с погоста.
 Шли минуты,
 и делалось легче,
 расправлялись ладони и плечи,
 возвращались дела и заботы,
 воскресение шло за субботой.
 Все предельно понятно и просто:
 человек возвращался с погоста.

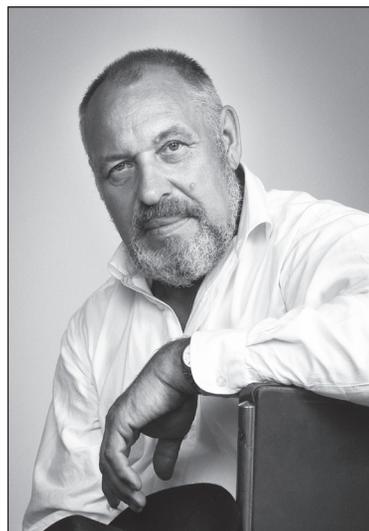

Дорогой Александр Михайлович! Поздравляем тебя с юбилеем, желаем крепкого здоровья, успехов в творчестве и раскрытия всех тайн пирамид и лабиринтов!

**Александр
ЯРОЦУК**

ЗОЛОТО ЕЛОВОЙ ПАДИ

Приключенческая повесть

ОЛЕГ

Открылась дверь, и в дом неслышной тенью проник мой племянник Олег. Его вид мне сразу не понравился. Отечное лицо, нервные движения, бегающие глаза.

– Олег, что с тобой?

Несчастный сел к столу и уставился на меня.

– Батяня, помоги, я умираю! – взмолился он.

С детства он зовет меня батяней.

Олег, сын моего старшего брата Алексея, в восемнадцать лет уже был конченным наркоманом. Незаметно для нас за несколько месяцев он пристрастился к наркотикам, а когда спохватились, было уже поздно. Умный, красивый, крепкий парень погибал на наших глазах. Ничто не помогало: ни увещевания родителей, ни обращения к врачам. Все было впустую. Кроме того, проявился самый страшный спутник наркомана – kleptomания. Олег крал все подряд: деньги, вещи, продукты. И все ради одного – уколиться.

– Олег, у меня спиртного нет, ты же должен помнить: я уже шесть лет как не пью. Хотя постой...

Из жалости к бедняге я залез в шкафчик и нашел бутылку с остатками водки, на которой жена настаивала лечебные травы. Вылил в стакан и подал Олегу. Тот жадно проглотил.

– Ну что, полегчало?

Племянник отрицательно покачал головой. И тут меня позвала жена – помочь спустить сольенья в погреб.

– Олег, побудь здесь. Вернусь – что-нибудь придумаем, – сказал я и вышел.

Быстро выполнил работу и поспешил назад. Олег сидел, вцепившись в край стола, вот-вот свалится на пол. Руки тряслись, изо рта пузырилась пена, синюшное лицо, глаза кровавые навывкат. Он силился что-то произнести, но лишь мычал невнятно. Такого мне еще не приходилось видеть.

– Мать, – крикнул я жене, – беги к Алексею! Олег умирает!

Принялся хлопать его по щекам, тряс за грудки – ничего не помогало, в сознание парень так и не приходил. Я вспомнил, что в шкафчике есть нашатырь, кинулся к нему. И увидел на полке почти пустую бутылку с настойкой вежа. Олег выпил ее, а это уже смертельно! Надо срочно спасать!

Сначала вливал в него молоко, а когда оно закончилось – теплый чай. Как же его рвало! Зато после этого мой пациент стал подавать признаки жизни. Тут и прибежал Алексей.

– Зачем ты его спасаешь?! – закричал он. – Пусть сдохнет эта сволочь! Он всех уже достал!

ЯРОЦУК Александр Михайлович родился 24 октября 1943 г. Окончил Кемеровский химический техникум и Кузбасский политехнический институт. 27 лет проработал на КПО «Азот». Прошел трудовой путь от мастера смены до начальника цеха. Был председателем обкома профсоюза рабочих химической и нефтехимической промышленности. Член Союза писателей России с 2009 г. Постоянный автор журнала «Огни Кузбасса». Автор девяти книг. Живет в Кемерове.

Мне стыдно из-за него появляться в поселке, обворовал почти всю родню! Каждый раз, когда кто-нибудь подходит ко мне поздороваться, я жду: вот сейчас он скажет, что мой сын у него что-то украл. Ты представляешь весь этот стыд? Я уже сам хотел его прибить, как Тарас Бульба!

– Знаешь, брат, ты в своем доме можешь делать с ним все что угодно, но в моем его смерти не допущу! А где ты раньше был? Не видел, куда твой парень катится? Олег прекрасно учился, занимался спортом, и вдруг – наркоман! Как же так, брат?

– Что ты меня укоряешь? С себя я вину не снимаю. Но ты же знаешь, какая работа у дальбойщика: неделю, а то и две в рейсе. Приедешь, день отоспишься, на второй – машину подготовишь, а если сменщика нет, то и снова в рейс. Мать знала, но скрывала, все думала, что само собой рассосется. Не рассосалось. Когда украшения спер из дома и унес ее новую норковую шубу, вот тогда она и взвыла, и все рассказала мне!..

Олегу полегло: ушла синева с лица, перестала бить дрожь. Мы уложили его в постель, где измученный парень и заснул. Долго сидели за столом, обсуждая нашу беду. Наконец я предложил самое действенное, на мой взгляд, решение. Сначала брат не соглашался, но потом, поразмыслив, поддержал меня:

– Пусть будет по-твоему, я тоже другого варианта просто не вижу!

К вечеру Олег был в состоянии и говорить, и слушать нас.

– Все, сынок, покуролесил, и хватит, – объявил Алексей. – Завтра дядя отвезет тебя на лечение в санаторий.

– Какой еще санаторий?

– Для наркозависимых больных.

– Я – больной? Никуда я не поеду! – огрызнулся Олег.

– Ты еще не понял, что сегодня чуть не сдох? Если бы не дядька, то тебе бы уже лежать в ящике! Больше тебя такого я не намерен терпеть. Выбирай: или я тебя придушу, или пролечишься еще раз! – раздражаясь, подытожил Алексей.

– Я лучше сам повешусь, чем поеду лечиться. Ты знаешь, как там и чем лечат?

– Достаточно того, что это знаешь ты. А насчет повеситься – нет проблем. Я тебе даже помогу. Вдруг что-то у тебя пойдет не так, еще сорвешься, покалечишься и останешься инвали-

дом. Инвалид, наркоман – два в одном флаконе, это уже перебор.

– Спасибо тебе, батя, за заботу. Век не забуду.

– Для собственного сына – ничего не жалко!

Так что к утру будь готов!

– Ладно, согласен, – выдал из себя Олег.

– Еще бы кто спрашивал твоего согласия!

Соберешь одежду и захватишь теплые вещи.

– Так еще же тепло!

– Да, середина августа, еще не холодно, но отправляю тебя на два месяца. Там будешь ходить в походы по памятным местам и теплая одежда тебе будет кстати.

При упоминании братом «памятных» мест я криво усмехнулся. Действительно, я запомнил те места навсегда!

– Батя, как называется санаторий? – поинтересовался Олег.

– Еловая падь.

– Завтра с утра и выезжаем, – добавил уже я.

Едва они ушли, я на машине поехал закупать продукты. Муку, крупу, макароны, растительное масло, три килограмма соли, спички – все с расчетом на два месяца проживания одного человека. Кроме всего прочего взял медицинскую аптечку, а в охотничьем магазине – полмешка банок пороха и патронов.

– А куда столько пороха и патронов? – удивилась знакомая продавщица.

– На всю артель, – не моргнув глазом ответил я.

– Слушай, Паша, привези мне соболушку на шапку. Хорошо заплачу, – зашептала она.

– Если попадет, то обязательно, – пообещал я.

С утра моя снаряженная в дальнюю дорогу машина уже стояла у двора Алексея. Олег вышел с баулом, и они с отцом без задержки разместились в салоне.

– Ну, брат, с богом! – произнес Алексей.

И мы тронулись в путь.

САНАТОРИЙ

К вечеру прибыли в маленький городишко. Нашли гостиницу, переночевали и двинулись дальше. Через четыре часа езды по едва заметной проселочной дороге добрались до глухой деревни Кудимово, где жили только старoverы. Это одно из немногих оставшихся в Сибири поселений потомков раскольников, не принявших реформу православной церкви патриарха Никона.

Более пяти лет я не был здесь, а в Кудимове немного изменилось. Те же низкие ограды из жердей, дома без телевизионных антенн, отсутствие автомобилей. Только количество домов уменьшилось. Зато у каждого двора одна-две телеги. Впечатление такое, будто время здесь застыло навсегда. Но нет, заметил я и элементы цивилизации, проникшие в поселок: во дворе Никодима, моего старого знакомого, стояла разобранная сенокосилка, а в соседнем дворе яростно визжала бензопила, вгрызаясь в податливую древесину. Выходит, правы те, кто утверждает: чем ближе старожилы к обычному населению, тем мягче установки старой веры.

– Батя, неужели здесь находится санаторий?

– Нет, сынок, до него мы еще не доехали.

– Перед тем как выехать, я посмотрел в интернете: нет такого санатория! – выпалил Олег.

– Ты по Кемеровской области смотрел?

– Ну да.

– А он в Красноярском крае.

Да, заимка, куда мы направлялись, находилась в Красноярском крае. А сейчас мы подъехали к знакомому подворью. Я вышел из машины, поздоровался с шагнущим навстречу хозяином, и мы с ним отошли в сторонку.

– Павел, порох привез? – первым делом спросил Никодим.

– Да помню, помню твою беду. И не только порох, но и патроны. Вам на всю деревню хватит. Дед, зарегистрируй уже свою берданку в милиции, получи разрешение, и никаких проблем с боеприпасами не будет.

– Так у меня никаких документов сроду не было: ни на ружье, ни даже паспорта.

– А как же с пенсией?

– Да никак. Нам от вашей власти ничего не надо.

– На охоту еще ходишь?

– Изредка. Только прогуляться, а ружье в основном разве от лихих людей.

– И часто бывают?

– Случается, – уклончиво ответил Никодим. –

А ты, Павел, никак опять в Еловую падь направляешься? Снова бандиты покоя не дают?

– Хуже, наркомания одолела. Хотим хоть там отсидеться.

– Водка, табак, а теперь и наркотики – вот что дал вам прогресс.

– Не ворчи, дед Никодим. Лучше скажи: у кого взять лошадей?

– Две моих возьми, а третью я приведу от соседа. Как-то зимой наведывался туда, в Еловую падь. Жива избушечка, хорошую хоромину твой дед изладил. Да, вот еще что. Когда в следующий раз поедешь, не забудь захвати с десятка батареек для радиоприемника.

– Да не забыл я, просто думал, что у вас уже давно телевидение имеется.

– Это не телевидение, а рассадник зла и блуда.

– Но приемник-то слушаешь?

– Иногда. А то прошлый раз и революцию проспал. Василий! – закричал он сыну. – Сходи в тайгу, приведи зараз коней!

Оседлали лошадей, навьючили поклажей. И вот тогда, когда я достал из багажника карабин и передал его Алексею, Олег заметно занервничал:

– А это зачем?

– На всякий случай. Дорога дальняя, да по тайге. А твой отец – отменный стрелок, – ответил я.

И Олег заплакал. Скорее всего, он понял, что такое Еловая падь. У нас в родне порой звучало название этой заимки, где я в девяностых годах скрывался от бандитов. Но он не вникал в суть по малолетству, а вот теперь, видать, вспомнил.

– Батяня, – обратился он ко мне, – вы меня везете убивать?

– Да ты что? Мы везем тебя на лечение!

– Я от вас дорогой сбегу!

– Сынок, и не вздумай, – сказал Алексей и, передернув затвор карабина, дослал патрон в патронник.

Олег присмирел, но в глазах его еще долго блестели слезы.

Когда мы тронулись, Никодим осенил нас двуперстным крестом.

Сначала путь наш пролегал по лесной проторенной дороге, затем она плавно перешла в тропу, а через несколько километров вообще исчезла. Дальше двигались по известным только мне ориентирам, главным из которых служила речка Медянка. Пришлось пересекать ее вброд раз пять, а в одном месте даже прошли по руслу несколько километров. И несмотря на то что я много раз хаживал здесь, частенько сбивались с нужного направления. Как все вокруг изменилось за каких-то пять лет!

Ранняя осень – замечательное время! Яркие краски, кругом изобилие ягод, особенно много малины, да такой сладкой, что не оторваться. Как раз в это время и жирует на ней медведь. Но мы ехали ни на что не обращая внимания.

Мрачные, почти не разговаривали друг с другом, и каждый думал о своем. Осознавали ли мы с братом всю меру ответственности, намереваясь оставить Олега один на один с тайгой? Конечно, осознавали. Но он сам не оставил нам выбора.

Изредка я вглядывался в лицо Олега, с беспокоеством ожидая проявления признаков ломки, однако пока ничего не было заметно. Он ехал безучастный ко всему, ритмично покачиваясь в седле в такт шагу лошади, будто в дремоте. То ли еще не окончательно увяз в этом смертельном болоте, то ли на него «положительно» подействовало отравление вехом. Хоть бы довести его до места без приключений!

Наконец к обеду второго дня нашего путешествия скальные гряды, сжимавшие последние несколько километров русло реки, расступились, образуя широкую долину, и я увидел вдаль, на противоположном лысом склоне, огромную кривую сосну. Жива старушка! А ведь лет ей, пожалуй, под двести. Но вид уже изменился: словно гигантским ножом ровнехонько срезали верхушку. Это ж сколько она приняла на себя ударов молний? Время и здесь дает о себе знать... Итак, мы добрались. Это и есть наша заповедная Еловая падь! Через пару часов мы уже продирались сквозь заросли кустарника к заимке.

Вот оно, мое пристанище, в котором я вынужденно коротал целое лето. Наш с Алексеем отец и дед давным-давно срубили избушку в такой глуши для своих охотничьих нужд. И разве могли они знать, что через много лет заимка эта послужит спасением мне, а теперь, возможно, и моему племяннику, их внуку и правнуку? Избушка как бы присела, стала ниже ростом, но до сих пор еще была крепка и надежна.

– Алексей, подай-ка сюда карабин, – попросил я.

И по пади разнеслось, отразившись от гористых склонов, эхо выстрелов.

– Ты это зачем? – удивленно спросил Алексей.

– Пусть зверье знает, что вернулись хозяева заимки!

...Потребовалось целых два дня, чтобы привести жилище в порядок. Олег не дурак, понял, что мы с братом не изменим своего решения, и теперь равнодушно наблюдал за нашими хлопотами.

В первую очередь занялись крышей. Толь, которым раньше была покрыта избушка поверх бревенчатого потолка, весь распался. Мы заменили его привезенным с собой толстым полиэти-

леном, а сверху еще обложили дерном. Затем поправили топчаны, подремонтировали столик, за которым завтракали, обедали и ужинали. Расчистили участок вокруг заимки, прорубили дорожку, ведущую к речке, оборудовали склад для продуктов. Соорудили навес. Восстановили печурку. Особое внимание уделили двери: поставили мощные навесы, закрепили надежный кованный крюк, чтобы изнутри Олег мог запереться и чувствовать себя в безопасности.

– Все, сынок, живи наедине с природой и лечись свежим лесным воздухом! Это и будет твой санаторий, – сказал Алексей. – Через два месяца мы вернемся за тобой.

– Батя, оставь карабин! – взмолился Олег.

– Нет, сын, еще случайно застрелишься. Тебе будет достаточно топора и ножа.

– А если медведь? Сами-то карабин с собой взяли, а мне топор!

– Постой, – вмешался я, – чуть не забыл. Специально взял для тебя. – И передал ему аптечку, а также с десяток новогодних хлопушек. – Выстрелишь в морду, и медведь от страха сдохнет. А если серьезно, то здесь постоянной охотой медведи так запуганы, что, учуяв тебя, обойдут как можно дальше. Когда я был здесь, ни одного не видел. Да и волков здесь нет. Так что не дрейфь. Запомни, Олег: самый страшный зверь в тайге – это человек.

Тайком от брата, когда тот отошел к реке за водой, я сунул Олегу несколько упаковок анальгина. На всякий случай...

Прощание не затянулось. Всем было не по себе. Олег не мог сдержать слез и просил не оставлять его, но отец был неумолим. Видать, так натерпелся, что дальше некуда.

– Чего раскис? – сказал он сыну. – Будь мужчиной, это тебе не деньги у матери из кошелька тырить!

...Минула неделя. Вечером ко мне зашел Алексей.

– Паша, поехали съездим на заимку, проведем Олега.

– Ты что? Рано. Он не только еще не вылез, у него даже ломка не прошла.

– Не могу ждать. Только о нем и думаю. Как он там, в тайге, один-одинешенек?

– Ты лучше скажи мне: как мать?

– Она действительно думает, что тот в санатории. Очень надеется на благополучный исход. Иначе, наверно, с ума бы сошла.

– Пусть пройдет хотя бы месяц, вот тогда и поедем.

– Жестокий ты, Паша. А все потому, что нет у тебя своих детей. Вот когда будут, намучаешься с ними, тогда и поймешь меня.

– Зря ты так. Да мне твой Олег как сын дорог! Все, решили и давай больше об этом не будем!

ГОСТИ, МЕДВЕДЬ И ХРОМОЙ

Ровно через месяц, как я и обещал, мы снова двинулись в Еловую падь. Ехали со страхом: что нас там ждет? И все-таки надеялись на лучшее.

Без труда добрались до Кудимова. Передали Никодиму обещанные батарейки. Встал вопрос: брать ли с собой третью лошадь? После долгого обсуждения решили взять.

В этот раз доехали намного быстрее, почти не плутая. Возле избушки сразу было видно, что здесь обитает человек. Зашли внутрь. Никого. На столе еще теплый чайник и какая-то похлебка.

Алексей отпил из носика чайника:

– А недурно!

Попробовал и я. Да, знакомый вкус. Заваренный на ягодах, листьях смородины, шиповника, малины, душицы. Тут и вошел Олег.

– Батя! – бросился он к отцу на шею. – Как я вас ждал! Если б вы только знали!

– Ну, как ты, сын, здесь живешь? – спросил Алексей, когда Олег пришел в себя.

– Нормально, батя. Очень страшной была первая неделя, пока шла ломка. Честно скажу, дважды пытался покончить с собой. Первый раз обломился сучок, на котором хотел повеситься, а второй раз – бросился на топор. Слава богу, все обошлось. Хорошо, что не оставили мне карабин. Сейчас уже освоился, и все в прошлом.

– Это точно? – недоверчиво спросил отец.

– Абсолютно. Нет никакой тяги. Подождите, вы, наверно, есть хотите? Сейчас уху из свежей рыбы приготовлю!

Мы с Алексеем удивленно переглянулись. Вышли следом за хозяином. В старом ведре среди нарезанной осоки копошились сорожки и окуньки.

– Да ты, оказывается, рыбак! – признал я.

– Тут поживешь, еще не тому научишься, а кое от чего и отучишься, – весело скаламбурил племянник, приступая к чистке рыбы.

– Ты как ее ловишь? Руками, что ли? – спросил я.

Ведь точно помнил, что никаких снастей мы ему не оставляли.

– Спуститесь к реке – увидите.

Интереса ради, пока Олег хлопотал с костром и ухой, мы спустились к реке. Чуть ниже омутка, где я всегда брал воду, на быстрине стояла сплетенная из ивовых прутьев мордушка. Прошли по натоптанной тропке вниз по течению. Там стояла вторая, в которой еще плескалась рыба.

– А вот я, когда был здесь, до этого не додумался.

– Нет, ты только посмотри, на что способен человек, когда поставлен на грань выживания! – воскликнул Алексей.

– Не преувеличивай. Мы ему оставили все, чтобы он прожил не один месяц.

– Слушай! И все-таки он показал себя молодецом. Я думаю, что его уже можно забирать.

– Я тоже так считаю.

– Эх, остаться бы здесь на пару деньков да поохотиться всласть! – мечтательно протянул Алексей.

– Некогда, брат. Времени у нас и так в обрез. Завтра с утра и двинемся. Но вечер для тебя свободен.

Возвращаясь назад напрямик по другой тропе, мы наткнулись на яму с мусором, среди которого виднелись пустые банки из-под тушенки и сгущенного молока. Этого мы Олегу не оставляли! Откуда они? Уплетая довольно вкусную уху, я и задал этот вопрос племяннику.

– После вашего отъезда, дней через десять, на меня вышли три человека. Молодые, спортивного вида ребята с огромными рюкзаками, и у каждого по карабину. Назвались туристами. Но я уверен, что это были не туристы. И даже не охотники. Глухаря от косача не могли отличить. Поставили рядом палатку – новую, заграничную, прожили четыре дня. Вот они меня иногда и подкармливали. Но что интересно, каждое утро двое належке уходили в тайгу, а кто-то всегда оставался в палатке рядом со мной. Иногда он отходил в сторону и, судя по всему, с кем-то связывался по рации, хотя самой рации я у них никогда не видел.

– Почему именно связь по рации?

– Когда отходил, каждый раз брал с собой карту местности. Перед тем как уйти, спросили, есть ли у меня запасные батарейки для радиоприемника. А какие у меня батарейки, если нет приемника?

– А с чего ты взял, что это не туристы? – попытался Алексей.

– Одежда. Все в одинаковом камуфляже с головы до ног. Даже кроссовки как будто все с одного склада выдавали. Что напугало – на третий, последний день из тайги вечером вернулся только один. Весь нервный, не в себе, с перебинтованной рукой. Я спросил про другого, и он ответил, что нашли хорошее место и тот остался обустроить новый базовый лагерь. Наутро они перетрясли его рюкзак, перераспределили между собой вещи, выложили мне кое-какие продукты, а остальное забрали с собой. Пообещали, что через несколько дней вернутся втроем, и если я захочу, то выведут меня к городу. Но я ни за что бы с ними не пошел. Страшные люди, и глаза их не забыть – волчьи. Но, к моей радости, прошло уже пять дней, а они так и не вернулись.

– Какая у них все-таки была цель? – настойчиво донимал сына Алексей.

– Спрашивать напрямую я так и не осмелился. Мне показалось, они что-то или кого-то ищут. Вот тогда я и вспомнил слова дяди Паши, что страшной человека в тайге зверя нет! Как-то я заглянул к ним в палатку – так оставшийся дежурный сразу схватился за карабин, словно кого-то боялся. Медведя я не видел, но один раз слышал его рев. Из хищников видел дважды только рысь, и все. Зато рябчиков навалом. Непуганые. Подпускают так близко, хоть руками бери. Иногда по три штуки рогаткой сбивал. Какой из них супец – язык проглотишь! Да, вот еще что. Уходя, эти ребята попросили у меня пачку соли и пару коробок спичек. Объяснили, что торопились в тайгу и про них забыли. Знаю, что туристы готовятся задолго и про такие важные вещи никогда не забывают. Сам ходил в турпоходы.

– Спрашивали тебя, что ты здесь делаешь?

– Сказал – отдыхаю. Это наш родовой санаторий.

– Правильно сказал! – хохотнул отец.

– Золото! – вдруг осенило меня.

– Золото? Откуда? Здесь его никогда не было! – удивился Алексей.

– Ты, наверно, забыл, что в этих местах сгинул вертолет с партией золота, когда его везли с прииска «Оранжевый» на Новосибирский аффинажный завод. Я хорошо помню, потому что это случилось, когда я находился здесь. Точно так же тогда на меня вышла поисковая группа в составе четырех человек. Сначала я крепко трухнул, думал, это бандиты до меня добрались. Но нет. Эти ребята своих намерений не скрывали. Дотошно расспрашивали, не видел ли я кого, не

слышал ли чего. Но, насколько я помню, ни вертолета, ни груза так и не нашли. Да, видать, до сих пор кому-то не дает покоя это золотишко.

– Но столько лет-то прошло!

– Всего пять. Золото, брат, и в Африке золото, оно не ржавеет!

– Возможно, ты и прав. Сынок, а с нами домой поедешь?

– Еще спрашиваешь!

– Ну что, Павел, берем парня?

– Берем!

– Тогда будем собираться. Переночуем и с утра в путь. А я пока смотаюсь в лес с ружьишком, глядишь, к ужину и дичь добуду, – радостно объявил Алексей.

Олег взялся за сборы, а я начал расседлывать коней. Не прошло и двух часов, как вернулся мой брат, издалека демонстрируя свою добычу – огромного красавца-глухаря.

Я уже предвкушал, какой вкусный будет ужин из дичи, когда потрошивший глухаря Алексей вдруг позвал меня:

– Паша, срочно ко мне!

То, что я увидел, повергло меня в шок. На ладони у сидящего на пеньке брата, отливая огнем, горел золотой камушек размером с картечину.

– Откуда, где взял?

– Вот потрошил птицу, и из зоба выпал этот самородок. Не зря оказывается, ходил слушок, что в этих местах в зобах глухарей среди других камешков встречаются кусочки самородного золота. А если учесть, что глухарь – птица оседлая, то и потерянное золотишко с вертолетом находится где-то здесь.

– Теперь понятно, что искали те ребята. Может, и нам стоит подключиться к поискам?

– Обсудим утром. Утро вечера мудренее.

Под утро нас разбудил громкий храп и ржание испуганных лошадей, привязанных к лесине. Алексей схватил карабин и вынырнул из избушки. Через секунду грохнул выстрел.

– В кого стреляешь? – спросил я, выскочив следом.

– Скорее всего, медведь.

И в подтверждение его слов невдалеке раздался грозный рев хозяина тайги.

– Неужто попал?

– Какое! В темноте возле лошадей мелькнула тень, вот в воздух и бабахнул. Павел, надо разжечь костер и посторожить до рассвета – вдруг вернется?

Сказано – сделано. И вот я в обнимку с винтовкой сижу, прижавшись к стенке нашего пристанища, греясь перед костром. Лошади понемногу успокоились. Так мы и встретили утро без новых происшествий. Осмотрели лошадей – никаких повреждений ночной пришелец нанести не успел.

За завтраком Алексей неожиданно заявил:

– Я догадываюсь, где может быть упавший вертолет.

– Где? – в один голос воскликнули мы с Олегом.

– Вон у той самой сосны без вершины. Обратите внимание, как ровно она обрезана. Как ножницами садовника. Это ее срезали винты вертолета. Значит, здесь в распадке, на склоне, находится и сам вертолет с золотом! Короче, ребята, я прогуляюсь до сосны, посмотрю, что да как, и скоренько вернусь.

– Но это же с десяток километров! – встревожился я.

– Для бешеной собаки семь верст не крюк!

– И я с тобой! – запросился Олег.

– Нет! Сидите оба здесь, стерегите лошадей, а я через пару часов вернусь.

Сказав это, Алексей взял вещмешок, карабин и быстро скрылся в лесу.

Пока ждали его, оседлали лошадей. Уже стало пригревать скудное осеннее солнышко, а Алексея все нет и нет. Мы уже изрядно волновались, когда он вынырнул из кустов. Подошел к нам с Олегом, зачерпнул кружкой воды из ведра и жадно выпил.

– Ребята, срочно надо валить отсюда. И чем скорее, тем лучше.

– Да что случилось? Нашел ты вертолет? – засыпали мы его вопросами.

– Дорогой расскажу.

Собрались, погрузились на лошадей и тронулись в обратный путь.

– Ну, рассказывай, рассказывай! – тормошили мы Алексея.

Помолчав, брат начал:

– Значит, километров через пять подхожу к речонке, где поперек нее лежит здоровенная лиственница. Ну, вы оба должны знать – это место перехода на другую сторону. И вдруг я за что-то зацепился ногой. Гляжу, а в траве ремень карабина. Поднимаю карабин, а он пустой. Нет патронов ни в стволе, ни в магазине. Тут стало мне не по себе. Оглядываюсь вокруг: где хозяин? Вокруг истоптанная трава, и есть след волочения, а рядом отпечатки огромных когтистых лап. Про-

шел немного по следу и вижу впереди кучу валяжника. Подхожу ближе: бог мой, там человеческие кости вперемешку с тряпьем и трупный запах! Гляжу внимательней и вижу под хворостом кости и два человеческих черепа. Тут же и кроссовки. Поднял глаза, а передо мной огромная осина с отметкой медвежьей лапы на высоте не менее двух с половиной метров. Это же какая огромная зверюга отметилась! По всему видно, что здесь пировал медведь, а доедало останки мелкое зверье. Недалеко обнаружил второй карабин, и тоже пустой. Покружив на этом месте, наткнулся на распотрошенный медведем вещмешок. Подошел к бревну, переброшенному через речонку, и в воде под корягами заметил второй вещмешок, и, судя по всему, вскрытый. Сначала сложилось ощущение, что это твоих ребят, Олег, на переправе подкараулил медведь и с ними расправился. Но потом у меня появилось чувство, что здесь не все так чисто. Как медведь мог убить на одном месте сразу двух вооруженных людей? Куда исчезли все патроны? Почему вторая винтовка лежала в стороне от реки, а вещмешок – в реке? Короче, ребята, это убийство. Кто и как – пусть разбирается милиция. Решил я это – и обратно к вам.

– Надо было хоть карабины с собой забрать, – сказал Олег.

– Нельзя ничего брать. Это вещдоки. Подберешь – затаскают. Прибудем домой, зайдем к участковому и все расскажем.

– А как же вертолет, золото?

– Ты что, сынок? Тут убийство, все смертью пахнет. Там, на берегу речки, откуда тянется и второй след волочения к лесине, целая звериная тропа протоптана. Она ведет к мостику через речку. Среди множества следов есть цепочка следов и человека, причем не от кроссовок, и их все покрывают отпечатки огромных медвежьих лап. Величиной с лошадиную голову! А знаешь, сынок, как опасен медведь, отведавший человечины? Он с этого момента рассматривает его уже как свою законную добычу. Если медведь пойдет на человека, то даже у опытного охотника с любым оружием нет шансов. Спасти его может только собака с тонким чутьем. Не зря медведя называют хозяином тайги. При обычных условиях он ведет себя шумно, никого не боясь. Но когда скрадывает добычу, он бесшумен, как привидение. Еще неизвестно, куда и при каких обстоятельствах пропал третий парень. Нам бы живыми ноги отсюда унести, а ты «золото»,

«вертолет»! И вот еще что: никому о том, что произошло с нами, до разговора с милицией. А про мои догадки о вертолете забыть наглухо!

– Батяня, – обратился ко мне побледневший Олег. – Так этот зверюга мог и меня запросто сожрать?

– Мог, но ведь не сожрал. С тобой не было винтовки, вел ты себя неагрессивно и ни для кого не представлял опасности. Вот тебя никто и не трогал, – придумал я объяснение для племянника.

– Скорее всего, он был занят этими ребятами, – добавил Алексей.

– А что не взяли с собой ни Арбака, ни Шарика? – спросил про отцовских собак Олег.

– У Арбака большая нога. Повредил в уличной драке. А Шарик без Арбака никуда от дома.

Знакомой тропой двинулись в Кудимово. Шли на лошадях группой кучно, в центре – Алексей с карабином на изготовку. Старались идти по открытой местности, избегая густых ельников или лесных заломов, в которых мог оказаться в засаде медведь. В чащобе спешивались и шли по опасному месту пешком, ведя лошадей в поводу. Добрались до поселка староверов. Вернули лошадей хозяевам и присели перекурить на дорожку у дома Никодима.

– Отец, – среди разговора обратился Алексей к хозяину, – не знаешь, этой осенью кто-то ходил в те места кроме нас?

– Да кто ж ведает? Разве всех упомнишь? В тех местах стали пропадать наши люди. В прошлом году пропали двое. Не нашлись. Будто какое-то зло там поселилось. С тех пор наши мужики туды перестали ходить-то. Но вот недавно оттоль вернулся один. Чужой. Я что запомнил его – хромой. Смекаю: что делать-то хромому в тайге? А?

– Не помнишь ли, на какую ногу он хронал? – почему-то заинтересовался этим обстоятельством Алексей.

– Не. Не помню.

Поболтав о том о сем, попрощались, загрузились в машину и двинулись в путь.

– Ты это к чему про хромого? – спросил я у брата.

– Только сейчас дошло, почему след человека на берегу речки показался каким-то странным. Левая ступня как-то вывернута в сторону. Выходит, там был хромой!

К ДЕЛУ ПОДКЛЮЧАЕТСЯ МИЛИЦИЯ

На следующий день мы втроем отправились к участковому. В тесной ободранной комнатке принял нас новый участковый – старший лейтенант Виктор Селезнев, веселый разбитной парень. Несмотря на молодость, он исправно нес свою службу, всяким хулиганам и наркоманам спуску не давал, чем за короткий срок заслужил уважение жителей нашего района.

– С чем пожаловали?

Дальше обо всем рассказал Алексей.

Задав ему несколько уточняющих вопросов, Виктор попросил:

– Алексей, напиши коротенькое заявление, и я тут же дам ему ход. Пока из города не выезжайте, к нам по факту убийства быстро прискачут следователи. Спасибо, что сообщили.

Через два дня нас вызвали в городское отделение милиции. В большом кабинете старшего следователя по особо важным делам Ольги Владимировны Смирновой собралось восемь человек. Нас трое, сама хозяйка кабинета, участковый, прокурор, начальник оперативного отдела и сотрудник ФСБ. Прежде чем начать опрос, прокурор объявил, что наша беседа будет записываться на диктофон. Мы возражать не стали. Алексей обстоятельно повторил свой рассказ. Посыпались вопросы к Олегу, касающиеся его гостей.

– Как звали этих ребят? – спросил следователь.

– Не знаю. Знаю только их клички. Одного звали Босый, наверно потому, что был лысым; второго звали Уго, это – часть от клички Угрюмый. А третьего – Фикса: на двух передних верхних зубах у него золотые коронки.

– Кроме этой были другие приметы?

– Нет, не помню.

– Может, на лице шрамы, бородавки, может, где на теле наколки?

– Нет, ничего не заметил.

– К какому типу лиц относятся? Например, кавказским, русским, восточным? Или говор, может, акцент какой?

– Ну, мне кажется, вроде как на украинцев смахивают, да еще лица слишком для нас загорелые.

– А что они вечерами делали?

– Играли в карты под интерес, на деньги и на золото.

– Золото? Какое еще золото?

– Не знаю. Просто говорили: ставлю на кон десять граммов золота. Но золота я не видел. Выигранное или проигранное записывали в блокнот. Вот и все.

– С ними играл?

– Не. Я и игр таких не знаю. В горба, храп.

– Между собой ругались, ссорились?

– Иногда. Только когда в карты играли.

– Скажи, кто последним уходил в лес?

– Уго, это у него была перевязанная рука. И Фикса.

– Выстрелы в лесу слышал?

– Да.

– А они носили какой характер – одиночные или как перестрелка?

– Одиночные.

– Лица запомнил, по фотографиям опознаешь?

– Запросто!

– Да, не много. Интересное дело. Только при чем здесь золото? Но все равно это уже кое-что, – удовлетворенно закончил опрос Олега следователь.

На столе появилась карта, и меня с Алексеем попросили указать, где находится наша избушка и где Алексей наткнулся на погибших. Убедившись, что это место находится на территории нашего региона, сотрудник ФСБ заявил, что это не теракт, а криминал и не его тема, а местного МВД, попрощался и удалился. К намалому нашему удивлению, у нас «откатали пальчики», сняли оттиски с нашей обуви. Алексею предложили доставить в отдел на экспертизу свой карабин.

Неожиданно брат заявил:

– Чем больше я размышляю над случившимся, тем отчетливей приходит простая мысль. Этим ребят не медведь задрал, а их просто расстреляли. Это уж потом медведь, наткнувшись на трупы, «зачистил» место убийства. Бывалые охотники, встречавшиеся не раз с медведем, рассказывают, что всегда агрессия медведя сначала направлена на ружье: он считает, что именно от ружья исходит главная угроза. Он разломает винтовку, разбросает, а уж затем займется охотником. Так вот: на карабинах не было ни единой царапины от когтей медведя.

– Спасибо, на месте разберемся, – заявил прокурор.

Меня с Алексеем предупредили, что в ближайшее время нас вместе с опергруппой вывезут на место происшествия для уточнения деталей. С тем и отпустили.

– Олег, ты это чего нам с Павлом не рассказал, что эти ребята играли на золото?

– Так я думал, что они прикалываются. Деньги видел, а золота нет.

– Леша, отстань от него, эти парни искали пропавшее золото и играли под разделенный, но еще не найденный клад!

– Эх, вернуться бы обратно да поискать вертолет, – со вздохом протянул Олег.

– Возможно, и вернемся. Только не сейчас. Пусть все утрясется и уляжется. Может, что-то теперь и прояснится, – подал слабую надежду Алексей.

Я не возражал.

ДОСМОТР САНАТОРИЯ

Ожидание выезда затянулось на целую неделю из-за сильных дождей. Наконец дожди прекратились, установилась тихая, солнечная погода. В один из таких дней за мной и Алексеем приехала машина, доставившая нас напрямиком на аэродром. Там уже ждал готовый к вылету вертолет с опергруппой. В ее состав кроме оперов входили следователь, кинолог с собакой и еще несколько спецназовцев.

Заревел двигатель, и мы полетели. Я впервые оказался на вертолете и с интересом осматривался кругом. Из-за шума двигателя все летели молча, не разговаривая. Устроившись у иллюминатора, я созерцал открывающуюся передо мной панораму. Проплывали убранные поля, редкие березовые околки с облетевшей листвой. Затем лес стал сгущаться, пока не перешел в сплошное зеленое хвойное покрывало, в котором лишь изредка попадались оголенные березки да осины. Я уже потерял ориентиры, но пилот уверенно вел машину, не прибегая к нашей помощи.

Вскоре он подозвал Алексея:

– Вот видишь, ваша заимка. Где находятся погибшие?

– Иди вдоль речки на север. Вон к той сосне с обломанной вершиной на скале. Как увидишь большую поляну – это конечная цель.

Через несколько минут пилот снова обратился к Алексею:

– Здесь?

– Да, да, точно здесь!

– Хлопцы, – обратился пилот к десанту, – на все про все вам не более трех часов!

Покачиваясь, вертолет мягко опустился на землю. Первыми покинули кабину три спецназовца, затем выгрузились остальные. Дальше

всеми командовал следователь: одну группу оперов с Алексеем она направила собрать останки погибших для экспертизы, других с собакой – обследовать переход через речку, искать карабины и вещмешки. Казалось бы, простая задача, но под хворостом, наваленным медведем, осталось только несколько крупных костей да два обглоданных до белизны черепа плюс жалкие обрывки одежды. Остальное было растащено лесными тварями. Всё подробно засняли на камеру и тщательно, до клочка, собрали в специальный контейнер. Второй группе было сложнее. Прошедшие обильные дожди размывали все следы, и снять четко их оттиски не представлялось возможным. По этой же причине бесполезным оказался и пес. Он суетливо кружил по поляне и всюду тыкался носом, не понимая, чего от него хотят и что ему делать.

Как все-таки мудра природа! Когда еще недавно шли дожди и был промозглый холод, листва крепко держалась на деревьях, и казалось, что такими они и уйдут в зиму. А это катастрофа для лиственного дерева. Однако простояло два-три теплых дня – и биологический процесс подготовки деревьев к зимней спячке запустился сам собой. Вся листва уже на земле и покрыла цветным ковром свободное пространство вокруг, а оголенные деревья готовы к морозам и снегопаду. Все вокруг просветлело, и хорошо стали просматриваться дали.

– Где же карабины? – спросил следователь. – Надо тщательно поискать вокруг.

С большим трудом отыскивали в пожухлой траве разломанные медведем карабины. Это ж какой силой обладал хозяин тайги, что почти узлом скрутил ствол одной из винтовок! Из двух вещмешков нашли рваные остатки одного и около него несколько пустых, покореженных медведем банок из-под консервов. Второй, который видел в реке Алексей, бесследно исчез. Всё обнаруженное упаковали в специальные мешки и погрузили в вертолет.

– Да, негусто, – заметил следователь. – Может, в вашем зимовье что-нибудь обнаружим? Выходит, что вы, Алексей, оказались правы. Судя по состоянию найденных карабинов, медведь после вас вернулся и повредил оружие. Это еще одно косвенное подтверждение, что их застрелили.

Но и в нашей заимке не было обнаружено ничего нового. Все, что мы оставили, убегая из избенки: продукты, соль, спички, аптечка и что

еще может понадобиться заблудившемуся человеку в тайге – было на своих местах.

– Все, теперь назад в город, – объявил следователь и дал команду грузиться в машину.

– Однако, быстро управились, – заметил пилот и запустил двигатель.

– Граждане, вы свое дело сделали, теперь свободны, – официально обратился к нам прокурорский работник, когда мы вернулись в управление МВД.

И мы отправились по домам. К вечеру немало похолодало и пошел обильный снег. Наступала зима.

Недельки через две ко мне явился Алексей.

– Павел, а ты заметил, что у одного из черепов не хватает двух верхних зубов? – начал он с порога. – Про эти фиксы и говорил Олег.

– Так меня там не было. Я искал со второй группой оружие.

– Отсюда, братишка, следует, что эти два зуба выдрал у убитого хромой. Ну, не медведь же этим мародерством занимался! Знаешь что, Павел, я решил вернуться в Еловую падь. Не дает мне покоя эта не выясненная до конца тайна. Тем более у меня сейчас длинный выходной – девять суток.

– Но это же очень опасная затея!

– Как сказать. На днях участковый вернул мне карабин и сказал, что он чист. Более того, по секрету Виктор добавил, что в позвоночнике одного из погибших нашли пулю, которая не соответствует найденным карабинам, а из одного вообще никто не стрелял. По всему выходит, что их убил третий, точнее, хромой, чьи следы я видел у речки. Но вот за что он их застрелил? Здесь может быть только одна причина – вертолет и золото! Тот, кто хромой, нашел и то и другое, но делиться не пожелал. Вернее, не подпустил к месту аварии и, подкараулив на переправе, хладнокровно перестрелял. То же самое он сделал раньше и с третьим, чей труп до сих пор не найден. Еще участковый добавил, что никто не заявлял о пропавших. Сейчас ищут по номерам хозяев найденных карабинов. Склоняются к мнению, что следы вроде как ведут на Украину. Более перспективное направление – поиск хромого. Но пока тоже безрезультатно.

– А медведь-людоед? Это же еще вдвое опасней.

– Э, братишка, ты все о своем. Волков бояться – в лес не ходить! Сейчас это надо сделать

или никогда. Все благоприятствует. Снег надежно лег и уже не растает до весны, значит, медведь залег в спячку, и его можно сбросить со счетов. Кроме того, сейчас незаметно там никто не пройдет: следы всё расскажут. И пойду я не один. Беру с собой выздоровевшего Арбака и Шарика. Знаешь, как они здорово работают в паре – любого зверя посадят на точку. Шарик, быстрый и шустрый, крутится у морды, сбивая того с толку, а Арбак, как и положено мощной овчарке, рвет медведя сзади за «штаны». У Шарика удивительно тонкое чутье, он хорошо работает по боровой дичи, по белкам незаменим, а уж медведя-то чувствует за версту. Так что с любым зверем мы в тайге справимся. По большому счету я пойду проверю только свою версию у сосны. Попутно поохочусь да и проверю наше зимовье.

– Хорошо бы сейчас медведя прихлопнуть в берлоге.

– Нельзя, брат. Запрещено брать в берлоге. Да и что ты с убитым будешь делать? Даже шкуру одному не под силу вытащить из тайги. Кроме того, летом он надежный охранник Еловой пади от всех посторонних.

– Ну-ну!

К концу назначенного срока Алексей вернулся из тайги. С большим нетерпением я ждал новостей из Еловой пади.

– Я его нашел, – сказал брат.

– Золото, вертолет?! – с восторгом воскликнул я.

– Медведя, вернее, его берлогу.

– А как же...

– Павел, за два дня, что у меня остались для поиска, ничего не найдешь. Чтобы дойти от Кудимова до зимовья, требуется три дневных перехода, столько же и обратно. Дорога бродная, снега навалило немерено. Удалось обойти утес, где растет сосна, только с одной стороны. Местами такие завалы – ни пролезть, ни пройти. Там может исчезнуть без следа целая эскадрилья вертолетов. Если уж искать, то только летом и целой артелью.

– Но ведь берлогу-то ты нашел!

– Э, Павлуша, это разные вещи. Для меня найти берлогу труда не составляет. На моем счету их с десяток. Надо лишь знать несколько важных примет. Медведь выбирает берлогу в глухих лесных завалах, а там идеальное место. Далее, это место как своеобразная зона тишины. Там не увидишь следов ни белки, ни зайца, ни лисы. Да-

же сойки и другая птица облетают эту зону. Там мертвая тишина, как в могиле. Уважают, хозяин спит! Если внимательно присмотреться, то над берлогой на веточках кустарника или дерева заметно больше инея, куржака, чем на других. Это от дыхания. В тихую морозную погоду можно даже заметить, как курится парок из продушины берлоги. Собаки сразу притихнут и будут жаться к ногам охотника. Тут я рекомендую тихо и медленно покинуть опасную зону... На эту берлогу я наткнулся, обходя утес с сосной. Следов других охотников я не встретил. Вот, братишка, и все. Так что ждем лета!

– Нет, Алексей. Нет и нет! Я тебя, как старшего брата, уважаю, еще больше – как более опытного, чем я, рыбака и охотника, но в данном случае ты не прав. На счету этого зверя как минимум трое съеденных, не забудем и еще двух исчезнувших в этих местах, по словам Никодима. Ты надеешься, что нас будет трое с ружьями плюс две собаки. Но нет никакой гарантии, что он нас не передавит, как щенят, по одному. То ли это произойдет при сборе дров, то ли у речки, куда за водой пошлем Олега, разницы нет. Вспомни повесть Федосеева «Злой дух Ямбуя». Опытный таежник с собакой при встрече с медведем дважды были на волосок от смерти. И сколько потом ни пытались вместе с охотником-аборигеном убить людоеда, так и не смогли. Замечу, эти опытные люди были заранее готовы к такой встрече и хорошо вооружены. А теперь представь себе, что туда пришли сборщики ягод или грибов или, может, за орехами. Это же потенциальные жертвы людоеда! Лакомство для нашего, пусть и не чистого, вегетарианца. И если это произойдет, этот грех будет на нашей совести, а вернее всего, на твоей.

– И что предлагаешь?

– Снова идти к участковому с заявлением, что ты обнаружил берлогу людоеда и в целях безопасности местного населения его необходимо убить до весны.

– А зачем заявление?

– Да без него ни одна контора и пальцем не шевельнет. Причем необходимо проследить, чтобы оно было зарегистрировано!

– Хорошо, убедил. Хочешь устранить конкурента? Вернись из поездки и сразу смотаюсь в ментовку.

– Выходит, ты так ничего и не понял. Нет, брат, поедем прямо сейчас. Моя машина у подъезда.

– Достал! Поехали...

С этой минуты тяжелая бюрократическая машина закрипела и медленно зашевелилась. Бесконечные ходатайства, заявки, согласования, разрешения... Только через месяц пригласили Алексея принять участие в охоте на медведя. Мне отказали. А жаль.

ЛЮДОЕД И СНОВА ХРОМОЙ

Вернувшийся из поездки Алексей рассказал немного, но при этом основательно озадачил. По его словам, охота прошла обыденно, без приключений. Как и в прошлый раз, к месту их доставили на вертолете. Шестеро охотников и кинооператор, утопая по колено в снегу, прошли к берлоге, куда их привел Алексей. Дальше, как говорится, было дело техники охотников. Подняли и в шесть ружей расстреляли людоеда. Пока летели в город, просматривали на камере весь процесс охоты. Ничего интересного – обычное убийство беззащитного. Да, медведь оказался здоровущим, не менее двухсот килограммов весом, а может, и намного больше, с ходу на первый взгляд и не скажешь. По своим размерам он явно походил на того, кто оставил метку на осине. С трудом загрузили в вертолет. Отправили в охотхозяйство. Там пообещали сделать чучело для краеведческого музея. Тем бы все и закончилось, но Алексей указал на одну деталь, которая привела меня в замешательство.

– Когда обратно загружались в машину, я случайно заметил, что один из охотников хромает. Спросил: что с ногой? Он ответил, что еще в детстве ему в драке сломали ногу, срослась неровно и стала у взрослого чуть короче. Спрашиваю дальше: как же ты с такой ногой обходишь свой участок? Он в ответ, что для этого есть лошадь. Ну вот и все. Я уточнил, откуда он и кто такой. Сказали, что это егерь Орехов с соседнего участка этого же лесничества. Тут у меня и закралось подозрение: уж не этот ли егерь расстрелял тех ребят? Я со своими сомнениями к следователю, чтобы дала команду достать все пули из туши медведя и сверить с той, с места убийства. Она сначала упиралась, что, дескать, нафаршировали медведя пулями, как зайца салом, а нам теперь ищи. Но потом согласилась и попросила, если я что-то новое об этом деле вспомню, узнаю или услышу, сразу к ней, а не к участковому.

– Уж не запала ли Ольга Владимировна на тебя, а? Она баба красивая, особенно в мундире, статная, одинокая, любого мужика с толку со-

бьет. Что же до хромого... Если у него своя лошадь, то зачем ему тащиться в Кудимово и заниматься там? Зачем лишний раз подставляется? Нет, это точно не он.

– Логично. Но все равно пусть на всякий случай сравнят пули. Чем черт не шутит, пока Бог спит.

– Алексей, а фамилия Орехов тебе ни о чем не говорит? Из детства?

– Нет. А что?

– Ты же старше меня, должен помнить семью Ореховых из нашего поселка.

– Что-то смутно. А в связи с чем ты про них вспомнил?

– Очень вороватая семья. Тащили все, что под руку попадет.

– Так кто только в то время этим не был грешен...

– Извини, брат. Эти таскали у своих же соседей из подворий. Последней зимой у нас из стайки увели овцу. Отец караулил воров с десяток дней, а поймали их, отца с сынком, соседи – опять с яркой. Устроили самосуд, чуть не забили до смерти. Тут сразу они и съехали с поселка. Уж не их ли сыночек тогда попал под раздачу и не ему ли там сломали ножку? Вот будешь в очередной раз у своего следователя, так попроси у Ольги Владимировны, пусть наведут справки, откуда Орехов родом. Не из нашего ли поселка?

– Замечу, братишка, что это ты просишь меня зайти к Ольге, и повод-то нашел какой! Поди, самому приглянулась? Ладно, ладно, не разбухай, сделаю.

Мы договорились, что в первой же декаде июня соберемся и снова двинем в Еловую падь.

СНОВА ЕЛОВАЯ ПАДЬ

Вся зима прошла в ожидании лета. Несколько раз Алексей заходил к следователю, но новостей не было. Единственное, что удалось выяснить: Орехов не из нашего поселка. Все шло к тому, что дело останется «висяком».

9 июля. В этот теплый и солнечный день мы, трое любителей приключений, в компании двух собак отправились в долгожданную поездку. И сразу начались проблемы. Еще по дороге в Кудимово дважды прокололи колеса автомобиля. Пока возились с ремонтом, упустили время и прибыли в поселок только затемно. Никодим отправил нас ночевать на сеновал, отложив все дела на утро.

Разбудила спозаранку дружная перекличка кудимовских петухов. Первым делом мы стали выяснять возможность получить лошадей для доставки нас и груза к охотничьему домику. Но оказалось, что свободных лошадей в поселке нет. У одних, как у Никодима с сыном, они на сенокосе, у других на вывозке леса.

Видя наши вконец расстроенные лица, добродушный хозяин посоветовал:

– Сходи к Игнату, вон второй дом от нас, у него лошаденка худая, в дело непригодная, хотел в зиму забить, да почему-то оставил. А вам для помощи подойдет.

– Никодим, а хромой больше не проходил в падь? – спросил Алексей.

– Ден десять назад, как ушел. Должен уже вернуться. Лошадь брал у Ефима на это времечко.

– Он был один или с кем? – не удержался я.

– Один, один.

Алексей с Олегом привели лошаденку. Глядя на нее, я подумал: как же эта убогая скотинка вообще дожидается лета? А если она отбросит копыта в дороге? И что делать? Нам весь багаж на себе не утащить.

Словно прочитав мой немой вопрос, Никодим с усмешкой успокоил:

– Она еще вас переживет!

И от этой шутки старовера мне стало не по себе.

Долго прилаживали поклажу на лошадку, но все, что хотели взять с собой, уложить не удалось. Часть разложили по своим вещмешкам, остальное оставили у хозяина. Отправляя нас в путь, Никодим долго благодарил за доставленный ему из города плотницкий инструмент. А нам было вдвойне приятно, что смогли привезти все по его списку.

– Как же мы дойдем? – засомневался Олег, пристраивая рюкзак себе за спину.

– Ну, не назад же возвращаться! – бодро отозвался Алексей. – Ничего страшного. Два дневных перехода. Прогулка на славу. Во всяком случае, это тебе не деньги у матери из кармана тырить.

– Батя, да когда это кончится?! – возмутился Олег.

– Алексей, ну хватит парня травить прошлым, – заступился я за племянника. – Кто старое помянет – тому глаз вон...

Переговариваясь, мы цепочкой потянулись в тайгу, ведя в поводу лошадей с поклажей и сопровождаемые собаками.

– Опять хромой! – вспомнил я слова Никодима.

– Ну и что? Нас трое, все с карабинами, плюс две верные собаки. Если понадобится, мы его псами затравим, – решительно отреагировал на мою реплику Алексей. – Ему не хватит духу пойти на нас.

– Три ствола и две собаки – боевая команда! – весело подытожил Олег. – Батя, не пойму, зачем ты нацепил на Арбака ошейник?

– Объясняю для тупых. Арбак хоть и хорошо выдрессирован, хорошо слушает команды, но в критической ситуации может сорваться. А как собака сильная, может натворить много бед.

– Нашему теляти да волка забодати, – пошутил я. – А раз команда, то должен быть и командир. Самозванцев нам не надо... Предлагаю выбрать самого опытного, а еще и как самого старшего – Алексея.

– Не возражаю, но с условием: слушать меня беспрекословно! А может, назад повернем?

– Да вы что, батьки, трухнули, что ли? Столько ждали, готовились всю зиму и теперь назад? Да никогда! Один пойду, – решительно заявил Олег.

– Ну, раз и Олег так разбушлатился, тогда вперед! – дал свою первую команду Алексей.

За первый день преодолели почти половину дороги и к вечеру подошли к речке Медянке, где и запланировали ночевку. Выбирая место для стоянки, двинулись вверх по течению. Неожиданно наткнулись на всадника, который поил вороного коня в реке. Увидев нас, он тронул стреломнами, и лошадь вымахнула на покатый склон. Задержавшись на несколько секунд, чтобы разглядеть нас и молчаливо обступивших коня собак, незнакомец двинул лошадь вперед.

Однако, придержав ее, бросил через плечо:

– Да с такими псами вам и черт не брат. Но если вы в Еловую падь, то все равно не советую. Тут бродит медведь-людоед. Говорят, что троих уже сожрал прошлым летом. Я сам едва уцелел при встрече с ним.

– Не, мы здесь по речке порыбачим и домой.

– Тогда другое дело, – сказал всадник и скрылся в чаще по направлению к Кудимову.

– Это не Орехов? – спросил я у брата, потому что только Алексей мог узнать его.

– Конечно, нет.

– Это хромой? – спросил Олег.

– Вот если бы он прошелся по берегу, тогда бы я сказал точно. А так не факт, – ответил Алексей.

За несколько секунд общения мы успели хорошо рассмотреть наездника. Был он невысок ростом, лет сорока, с невыразительным серым лицом. Такие лица обычно не запоминаются. Худощав, одет в костюм защитного цвета, на голове панамы военного образца Южного округа. За спиной карабин «Сайга» с зачехленным оптическим прицелом. Обут в дешевые кеды. На крупе лошади небольшая переметная поклажа. Что нас всех удивило, из-под сумок поклажи виднелись резиновые сапоги и гидрокостюм.

– Если судить по его словам, то он знает, что здесь прошлым летом разгуливал людоед, – начал я размышлять вслух. – Он также точно знает, что было им съедено как минимум три человека. Откуда он это знает? От следователей, милиции – исключено. От жителей Кудимова? Но о медведе-людоеде и об убитых мы ни с кем не делились. Что очень важно, он не знает, что медведь убит еще зимой. Все это указывает на то, что это и есть хромой – убийца тех ребят. И его предостережение – не более чем попытка отговорить нас от посещения Еловой пади.

– Паша, то, что ты говоришь, очень логично. Но для чего ему гидрокостюм?

– Да, это очень странно. Обычно его используют для длительного пребывания в воде. А здесь речонка курице по колено!

– Увидев нас, не вернется ли хромой в Еловую падь снова? – задал вопрос молчавший до этого Олег.

– А с какого перепуга? Что ему, охранять падь всю жизнь? Я полагаю, что он за чем-то ездит, берет и возвращается обратно. Паша, я думаю, он нашел вертолет, золото и потихоньку малыми порциями вывозит.

– Алексей, не складывается. Ему на все про все хватило бы и трех-четырёх дней, но никак не десять!

– Ну, брат, не знаю, не знаю. Придем на место и разберемся. Я вот что думаю: это ж какой смелостью обладает этот тип, если один пошел на трех вооруженных людей? Да еще и бродит в лесу рядом с людоедом. Хотя если взять в расчет, что у него пристрелянная винтовка с оптическим прицелом, да если он снайпер или промысловый охотник, то может пойти не только на трех.

– Батя, а вдруг хромой не врет? Может, выбили не того медведя, а людоед по-прежнему разгуливает по лесу?

– Что, сынок, жим-жим? Не дрейфь, провремся!

– Батяня, – обратился Олег ко мне, – а если нам пойти по следам лошади, то собаки приведут нас к тому месту, откуда ушел хромой.

– Тебе же отец сказал, что точно не знает, кто это. И притом неизвестно, куда этот след приведет. Может, он идет из самой Хакасии. Решили идти к зимовью – туда и пойдём.

Тем временем Алексей спустился к реке и стал внимательно рассматривать следы лошади.

– И что там нашел? Опять хромой – теперь уже конь? – хохотнул я.

– Конь совсем недавно подкованный, – пропустил Алексей мимо ушей мою шутку. – Даже края подков не стерты. А в деревне лошади не подкованы. Наша лошадь тоже без подков. Значит, он готовил коня к поездке по скальному грунту и, скорее всего, по горным тропам. Так что, сынок, нам с ним совсем не по пути.

После ночевки, размышляя вслух о хромом, о сапогах, о подковах, мы продолжили путь. Решили: сначала охотничий домик, там у нас будет базовый лагерь, а уже оттуда налегке – поиски вертолета.

К вечеру добрались до места. От усталости валились с ног. Особенно трудно дался переход мне. Ко всеобщему удивлению, наша кляча, как звал ее Олег, выглядела лучше нас.

В домике все сохранилось в том виде, в котором и было оставлено. Значит, гостей у нас не было. Это хороший знак! Разгрузили лошадку, наскоро поужинали, покормили псов и завалились спать. Проснулись часам к двенадцати, позавтракали и решили в этот день отдохнуть, подготовиться к следующему для похода к сосне. Определились, что в первый выход идем мы с Алексеем, а Олег остается на хозяйстве с лошадьё. Выдали ему общую тетрадь, чтобы вел дневник, как судовой журнал на корабле. Он просился с нами и не хотел оставаться, пока мы не пообещали ему, что в следующий раз пойдём все втроем. А сейчас только предварительная разведка.

Утро было безоблачным, что обещало погожий день. Позавтракав и взяв вещмешки с продуктами на два-три дня, мы с братом отправились в путь. В походе нас сопровождал снующий повсюду Шарик. Арбака по просьбе Олега оставили на хозяйстве.

Вскоре мы достигли злополучной поляны, где прошлым летом разыгралась кровавая трагедия. Сейчас уже ничего о ней не напоминало. Кругом трава, все цветет и пахнет нектаром. Подошли к переправе. В этот раз на тропе только следы копытных животных. Прошли по лесине на другую сторону реки и углубились в тайгу по направлению к главному ориентиру – сосне. Тут же сойка противным голосом известила лесных обитателей о нашем появлении. Шли напрямую через чащу, продираясь сквозь густой ивняк и кусты черемухи, перевитые хмелем. Большое неудобство доставляли карабины, которые постоянно цеплялись за ветки то стволом, то прикладом. Но все равно с ними было как-то спокойнее. Гнус плотным облаком вился вокруг нас, бился в лицо, глаза. Через час мы вынуждены были остановиться передохнуть.

– Алексей, по-моему, мы выбрали не лучшее время для поисков. Как здесь можно что-то найти?

– Вот потому-то до сих пор вертолет и не найден. Ты думаешь, что зимой по снегу мне было лучше? А что под снегом найдешь? Зато сейчас идешь налегке в кроссовках и при теплой погоде. Так что, братишка, не скули. Главное еще впереди.

ПЕРВЫЕ НАХОДКИ

Мы, как стадо слонов, снова ломимся в чащобу. Только Шарик чувствует себя в этом буреломе как в своей стихии. Наконец кустарник поредел, мы вступили в еловый лес попеременно с соснами. Начался пологий подъем в гору. Вскоре ельник окончательно уступил место сосновому бору. Как здесь, среди вековых стройных сосен, чисто и светло! Идти по упругому хвойному ковру – одно удовольствие (вот если бы еще не было мошки!). Все время мы внимательно осматриваемся по сторонам в надежде найти хоть какие-то следы катастрофы. Но пока все тщетно.

– Алексей, вот бы сюда осенью да по грибы. Сколько белых бы набрали...

– Мечты, мечты, Паша. Может, найдем что-то более ценное, чем белый гриб.

Мы почти уперлись в крутой откос, где высоко на вершине стояла обломанная сосна. И тут я заметил нечто, свисающее с ветки дерева, напоминающее змею. Подошел ближе, поднял руку и снял... длинный лоскут ткани. Обесцвеченный дождями и солнцем, он и фактуры уже был непонятной. Долго вертели его в руках, ломали голову, что это – кусок обшивки вертолета или обры-

вок одежды? Но так и не смогли определить его назначение. Пришли к выводу, что это, вероятно, с вертолета. Значит, мы на верном пути! Хотя и понятно, что ветер мог занести этот лоскут издавна. Взяли его с собой, отметив колышком место находки. Вскоре почти одновременно заметили предмет, торчащий из земли. Подошли, вытащили из почвы тяжеленный кусок металла, очистили от слежавшегося хвойного слоя. Точно, это был обломок вертолетного несущего винта! Выходит, и сам вертолет где-то рядом! Воткнули ветку позаметнее, под обломок подложили найденный кусок ткани и, окрыленные первой удачей, продолжили поиски.

Теперь мы, как грибники, вооружившись палками, расковыривали каждую подозрительную кочку. Впереди по ходу снова уперлись в непролазный кустарник. Выбрались из него на небольшую полянку только к вечеру. Решили, что на сегодня хватит. Поставили палатку, поужинали и отошли ко сну.

С утра небо стали затягивать тучи. Мы начали тщательно обследовать свою полянку: возможно, и здесь что-нибудь найдем. А затем, чтобы не попасть под дождь, отправимся обратно.

Вездесущий Шарик челноком метался между нами, словно понимая, что мы ищем. Вдруг он застыл на одном месте, стал рыть землю и взлаивать. Так он обычно реагировал на найденную убитую птицу. Подошли. Его находка повергла нас в шок. Он раскопал кисть человека! Правда, от нее остались только отдельные косточки. Теперь нам стало ясно: потерпевший аварию вертолет при ударе о землю взорвался и разные его части вместе с грузом и находящимися на борту людьми разметало по всей прилегающей округе. Это намного усложняет поиски. Найденный остаток руки закрыли дерном и поставили вешку. При необходимости по анализу ДНК криминалисты определят, кому она принадлежала.

На этом закончили поиски и отправились в обратный путь. Дорогой обсуждали план дальнейших действий. Договорились: снимаемся с заимки и вместе со всем скарбом перемещаемся на последнюю найденную полянку. Здесь и оборудуем базовый лагерь. Крайне важно, что на этой полянке сможет пастись наша лошадка. То есть никаких проблем с кормом для скотинки.

На следующее утро погрузили на лошадку все, что считали необходимым, и отправились на новое место. В этот раз шли петляя, обходя заросли, выбрав единственный ориентир – ло-

маную сосну. Придя на свою поляну, весь остаток дня были заняты оборудованием лагеря. Завершив свою часть работы, я присел на повернувшийся пенек и стал внимательно осматриваться вокруг. И тут меня обожгла мысль: а для чего, собственно, здесь на опушке срезали дерево? Стал рассматривать, на чем сижу и что находится рядом. Вокруг чисто, не видать ни обрубленных веток, ни ствола. Так не бывает. Обычно, если дерево берут браконьеры, вокруг остается вся обрубленная крона. А если дерево спилили на дрова, непонятно, для чего весь этот труд, ведь рядом в лесу валежника навалом, проще его топориком нарубить для костра.

Интересно! Я обошел пенек, на котором сидел. Срезали дерево года четыре-пять назад, может, даже и при мне. По полусгнившим кучкам опилок я определил, что разрезали поваленный ствол ровно на метровые бревнышки. Здесь же, на этом пне, кололи и тесали. Для чего? Где могли использовать такие чурбаки? Может, из них что-то строили? Но что? Рядом нет никаких построек. А сучья, допустим, могли использовать для маскировки. Маскировки чего? Снова убитых? Но кто это сделал и куда таскал? Вот уж воистину, чем дальше в лес, тем больше вопросов без ответа...

Своими мыслями я поделился с Алексеем.

– Знаешь, Паша, здесь возможно несколько вариантов, – сказал брат, выслушав меня. – Во-первых, человек из этих чурок мог построить долговременное хранилище для продуктов и вещей, защищающее их от зверья. Особенно опасна для охотника россомаха. Если она наткнулась на охотника, то это – настоящее бедствие. Оставит его без съестных припасов и добычи. Она вездесуща, как дьявол. Многие специалисты утверждают, что именно для этих целей и предназначались в древности так называемые дольмены. Во-вторых, из чурок обычно ладят сруб, устраивая родник. Что изготовили, узнаем совсем скоро.

ЛОГОВО ХРОМОГО

Стреножив лошадь и оставив ее пастись на лугу, двинулись на гору, сплошь заросшую густым кустарником, к ломаной сосне. Через десяток метров вышли на чуть заметную тропу, проходящую у края кустов. Тропа вела в глухой распадок, по которому звонко журчал ручей.

Только зашли под густую тень кустарника – и сразу обнаружили знакомые следы подкованной

лошади и хромого. Вот так встреча! Выходит, здесь был хромой! Тропка завернула в кусты, и за ними открылась стоянка человека. На небольшой площадке виднелись следы и кострища, и палатки. С площадки следы тянулись вверх на гору и вниз к ручью.

Спустились к ручью. Вот и первая разгадка: в небольшой запруде стоял заглубленный в грунт деревянный сруб, наполовину заполненный водой. Вода чистая, но и признаков, что здесь бьет родник, нет. Зато через прорезанное оконце в колодец направлен желоб из скального пролома в горе. По всему выходило, что устроитель направлял сюда дождевую воду, сбегаящую по трещине в скале. При этом русло в трещине тщательно вычищено, словно задача стояла сберечь каждую каплю воды. Зачем? Опять загадка!

Кружащие поблизости собаки наткнулись на тщательно замаскированную в горе нишу, обустроенную под жильё. За металлической покреженной дверью от вертолета находился туристический столик, стульчик, лежанка, котелок для пищи и еще ряд предметов, необходимых для жизни в поле.

Вскоре обнаружился еще один схрон. Под дерном и куском полиэтилена лежала штыковая лопата, большой совок, топор, ножовка, изготовленная из двуручной пилы, ножовка по металлу, два резиновых ведра, сделанных из камеры большегрузного автомобиля, и странной формы жестяной лоток.

– Алексей, это инструменты золотоискателя, – сказал я брату. – Хромой здесь мыл золото при помощи этого лотка.

– Возможно, Паша, ты и прав.

Только сейчас мы обратили внимание на странный холмик грунта, тянущийся вдоль ручья.

– Вот тебе и отходы производства, – подтвердил мое предположение Алексей.

– Теперь понятно, для чего ему гидрокостюм. Он в нем мыл золото, стоя в ручье.

Так постепенно стала проявляться вся картина. Но где хромой брал сырье? Это для нас пока тайна. Теперь нужно выяснить, куда ведет тропа в гору. Стали по ней подниматься, и оказалось, что это даже не тропа, а хорошо оборудованная дорога! Она змейкой вилась по склону, огибая крутые выступы. Местами для удобства подъема были вырублены ступени, срезаны ветки кустарника и протянута альпинистская веревка. Когда дорога подходила к расщелине, снова бы-

ло заметно, что русло тщательно вычищено от грунта.

Чем выше мы поднимались, тем чаще стали попадаться искореженные куски металла, побелевшие от времени кости и даже фрагменты человеческих скелетов. По этой дороге, судя по отпечаткам копыт, поднималась и лошадь. Вот для чего хромому понадобилось подковать коня. Он заранее знал, что работать им придется на горном склоне!

Поднялись на выступ, где дорога обрывалась. Именно здесь мы и увидели вертолет, вернее то, что от него осталось. Теперь многое стало понятно. Он упал в расщелину хвостом вперед и взорвался, а затем и загорелся. Взрывом разнесло основную часть корпуса и разбросало обломки по всему склону. Самый большой фрагмент забило в расщелину и затащило травой и кустарником. Даже находясь совсем рядом, трудно было узнать в этом нагромождении заржавевшего металла вертолет. По этой причине и разглядеть его во время поисковой операции что сверху, что снизу было просто невозможно.

Внимательно изучив остатки машины, мы поняли, что в покореженную грузовую часть уже кто-то спускался. В глубине корпуса можно было различить разломанный взрывом длинный и пустой металлический ящик, груды разного хлама и кучку обгоревших костей. Но, конечно, требовалось хорошенько осмотреть все непосредственно внутри.

– Ну, Олег, настала и твоя очередь для подвига, – шуточно дал сыну команду Алексей.

– Знаешь, батя, что-то не хочется. Уж больно на могилу похоже.

– А как археологи по пирамидам рыщут? Так что, сынок, вперед!

После долгого пребывания в чреве вертолета Олег вылез, отдышался и начал рассказывать:

– Батя, самое главное, в ящике были мешки с золотом. В самом низу виден обрывок мешка и на нем блестки золота. Но сколько я ни пытался, до него и близко подобраться не смог. Кто-то тоже пытался к нему пролезть: видны спиленные трубки, уголки и обрезанные провода. Но и он не дотянулся. Нужно осмотреть самую нижнюю часть вертолета – хвост.

По проторенной тропке спустились в расщелину, куда уткнулась хвостовая часть. Здесь, под вырезанным в днище отверстием, в скале была вырублена чаша, сейчас частично заполненная

водой. Олег просунул руку внутрь корпуса, пошарил и выкатил две блестящие бусинки золота величиной с чечевичное зернышко.

– Вот оно – настоящее золото! – радостно воскликнул он.

После тщательного обследования места аварии и долгого обсуждения мы смогли наконец сложить воедино логически стройную картину. Да, это тот самый потерпевший аварию вертолет с золотом. Правда, золота в ящике уже нет, не считая остатка в обрывке мешка в самом низу хвоста. Судя по всему, хромой сверху ковырял длинным шестом в мешке и водой смывал золотой песок вниз (шест, кстати, валялся рядом в кустах, воду же хромой завозил к вертолету на лошади, используя две резиновые емкости). Песок стекал по днищу хвостовика и попадал в чашу, а избыток спускался по каменному лотку в колодец, где оседал вместе с грунтом. Таким образом, хромой соорудил целую гидросистему для улавливания золота на всем протяжении расщелины. А от грунта, вынутого из колодца, оно отделялось самым древним способом – при помощи лотка, когда сам «старатель» стоял по пояс в воде. Вот для чего и был нужен гидрокостюм. И, судя по всему, добычу хромой вел здесь не один год!

На следующий день мы постарались повторить все операции его технологической цепочки. Заполнили резиновые ведра водой и поднялись в гору. Затем Алексей лил воду на мешок, я ворошил его шестом, а Олег снизу подавал команды, как лить – больше или меньше. Когда вода закончилась, спустились к нему оценить результат. На ладони Олега сиротливо горела всего одна горошинка золота.

– И это все?

– Да, батьки, это все.

– Олег прав. И мешок пустой, – признал я. – Опоздали. Хромой вычистил все подчистую. Значит, сюда он больше не вернется.

– Может, это и к лучшему. Пришли бы раньше, могли и на пули напороться, – заметил Алексей. – Может, в колодце намоем больше золота?

Но и там нас постигло разочарование. Сколько мы ни трясли, ни крутили воду в лотке, кроме нескольких неуловимых золотых блесков, ничего не увидели. Спрашивалось, для чего хромому весь этот египетский труд? Эти убийства? Ради чего? Неужели все только из-за нескольких граммов (ну, килограммов) золота? И куда могло деться остальное содержимое ящика? Если

предположить, что хромым первым обнаружил вертолет и вывез большую часть груза, то зачем ему потом еще столько возиться с оставшейся труднодоступной малой частью? В этом варианте нет практической логики. Тогда куда почти все золото исчезло? Если бы его нашли работники прииска, они собрали бы вместе с ним и останки своих людей и перезахоронили. Однако этого не случилось.

ЗОЛОТО

В очередной раз нас выручили псы. По громкому лаю стало понятно, что у них какая-то новая находка.

Все трое мы поднялись к самой сосне. Оказалось, псы раскопали человеческую руку! Она торчала из-под корневища упавшей в расщелину осины. По всему выходило, что упавшее дерево похоронило под собой человека...

Когда Олег принес снизу инструменты, мы отпилили и свалили ствол в расщелину. Затем обкопали, обрубили корневище и туда же свалили пень. Стали видны очертания тела человека. Мы очистили его от грунта. По всей видимости, мужчина умер во сне, о чем говорила его поза: лежал на правом боку, слегка поджав ноги и положив правую руку под голову. Под левой рукой автомат Калашникова той модели, которой оснащается спецназ.

Достав автомат, мы обнаружили в стволе нестреляный патрон. Рожок полон. А в канале ствола сохранился пороховой нагар. Значит, из автомата стреляли. Убедились в его исправности, позволив Олегу выпустить вверх короткую очередь. Больше ничего рядом с трупом не обнаружили.

Кто же этот погибший? Скорее всего, человек из охраны. Сидел у двери кабины вертолета с автоматом и при ударе о сосну выпал в открывшийся проем. Потому и уцелел.

Долго обсуждали, что делать с телом. Оставлять его в таком виде нельзя. Дождевая вода размоет труп и снесет в ручей. Наконец приняли решение – перезахоронить. Недалеко от сосны выкопали неглубокую могилу и, стараясь не повредить тело, перенесли его и закрыли дерном вместе с автоматом. Вроде бы все. Но собаки вновь зовут к себе. Оказывается, на том же месте, под подстилкой, на которой покоился труп, они раскопали еще один схрон.

Мы сняли подгнивший хвойный слой, а под ним оказалось углубление, прикрытое кусками металла и пластика от вертолета. И вся эта вы-

емка была набита опломбированными и опечатанными мешками! Выходило, что человек вытащил ценный груз из разбитого вертолета, спрятал, лег на этот клад и... случайно погиб. Очень зыбкая версия, но другой у нас не нашлось.

Я проковырял дырку в одном из мешков, и из него на ладонь Олега потек золотой ручеек. Ура! Такая удача! Но что нам теперь со всем этим делать? Забрать мешки домой? Не получится: уж очень большой груз, лошадка не вывезет. Так как же поступить?

После долгих споров окончательное слово сказал Алексей:

– На правах старшего: все золото оставляем здесь. Нам оно не нужно ни в таком виде, ни в таком огромном количестве. Сдадим как клад государству, и выдадут нам деньгами от 25 до 50 процентов от стоимости находки, точно не знаю. А вот за сокрытие нам точно грозит штраф до одного миллиона рублей или до шести лет тюрьмы.

– Круто! Леш, откуда знаешь?

– Однако, законы почитываю. Мы же не за грибами отправились, а за кладом.

– Батяня, ну хоть килограмм-то можно взять? – взмолился Олег.

– Ни грамма, – поддержал я Алексея. – Как химик, скажу: это еще сырье. Тебе, Олег, даже на фиксы не сгодится. Оно с большим количеством примесей и нуждается в очистке на аффинажном заводе, особенно от серебра и меди. Видишь, у него малиновый цвет? Эти элементы всегда идут вместе. Здесь недалеко наши предки в рудниках добывали медь, вот откуда и возникло название нашей речки – Медянка. Кроме того, на всех мешках с золотом указан точный вес, и при недостатке все пропавшее повесят на нас. Нам это надо?

Чуть не плача, Олег согласился. Мы вновь закрыли яму с мешками, засыпали грунтом, а все то, что оставалось от хромого, замаскировали, как и было.

– И что теперь? Домой пустыми возвращаться? – с горечью спросил Олег.

– Почему пустыми? У нас есть бредешок, побродим по речушке, наловим рыбки и уж тогда до дому.

– Здорово! У зимовья я такие омутки знаю, где рыбы немерено!

– Ну вот и славно, – подытожил я.

К вечеру вернулись к своему охотничьему домику. С утра весь день лазили по речушке с бреднем. Действительно, в омутах рыбы было в

изобилии. На следующий день, загрузившись выловленной рыбой, отправились в Кудимово.

И ВНОВЬ ХРОМОЙ

Перешли речушку в том самом месте, где раньше повстречались с незнакомым всадником. Не успели пройти и десятка метров, как вдруг из кустов выскочил и перегородил нам дорогу тот же незнакомец. В руке он держал тяжелый пистолет.

– Стоять! Стволы на землю! По одному! Ты первый! – указал он на Алексея.

– Спокойно, спокойно, ребята, делаем, как он говорит, – подал команду наш старшой.

– Теперь ты! – И глазок пистолета направился на меня.

Признаться, мне стало страшно, и я покорно положил карабин рядом с карабином Алексея.

– Теперь твоя очередь! Класть в кучу!

Олег так же беспрекословно положил свое оружие.

– Теперь отступили все назад! Еще пару шагов! Сесть на землю! Псов посадить к себе, сидеть смирно и не рыпаться! – продолжал командовать незнакомец. – Теперь слушайте меня внимательно, – сказал он уже спокойнее. – Если дернетесь – перестреляю, как куропаток, у меня промахов не бывает и пистолет осечек не дает. Я только проверю ваш багаж, и если моего там ничего нет, то отпущу целыми и невредимыми.

И он, прихрамывая, пошел к нашей лошади.

Хромой! Только сейчас я оценил всю мудрость решения, принятого Алексеем, – ничего чужого не брать с собой. Ни золота, ни вещей убийцы и убитых.

Собаки, лежащие у ног Алексея, поначалу вели себя спокойно, но когда хромой стал сбрасывать на землю наши вещи, они занервничали. Первым не выдержал Шарик. Подумав, что чужак нас грабит, он молча кинулся на хромого. Раздался выстрел. Шарик взвизгнул, закружился на месте и затих. Мы с Алексеем вцепились в ошейник Арбака, изо всех сил удерживая его, рвущегося на врага.

– Я сказал – сидеть! – заорал хромой. – Перестрелять бы вас всех разом, да патронов жалко! – И он вновь принялся стаскивать с лошади наш груз.

Сняв все, он присел, положил перед собой пистолет и, развязывая мешки, стал вытряхивать их содержимое на землю. Мы напряженно следили за происходящим. Сидели тихо, пре-

красно понимая, что теперь наша жизнь висит на волоске и зависит только от настроения этого психа. То, что у нас ничего нет, еще не гарантия нашей безопасности. Надо что-то предпринимать. Но что?

Держа Арбака за ошейник, я чувствовал, как под его шкурой стальными канатами напряглись мышцы и он в любую секунду готов броситься на врага. А тот, развязывая мешок с рыбой, не удержал в руках скользкую горловину, и рыба хлынула на землю, вмиг засыпав его пистолет. Пора! Фас! Мы спустили Арбака и сами ринулись на хромого, как с низкого старта. Он стал шарить среди рыбы, стараясь нащупать оружие, но этих мгновений Арбаку хватило, чтобы грудью сбить бандита с ног, схватить за горло и придавить к земле. Тут подоспели и мы. Оттащив рассвирепевшего пса, мы скрутили хромому руки. И пока мы его вязали, овчарка рвала бандиту ноги. Видать, мстила за своего погибшего друга.

Вскоре все было кончено. Изрыгая проклятия, хромой сидел, истекая кровью. Проверили все его карманы: кроме початой пачки сигарет «Прима» и одной пустой, на которой был записан чей-то адрес и телефон, ничего. Я нашел под рыбой пистолет, протер от слизи и подал Алексею. Тот взял его в руки, повертел.

– А пистолетик-то особенный: ТТ, любимое оружие киллеров! – определил брат. Потом вынул магазин, сосчитал патроны: – А на кого истратил еще три патрона, экономный ты наш? Уж не на тех ли ребят, которых сожрал медведь? А?

– Не докажешь, – просипел хромой.

– А нам и доказывать ничего не надо. Тобой займутся особысты – и в другом месте... Надо вывезти нашего клиента в город и сдать в милицию, – объяснил Алексей нам с Олегом. – Но для начала придется перевязать, иначе сдохнет от кровопотери.

Весь покрытый наколками, указывающими на криминальное прошлое, хромой сидел молча и зло щерился, как волк, разве только не щелкал зубами. Перевязывая его, мы увидели, что на покалеченной ноге раны особенно глубоки. И как же теперь доставить его до Кудимова? Было ясно, что сам бандит пешком не дойдет. Лошадка тоже может его не потянуть. Не на носилках же нам его тащить!

Радикальную идею подал Олег:

– Батьки, о чем речь? Пристрелить, и все дела. От бессильной злобы хромой аж зарычал.

– Там, в кустах, моя лошадь, – хрипло выдавил он из себя.

– А-а, что, жить-то хочется? Сволочь!

СМЕРТЬ ХРОМОГО

Нашли в кустах привязанного коня и место засады, где хромым подкарауливал нас. Тут и вещмешок с продуктами, и знакомый карабин с оптическим прицелом. Судя по всему, ждал он не одни сутки в полной боевой готовности и... дождался! Водрузив бандита на лошадь, мы крепко привязали его бинтами к седлу.

– Батшки, смотрите: если срубить этому перевязанному козлу башку, он будет вылитый всадник без головы! – весело сказал уже пришедший в себя Олег.

– Фильтруй базар, сявка, – огрызнулся хромым.

– Скорее он похож на... бабуина! – хохотнул и Алексей.

– Золото нашли? – задал бандит мучающий его вопрос.

– Нет.

– Врете. Шкурой чувствую, что нашли. Ну почему не взяли с собой?! Мирно бы поделили. На всех бы хватило.

– Это как – мирно? Под дулом пистолета? Что ж ты с теми ребятами-то мирно не поделился?

– Да те фраера позорные хотели забрать все, что я с таким трудом намыл! – выкрикнул хромым и, не в силах больше сдерживаться, разразился потоком грязной брани.

– Если не заткнешься, заклеим пасть скотчем! – пригрозил ему Алексей.

Бандит замолчал.

– Не зря говорят: жадность фраера губит, – подытожил я.

Однако немного погодя хромым снова заговорил – на сей раз со спокойной горечью:

– Не зря говорил пахан Вася Зуб, что опасно менять профессию. Оставался бы чистилой и жил бы припеваючи, и менты никогда бы не повязали. Но нет! Как увидел мешок с золотом, так что-то переклинило в мозгах. Это ж какие деньги лежат под ногами! Три года работал по пояс в воде, как каторжник, чуть без ноги в этом проклятом металлломе не остался, и вот результат: совки сгребли.

– Не ты ли убил охранника? – спросил неожиданно разоткровенничавшегося хромого Алексей.

– Когда я наткнулся на вертолет, там от трупов даже запаха не осталось, – сказал бандит.

Но потом понял, что наболтал лишнего, и надолго замолчал.

Перед отправлением мы похоронили смелого Шарика, первым бросившегося на врага. Над могилой в память о нем дали залп из карабинов. Может, кому-то это покажется не совсем уместным, но для нас, переживших такое потрясение, это было делом долга и чести. Собрали теперь все, что было в логове хромого, приторочили к нашей лошадке и двинулись в путь.

Прибыв в Кудимово, отвели лошадей хозяевам. Отдавая коня Ефиму, Алексей поинтересовался, на чем прибыл хромым. Оказалось, тот приехал на такси, и машина тут же убралась. Номера он не запомнил. И зачем ему это?

Собираясь в город, мы задумались, как везти хромого. В машину всех не поместить. Пес не будет терпеть бандита. Так и норовит вновь вцепиться ему в глотку. Решили оставить Олега с Арбаком у Никодима, а хромого повезем мы с Алексеем. Я за рулем, Алексей за моим креслом, а рядом с ним пленник. В ноги к себе Алексей поставил карабин.

– Дернешься бежать – застрелю! – сразу предупредил он хромого.

Не успели отъехать от поселка, как тот заговорил:

– Мужики, дайте закурить.

– Перебьешься.

– Ну, хоть пачки верните.

– Они пригодятся как улики.

– Мужики, отпустите меня. Я ж вам ничего плохого не сделал. Ну, попугал пушкой, но в вас не стрелял. Пристрелил вашу шавку, только защищаясь. Ну и что? Сдадите ментам? Так у вас на меня ничего нет. Вы пистолет протерли, теперь там только ваши отпечатки. Карабин я нашел. Чей? Неизвестно. А что касается происшествий в лесу, то закон – тайга, медведь – хозяин. Отпустите, Богом прошу!

– Вот и Бога вспомнил, бандитская морда.

– Мужики, я с вами золотом поделюсь. Каждому по кэгэ. По брусочку. Идет? Больше у меня нет...

Поняв, что так ему не договориться, хромым решил зайти с другой стороны.

– Подумайте хорошенько. Ну, поддержат меня месяц, от силы два, а потом все равно отпустят. Улик никаких нет, только косяки. В смысле косяки, да и те с душком. А что потом? А вот дальше я на вас такую телегу накачу – мама не горюй! И что вы меня избили, и чуть до смерти не затравили собаками, связали, лишив насильно свободы во время отдыха в лесу. Найму хоро-

шего адвоката, он вас затаскает по судам на многие месяцы, а то и годы. Вашу репутацию, если у вас она есть, он опустит ниже лотковой канализации.

– Смотри, Леша, он не только бандит, он еще и юрист! – фыркнул я.

– С мое посидите – и Уголовный кодекс узнаете наизусть...

– Паша, не отвлекайся от дороги! – сердито бросил Алексей.

– Если не согласитесь, то найду способ отомстить по полной, когда вернусь. И вам, и вашим детям. Запомните меня на всю жизнь. Я вам этого никогда не прощу...

Наступила долгая пауза.

– Мужики, дорогие мои, отпустите похорошему, и делу конец! – буквально проныл хромой и замолчал, выжидая.

Мы с братом встретились взглядами в зеркале. По сути, бандит во многом прав. На него нет прямых улик, и доказать его вину в убийствах будет практически невозможно. А к нам вопросы возникнут – это точно.

– Отпустить, отпустить... А как ты себе это представляешь? – задал вопрос Алексей.

– Очень просто! – оживился хромой. – Остановитесь у леса, выйдите из машины отлить, а я в лес.

Наступило долгое молчание. Наконец у кромки густого леса брат дал мне знак остановиться. Мы вышли.

Алексей открыл перед пленником дверь:

– Свободен!

Хромой вылез из машины и опасно поскользнулся на карабин.

– Беги, беги, пока я не передумал.

– А, была не была! – решил бандит и припустил в лес.

Я и представить не мог, что этот раненый ублюдок способен так бегать. Только головенка тряслась и моталась из стороны в сторону.

Он уже почти достиг ближайших кустов, когда Алексей крикнул:

– Стой! Стрелять буду!

Тот только прибавил ходу. Алексей выстрелил в воздух, а потом, прицелившись, и по беглецу. Почти одновременно с выстрелом послышался странный глухой звук, словно лопнул горшок с кашей. Попал! Бандит запнулся, замер и рухнул.

– Леша! Что ты наделал?!

– Убил мерзавца. Паша, все путем. Ты разве не понял, что эта сволочь очень убедительно пояснила нам, как дальше будут развиваться события? Он не оставил нам выбора и сам подсказал, что надо делать.

– А если...

– Паша, никаких «если». И ничего выдумывать не надо. Мы сделали все от нас зависящее, чтобы доставить его в ментовку. Это подтвердят жители Кудимова. Но увы. Запомни: хромой убит при попытке к бегству. Один выстрел в воздух, другой на поражение. Так по инструкции у конвойных. И все! И никаких вариантов! Ты понял, Паша?! – Алексей нервно сорвался на крик. Но продолжил уже более спокойно: – А то жили бы в вечном страхе, ожидая мести этого урода.

Подошли к беглецу. Тот лежал лицом вниз, на затылке растекалось кровавое пятно. Перевернули убитого на спину. Заскрипели кости разломившегося черепа. С изуродованного лица на нас глядел только один глаз, другой был выбит. Я в ужасе содрогнулся. Мне стало дурно.

– Паша, Паша, что с тобой? Смертей не видел? Надо было со мной ходить на охоту. Но учти: там мы бьем совершенно безвинных мирных существ, а тут отъявленный головорез! Кто-то должен был поставить точку в его кровавой биографии! Так что не переживай. Ты всегда помни, что то же самое он готов был сделать с нами.

– Алеша, почему ему так разнесло башку? У тебя что, разрывные пули? – спросил я, уже успокаиваясь.

– Нет, спецзаказ. Готовил на медведя.

Тут я заметил, как у убитого разжимается правый кулак, и с ладони на траву скатился темный флакончик. Оказалось, это раствор йода. Бандит как-то смог выкрасть пузырек из моей аптечки. Вот только подлечиться не успел...

Подтащили убитого к машине. Вещи из багажника переложили в салон, а на освободившееся место погрузили тело. И дальше в путь.

До города добрались уже почти ночью. Посоветовавшись, решили, что с повинной в милицию поедem не сразу, а утром.

МИЛИЦИЯ ЗАВЕРШАЕТ ДЕЛО

Утром сдали труп хромого и все его вещи вместе с оружием в милицию. Алексей остался давать показания, а я снова отправился в Кудимова. К вечеру без происшествий вернулся с Олегом и Арбаком. Брат появился дома только на следующий день.

Я с трудом до него дозвонился:

– Ну, рассказывай, что и как. Почему так долго?

– Паша, приходи ближе к вечеру. Отосплюсь и все расскажу.

Я с нетерпением ждал вечера, однако Алексей пришел ко мне сам еще днем и без Олега. Начал он с пересказа того, о чем написал в милиции с десяток страниц. А именно: все до мельчайших подробностей о наших исканиях в Еловой пади. Пришлось даже начертить план местности и указать, где захоронили человека с автоматом, а также схроны хромого. Брат признался, что долго не решался рассказать о золоте, но наконец Ольга в приватной беседе у нее на квартире убедила его сделать это. Договорились так: он все расскажет, а она найдет юриста, который будет представлять наши интересы в суде о выплате вознаграждения. Все, оказывается, не так просто. В первую очередь необходимо выяснить: кто по закону является собственником нашей находки – государство или прииск? А уж потом решать с хозяином золота вопрос о вознаграждении. И еще Ольга предупредила, что на днях она вместе с ним и криминалистами снова полетит на место находки.

– Вот такие, Паша, наши дела.

– Не так уж все и плохо. А у Ольги Владимировны ты как оказался? И не с ней ли ты провел ночь?

– Грешен, брат, грешен. Сама пригласила. Только на кофе – обсудить тет-а-тет сложившуюся ситуацию. Только умоляю, Паша, никому ни слова. Если кто спросит, то я парился всю ночь на нарах в КПЗ. Да, и вот еще что. Вам с Олегом необходимо завтра принести свои ружья с документами на экспертизу и тоже дать показания. Паша, говори честно, как все было, и ничего лишнего!

На следующий день мы с Олегом отправились к следователю Ольге Владимировне. Сдали оружие, подписали протоколы. Перед этим она дотошно расспрашивала, как мы упустили и затем застрелили хромого.

– Все просто, – отвечал я. – Вышли из машины по малой нужде и не заметили, как он выскользнул в заднюю дверь и помчался. Увидели, когда он уже подбегал к лесу. Алексей крикнул: «Стой! Стрелять буду!» Он продолжал бежать. Тогда Алексей выстрелил вверх, но он и на это

предупреждение не отреагировал. Вот тогда брат и выстрелил на поражение.

– Очень интересно: два здоровенных мужика не могли догнать израненного хромого мужичонку?

– Хромой-то хромым, а бежит – будь здоров. Вспомните, как на Олимпийских играх один инвалид без голеней, на пружинах перегонял других спортсменов! Кстати, говорят, он тоже кого-то убил... В той чаще и без собаки мы бы ни за что не нашли беглеца. И где бы потом всплыл этот бандит? Поверьте, мы все сделали, чтобы доставить его к вам. Сами шли пешком, а его везли на лошади, как арабского шейха, почти сотню километров! Могли убить его там, где он подкараулил нас, и все бы было шито-крыто...

– Вот до Кудимова вы везли его связанным, а в город – нет. Почему так?

– Он все время жаловался, что ему плохо, затекают руки. Из-за большой потери крови могли и не довести. Дверь с его стороны заблокировали. Рядом с ним сидел Алексей с карабином. Причем Алексей его сразу предупредил, что будет стрелять, если тот надумает бежать. Думали: куда денется? Однако он рискнул.

– Ну что, пока убедительно.

Несмотря на основательность, с которой велся опрос, чувствовалась благосклонность следователя к нам. Вышло, не зря Леша с ней пообщался!

– Попрошу без нашего уведомления далеко из города не выезжать. Возможно, вы еще понадобитесь. В интересах следствия о деталях не распространяться.

С тем нас и отпустила. Через четыре дня Алексея вызвали в милицию для поездки в Еловую падь. К вечеру он вернулся с новостями. Рассказал, как тем же составом прибыли на место у сломанной сосны и туда же сел второй вертолет – с командой с прииска «Оранжевый». Вскрыли схроны с золотом, с трупом, со скарбом хромого. И тут выяснилось неожиданное. По словам людей с прииска, все, что находилось под умершим, и даже с учетом мешка в вертолете, – это только часть груза, причем меньшая! Куда же пропало остальное?

Все золото, вернее золотое сырье, приисковые ребята загрузили в свой вертолет и отправили сразу на завод, оставив команду для поиска остального и сбора останков своих товарищей – для экспертизы ДНК и захоронения. Наши криминалисты захватили с собой труп погибшего, оружие и некоторые части вертолета. Прощаясь

с Алексеем, представитель прииска горячо поблагодарил его и намекнул, что был бы признателен, если бы мы на досуге продолжили поиски. А брат недвусмысленно ответил, что это может случиться только после получения наградных за сегодняшнюю находку. Золотодобытчик заверил, что положенную сумму прииск выплатит в полном объеме. На том и расстались.

– Ну что, Паша, рискнем еще раз? – спросил Алексей.

– Ни за какие коврижки! Хоть бы выплатили за найденное.

– Подождем новостей от Ольги. Хоть это дело и засекретили, она пообещала приватно держать меня в курсе событий.

– Как бы тебе этот приват не вышел боком...

– Пока только на пользу. Знаешь ли ты, что у некоторых ребят с прииска родилась мысль, будто недостающее золото прикарманили мы? А эту часть оставили только для отвода глаз. Более того, они настаивали, чтобы у нас провели обыски. Но Ольга пресекла эти поползновения. Сказала как отрезала: не вижу оснований!

Примерно через месяц, после внеочередного посещения своего следователя, Алексей принес очередную порцию новостей. Кроме членов экипажа, двух охранников и представителя прииска в вертолете находился фотокорреспондент одной московской газеты. Найденного нами человека, «спящего» на золоте, опознали как одного из охранников. Он умер от травм, полученных, очевидно, при падении из вертолета. Сломанными ребрами была повреждена печень. И с такими повреждениями он никак не мог вытащить груз из вертолета и спрятать в схрон. Так кто же это сделал? Поскольку среди опознанных погибших нет останков корреспондента, похоже, именно он и распорядился золотом. Причем с собой унести большую часть груза было просто нереально, и, по всей видимости, он закопал клад тоже где-то поблизости. Но где?

Короче, мужчина исчез вместе с золотом. Звонили в Москву в газету. Там, как и дома, он с тех пор не появлялся. Пропал.

В конечном итоге у криминалистов сложилась такая версия. Во время полета экипажу захотелось поразвлечься – поохотиться на подвернувшегося медведя. Спустились пониже, в открытую дверь сел стрелок-охранник с автоматом, а рядом сцену охоты снимал корреспондент. Во время азартной погони за косолапым летчик не

справился с управлением и задел сосну. От удара из вертолета выпали и охотник, и кинооператор.

А что? Вполне реальная версия. Подобное случилось недавно при охоте на горных козлов на Алтае. В пользу этой версии говорит и тот факт, что в туше медведя среди прочих была найдена пуля из автомата охранника. Вот только невозможно выяснить, когда он стрелял: во время полета или когда уже защищался, возле упавшей машины? Ну, а позднее спасшийся медведь вернулся к месту аварии и всласть попировал незадачливыми охотниками. На многих костных останках эксперты обнаружили следы медвежьих зубов. Зверь, как говорится, рассчитался с обидчиками по полной. Может, где-то в тайге он убил и фотокора.

Если же говорить о хромом, то это был убийца-рецидивист по кличке Блоха, сбежавший лет шесть назад из лагеря под Таштаголом.

– А что, настоящая блоха: маленький, злой, кровожадный и больно шустрый, – не удержался я.

Алексей продолжил: при побеге Блоха убил конвоира и завладел пистолетом ТТ. Был объявлен в розыск. Сейчас работают по адресу, записанному на пустой пачке «Примы». Но и тут проблемы: в адресе нет города да и улица обозначена только двумя первыми буквами. К тому же на номере телефона стерлось несколько цифр. И все-таки надеются отыскать золото хромого. Кроме того, Ольга передала настойчивую просьбу представителя прииска – возобновить наши поиски. Сами они долго искали и много чего нашли: личные вещи погибших, приборы, детали вертолета, но вторую часть золота так и не обнаружили. Не найден также автомат второго охранника и пистолет пилота. Не помог и металлоискатель.

– Сообщила опять приватно?

– Паша, я и не знал, что ты такой зануда. Твоя Светлана жаловалась мне на эту черту твоего характера, а я все не верил.

– Завянь. Тоже мне, пескарь-идеалист нашелся!

ЭПИЛОГ

Промчалось полное событий бурное лето, наступила осень. В один из хмурых дней Алексею позвонила Ольга и попросила всю нашу троицу явиться завтра в следственный комитет. Там нас ждал приятный сюрприз. Представитель прииска вручил нам причитающееся денежное вознаграждение. Сумма оказалась заоблачная!

– Может, хлопцы, повторите свой подвиг? А уж вознаграждение не заставит себя ждать. Наверно, у вас есть какое-то чутье на золото. Нашим ребятам этот орешек, к сожалению, оказался не по зубам. Мы были бы вам очень признательны!

– Да и нам такие помощники не помешали бы, – в тон ему добавила Ольга Владимировна. – Там еще многое не найдено и для нас.

– Возможно. Время покажет, – за всех ответил Алексей.

– Если решитесь, мы готовы помочь вам всем, что для этого понадобится, – не оставлял попыток убедить нас представитель прииска.

– Учтем.

Может, когда-нибудь у нас и возникнет желание отправиться за новыми приключениями, но пока мы и от предыдущих не отошли.

**Людмила
ИВАНОВА**

ВО ЛЬДУ СИБИРСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ...

РАСПРОДАЖА

*Огромная, и неудержимая,
и странная во все времена,
расторговалась, родимая,
расходилась страна!
Товару – до черта и больше,
и качественный, и лажа.
Шумит от Курил до Польши
гигантская распродажа!
Спрос и предложение бешеные
диктуют нищета.
Обвиняемые и потерпевшие,
торгуем! От винта!
Тухлою рыбой и совестью,
красивой фигурой и рожей,
старостью... и новостью,
плохой и хорошей.
Правдой – она не дороже
лжи, но вполне, вполне...
Честью и долгом – тоже.
Впрочем, они не в цене.
Втридорога – лекарствами
(возьмут, никуда не денутся).
Жизнями – просто-запросто
(чужими, разумеется).
Фанатиками и фантиками,
мечами и оралами.
И рядовыми солдатиками,
и генералами.*

66

*Окорочками-конфетками,
просроченными в прошлых веках.
Хорошими отметками
в нужных дневниках.
Гелевыми ртами и чувствами
и естественными почти
задницами и бюстами,
господи прости!
Книжками бездарными,
аферами гениальными,
должностными окладами
и премиальными.
Нравственными припарками
(с экрана поет труба!),
подержанными иномарками
(новые собрать не судьба!).
Сталиным, чертом и дьяволом,
магией и ворожкой,
страхом, новым и старым,
любовью – само собой,
любовью – святое дело,
древнее всех пирамид!
Тем, что уже отболело,
и тем, что пока не болит.
Могилами, горем и бедствием.
(Плевать! Все там будем!)
Судом и следствием
и вообще правосудием.
Кровью, мозгами и лицами
(товар разлетается враз)...*

ИВАНОВА Людмила Владимировна родилась 12 июля 1961 года в Туве, но вскоре вместе с родителями переехала в Кузбасс. Окончила исторический факультет Кемеровского университета. Работала учителем истории. Автор трех сборников стихов. Живет в пос. Каменный Ключ Прокопьевского района.

Ворами и убийцами –
 атас!
 Женщинами беременными
 и прочими –
 ни шатко ни валко.
 Тиграми застреленными
 (вот их – жалко).
 Детьми и прочими близкими
 (нам же всё по...)
 торгуем, как сосисками
 в сельпо!
 Торгуем мужьями и женами,
 спятив от одиночества.
 Шахтерскими похоронными
 (семьи – перетопчутся).
 Смертью среднесдельною,
 драйвом, кайфом и сплином.
 Водкою поддельною.
 Подлинным героином.
 Пропискою московскою
 ко всеобщему благу.
 Собою. И стариковскою
 медалью «За отвагу».
 Адреналиновым риском,
 правами пьяных водил.
 Можно продолжить. Списком.
 ...Но нет больше сил.

СИБИРЯКИ

Есть некий смысл и мудрость – видит Бог! –
 чтоб жить во льду сибирской параллели
 и слышать за окном, за вздохом вздох,
 охрипшее дыхание метели;
 выныривать воздушную стопу,
 механику возвышенного лада;
 торить в поту тяжелую тропу
 в пуховом одеяле снегопада;
 рожать детей, чтоб добрыми росли,
 и возвращать крещение и венчанье;
 вгрызаться в недра черные земли,
 чтоб взять ее горячее дыханье;
 и познавать в круговращенье лет,
 веселую выплескивая ругань,
 каким трудом, ломающим хребет,
 дается сталь, и мед, и хлеб, и уголь!
 И поезда водить. И пить, и петь
 во имя всех умерших и живущих;
 пахать, косить... любить... и не жалеть
 о теплых небесах в заморских куцах...

Начальству незатейливо дерзя,
 растить цветы и яблоки – на зависть!
 И жить вовсю – в местах, где жить нельзя, –
 своей сермяжной правды не стесняясь!
 Грохочущие строить города...
 Тянуть дороги дальше год от года...
 Гори во тьме, суровая звезда
 сибирского железного народа!
 ...Сей Божий дар в столетьях обретен –
 чтоб жить во льду сибирской параллели
 и слышать за окном охрипший стон –
 смертельное дыхание метели...

ПУШКИН ВАМ ОТСТОЙ?

Пушкин вам отстой? Школьный предмет
 занудный? Эк вы прохлопали!
 Его за почти что двести лет
 раз сорок уже... пробовали...
 Да зубы сломали... А он – влежку выстоял,
 весел и милосерден.
 Открою одну железобетонную истину:
 Пушкин бессмертен.
 Не то что смерть, но даже и просесть,
 и прочие... тленности и брэнности –
 ему не страшны! И его не сбросить
 никому с корабля современности!
 Ни при чем здесь критики и о рангах табель,
 потому что он сам и есть сей корабль!
 Важнее оружия, важнее хлеба,
 важней, чем наук чудеса...
 Нетленный ковчег, одевший полнеба
 в сверкающие паруса!
 Ему подвластны и быль, и небыль,
 море, суша, и близи, и дали.
 Пушкин им негож... Эка невидаль!
 А вы его, хлопцы, читали?
 Он решает сам, кому согреться
 у костра его – желанным гостем.
 Он знает, в чьем воцариться сердце
 пожизненно – Первым Консулом.
 Это ваши потонут рэпы и гитарки
 в громе его струн.
 Это вы с подружками станете перестарки,
 а он-то – вечно юн!
 Он белозубо хохочет, прощая безоглядно
 нам глупости наши и слабости.
 Пушкин им ненадобен...
 Бросьте, ребята.
 Это вы ему без надобности.

СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ. КИНО ПРО ВОЙНУ

*...И танки шли – лоб в лоб, в работе
своей смертельной. Длился бой.
«Ага, привет от тети Моти!» –
кричал танкист сквозь лязг и вой –
и зал смеялся, умиленный...
Да! Сельский клуб, Сибирь, снега...
А здесь – броню раскаленной
гремела Курская дуга.
Был честен режиссер дотошный
и точен – много лет назад.
И стрекотал, как заполошный,
советский киноаппарат!
«Огонь!» Из гари и тумана
полезли «тигры». Сбит прицел.
И офицер в упор с экрана
глазами синими смотрел.*

*И суетился танк крестатый,
поспешно дуло наводя.
И на лафете пушки смятой
следы кровавого дождя...
Комбат орал: «Назад ни шагу!»
Как близко все... и далеко...
И лез солдатик по Рейхстагу,
сжимая теплое древко...
«Не падай, выживи, братуха!» –
молил его безмолвный хор.
И пот со лба, ругаясь глухо,
стирал измученный актер.
Где этот зал? Так вспомнить тянет,
хоть старый клуб исчез давно,
но – не уходит, не устанет
война себя играть в кино.
...Пропахла дымом гимнастерка,
разрывы, слезы, кровь и пот...
Горящая тридцатьчетверка.
Тяжелый шаг пехотных рот.*

**Алексей
ПОСЕЛЕНОВ**
РАССКАЗЫ

БУМАЖКИ С ЦИФРАМИ

«Метет и метет... Однако, уж ден пять метет не переставая». Евдокия Филонова сидела на некрашеном деревянном табурете посреди маленького торгового зала деревенского магазинчика и слушала, как за окном завывает ранняя зимняя чернота. Чуть затихнув на пару минут, пурга спохватывалась и снова начинала швырять пригоршни жесткого снега в стекло, словно говоря: «Эй, вы, там, не расслабляйтесь. Я по-прежнему тут...»

Рядом с табуретом стояло ведро с грязной водой, на котором лежала ручкой длинная швабра со старой рваной тряпкой.

«Вроде зима на дворе, до Нового года рукой подать, откуда же столько грязи берется?» – думала Евдокия, тихо покачиваясь взад-вперед. Она работала в магазине уборщицей третий год, устроившись сюда аккурат перед тем, как забрали на фронт ее Андрея. С того жаркого августовского дня прошло два года и четыре месяца. А через два года и три месяца после того проклятого дня, то есть месяц назад, она получила в казенном конверте серую бумажку. Это было извещение, в котором размашистым почерком было написано, что ее муж Филонов Андрей Алексеевич «пропал без вести в январе 1943 года».

69

Она тогда что-то делала во дворе. Было уже холодно, недели как три лежал снег. Их деревенская письмоноска, еще молодая, но уже крупная, страдавшая одышкой баба Ленка Зубкова подошла к калитке и окликнула ее. Ленка поправила на плече сумку и протянула Евдокии конверт, при этом как-то виновато и в то же время настоженно глянув на нее. От Андрея писем не было уже почти год, но мало ли что бывает, война как-никак...

– Чего там? – спросила Ленка, когда Евдокия, сняв варежки, торопливо вскрыла конверт и пробежала содержимое глазами.

– Так, это... – растерянно подняла Евдокия глаза. – Пишут, без вести пропал.

«Это как же, – еще подумала она тогда, – в январе пропал, а пишут сейчас, в ноябре только. Это что же, стало быть, искали все это время, да не нашли?»

Евдокия села на крылечко, не зная, что думать и что делать. Облизнула пересохшие губы и растерянно глянула на письмоноску.

– Может, еще обойдется... Может, ошибка какая... Всяко бывает... – Ленка сочувственно глянула на Евдокию и снова поправила на плече сумку. – Ну, ладно, я тогда пойду... – И она, кивнув, медленно пошла дальше по улице.

Евдокия снова посмотрела на извещение. Ведь «пропал без вести» не значит, что убили.

ПОСЕЛЕНОВ Алексей Николаевич родился в 1969 г. По образованию юрист. Автор двух книг прозы. Публиковался в журналах «Дальний Восток», «Москва», «Сура», «Начало века», «Этажи», «Детское чтение для сердца и разума», в сборнике «Повести и рассказы сибирских писателей». Лауреат и финалист многих литературных конкурсов: им. Короленко, «Мгинские мосты», им. И. Рождественского, «Добрая лира», «Бунинские Озерки», «Яблочный Спас», «Поэтический атлас» и др. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Вот и тут, в бумажке этой, зачеркнуты же чернилами страшные слова: «...верный присяге, проявив геройство и мужество, был... Похоронен...» Значит, не похоронен он, значит, не убитый.

На крыльцо, суетливо шаркая ногами, вышла свекровь. Видно было, что она наскоро накинула на себя дедову фуфайку да старую шаль, наверное, увидела в окно, что почтальонша что-то принесла.

– Чего там? Письмоноска была, что ли? От Андрея чего?

Она нагнулась и взяла из рук Евдокии бумагу. Минуты три, прищурившись, разбирала написанное, потом как-то неловко и тяжело осела на крыльцо и тихонько завывала. При этом она стала раскачиваться вперед-назад – почти так же, как сейчас качалась сама Евдокия, сидя посреди пустого магазина.

Невестка испуганно посмотрела на нее:

– Мама, ты чего?

– Ву-у-у, – продолжала раскачиваться свекровь, уставившись неподвижными глазами прямо перед собой.

– Мама, ты чего?! – уже выкрикнула Евдокия и вскочила. – Чего ты?! Ведь «без вести пропал» пишут, ведь не убитый, чего ты?!

Ставив с головы платок, свекровь схватила пятерней седые волосы и стала терзать их, дергать из стороны в сторону.

– Сыно-очек, Андрюшенька мой! – стиснув зубы, заскулила она.

Из избы один за другим выскочили не одетых трое ребятишек – два сына, старший и младший, и средняя дочка. Увидев растерянную мать и ревущую бабу, они остановились и замерли.

– Мама стáра, ты чего?

Старший, десятилетний Вовка, подошел к бабушке и ткнул ее рукой в плечо. Дети смотрели то на Евдокию, то на бабу, не понимая, что стряслось.

– Идите в избу, а то застудитесь... – махнула на них рукой мать и вдруг почувствовала, как ноги у нее враз сделались ватными.

Она поняла, что это все, что никаких «пропал без вести» быть не может и что мужа ей больше никогда не увидит.

...Евдокия тряхнула головой, прогоняя прочь еще совсем свежие воспоминания. Боль только-только начала укладываться куда-то на задворки души, и она как могла гнала от себя давящую тяжким грузом тоску. Конечно, нет-нет да выскакивала мысль: «А вдруг? А вдруг еще объявится Андрей? Может, лежит где в госпитале или в

плен попал, ведь разное может быть...» Но уже через минуту она понимала, что особо надеяться на эти «вдруг» не стоит. Почему-то не верилось ей в такое чудо.

Но как бы ни было тяжело, а надо жить дальше. Надо жить хотя бы ради детей. По большому-то счету, только ради них... Себе она ничего уже не хотела и готова была лечь да и помереть хоть сейчас, но разве так бывает? И кто потом будет растить их с Андреем детей? Враз постаревшая на десяток лет свекровь, которая сразу же, как прочитала то извещение, слегла и, считай, две недели пролежала на койке, почти не вставая? Ее старушечьи слезы быстро кончились, и она, похудевшая и осунувшаяся, просто молчком лежала на кровати, глядя в потолок сухими красными глазами. Или свекор, который большей частью бестолково топтался по избе в старых, сто раз подшитых валенках, не зная, куда себя деть и чем занять свои руки? Нет, на них детей оставлять нельзя. Надо самой...

И поэтому она каждый день шла в этот магазин, тащила из ближайшего колодца воду и мыла пол. Мыть надо было два раза в день: днем с часу до двух, когда был обеденный перерыв, и вечером, после семи, когда магазин закрывался. Правда, осенью и весной, когда на улице было особенно грязно, приходилось мыть пол в торговом зале еще и в рабочие часы, но так случилось не каждый день.

Был у такой работы один плюс: она могла больше времени быть дома, чтобы готовить, присматривать за ребятишками, убираться по хозяйству. Но, с другой стороны, платили совсем мало. Денег хватало лишь на то, чтоб кое-как сводить концы с концами. Благо, выручал огород: были все же свои картошка, капуста, морковь и прочее. А на получку можно было купить лишь соли, муки да немного сахара.

Вздохнув, Евдокия встала с табурета, взяла ведро и пошла за прилавком: оставалось вымыть там. Макнув тряпку в воду, она слегка отжала ее и стала тереть коричневый крашенный пол. Метель стремительно выдувала из магазина тепло, и вода уже схватывалась сверху ледяной корочкой.

«Скоро там Клавдия-то придет? Уже печку топить пора, а то совсем выстудит все», – думала Евдокия, привычными движениями орудия шваброй. Клавдия работала в магазине сторожем, охраняя его ночами, но в ее обязанности

также входило топить железную буржуйку, стоявшую в углу торгового зала. Она обычно приходила к восьми часам вечера, к тому времени, когда Евдокия уже домывала пол, а Прохор Лукич, заведующий магазином, подбивал результаты работы за день. Он и сейчас сидел в своей маленькой каморке, отгороженной досками в подсобке, подшивал какие-то накладные, ордера и делал записи в разных толстых книгах.

Из-под прилавка швабра достала несколько завалившихся туда маленьких бумажек с написанными на них цифрами. В магазине было два отдела: продовольственный и промтоварный. Обслуживая покупателя, продавщицы сперва считали общую стоимость товара, записывали ее на бумажку, с которой человек шел на кассу, стоявшую в том же углу, что и буржуйка. Заплатив и получив от кассирши Нины Кузьмовны чек, покупатель возвращался с ним и с той же бумажкой к прилавку и забирали товар. Надорванные чеки продавщицы отдавали с покупкой, а бумажки накалывали на тонкие стальные спицы, вертикально воткнутые в круглые дощечки. В конце каждого дня кассирша и продавщицы сверяли показания кассы с этими маленькими бумажками. Такая процедура была необязательной, но ее ввел сам Прохор Лукич, боявшийся, чтобы не случилось какой-нибудь недостачи или расхождения в бумагах. «Уж лучше мы лишние полчаса после работы посидим, зато потом, когда ревизия придет, спокойнее себя чувствовать будем», – размеренно покачивая головой, объяснял он своим продавщицам. Кассовый отчет завмаг потом оформлял как положено, а бумажки с цифрами просто выкидывали.

Евдокия подобрала бумажки и бросила их в мусорное ведро.

«Хорошо бы вот мне продавщицей работать перейти. Хоть и весь день занятой будешь, так то не беда, зато денег больше платят, раза в два с лишним. Тогда бы уж нам полегче жилось... Можно было б материалу купить ребятишкам на обновку, мыла вот не хватает, и продуктов нет-нет да и взять каких-нибудь. Сахару того же, муки... Только кто же меня возьмет в продавщицы без образования?» Она вздохнула и снова окунула тряпку в ведро с водой.

Так получилось, что за все свои тридцать два года жизни Евдокия училась лишь два дня. В ту пору никаких школ в их дремучей сибирской тайге, раскинувшейся на отрогах Салаирского кря-

жа, отродясь не бывало. Это потом уже, при новой власти, когда она была замужем да при ребенке, в их селе построили семилетку. А тогда, раньше, в деревнях лишь время от времени появлялись люди, которые называли себя учителями. Они останавливались в разных домах (кто пускал к себе), где и учили местных ребятишек грамоте: как писать и читать буквы да как цифры складывать.

На третий год после Октябрьской революции, когда Евдокии исполнилось девять лет, к ним в деревню в начале лета приехал на телеге с местным мельником нестарый еще мужчина в круглых очках и потрепанной форменной фуражке. Прошелся по дворам и сказал, что будет учить ребятишек писать да считать. Остановился этот мужчина у того самого мельника, который и выделил ему половину пустовавшего амбара. Там поставили лавки, какой-то стол, и этого хватило, чтоб амбар превратился в учебный класс, благо на улице было тепло. Детей мельника учитель взялся обучать бесплатно, а остальные, кто был не против приобщить своих ребятишек к грамоте, должны были что-то платить ему. Евдокия, которую отец тоже послал учиться, конечно же, не вникала в эти подробности.

Однако учеба ее продолжалась лишь два дня. То ли слишком много нового на нее свалилось (поди-ка упомни сразу все эти буквы да цифры!), то ли из-за шума и духоты в амбаре, но на второй день у нее так разболелась голова, что, вернувшись от мельника домой, Евдокия легла на кровать и пролежала так до ночи. На вопросы отца, «чего там с Дуськой стряслось», мать объяснила, что вот, дескать, с учебы этой вернулась и лежит, говорит, голова шибко болит. После чего тот сделал вывод: «На что нужна эта грамота, ежели от нее только здоровью вред? Нечего там больше делать! Да и деньги целее будут». На этом все образование Евдокии и закончилось. Ни отец, ни мать ее сами грамоты не знали, однако это не мешало им вести вполне крепкое хозяйство и жить довольно-таки даже богато по местным меркам. Ну, а уж коли сами, считай, жизнь так прожили, так и дети проживут.

«Кто бы знал тогда, что жизнь-то – вон она как повернется», – думала Евдокия, домывая пол и вспоминая отца. Его увезли на санях с таежной заимки в райцентр в декабре тридцать седьмого, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу.

«Эх, тятя, тятя, вот оно как все вышло-то». Конечно, с годами она худо-бедно выучилась и писать и считать: все-таки подсказали разные люди, чего да как. С письмом дело обстояло хуже, а с цифрами получше. По крайней мере, и десятки, и сотни могла складывать и отнимать хоть и медленно, но без ошибок. Только вот на счетах, чтобы так быстро да ловко – раз! раз! – как продавщицы в их магазине, – так она не умела.

Крепко выжав тряпку и расправив ее, Евдокия прислонила швабру к стене и подошла к прилавку, на котором возле весов стояли счеты. Потертая деревянная рама со вставленными в нее железными спицами, на которые нанизаны деревянные же костяшки. Она провела по счетам рукой. Быстро бросила одну костяшку пальцем в сторону, та звонко стукнула о раму. Евдокия кинула к ней еще пару таких же костяшек и, вздохнув, вернула их на место.

– Дуся, ты все? Управилась? – из двери, ведущей в подсобку, выглянул Прохор Лукич.

– Да, Прохор Лукич. – Евдокия отдернула руку от счетов и глянула на него. – Сейчас Клава придет, и я домой пойду.

– Можешь сейчас уже идти, я ее один дождусь, – кивнул заведующий магазином.

Он был еще не очень стар и подпадал под призывной возраст, но на фронт его не взяли по состоянию здоровья. Будучи совсем еще молодым парнем, Прохор Лукич воевал с немцами в Первую мировую, был там травлен газом, поэтому легкие у него были не вполне здоровы. А если сказать честно, то совсем нездоровы: мужик начинал задыхаться, пройдя быстрым шагом каких-нибудь метров пятьдесят, поэтому и старался всегда ходить размеренно, не торопясь. Сидячая работа заведующего магазином, которую он освоил незадолго до начала войны, была ему в самый раз, и в этом плане его жизнь не особо изменилась в последние годы.

– Хорошо, – кивнула в ответ Евдокия.

Пройдя в подсобку, она сняла серый халат, накинула овчинный тулуп, вязаный платок и взяла ведро с грязной водой, чтобы выплеснуть на улице. Но вдруг поставила его обратно.

– Прохор Лукич... – Она нерешительно посмотрела на заведующего.

– Чего тебе? – Он оторвал взгляд от скудного прилавка промтоварного отдела и мельком глянул на нее поверх очков.

– Прохор Лукич, а покажите мне, как на счетах считать...

Заведующий удивленно повернулся к ней:

– Чего-чего? Зачем это тебе?

– Ну... мне интересно, – смутилась Евдокия.

Действительно, зачем это ей? Она и сама не знала, как объяснить внезапно появившееся желание. Хотя нет... Все же объяснить можно было, вот только она не осмелилась бы сейчас сказать об этом никому. Но внутри уже что-то тихонько подзуживало ее: «А что, ты хуже других, что ли? Они умеют, а ты что – дура совсем? Цифры ведь знаешь, считать как-никак умеешь, так, может, и на счетах выучишься. А там можно попробовать и в продавщицы попроситься. К тому же Зинка Вахрушева с продотдела как-то говорила, что хочет в райцентр переезжать со своими. Вот и место будет».

– Покажите, пожалуйста, Прохор Лукич. – Евдокия смущенно улыбнулась. – Я быстро пойму, вы только разок покажите мне, и все.

Тот пожал плечами:

– Ну что ж, раз интересно, давай покажу. – Он пододвинул к себе ближние счеты: – Смотри...

Евдокия подошла к заведующему и стала внимательно глядеть на костяшки, затаив дыхание. Нужно было запоминать все сразу, чтобы потом не переспрашивать и не выставить себя какой-нибудь бестолковщиной.

– Значит, так, – потерял кончик носа Прохор Лукич. – С чего начать? Вот видишь, здесь четыре костяшки всего? На этой спице. – Он показал на счеты.

– Вижу, – чуть слышно сказала Евдокия.

– Так вот, плясать от них будем, только на них самих внимания не обращай. На них сейчас не считают, это раньше, когда полушки были да фунты вешали. Так что их не трогай вовсе. Нижний ряд тоже редко нужен. Мы в основном деньги считаем, а в рубле сто копеек, а там, на нижнем ряду, уже тысячные кладутся. Это только когда вес считаешь в граммах. Ну а дальше вот что...

И Прохор Лукич стал объяснять Евдокии, где и как надо класть единицы, десятки, сотни да тысячи, как их складывать, как перебрасывать костяшки с нижней спицы на верхнюю, если их не хватает, сколько при этом оставлять костяшек на нижней. Он показал, как считать, если речь идет о рублях и копейках, как можно на этих же счетах подсчитать общий вес чего-нибудь в килограммах да граммах, в центнерах и тоннах. Он ловко кидал костяшки вправо, влево, щелкал ими, как заправский фокусник.

Евдокия слушала и боялась проронить хоть слово. Она шевелила губами вслед за заведующим, беспрестанно кивала головой и теребила рукой кончик платка.

– Ну как, поняла? – Перестав щелкать костяшками, Прохор Лукич снова поверх очков посмотрел на уборщицу.

Та вздохнула:

– Ой, господи... Кажись, поняла... – Потом просительно глянула на заведующего: – А ежели еще спрошу, вы покажете? Ежели чего забуду?

– Да мне особо-то некогда учебой с тобой заниматься. Тем более не пойму, зачем тебе это... Так, от скуки, что ли? – Прохор Лукич отодвинул счеты на место.

В дверь постучали. Это была Клавдия. Она ввалилась в магазин и стала отряхиваться от снега, шумно при этом отфыркиваясь:

– Ну метет! Как дунет иной раз, так чуть с ног не валит! Вот же Новый год нынче, елки-палки. – Она хлопала себя по воротнику, по голове, и с нее на пол летели хлопья снега.

– Ну, ты чего?! – сердито крикнула ей Евдокия. – Я же только все вымыла, на улице не могла стряхнуть с себя?

– Ой, Дуська, погоди, – отмахнулась от нее Клавдия. – Дай хоть дух переведу. Да не сердись, ежели натает, я сама за собой подотру.

– Ну, смотри, коли так, я уж перемывать не буду. – Обернув концы платка вокруг шеи и запахнув полушубок, Евдокия попрощалась со всеми и вышла в темноту.

Она шла домой, закрывая лицо от колючего, больно бьющего в глаза снега, а перед ней мелькали руки Прохора Лукича. Руки ловко кидали костяшки по спицам счетов, а его голос при этом говорил: «Ежели, допустим, есть у нас рубль пятнадцать, стало быть, рубль кладем сюда, – он кинул одну костяшку влево, – а пятнадцать надо поделить на один десяток и пять. Десяток кладем сюда, – он кинул влево другую костяшку, пониже первой, – а пять здесь. – И он подвинул влево пять костяшек на спице ниже. – Поняла? – Не дождавшись ответа, он продолжал: – Допустим, надо сюда тридцать семь копеек еще накинуть. Стало быть, это получается три десятка и семь. Три десятка кидаем к одному, – он щелчком кинул три костяшки к одной, – а сюда семь. Но у нас тут уже пять лежит, стало быть, еще пять сюда добавляем, получается целый десяток, значит, копейки убираем вовсе, – он сдвинул десять костяшек, где лежали копейки, вправо, –

а к десяткам еще один накидываем. – И снова одна костяшка на спице повыше полетела влево. – Но мы ведь семь копеек прибавляли, а не пять, стало быть, две копейки еще осталось, их и кладем к копейкам. – И две костяшки от десяти, сдвинутых вправо, летят обратно в левую сторону. – И что имеем? А имеем в итоге рубль пятьдесят две. Понятно? Ничего сложного...»

«Ох, господи, господи... – шептала Евдокия, пробираясь среди снежных заносов к дому. – Ничего сложного ему нету. Мозги тут свихнешь. Ох, тошнехонько... Но другие-то ведь считают как-то, так чего же я – дура совсем? Неужто мозгов не хватит? Ладно, уж как-нибудь с Божьей помощью, поди, одолею».

И с тех пор каждый день, вымыв в магазине пол, Евдокия вставала у прилавка, доставала из мусорного ведра те самые бумажки с записанными на них химическим карандашом цифрами и складывала эти цифры, отнимала, снова складывала и снова отнимала, молча шевеля губами и хмуря брови. Костяшки при этом старалась двигать тихонько, чтоб те не гремели и не отвлекали Прохора Лукича. «Восемнадцать рублей – это десяток и еще восемь, – беззвучно проговаривала она и двигала костяшки, – еще потом двадцать семь шестьдесят, так... Ага, – она брала другую бумажку, заглядывала в нее, – потом еще три сорок восемь... – следующая бумажка, – уберем отсюда восемнадцать рублей да двадцать пять копеек...»

Иногда Евдокия представляла, будто к ней подходит покупатель и просит какой-нибудь товар. Она оглядывалась на прилавки, смотрела на цены и клала их на счеты, плюсуя все подряд. «Мыла три куса, так... спичек пять коробок... лампа керосиновая одна... керосину два литра...» Одно было плохо: некому было проверить, не ошибается ли она где. Но снова просить заведующего помочь она стеснялась.

...Позади уже был Новый год, Рождество и крещенские морозы, дело подходило к февралю. Несколько раз заведующий заставлял ее за счетами и спрашивал, усмехаясь в усы: как, дескать, получается? Евдокия смущалась, краснела и, стряхнув костяшки, отодвигала счеты на место. Однако с каждым днем она чувствовала себя все увереннее и увереннее.

Однажды, это было в обеденный перерыв, Зинка Вахрушева из продовольственного отдела сказала, что родня в райцентре окончательно зовет ее с детьми к себе. Зинкин муж тоже был

на фронте, и жила она в деревне одна с двумя ребятами – пяти и семи лет. А в райцентре жили мужнины дядя с тетей да их дочь. Они обещали помогать Зинке, даже сулили устроить на работу тоже продавщицей в тамошний универмаг. Вроде как была у них такая возможность.

– Каждый раз сердце кровью обливается, как на работу иду, – горестно качала головой Зинка, сидя на табурете за прилавком.

Она только что сбегала домой, проверила, как там дела, и, вернувшись, болтала с продавщицей из промтоварного Марьей Бронниковой да с Евдокией, которая уже вымыла пол и ждала окончания обеда, чтоб тоже бежать домой.

Марья заварила чай на белоголовнике и зверобое, и они втроем сидели тесным кружком, потихоньку отхлебывая из железных кружек уже успевший подостыть напиток.

– А ну как чего случится с ними? А ну как избу спалют или, наоборот, перемерзнут там одни? – продолжала Зинаида. – Иной раз соседку, бабку Шаповалиху, просила приглядеть, а тут и она слегла, простыла, что ли... У Дуськи вон хоть старики дома, всё ребята под присмотром, а у меня вообще одни. Уеду в райцентр я, девчонки, точно уеду. Вот январь доработаю и на расчет подам.

– А если не отпустят? Скажут сперва замену искать? – глянула на Зинаиду Евдокия.

– Как это не отпустят? – сжала та губы. – У нас что, крепостное право, что ли? Где я им ее найду, замену-то? Да я и не в колхозе состою, у меня паспорт на руках.

– Ну, вообще-то могут отрабатывать заставить, – вставила слово Марья.

– Да отрабатывать – это бог с ними, отработаю, сколько положено, ну и все. А замену пусть сами ищут! – Бабенка Зинка была языкастая и бойкая, перед начальством особо не пасовала. – Интересное дело, а если не будет никакой замены, так мне что, до самой смерти тут горбатиться? Нетушки, я законы знаю!

– Да ладно ты, – махнула рукой Евдокия и отставила кружку. – Я же так сказала, к примеру. Может, и будет какая замена да и отпустят тебя без волокиты. Может, и отрабатывать не надо будет.

– Ага, что-то я уже и вправду засомневалась, – нахмурилась Зинаида. – Раньше как-то и не думала об этом. Как бы действительно не пришлось тут куковать... Ведь кого они продавцом тут у нас найдут? В деревне одни бабки бестол-

ковые да ребяташки малые. А из баб грамотных-то нет никого, только навоз таскать умеют.

Из своей комнатухи вышел Прохор Лукич:

– Вы чего тут? Не заболтались? Время-то уж открываться пора.

– Ой, прости, Лукич, – кряхтя, поднялась с низкого табурета Марья, – правда чего-то заболтались мы, на часы не глядим. – И она пошла открывать магазин.

После этого разговора у Евдокии внутри словно натянулась струна. Она боялась подойти со своим разговором к заведующему, но понимала, что рано или поздно это придется сделать. Иначе ради чего все?

А пока она продолжала каждый день доставать из мусорной корзины бумажки с цифрами и считать по ним. Считать, считать и считать... Быстрее, быстрее, еще быстрее... Единицы, десятки, копейки, рубли, сотни, граммы, килограммы, добавить, отнять, перекидываем наверх, вниз. Быстрее, быстрее – раз! раз! И чтоб ни одной ошибочки, чтоб не к чему было придрататься, чтоб никто не сказал, что она не умеет!

Через неделю, второго февраля, Зинка Вахрушева подала заявление на расчет. Подала в обед, а когда вечером Евдокия пришла на работу, застала подругу всю зареванную.

– Чего стряслось? – испуганно спросила она вытиравшую платком глаза Зинаиду.

«Уж не с мужем ли чего?» – мелькнуло в голове.

– Чего-чего, – сердито шмыгнула та носом. – Накаркали вы с Марьей – вот чего. Ищи, говорит, замену себе. – Она сердито накинула пальто. – А где я им тут продавца найду в такое время? К прокурору пойду, пусть воздействует. – Она переобулась в валенки и вышла из магазина, даже не попрощавшись.

Через пять минут закончила сверку с кассиршей и ушла домой Марья Бронникова. Получив доклад от Кузьмовны, что все в порядке, что цифры «бьют», Прохор Лукич закрыл выручку с кассовым отчетом в сейф и ушел к себе делать записи в бухгалтерских книгах.

Евдокия сходилась за водой и стала мыть пол, однако мысли ее крутились только вокруг того, что Зинка уже написала заявление и что ей сказали искать замену.

«А что, если она сразу кого-нибудь найдет? – мелькало у нее в голове. – Завтра утром приведет кого-нибудь и скажет: вот, пожалуйста вам, вместо меня. Ой, господи! – У нее внутри все по-

холодело. – Нет, надо сегодня же к Прохору Лукичу подойти».

Вымыв пол, она глянула на часы – стрелки ходиков, висевших слева от входной двери, показывали без двадцати восемь.

«Быстро сегодня управилась», – подумала Евдокия и вытерла руки о полы халата. Еще какое-то время она постояла в задумчивости, но потом решительно встряхнула головой, выдохнула, мелко перекрестилась и пошла в подсобку, прошептав: «Господи, благослови».

Заглянув в комнатку заведующего, который сидел над своими записями, она позвала:

– Прохор Лукич!

Тот поднял голову:

– Чего? Закончила уже? Ну так иди, я один сторожа дождусь, сейчас закрою за тобой. – Он поднялся со стула.

– Да нет, я не это хотела...

– А чего? – не понял заведующий.

– Прохор Лукич, вы не могли бы меня проверить?

– В смысле? Чего проверять?

– Ну, как я на счетах считаю. Проверьте, пожалуйста.

– Как на счетах считаешь? Да зачем?! Мне чего, делать больше нечего? Иди давай домой, раз вымыла. Не морочь мне голову, мне некогда. Давай закрою за тобой. – И он пошел в торговый зал вперед Евдокии.

– Прохор Лукич, ну пожалуйста. – Евдокия пошла за ним, но не к двери, а зашла за прилавки и взяла счета.

– Да к чему это? – рассердился заведующий.

– Ну, вот Зинаида же на расчет подала, так, может, вы меня вместо нее поставите? – быстро выпалила она, стараясь не глядеть на Прохора Лукича.

Тот умолк и встал посреди зала.

– Ах вот оно что... Вот чего ты тут возле счетов каждый вечер отиралась. – Он медленно подошел к прилавку, за которым стояла Евдокия. – Значит, говоришь, тебя вместо Вахрушевой поставить? – Он задумался и оценивающе глянул на уборщицу: – А сколько у тебя классов образования?

Та опустила глаза:

– Нисколько.

– Как нисколько? Вообще, что ли, в школе не училась?

– Нет.

– Так как же я тебя возьму продавщицей, ежели у тебя даже трех классов нету?

– Да на что вам, Прохор Лукич, классы-то мои? Вы проверьте меня, и все! Зачем вам образование-то? Вы проверьте, как я считать умею. Может, я и не хуже их всех. – Евдокия сдвинула брови и мотнула головой в сторону, сердито глянув на завмага.

Назад отступить было уже нельзя, надо было идти до конца.

– Гм! – усмехнулся Прохор Лукич. – Ну, раз ты так просишь, давай проверю. Посмотрим, чему ты тут выучилась.

Евдокия придвинула счета ближе.

– Хорошо, – кивнул Прохор Лукич, – положи мне триста двадцать три рубля шестьдесят две копейки.

И не успел он глазом моргнуть, как Евдокия кинула костяшки влево и выкрикнула:

– Вот!

– Ух ты какая шустрая! – глянул на счета завмаг. – Ну что ж, правильно, только это ведь так, ерунда... Прибавь сорок четыре рубля девять копеек.

И снова Евдокия в мгновение ока бросила костяшки влево, вправо, снова влево.

– Вот! Триста шестьдесят восемь рублей шестьдесят одна копейка! – объявила она.

– Тихо, тихо, ты куда так гонишь-то? Я же не успеваю за тобой следить. Ты потише давай. – Завмаг обошел прилавки и встал рядом с Евдокией. – Скинь это.

Та наклонила счета, и костяшки съехали вправо.

– Хорошо, клади заново, да помедленней.

И Прохор Лукич стал называть разные цифры, заставляя Евдокию складывать и вычитать десятки, сотни рублей, тысячи. Потом он называл ей разные веса, наблюдая, как она прибавляет к центнерам килограммы и граммы, получая тонны, потом опять центнеры и килограммы. Он заставлял ее объяснять, как она считает и почему у нее выходит именно этот результат.

Евдокия сперва смутилась, когда он сказал, чтобы она объясняла ему все свои действия, но потом быстро освоилась. Завмаг молча слушал и кивал.

– Ну что ж, Евдокия, молодец, – наконец улыбнулся он. – Ни разу не ошиблась.

Та радостно заулыбалась:

– Ну так что, Прохор Лукич, возьмете вы меня вместо Зинки?

– Да ты погоди, не гони так.

В дверь громко застучали, это пришла Клавдия.

– А вот и я! Прохор Лукич, извини, задержалась немного, – стала с порога оправдываться она, когда заведующий открыл дверь.

Часы показывали половину девятого.

– Ничего себе немного! Ты знаешь, что за опоздание на работу по нынешним временам бывает?

– Прохор Лукич... – скривила губы сторожиха, – да там у нас...

Тот махнул рукой:

– Да иди ты! Твое счастье, что вот Евдокию тут экзаменую, на время не гляжу. Но если еще такое повторится – вмиг вылетит с работы, а то и под статью угодишь! Понятно?

– Не повторится, Лукич, не повторится, – Клавдия примирительно заглядывала в глаза завмагу, – слово даю. А чего ты Дуську экзаменуешь? Как полы моет, что ли?

– Не твоего ума дело... – сердито отвернулся от нее завмаг. – Иди своим делом занимайся. Печку топить надо, весь магазин выстыл уже.

Клавдия торопливо засемила в подсобку за дровами, а Прохор Лукич снова встал возле прилавка перед Евдокией:

– Вот смотри... Представь, что я покупатель. Мне надо крупы купить, цена которой двести сорок семь рублей за кило. А надо мне сто пятьдесят граммов. Посчитай, сколько будет?

Евдокия раскрыла рот:

– Это как же? Так, а...

И она, покраснев, опустила глаза. Потом сказала чуть слышно:

– Я не знаю...

Заведующий недовольно хмыкнул:

– Вот то-то и оно! Продавец ведь должен уметь не только складывать да отнимать цифры всякие, надо же еще уметь взвесить товар да посчитать его правильно. А ты: «Заместо Зинки меня берите...»

Евдокия стояла на месте и боялась пошевелиться. Как же так? Ей даже в голову не пришло, что ведь и правда надо еще и по весу цену уметь посчитать. Ведь товар разный бывает, не только фасованный, но и на вес отмерять приходится. Она повернулась и молча побрела в подсобку на ставших вдруг непослушными ногах.

«Вот дура-то, вот дура! В продавщицы собралась, ой, стыдобушка-то...» – думала она, стягивая с себя на ходу халат.

– Ты куда? – крикнул ей вслед завмаг.

Евдокия остановилась и выдавила из себя:

– Домой пойду. Вы, это, Прохор Лукич, извините меня, что я... вас...

– Иди сюда быстро! – вдруг рассердился управляющий.

Евдокия подняла глаза, в которых стояли слезы:

– Зачем?

Ее нижняя губа начала подергиваться.

– Затем... Учить тебя буду, как весовой товар считать, вот зачем. – Заведующий пододвинул к себе счеты и снова посмотрел на Евдокию: – Ну, чего встала как вкопанная? Хочешь заместо Вахрушевой работать или нет? Если хочешь, так слушай.

У Евдокии перехватило дыхание.

Она быстро вытерла мокрые глаза рукавом, проглотила вставший в горле комок и шагнула к Прохору Лукичу:

– Я хочу... Прохор Лукич, вы говорите, я, это... Я сейчас все пойму, вы говорите только...

И заведующий стал объяснять. А Евдокия, как и в предыдущий раз, снова тихо стояла рядом, слушала его и боялась пропустить хоть слово.

– Поняла? – спросил ее завмаг, закончив.

– Кажись, поняла, Прохор Лукич, – выдохнула Евдокия и боязливо глянула на своего экзаменатора. – Только мне бы попробовать на бумажках каких с недельку хотя бы, а то сразу вдруг чего не так пойдет?

Вместо ответа заведующий строго глянул на нее и сказал:

– Завтра придешь к девяти часам. Утра, конечно, а не вечера, понятно?

– Приду, Прохор Лукич. А сейчас-то чего делать?

– Чего делать... Домой иди, время уж десятый час. А то, поди, потеряли тебя дома-то. Утро вечера мудренее.

На следующий день, когда Евдокия пришла в магазин, заведующий позвал к себе ее и Зинаиду.

– Ну что? – хмуро глянул он на Вахрушеву. – Не передумала?

– Прохор Лукич, ну чего вы, в самом деле? Я же вчера еще все объяснила вам, – начала было та, но завмаг остановил ее:

– Тихо, тихо... Понесла... С памятью у меня все в порядке, а спросить, не передумала ли, я обязан. Ясно? Замену я тебе подыскал.

– Как подыскал? – У Зинки от удивления расширились глаза. – Прохор Лукич, голубчик, благодетель ты мой, вот спасибо-то... И когда отпустишь?

– Да тихо ты, закудаhtала. Не я, вон она твой благодетель, – и завмаг кивнул на Евдокию, – ей спасибо говори.

– Дуська? – повернулась Зинаида к подруге. – Ты? Правда? А чего молчала-то вчера? Ты умешь, что ли?

– Значит, так, Зинаида, слушай меня внимательно, – начал завмаг. – Две недели ты все же еще отработаешь. За это время Евдокию должна будешь выучить так, чтоб ничем от тебя не отличалась. Понятно? Она и так уже много чего знает, но кое-что надо еще подучить. Она сама тебе скажет. Но предупреждаю сразу: если будешь дурочку валять, если через две недели она срежется на чем-нибудь, я тебя никуда не отпущу. Ясно? Так что это в твоих же интересах. Ну, думаю, тут тебе объяснять не надо. А ты, – посмотрел он на Евдокию, – будешь эти две недели и продавщицей стажироваться, и полы мыть, так как, понимаешь, штата у меня нет, чтоб тебя освобождать от уборщицкой работы. Понятно?

Евдокия согласно кивнула:

– Конечно, Прохор Лукич, это вы не сомневайтесь, это-то ерунда, помою, с меня не убудет.

– Вот и ладно. А я за это время тебе замену в уборщицы кого-нибудь подыщу. Это попроще будет, чем продавщицу найти. Если все ясно и вопросов нет, то шагайте, магазин открывать пора.

И началась у Евдокии другая жизнь. Первую неделю она целыми днями тенью ходила за Зинаидой и глядела, как та обслуживает покупателей, лезла к ней с расспросами, просила показать то одно, то другое. Надо сказать, что Вахрушева объясняла ей все до мельчайших подробностей, поскольку уже окончательно настроилась на переезд в райцентр и тому, что замена в лице Евдокии нашлась так скоро, была несказанно рада. Больше того, она сама подзуживала свою стажерку: «Ты смотри, Дуська, только не срежься на чем-нибудь, когда Лукич тебе экзамен делать будет. Если чего не ясно, так заранее спрашивай».

На второй неделе они поменялись местами. Евдокия самостоятельно выполняла всю работу продавщицы, а Зинаида следила, чтобы она не допустила какой-нибудь ошибки. Но придраться было не к чему.

В обед и вечерами Евдокия мыла полы, и дома ее в эти дни вообще почти не видели. Все заботы по дому легли на плечи стариков, но куда было деваться? Да и ребятишки, хоть и малые, все понимали, старались не доставлять лишних

хлопот ни матери, ни дедам. А сама она и не знала уже – то ли радоваться, что ее мечта стать продавщицей совсем близка, то ли бояться, что там дальше будет. Ведь и потом дети будут больше со стариками, чем с ней. Они и так уже давно зовут их не дед да баба, а мама старая да папа старый.

Вечерами сильно болела голова, но она понимала, что это с непривычки, что это от новой работы, когда приходится много думать и без конца считать, считать да еще и перепроверять, чтобы не ошибиться. Ложась спать, она вздыхала и молила Бога, чтоб помог пережить это время.

Так прошло две недели. И вот в конце рабочего дня Прохор Лукич вышел в торговый зал.

– Ну что, готовы экзаменоваться? – глянул он на стоявших за прилавком Евдокию и Зинаиду.

Зинаида усмехнулась:

– А мы, Лукич, как пионеры, всегда готовы!

Она и вправду была уверена в своей стажерке на все сто, если только та сама где-то не сгруппит от волнения.

Евдокия не сглупила. Хоть и волновалась, конечно, но не смог заведующий подловить ее ни разу. В стороне от прилавка, за которым стояла Евдокия, словно зрители, выстроились в ряд Зинаида и Марья с кассиршей, не ушедшие, как обычно, сразу после работы домой.

Прохор Лукич гонял экзаменуемую, как говорится, вдоль и поперек. И то ему взвесь, и это посчитай, и другое отмерь, да сколько выйдет товара на столько-то рублей, и отложи сперва три кило, убери потом половину, да добавь друтого...

Наконец он замолчал, поправил на носу очки и повернулся к зрителям.

– Ну, что скажете? Кузьмовна, ты с деньгами у нас больше всех общаешься. Не подведет? – обратился он к кассирше.

– Да ну, Лукич, сам не видишь, что ли? Чтоб девка без опыта да образования так считала, я ни разу не видела. И опытный бы кто сто раз ошибся, как ты ее тут гонял!

– Ладно... Конечно, тут все ясно, это уж я так... – Завмаг улыбнулся и снова глянул на Евдокию: – Ну иди, продавщица, пиши заявление о переводе на новую работу.

Губы у Евдокии мелко задрожали. Опустив голову, она молча села на табуретку, закрыла лицо руками, и плечи ее затряслись.

– Дуська, да ты чего? – подскочила к ней Зинаида. – Радоваться надо, а она ревет!

Подняв подругу, она прижала ее к себе и повела в подсобку...

Поздно вечером, когда в избе все улеглись, Евдокия закрыла глаза и устало вздохнула: «Ну что, Андрей, вот твоя жена и продавщицей стала. Без единого класса образования. Можешь гордиться мной. Сейчас-то уж я наших детей подниму, ты не сомневайся... Ты там не волнуйся за нас, сейчас-то мы проживем...»

СТЫДНО...

Иван Черемных повернулся на бок и глянул на часы – было начало второго ночи.

«Елки-палки, да что же это такое? Никак не уснуть...» Он поправил одеяло, улегся поудобнее и подоткнул под щеку подушку в надежде забыть. Уже пятую ночь кряду он ворочался по несколько часов, прежде чем уснуть. Ивана мучила совесть, ему было стыдно.

Месяц назад он отпраздновал свое пятидесятилетие. Спокойно, в домашнем кругу, как говорится, без лишней помпы. А чего тут особо веселиться? Как ни крути, а понимаешь, что впереди-то уже много меньше, чем позади. В эти годы человек живет размеренно, все у него разложено по полочкам, все на своих местах, в том числе и совесть. Он уже не совершает необдуманных, глупых поступков, за которые потом придется стыдиться, он живет да живет себе, вот и все...

Но с Иваном случилась одна заковыка, из-за которой он и потерял покой. Вдруг ни с того ни с сего он вспомнил один случай из детства, который и разбередил душу. Столько лет не помнил – и тут на тебе, вылезло... А вспомнил он вот что.

Случилось это, когда Ивану было лет одиннадцать-двенадцать, не больше, лет сорок уже прошло. Жил он тогда в большом городе, но каждое лето ездил на каникулы в деревню к деду и бабушке. Любил Иван эту деревню, даже считал себя больше не городским, а деревенским. И жил еще там с семьей его дядя, брат матери. Звали его дядя Толя, и был у него сын Сергей, старше Ивана года на четыре. Так вот, Сереге родители на успешное окончание восьмилетки купили мопед, «Верховину-6». Это была мечта любого деревенского пацана в то время. Свой мопед – это свобода! Это значит – взрослый ты совсем. Езжай куда хочешь, крути ручку газа хоть до упора, и только ветер в лицо! Нет, это не передать словами, это надо самому попробовать.

И как-то Иван выпросил у Сереги прокатиться на его «верховине». Чтоб самому, совсем без никого. До этого Иван уже катался на мопеде, но под присмотром: или Серега сзади сидел, подстраховывал, или один, но на лужайке перед домом. На этот раз, поддавшись на уговоры младшего брата, Серега великодушно разрешил Ивану прокатиться по деревне. Однако с условием: сделать всего один круг и чтобы не выезжать в центр села, а только по окраинным улицам, где нет машин и заезжих гаишников.

Как же Иван был счастлив! Выжать ручку сцепления, включить передачу и аккуратненько, добавляя понемногу газ, – вперед! Вот она – свобода! Домá мимо проносятся, куры, утки, а ты мчишься по улице, поднимая клубы пыли. Сам! Не сидишь в коляске или позади взрослого, обхватив его руками, а сам! Сам газуешь, сам рулишь куда хочешь. Эх!..

В общем, сделал счастливый Иван кружок по деревне и вернулся к дому дяди Толи. Смотрит, нет Сереги во дворе, наверное, в дом зачем-то зашел. И сразу же мысль в голову: «А не махнуть ли на второй круг? Все равно ведь никто не видит. Докажи потом, что два раза ездил... Может, просто медленно ехал или останавливался». Повертел Иван головой по сторонам – нет никого. Собрался уже было рискнуть, но тут, как назло, из-за угла выскочил на своем мотоцикле с коляской дядя Толя. Подрулил лихо к воротам, заглушил технику.

– Ванька, здорово, – кивнул племяннику.

– Привет, дядя Толя, – отозвался Иван, по-прежнему сидя на «верховине».

Дядька распахнул ворота во двор, открыл гараж и, вернувшись к своему мотоциклу, глянул на Ивана:

– Слушай, помоги мотоцикл в гараж затолкнуть, а?

И вот тут-то Иван замер.

«А вдруг Серега сейчас выйдет? – сжалось у него внутри. – Пока буду дяде Толе помогать мотоцикл заталкивать, он выйдет и заберет мопед». Иван поерзал на сидухе.

– Ну, так чего, – дядя Толя взялся одной рукой за руль, другой за ручку на сиденье, – поможешь?

Но страстное желание прокатиться еще разок уже захватило Ивана целиком. Он сделал вид, что толком не расслышал дядьку, отвернул голову, буркнул что-то себе под нос и, дав газу, поскорее уехал прочь.

Что было дальше, память не сохранила, на этом воспоминание заканчивалось. Но вот это все: как радостно гнал он на мопеде, как навалилось искушение сделать еще один круг, как просил его дядя Толя помочь, а он постыдно сбежал – вспомнилось в мельчайших подробностях. Словно случилось все только вчера. И стало Ивану как-то ужасно стыдно. «Вот же я свинья какая, – говорил он себе, нахмурившись, – свинья натуральная и есть. Как же так-то? Ведь дядя Толя помочь просил, а я... Прокатиться ему захотелось».

При этом он понимал умом, что казнить за мальчишеский поступок, совершенный сорок лет назад, по меньшей мере глупо. Плюнуть да растереть – делов-то! Но поди ж разбери, как устроена человеческая совесть. Как ни гнал он от себя эти мысли, как ни убеждал себя, что дядька, скорее всего, даже и не обиделся на него тогда, а если и обиделся, то давным-давно позабыл, – ничего не выходило. Скоблит изнутри, собака, царапает. Днем еще ничего: закрутишься на работе, пятое-десятое – оно как-то и не помнится. Но как в койку вечером ложился, так сразу все опять вспоминалось, и сон, который уже вроде бы накатывал приятной волной, испарялся как утренний туман. И крутилось в голове все это – лето, каникулы, мопед, деревня... И казалось, что дядька, который по сей день был жив и в меру своего возраста здоров, помнит о том случае и держит на него, Ивана, обиду.

В общем, промучился так Иван неделю и решил: надо ставить в этом деле какую-то точку. Рассказал обо всем жене, но та только посмеялась над ним:

– Совсем, что ли, рехнулся на старости лет? Сорок лет уже прошло... Выкинь из головы, да и все.

– Легко тебе говорить! – возмутился Иван, сердито взмахнув руками. – Я и сам бы рад позабыть все это, так оно же только что вспомнилось! И сидит, зараза, как заноза в мозгу и покоя не дает.

– Ну, так и чего сейчас? – тоже начала заводиться жена. – Извиняться побежишь, что ли? Так дядька тебе первый скажет: дурак ты, Ванька, вот ты кто.

Иван сел на стул, положил руки на колени и вздохнул:

– Сам не знаю... Хоть правда езжай да извиняйся...

Дядька жил в той же самой деревне, что и тогда, сорок лет назад, только в другом доме. А вот Иван из своего города детства переехал в соседнюю область, в городок, откуда родом была его жена. И до деревни сейчас было в два раза дальше, порядка пятисот верст.

– Ну щас, ага, – закивала жена, – бензин девать некуда? Ничего, само рассосется...

Не рассасывалось. Прошла еще неделя, но по-прежнему Иван ворочался ночами, по-прежнему мучила его совесть. Даже, казалось, злее стала, и будто бы что-то мучило вдобавок, но вот что – он не понимал.

Он хотел сперва позвонить дядьке, но потом подумал: как такой разговор по телефону-то строить? «Дядь Толь, ты помнишь, сорок лет назад я не помог тебе мотоцикл в гараж затолкать? Так ты извини меня». Да ну, дурасть какая-то, морщился Иван, лежа под одеялом и мучаясь от бессонницы. Он садился на кровати и подолгу смотрел в темное окно на луну, освещавшую голые еще ветки деревьев. «Полнолуние еще, как назло!» – тихонько ругался Иван и снова укладывался под теплый бок жены в надежде заснуть.

Наконец он не выдержал.

– Все, плевать мне! – заявил он как-то утром. – Вот майские через три дня начнутся, и махану в деревню. – Жена только открыла рот, чтобы возразить, но он поднял руку и остановил ее: – Все! Я сказал! Хошь смейся, хошь нет. Считаю, что просто поеду родню поприветовать. А то и правда уже сто лет не виделись.

– А огород копать? – все же напонила жена.

– Подождет твой огород. Да и чего его сейчас копать? Земля еще как следует не оттаяла. Первого числа пораньше выеду, часам к одиннадцати на месте буду. Денек погощу, а второго назад, к вечеру вернусь. Ничего за два дня не случится.

Жена махнула рукой и не стала перечить. Может, и правда – пусть съездит да успокоится, а то уже испсиховался весь с этой совестью своей.

...Когда Иван в начале двенадцатого подрулил к дому, где жил дядя Толя, тот сидел на лавке возле калитки, грелся под скупым теплом первомайского солнца.

Увидев племянника, он раскрыл рот от удивления:

– Вот так явление Христа народу... Ванька, ты, что ли? Это каким же ветром тебя в наши края занесло? Однако, снег завтра выпадет.

Иван вышел из машины, улыбнулся:

– Здорово живем, дядь Толь! Вот решил наконец родину попроведать. А то уж сто лет не был, все по телефону да по телефону.

Дядька поднялся:

– Милости просим... Молодец, что приехал.

Они обнялись.

– Я уж думал, помру, так и не повидаюсь с тобой.

– Да ты чего, помирать собрался, что ли? Рано тебе еще.

Дяде Толе летом должно было исполниться семьдесят восемь, но для своих лет он выглядел вполне неплохо: бритый, не сгорбленный, без палочки, одет опрятно и чисто.

– Так кто его знает, когда рано, когда нет... Ну что, в избу сразу пойдём или здесь еще посидим? – Он кивнул на лавку.

– Давай здесь посидим, погода хорошая сегодня, – сел на лавочку Иван. – И так всю зиму в избах просидели, надоело уже.

– Ты как, надолго? – поинтересовался дядя Толя. – Погостишь хоть?

– Да нет, завтра обратно надо уже... Где-нибудь в обед поеду.

– Завтра? Всего-то на ночьку и приехал?

– Так и то еле вырвался! Сам же понимаешь: огород сейчас начнется, по гостям-то разъезжать особо некогда.

– Ну-у, – разочарованно протянул дядька, – я-то думал, погостишь хоть недельку...

– Какая неделька, дядь Толь? На работу через четыре дня выходить.

На улицу вышла тетя Лена, жена дяди Толи.

Увидев Ивана, всплеснула руками:

– Ой какие гости! А я вижу, машина какая-то незнакомая подъехала. Думаю, кто там такой? Так, а чего вы тут-то сидите? Старик, ты чего гостя в дом не ведешь? Пойдемте в избу.

Она взяла во дворе какие-то тряпки, висевшие на веревке, и ушла с ними обратно в дом.

Посидели еще немного, поболтали о том о сем. А у Ивана в голове все крутилась мысль, как же аккуратнее подобраться к тому, ради чего он приехал.

Наконец, усмехнувшись, он сказал:

– Слушай, дядь Толь, мне тут штука одна вспомнилась на днях, не поверишь... всю жизнь не помнил, сорок лет назад уже было, а тут на тебе! И стыдно потом стало прямо не знаю как...

– Стыдно? А чего такое? – глянул на племянника дядька.

– Да вы еще в старом доме своем жили. Помнишь, Сереге мопед покупали, «верховину»?

Дядька пожал плечами:

– Помню вроде... Только не очень. А чего там случилось?

И Иван слово за слово рассказал дяде Толе все, отчего не мог спать последние дни. Старался говорить с юморком, со смешками, как о ерунде какой-то, но потом все же глянул на дядьку виновато:

– И ты понимаешь, так совестно стало перед тобой, что аж сон потерял. Вот же ж, думаю, как я поступил-то по-свински...

Дядя Толя посмотрел на него удивленно:

– Так ты за-ради этого и приехал, что ли? Извиняться?

– Да нет, почему... – смутился племянник. – Это так, к слову сейчас пришлось. Проведать решил, вот и приехал. Соскучился...

– Ну-ну... – протянул дядька, снова глянув на Ивана. Чуть помолчав, он крикнул и сказал: – Беги в магазин. Так просто не получится.

Иван немного растерялся:

– В смысле – не получится? Что? Встречу обмыть, что ли? Так сейчас сбегаю, не вопрос...

– Да при чем тут встреча? Ты думал, извинился так вот – и все? Думал, я забыл про тот случай? Ага, щас... Это ты через сорок лет только вспомнил, а я... – Он снова крикнул. – Только тут одними словами сейчас не отделаешься... Так что беги.

«Вот те на... – ошарашенно подумал Иван. – Неужели и вправду дядька обиду тогда затаил и все это время помнил? А я-то, дурак, еще гнал от себя эти мысли, забыть снова хотел. Хорошо, что все-таки приехал. Лучше уж, как говорится, поздно, чем никогда».

Он поднялся с лавки:

– Ну, так я, это... сбегаю, что ли?

Дядька поднял на него глаза:

– Я думал, ты уже убежал. Давай беги, да лучше думай, как извиняться будешь. Честно скажу тебе, обидел ты меня тогда крепко, Ванька. Хоть и пацан ты был, да я же видел, с какими глазами ты бросил меня там одного с мотоциклом, а сам усвистал на мопеде этом. Эх, племяш, племяш... Ладно, хоть сейчас вспомнил. А то я уж думал, так и помру с этим... – Дядя Толя нахмурился, кряхтя, встал и, отвернувшись, высморгался под забор.

– Ну ладно, пошел я тогда... – промямлил Иван.

– Так сгоняй на машине, быстрее будет, – посоветовал дядька.

– Да ну... Лучше прогуляюсь. Насиделся, пока к вам сюда ехал. – И племянник зашагал в сторону центра села, где находились все магазины.

Войдя в ближайший продуктовый, он стал разглядывать витрину с алкоголем.

«Водки взять? Да как-то слишком уж дешево получится, несерьезно. Ведь, выходит, и вправду виноват я перед дядькой, раз он до сих пор помнит. Коньяк, может, тогда?» В конце концов он остановил свой выбор на довольно дорогой, пыльной (видно, долго стояла) бутылке коньяка с пятью золотыми звездами на тисненой этикетке. Взял еще каких-то пряников, коробку мармелада и булку хлеба на всякий случай.

Когда Иван вернулся, на улице никого не было. Он зашел в дом. Дядя Толя сидел перед телевизором, смотрел какую-то передачу, тетя Лена хлопотала на кухне, готовя обед.

– Ну вот... – Иван поставил полный пакет у стола. – Взял тут маленько...

– Да зачем? – взмахнула руками тетя Лена. – У нас же есть все, я с утра уже в магазин сбегала.

– Ничего... Пусть лежит, съедим.

– Ой, ты кого тут взял-то? – Тетя Лена достала бутылку коньяка. – Дорогуший, наверное?

Иван небрежно махнул рукой:

– Ничего, не дороже денег.

Вскоре сели к столу, который тетя Лена заставила угощениями под завязку.

Иван открыл бутылку, разлил по рюмкам, глянул на дядьку, спросил:

– Так за что выпьем-то? За встречу сперва или за праздник?

– Ну, ежели ничего более важного нет, так и за это можно, – хмуро ответил тот.

Иван смутился:

– Ну, это... Ладно, давай уж сперва тогда за то, что ли? Ты извини меня, дядь Толь, что я тогда так...

Тетя Лена ничего не понимала. Она посмотрела сперва на мужа, потом на племянника:

– Ты о чем это? Кого извинить-то?

Дядька молча глядел в пол.

– Да тут... – замялся Иван, – давно это было, тетя Лен... Меня тогда дядя Толя попросил помочь ему мотоцикл в гараж затолкать...

– Ну и чего? – не понимала тетка.

– Ну а я не помог ему. На мопеде покататься охота было, вот и уехал.

– Ничего не пойму. – Она глянула на мужа. – Куда уехал? Какой мотоцикл?

– Так сорок лет уж прошло. Думал, дядя Толя позабыл уже, а оказывается – нет. Обидел я его тогда, да забыл сам. А сейчас вот вспомнил.

– Чего? – снова повернулась к мужу тетя Лена. – Старик, ты, что ли, обиделся? На Ивана? Сорок лет назад?

И дядька не выдержал, расхохотался. Хохотал так, что казалось, со стула сейчас скатится на пол. Схватился за живот, согнулся и хохотал во все горло.

– Ты чего, дед, с катушек съехал? – тоже улыбнулась тетя Лена и пихнула его рукой в плечо. – Ты чего тут устроил?

Иван сидел ничего не понимая. Он как-то глупо улыбнулся и поставил рюмку на стол.

– Ой, не могу! Ну, племяш, рассмешил ты меня, – наконец выдал из себя дядька, утирая с глаз слезы. – Ну и балбес же ты, Ванька! Поверил, что я на него всю жизнь обиду держу за мотоцикл какой-то. – Он снова захохотал.

– Так ты чего? – Иван тоже засмеялся. – Комедию мне разыграл, что ли? А я-то уж и вправду подумал: обидел дядьку на всю жизнь.

– Ты слушай его больше! – Тетя Лена махнула рукой в сторону мужа. – Он тебе еще не то наговорит...

– Ну уморил. – Дядя Толя наконец-то успокоился. – Да как ты только поверил, что я на тебя мог обиду затаить да еще и всю жизнь держать ее? А, Ванька? Ты там сбрендил совсем, что ли?

– Да ну тебя, дядь Толь. – Иван снова взял рюмку. – А я почему знаю? Говорю ж тебе, меня совесть загрызла. А вдруг, думаю, и ты помнишь по сей день?

– Давай, – дядька поднял рюмку, – за встречу... Так ты и коньяк дорогуший купил, чтоб сподручней извиняться было? – Он снова хохотнул.

– Ну а как? – улыбнулся Иван, у него словно камень с души свалился. – Не водку же брать для этого?

Втроем выпили раз, другой.

Потом тетя Лена убрала свою рюмку:

– Мне хватит. За встречу да за праздник, и все. Да и ты бы, дед, не налегал шибко-то.

– Ничего... Когда я еще такого коньяку выпью? – Глаза у дяди Толи уже чуть-чуть заблестели. – Когда еще племянник передо мной извиняться будет? Дай маленько-то покуражиться.

Дальше сидели и просто болтали. Вспомнили всю родню, тех, кого уж нет в живых, и тех, кто еще остался. У Ивана на душе сделалось легко-

легко. Он сидел, улыбался счастливой улыбкой и добрыми глазами смотрел на дядю с тетей.

– Балбес!

Дядя Толя постучал Ивана пальцем по лбу. Он захмелел.

– Ты же мне кровный! Мы же родня с тобой самая что ни есть близкая. Как же я могу на тебя обиду держать за ерунду какую-то?

– А то родные не обижаются друг на друга! – возразил племянник.

– Обижаются... Потому что дураки. А мы-то с тобой умные должны быть!

Ближе к вечеру пришел Серега с женой: им позвонила тетя Лена и сказала, что приехал Иван. Брат, отслужив в армии, вернулся в родную деревню, женился на бывшей своей однокласснице, и сейчас они жили здесь же, через улицу. Принесли с собой тоже кое-чего – отметить встречу и Первомай.

Дядя Толя, выпив еще рюмку коньяка, от спиртного отказался и просто сидел за столом, пил чай и с улыбкой смотрел, как братовья, перебивая друг друга, что-то рассказывали, вспоминали детство, смеялись.

– Слушай, Ванька, а давай споем с тобой, а? – предложил Сергей. – Но не эти вот дурацкие, которые сейчас поют, ерунду всякую, а что-нибудь старое, что наши деды да родители пели. А?

– Давай споем, – согласился тот. – Вот эту вот давай, «позабыт, позаброшен» которая.

– Давай...

– Да ну вас, – возразила Серегина жена. – Шибко она грустная какая-то да тоскливая. Лучше другое что-нибудь спойте.

– А какая жисть была, такие и песни пели, – возразил в свою очередь Серега. – Так что слушай...

И братья, обнявшись, затянули:

Как в саду при доли-и-ине-е-е

Громко пе-е-ел со-оло-о-ове-е-ей.

А я, мальчик, на-а чу-ужби-ине-е

Позабы-ыт от лю-ю-юде-е-ей.

Когда они допели, в гости подтянулись соседи – муж с женой, годами чуть постарше Ивана с Сергеем, тоже не с пустыми руками. Мужик был уже слегка навеселе. Увидев у соседского дома чужую машину, он понял, что там гуляют, ну и решил не пропустить такое мероприятие. Жена же пошла с ним, больше чтоб проконтролировать, дабы он не перебрал.

Мужики сидели за столом, громко болтали, обсуждали политику. Женщины послушали, послушали да и ушли от них на кухню. Сергей с отцовским соседом убеждали Ивана остаться еще на пару деньков, но тот лишь упрямо мотал головой и тяжело вздыхал.

– Ваньша, оставайся, брательник, – говорил Сергей. – На рыбалку маханем, сейчас разлив, сетешку бросим.

– Не, не, – отмахивался Иван, – мне на работу пятого числа надо, а еще дома дел полно.

Спели все вместе еще песню, на этот раз «У солдата выходной». Серега кричал, что она у него самая любимая, перечить ему не стали, спели. Потом опять обсудили правительство, международное положение, вспомнили футбол с хоккеем, не без этого...

Наконец часам к восьми деревенские гости разошлись по домам. Иван сидел, поставив локти на стол и положив голову на руки. Большого опьянения не было – так, приятный хмель, когда на душе тепло и покойно, когда всех вокруг любишь и хочется этих всех расцеловать.

– Эх, как же хорошо... – улыбнулся он и повернул голову к дядьке, который сидел рядом на диване. – Дурак я, что давно не приезжал к вам. Это уж сколько? Лет пятнадцать, однако, не был? А родина ведь здесь как-никак... Ведь и вправду соскучился по всем по вам. Сейчас только понял, как сильно соскучился.

– А выходит, племяш, если б не вспомнил ты тот случай с мопедом, так и не приехал бы сегодня? – подмигнул ему дядька.

Иван тяжело вздохнул.

– Не знаю, дядь Толь, врать не буду. Может, и не приехал бы, – печально покачал он головой. – То одно, то другое, то работа, то хозяйство. Одним словом, суета сует... На рыбалку сходить, с удочкой на бережку посидеть и то некогда.

– Ну что ж... Стало быть, не зря тебе память выдала из закровов своих, а? Чтоб приехал ты да чтоб повидались хоть... А стыдно бы не стало, так и не вспомнил бы дядьку своего. Так ведь?

Племянник серьезно посмотрел на дядьку вдруг погрузневшими глазами:

– Слушай, дядь Толь, а мне сейчас и за это стыдно стало. Ну... за то, что не был давно. Вот елки-палки... – Он закрыл глаза и, повесив голову, помотал ею из стороны в сторону. – И вправду, стыдно...

Наутро Иван позвонил жене и сказал, что останется у дядьки еще на ночь, что домой приедет третьего.

ГИТАРИСТ

Вдоль стены конференц-зала пансионата «Жемчужный» в два ряда стояли стулья, на которых сидело человек десять. Окна в зале были плотно зашторены, и включенные через один светильники тускло, вполсилы освещали невысокого мужчину с гитарой, стоявшего перед слушателями. Ему было лет пятьдесят пять, может, чуть больше. На лице его явно читалась усталость, особенно в глазах, которые он время от времени широко раскрывал, начиная при этом часто-часто моргать, словно пытался избавиться от чего-то мешавшего.

– Ну и в завершение своего выступления я хотел бы исполнить еще одну песню тех лет. – Мужчина провел ладонью по коротко стриженным волосам, изрядно побитым сединой, потом поправил гитару. – Думаю, многие из вас должны ее помнить, она была довольно популярна. А исполнял ее вокально-инструментальный ансамбль «Пламя». Называется песня «Мы строим БАМ», автором слов был талантливый журналист Виталий Петров.

Ударив по нейлоновым струнам, он сыграл небольшое вступление и запел:

*Рельсы упрямо режут тайгу,
Дерзко и прямо, в зной и пургу.
Веселей, ребята, выпало нам
Строить путь железный, а короче – БАМ.*

Голос у мужчины был довольно приятный. Пел он спокойно, ровно, без надрыва, не забывая время от времени бросать взгляды на сидевших перед ним людей и кивать им, призывая подпевать. Зрители – все люди явно пенсионного возраста – кивали в ответ, улыбались, кто-то тихонько притоптывал, а некоторые действительно пробовали подтягивать слова песни.

*И сквозь туманы, и сквозь года
До океана помчат поезда.
Веселей, ребята, выпало нам
Строить путь железный, а короче – БАМ.*

Закончив петь, гитарист в последний раз ударил по струнам и поклонился захопавшим зрителям.

– Спасибо. Спасибо большое, – кивал он с усталой улыбкой.

– Только, кажется, у нее название было просто «Строим БАМ», без «мы», и пели ее, как я помню, «Самоцветы», – вставая со стула, сказала ярко накрашенная, загорелая до черноты морщинистая женщина в широкополой пляжной шляпе.

Гитарист пожал плечами:

– Вполне возможно. В то время одну песню могли разные группы исполнять: «Пламя», «Самоцветы», «Веселые ребята», «Лейся, песня»... Просто аранжировки немного отличались.

– Я помню, эту песню еще гимном БАМа называли, – закивала другая женщина – в больших роговых очках и длинном, до пола, цветастом платье. – А вообще-то – да, хорошие песни тогда были, не то что сейчас. Ерунду всякую поют, бормочут чего-то, а чего – и не поймешь. И ругаются, и матерятся со сцены. – И она сердито покачала головой.

– Ой, и не говорите. – Женщина в пляжной шляпе тоже нахмурилась и махнула рукой. – Всё развалили, всё... Ни песен, ни музыки хорошей не стало. А раньше другое дело было. – Улыбнувшись, она кивнула гитаристу: – Спасибо вам большое за выступление, как в молодости побывали.

Тот улыбнулся в ответ:

– Вам спасибо, что пришли. Всего вам доброго и хорошего отдыха.

– Спасибо. Спасибо...

Когда все потянулись к выходу, а гитарист стал укладывать инструмент в потертый кофр, к нему вразвалку подошел грузный, с большим животом мужчина, который до этого все выступление молча сидел на стуле с краю.

– А я вас сразу узнал, – тяжело дыша, произнес он грубоватым баском. – Я еще два года назад вас слушал.

– Да? – улыбнулся гитарист. – Ну что ж, я рад.

– Только в другом месте это было, в «Чайке» я тогда отдыхал.

Не зная, что ответить, музыкант чуть пожал плечами.

– И вы тогда, кстати, те же самые песни пели. Я думал, вы хоть сегодня что-нибудь новенькое споете, а все то же самое опять.

Гитарист немного смутился и виновато развел руками:

– Так, наверное, совпало. Просто у меня есть подборка именно ретропесен, и я время от времени с ними выступаю. Ну и сегодня вот...

– Да? А я уж думаю: ну мужик дает, одно и то же каждый раз шпарит.

– Да нет... нет, конечно же. – Гитарист смущенно переступил с ноги на ногу и посмотрел по сторонам. – Совпало так...

– Ну, ладно. Счастливо тогда. – Толстяк протянул ему ладонь.

Музыкант пожал руку и кивнул:

– Спасибо, вам всего хорошего.

Застегнув кофр, он сел на стул и с силой потер глаза. В последнее время они не давали ему покоя. Знакомый врач из санатория сказал, что это нервное, что-то наподобие тика. Что ж, вполне возможно. А проходил этот тик только после изрядной дозы. И самое неприятное во всем этом было то, что именно пить-то ему и не хотелось, но без алкоголя проявления тика становились все сильнее.

Поднявшись, музыкант энергично тряхнул головой, взял кофр и, выйдя из конференц-зала, пошел по коридору к двери с табличкой: «Арт-директор».

– Ну что? Все? – поднял на гитариста глаза плотный лысый мужчина с пышными усами, сидевший за письменным столом перед ноутбуком.

– Все.

– Сколько народу сегодня было?

– Да сколько... Сколько их всегда бывает? *♪♪*
Человек пятнадцать от силы.

Гитарист прислонил кофр к стене.

– На вот, держи. – Мужчина достал из выдвижного ящика стола и протянул музыканту свернутый лист бумаги, зажатый скрепкой.

– Сколько тут?

– Как обычно, – пожал плечами арт-директор и снова повернулся к ноутбуку.

– Слушай, Петрович, может, добавить уже пора? Цены-то на все растут, а на эти деньги уже только раз в магазин сходить можно.

– Анатолий, ну ты как маленький прямо... Где я тебе больше возьму? Если бы мы с этих отдыхающих за твои концерты деньги брали, тогда и разговор был бы другой, а так... Галочку только поставить, что мероприятие провели. Да чего я тебе рассказываю, первый год, что ли...

– Вот именно, что не первый, а деньги все те же. Петрович, ну поговори с главным, пусть хоть процентов двадцать накинет. Ваши-то цены каждый год растут, да не один раз. В «Светлане» с «Чайкой» и то больше платят.

– Толь, ну так пой у них, елки-палки. – Арт-директор опять посмотрел на гитариста.

– Я и так пою, но каждый день ведь не будешь у них петь. Все равно самое частое – раз в две недели.

– Ладно, Толь, хорош... – Усатый поморщился и махнул рукой. – Ну правда, сколько можем, столько и платим.

Гитарист развернул лист бумаги и, взяв деньги, сунул их в карман брюк.

– В подземном переходе и то, наверное, больше зарабатывают, – тихо пробормотал он себе под нос.

– Чего? – снова оторвался от ноутбука хозяин кабинета.

– Ничего, так я...

Взяв кофр, Анатолий буркнул: «Пока» – и вышел прочь.

Настроение было не очень. Оно всегда у него портилось после того, как он получал деньги за свои выступления. Конечно, в целом за месяц он наскребал сумму, позволяющую жить более-менее нормально, но это – в целом. А если посмотреть, сколько ему платили за одно выступление, то действительно было до обидного мало. Потому-то и приходилось ему чуть не каждый день выступать в дюжине разных санаториев, пансионатов и домов отдыха, обходя их по кругу один за другим. Да и уставать он стал в последние годы значительно больше. Словно села батарейка, раньше дававшая ему силы и энергию.

Выйдя на улицу, Анатолий посмотрел на клонящееся к горизонту августовское солнце. Погода была хорошая, и в голове мелькнула мысль: «Может, искупнуться немного? А то на море живу, а нынче всего-то один раз и купался». Но потом решил отказаться от этой идеи: оставлять без присмотра кофр с гитарой было небезопасно, всякое случается. И он пошел домой.

Жил Анатолий в этом причерноморском курортном городе довольно давно, уже лет двадцать, с тех пор как врачи посоветовали его жене поменять суровый сибирский климат на более мягкий. Здесь у них родился поздний и долгожданный ребенок – сын Сашка, здесь они и жили втроем в двухкомнатной квартире. Их старый, послевоенной постройки двухэтажный дом стоял довольно далеко и от моря, и от большинства санаториев. Предстояло долго идти в гору; можно было, в принципе, доехать на автобусе, но он всегда ходил пешком: это у него была такая замена физкультуре.

Когда он наконец поднялся к дому, с него градом катил пот и рубашка была мокрая, хоть вы-

жимай. Ранние южные сумерки быстро заполняли город, и где-то над дальней горой в темнеющем небе уже загорелась первая звездочка.

Войдя в стоящий у раскидистой мушмулы небольшой павильончик, Анатолий поздоровался с пожилым седым армянином, сидевшим на деревянном ящике за прилавком:

– Привет, Васак.

– Толя, здравствуй, дорогой! – приветливо сказал продавец, вставая с ящика.

– Васак, собери мне, пожалуйста, чего-нибудь, как обычно: чтоб не сильно дорого, но чтоб хорошее, а? – улыбнулся гитарист продавцу, вытирая со лба пот. – Сыра там, хлеба, картошки, зелени какой-нибудь...

– Хорошо, Толя, сейчас сделаю. – Взяв пластиковый пакет, Васак стал складывать в него продукты. – Как дела у тебя? Как здоровье?

– Спасибо, в порядке.

– Поешь?

– Да пою помаленьку, только не знаю вот... – Анатолий криво усмехнулся. – Может, и завязывать уже пора с этим делом.

– Почему завязывать?

– Да ну... Копейки платят. Курам на смех...

– Не надо завязывать, Толя. На жизнь хватает, и ладно, всех денег не заработаешь. Тебе же самому петь нравится, людям тебя слушать нравится, а это самое главное. Ты хорошо поешь, душевно.

– Да кому она сегодня нужна, душевность эта... – усмехнулся Анатолий, ставя кофр к прилавку. – Уставать я стал, Васак. Не молоденький уже...

– Так все мы не молодеем. Жизнь такая, куда деваться? А душевность людям всегда нужна.

Васак поставил почти полный пакет возле весов.

– Если бы за нее еще платили нормально, за душевность эту. – Гитарист вынул деньги.

– Э-э... Зря так говоришь! Если только про деньги думать, но без души, потом сам плакать будешь.

– Ладно, Васак, сколько с меня?

– Я тебе скидку дам хорошую. – Улыбнувшись, продавец назвал сумму.

– Спасибо.

Расплатившись, Анатолий одной рукой подхватил кофр, другой взял пакет и пошел к выходу. Вдруг, остановившись у двери, он обернулся:

– Васак, слушай, чуть не забыл... У тебя, может, есть что-нибудь?.. Ну, ты понимаешь... Недорого чтобы. – Он виновато улыбнулся.

– Толя, – продавец перешел на полусшепот, – могу только чачи предложить. Сам знаешь, не торгую, но тебе уступлю.

– Хорошо, давай.

Васак ушел в подсобку и быстро вернулся с бутылкой, завернутой в газету. Подойдя к гитаристу, он запихнул ее в пакет.

– Возьми сам деньги в кармане, руки заняты, – попросил Анатолий.

Продавец сунул руку в карман его брюк, вынул деньги и отсчитал, сколько надо.

– Ну, все... Пока, Васак. Спасибо тебе.

– Счастливо, Толя, заходи. – Армянин махнул на прощание рукой.

Придя домой, Анатолий поставил кофр с гитарой в угол за платяной шкаф и переоделся. Хотелось есть, но жены еще не было, а готовить самому было лень. Он достал из пакета зелень, отрезал большой кусок сыра, кусок хлеба и сел к столу. Налив в граненую рюмку, выпил и поморщился. Немного закусив, он подпер голову руками и задумался.

...Сколько себя Анатолий помнил, он всегда был с гитарой. Сначала, когда еще и ходить-то толком не умел, старая отцовская гитара без струн служила ему любимой игрушкой; потом он подрос и стал брэнчать на обычной шестиструнке, а чуть позже отец показал ему несколько аккордов и он начал что-то наигрывать. Затем была музыкальная школа по классу гитары с ежедневными гаммами, этюдами и мучительной болью в пальцах... После окончания десятилетки у него даже вопроса не возникло, куда идти учиться дальше: конечно, в Институт культуры! И он всегда вспоминал те годы, как самые счастливые в своей жизни. Были там и волосы до плеч, и подражание Битлам с Роллингами, и песни у костра, и стройотряды... Были поездки с институтским ансамблем по деревенским клубам и домам культуры, были первые попытки создавать что-то свое, оригинальное. Потом работа в вокально-инструментальном ансамбле во Дворце культуры железнодорожников, женитьба и мечты о прекрасном будущем. И все это он ухватил сполна, и было это по-настоящему здорово, так как была молодость, была цель в жизни и уверенность в завтрашнем счастье.

А потом пришли девяностые и все это как-то вдруг закончилось. Если честно, он даже и не понял, как именно: он никогда не увлекался политикой, его интересовала только музыка, только творчество. Во Дворце культуры деньги пла-

титель перестали, и ребята постепенно разбежались кто куда. Одни как-то очень уж легко порвали с музыкой и ушли в бизнес, стали торговать кто чем; другие, кто был пошустрее, рванули в Москву, искать счастья там, а он как раз в это время перебрался к морю: у жены начала развиваться астма и врачи настоятельно посоветовали сменить климат.

Анатолий думал, что где-где, а уж здесь-то, на черноморском берегу, у хорошего музыканта проблем с работой не будет, но реальность оказалась другой. Впрочем, найти заработок было действительно не так уж и сложно – но лишь в каком-нибудь ресторане или кафе, где был соответствующий репертуар. А к этому репертуару душа у него совсем не лежала. Он жил другой музыкой, другими песнями, другим отношением к своему делу. А тут на поверхность, словно пена в кипящем бульоне, повыскакивали другие исполнители, появилась другая эстрада с новыми идеалами и новыми кумирами. Романтика и «песни у костра» уступили место подчас откровенной пошлости, деньгам и «красивой жизни» с яхтами и кабриолетами. Он пробовал было давать уроки игры на гитаре, но быстро понял, что быть педагогом – это тоже не его.

Минут через десять, когда на улице стало уже совсем темно, пришла домой жена.

– Привет, как дела? – заглянула она на кухню. И, увидев бутылку, нахмурилась: – Пьешь, что ли?

Анатолий недовольно поморщился:

– Марин, ну зачем ты так говоришь? Прямо уж пью...

– Ну а что ты делаешь? Или глаза опять?

Муж промолчал.

– Сходил бы уж тогда к невропатологу. Чего не разогреешь-то себе? – Марина достала из холодильника сковороду с жареной картошкой и, поставив ее на плиту, тут же задала следующий вопрос: – Как в «Жемчужном» прошло?

– Ну и на какой вопрос мне отвечать? – глянул на супругу Анатолий. – Разогреть лень. В «Жемчужном» все как всегда.

– Заплатили?

Муж раздраженно повел плечами и налил из бутылки.

– Заплатили. – Он выпил и кхэкнул в кулак.

– Что в бутылке-то?

– Чача. Васак дал.

– О-ой, – скептически протянула жена. – Дрянь всякую пьешь.

– Это не дрянь, это экологически чистый продукт, получше всяких коньяков будет.

Марина разложила разогретую картошку в две тарелки и тоже села за стол.

– Ну правда, сходи к врачу. А то ты так у меня сопьешься с глазами своими.

– Не сопьюсь.

– Толь, – чуть помолчав, сказала она. – Может, тебе все же на работу какую-нибудь устроиться, а?

– Марин, ну елки-палки! – Анатолий поморщился, как от зубной боли. – Ну говорили ведь уже об этом... Чего ты мне душу рвешь? Мне через три года шестьдесят будет. Ты понимаешь? Шестьдесят! Не тридцать и даже не сорок! Кому я такой нужен?! Я же больше ничего делать не умею, кроме как на гитаре играть!

– Ну, тихо, тихо... Чего завелся-то сразу?

– Ну а чего ты? Куда я устроюсь? Грузчиком? Да и то не возьмут, старый, скажут. На охранника и то учиться сейчас надо, лицензию получать. Да и не смогу я, сама ведь знаешь.

– Знаю... Но смотреть, как ты маешься, бегаешь по своим пансионатам да санаториям...

– Значит, не смотри.

– Ну чего ты ерунду-то говоришь? «Не смотри...» Я жена тебе или кто? Как-никак тридцать лет уже вместе.

– Кстати, а Сашка где? Что-то долго его нет сегодня, – вспомнил Анатолий про сына.

– Он сегодня к однокласснику на день рождения пошел, сказал, что попозже вернется.

Муж вздохнул и снова взял бутылку.

– Будешь? – спросил он жену.

– Ну вот еще... Скажешь тоже...

Марина, достав из морозилки сало, отрезала несколько кусков.

– Закусывай хоть нормально, – подала она тарелку мужу. Потом, помолчав, сказала мягко: – Ну, может, тебе репертуар свой как-нибудь расширить, а? Что-нибудь посовременнее?

– Посовременнее? – усмехнулся Анатолий. – Ну да... Знаешь, мне сегодня тип один заявил, что два года назад слышал меня и что тогда я те же самые песни пел. Ты представляешь? Бывает же так. Вы, говорит, что, кроме этого, больше ничего не знаете? А я вру ему: нет, знаю, конечно, это просто совпадение такое...

– Ну вот видишь.

– Вижу-то вижу, только на всех ведь не угодишь. Один как-то попросил: спойте чего-нибудь из Круга. А в другом пансионате, в «Светлане»

кажется, однажды Розенбаума с Шуфутинским требовать стали.

– Ну так и чего? Спел бы. И народа будет больше приходиться, тебе же самому приятнее будет. Да и зарабатывать больше будешь, в конце концов. Разве это плохо?

– Ну не пою я такие песни, понимаешь ты? Не пою я такое! Я те песни люблю, те, понимаешь?! Для меня они настоящие! В них вся моя жизнь! – Он на секунду замолчал. – Но ты знаешь, что самое страшное? Я недавно поймал себя на том, что я и их начинаю уже потихоньку ненавидеть. Ты понимаешь? И мне страшно стало. Я и люблю их, и боюсь уже, что свихнусь от них же. Я их столько лет пою, и что? «Ретро»... «Песни семидесятых»... И каждый раз человек десять – пятнадцать приходит, не больше. А я стою перед ними и спрашиваю себя: «Зачем я тут? Кому это надо? Для чего я это делаю? Неужели только ради этих копеек?» И хочется плюнуть на все, развернуться и уйти. Но потом спою одну, другую и вижу, как все эти тетki радуются, как глаза у них оживают, и снова петь охота. Ты понимаешь? А потом опять думаешь: зачем? И так без конца... Это мука какая-то... Господи, ну за что мне все это?!

Анатолий поднял лицо вверх и потряс руками в воздухе. Его глаза блестели, но была в них лишь тоска и безысходность.

– А попса эта или шансон – ну это же так... Это же кич, а не музыка! Это только во дворе по пьяни орать про атаманов с есаулами да про «гоп-стоп» всякий! Это же... ну это же... – Он растерянно посмотрел по сторонам. – Ну неужели ты сама этого не понимаешь?!

– Да при чем тут я-то? – Марина с жалостью смотрела на мужа. – Не я ведь перед людьми выступаю, а ты. Ну, пой свои «семидесятые» любимые, но и Розенбаума того же с Кругом, бог с ними... Раз людям нравится.

– Да мало ли что людям нравится! Я же объясняю тебе: не могу я это петь, не могу! Я музыкант, а не лабух, который поет все подряд на потребу публике, лишь бы платили! И нельзя же все только деньгами мерить! Так можно черт знает до чего докатиться!

– Ну, говорят же, что спрос рождает предложение.

– Ха! Нет уж, милая моя, это не ко мне... – Анатолий решительно помотал головой. – С такой философией можно далеко уехать. Спрос... Если всегда потакать этому спросу... Вон он где,

весь их спрос, – он кивнул в сторону зала, – в телевизоре. Ты вот говоришь: посовременнее что-нибудь... А мне противно смотреть на все эти рожи, которые годами у нас по ящику крутят, на все то, что у них сейчас популярно. Это же все ширпотреб, и даже не второй, а черт знает какой сорт!

– Ширпотреб тоже нужен, без него никуда, – снова возразила жена.

– Так вот кому нужен, пусть тот и поет!

– Не кричи, пожалуйста. Выпил – ладно, но на меня кричать не надо! – твердо произнесла Марина.

– Извини, – повесил голову муж. – Я же не на тебя кричу, а так... в целом...

– И в целом не кричи.

Анатолий встал и, подойдя к окну, распахнул его настежь. В кухню ворвался свежий ночной воздух.

– Понимаешь, – подойдя к мужу сзади, обняла его жена, – мне просто тебя жалко. Я же вижу, как ты мучаешься из-за всего этого: из-за денег, из-за того, что людей мало приходит. Знаешь, я где-то читала, что этот вот закон эволюции, что выживает сильнейший, – это полная чушь. Выживает не сильнейший, а тот, кто лучше приспосабливается к новым условиям. Иначе на Земле до сих пор жили бы динозавры, так как они были самые сильные. Но они не смогли приспособиться, поэтому и вымерли, а тараканы хоть и слабые, но приспособились и живут до сих пор.

– Тараканом становиться я не хочу, – задумчиво произнес муж. – А значит, вымру, как те динозавры.

– Не вымрешь, – улыбнулась Марина, – я тебе не дам. Тебе просто надо немного отдохнуть.

Взяв бутылку с чачей, Анатолий убрал ее в шкаф.

– Ладно, хорош на сегодня. Давай будем чай пить.

Примерно через месяц в большом актовом зале санатория «Волна» на стоящих полукругом стульях сидело ровно пятнадцать человек. Почти все были люди старшего поколения, в основном женщины. Только с краю сидела супружеская пара явно моложе остальных, на вид лет тридцать пять или сорок, не больше. Перед сидящими стоял немолодой мужчина; на широком ремне, перекинутом через плечо, у него висела гитара.

Мужчина провел рукой по струнам и слегка поклонился слушателям:

– Добрый вечер! Меня зовут Анатолий, и я очень рад, что вы сегодня нашли время и пришли на мое выступление. Я исполню для вас несколько песен, которые сейчас относятся к категории ретро. Эти песни были весьма популярны в семидесятых, восьмидесятых годах прошлого века, и я уверен, что вы их прекрасно знаете. Поэтому я был бы рад, если бы вы мне подпевали. – Гитарист улыбнулся и обвел присутствующих взглядом. – А еще я рад тому, что сегодня сюда пришли люди не только старшего возраста, но и практически молодежь.

И он кивнул супружеской паре, сидящей с краю.

– А нам нравятся такие песни! – бойко сказала женщина.

– Ну что ж, это замечательно. Может, и правда, не все динозавры тогда вымрут... – тихо произнес музыкант и снова улыбнулся: – Это я так, о своем... А первой я сегодня исполню песню, у которой в свое время было даже несколько названий: «Не надо печалиться», «Колышется дождь». Но со временем утвердилось другое: «Вся жизнь впереди». Помните такую? – И, ударив по струнам, он кивнул зрителям: – Ну а вы – подпевайте...

**Александра
КОРЖОВА**

ПЕРЫШКИ НЕБО КАЧАЛИ

* * *

*Черемухи белые флаги
Над городом синим плывут.
И птички из мятой бумаги
Зеленые зерна клюют.*

*Прикинулось небушко зеброй
В тельняшке из синих полос.
Тонюсенькой веточкой вербной
В просвет прорастает вопрос:*

*Надолго ли белые флаги
И неба лазурь надо мной?
Я птичка из мятой бумаги.
Я точка в системе земной.*

* * *

*Душа моя с крыльями или без?
На левом плече примостился бес.
Шепчет злые гадости про людей,
Мол, не нравится что-то – первой бей:
Острой шпилькой, сплетнями со спины
И не чувствуй за это своей вины.
Довели? Достали? Так поделом!
Ну а правое – ангел укрыл крылом.
Повторяет 90-й псалом:
«Живый в помощи Вышнего...»
И я слышу его.*

* * *

*Мы почти что роботы. Почти.
Интернет на нас расставил сети.
Думаю, ты даже не заметил –
В ленте новостной потом прочти*

*Клинопись нулей и единиц...
Между нами свет от монитора –
В лицах мы теряемся без лиц
И найдем себя еще не скоро.*

*Как друзья уходят сквозь года,
Не оставив адресов для писем?
Ты на цифровой игле. Зависим.
Ты и сам уходишь в никуда.*

ВИНИЛОВАЯ ПЛАСТИНКА

*Хмурым вечером не хандри.
Сядь в авто и езжай на дачу.
Пусть прищурятся фонари,
А луна желтый глаз таракит.*

*Дверь открой и зажги свечу,
Завари себе кружку чая.
Отпивай его по чуть-чуть,
Память, словно альбом, листовая.*

89

КОРЖОВА Александра Николаевна родилась в г. Калтане Кемеровской области. По образованию учитель иностранных языков. Работала корреспондентом в городской газете «Время и жизнь» (г. Осинники), «Пресс-центре», на ТВ «Перспект», в газете «Калтанский вестник» (г. Калтан). Сейчас аэродизайнер в собственной мастерской праздника «Особый повод». Участвовала в литературно-творческом объединении «Родник» г. Калтана. Публиковалась в журнале «Огни Кузбасса», альманахах «Образ» и «Кольчугинская осень». Член Совета молодых литераторов Кузбасса. Член Союза писателей России. Живет в Калтане.

Здесь, на полке, винтажный шик
И винилом блестят пластинки.
Помнишь, как твой отец-старик
Аккуратно сдувал пылинки?

Патефон еще бодр на вид,
Он соскучился по винилу.
Опустилась игла на диск –
И пластинка заговорила.

Хриплый голос как стон души,
И поет он: «Спасите души!»
Райских яблок в ночной тиши
Не дано нам, увы, откушать.

Гаснет тихо огонь свечи,
Время в форточку вышло вором.
Память, словно чифир, горчит
Несложившимся разговором.

МИР ДЛЯ ТЕБЯ

Касаясь нежно губ твоих,
В окно луч солнца заглянул.
И на груди твоей притих,
Боясь, что чуткий сон спугнул.

А ты лежишь, глаза прикрыв,
И нежишься в его тепле,
И ветра свежего порыв
Пыльцу цветов принес тебе.

Прохладой веет от окна,
Природа шлет тебе привет,
И ты на целый мир – одна!
И ветер – твой, и солнца свет.

В сиянье утренней зари
Ты выйдешь, нежностью дыша.
Весь этот мир – он твой, смотри!
И наслаждайся не спеша.

* * *

Тень проскользнула через ночной порог.
Райские яблоки в вазе – алым пятном.
«Хочешь? Вкуси!» – скользким шипящим ртом
Новую Еву змей убеждал как мог.

Яблоки на столе. В кухне кастрюльный звон.
Ева в фартуке варит кубанский борщ.
Хочется яблок. Только смотри не трожь!
Хищником ночь смотрит со всех сторон.

Ужин готов. Яблочный аромат
Манит сильнее, внушая ей древний страх...
Горький сок останется на губах.
Остановись!
Ева делает шаг назад.

* * *

Крик хищной птицы в небесах
Сковал мою живую душу.
Кровавой пеленой в глазах
Прорвался первобытный страх
И вышел пламенем наружу.

Как будто в темном, вещем сне
Боль просочилась через тело...
Невыносимо стало мне.
За песни, что я раньше пела,
Моя душа дотла сгорела,
Сама с собой наедине.

* * *

Я стала со временем веточкой гипсофилы.
Могу обойтись без воды: без тепла и ласки.
Спрошу: «Где тебя, черт возьми,
столько дней носило?»
Но больше не слышу твои рассказы,
точнее, сказки.

Я думала, жизнь – игра. Поле боя в клетку,
Где черная пешка с белой
не насмерть бьется.
Но так беззащитно-хрупка
гипсофилы ветка,
Что падает наземь,
а время над ней смеется.

* * *

Ангел в черном плаще полирует нимб.
Сплеывая, ругает дожди и слякоть.
Больше ключи от рая не будут звякать.
Ангел давно решил попрощаться с ним.

Медленно крылья снял со своей спины,
Спрятал в большой мешок
и вздохнул тихонько.
Крылья отныне не пригодятся. Только...
«Ангел, скажи, а будем ли спасены?»

Ангел взглянул сурово: «К чему болтать?»
Нимб отложил в сторонку и вдруг заплакал.
Дождь по щекам его безразлично капал.
Ангел не мог спасения обещать.

**Татьяна
КАТРИЧ**
ЧАЙКА

Рассказ

На Людмилу Ивановну в середине июня неожиданно свалился отпуск.

Прямо с утра к ней в кабинет ворвалась сотрудница ее отдела Юлька и с порога заголосила:

– Людмила Ивановна, миленькая! Выручайте! Мужа поощрили бесплатной путевкой в Сочи на двоих, в июле! Такой случай раз в жизни бывает!

Людмила Ивановна прервала поток восклицаний:

– Я вас поздравляю. Но я тут при чем? Чем выручить?

– Как чем? У вас одной отпуск в июле, мне больше поменяться не с кем!

– Так... – начала понимать Людмила Ивановна. – Но у меня отпуск тоже распланирован. Мы семьей на Чусовую едем, мне Светка не простит, она на каникулы с женихом приезжает.

– Да забейте вы на эти сплавы, не в вашем возрасте в туристов играть! – выпалила Юлька.

И тут же осеклась под удивленно-возмущенным взглядом начальницы, которая зимой отметила сорокалетие, прекрасно выглядела и про возраст пока не задумывалась.

– Хорошо, Юля, я посоветуюсь с семьей, завтра утром дам ответ, – холодно ответила она.

– Уволюсь к чертям! – проворчала сотрудница под нос, выходя из кабинета и злясь на себя за неосмотрительную реплику.

Людмила Ивановна задумалась. Хороший выход, между прочим, если Юлька по собственному желанию уволится. Самая молодая сотрудница отдела давно вызывала недовольство коллег. Дерзкая, несдержанная, она служила постоянным источником разборок и ссор. Работником была безответственным, причем собственных ошибок никогда не признавала. Начальница устала от этого раздражителя и искала повод, чтобы с Юлькой расстаться. Но уволить молодую мамашу было делом непростым, потому Людмила терпеливо ждала подходящего случая.

Слова Юльки ее не задели: что взять с невоспитанной девицы? К тому же, по правде говоря, туристские замашки родных ей действительно были уже в тягость. Планы на отпуск составляли муж с дочерью; в компании друзей семья должна была отправиться на Урал, чтобы сплавиться на катамаранах по красивейшей, как уверяли все, реке. Муж, веселый компанейский человек, был заядлым туристом, любил побродить по стране с такими же веселыми бородатыми людьми. Они лазили по горам, сплавились по рекам, ночевали в палатках и были донельзя довольны такой жизнью. Дочка пошла в отца и от души любила всякую, как она выражалась, «движуху».

По молодости Людмила с радостью присоединялась к мужу, пока лет десять назад не поняла, что ненавидит эти приключения. Но де-

КАТРИЧ Татьяна (Нина Владимировна) родилась в Казахстане, жила на Ставрополье и в Кузбассе. Образование высшее. По специальности провизор. Работала в системе здравоохранения Кузбасса. Ветеран труда. Автор пяти книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

ваться было некуда. Отдыхать одна она не любила, а все друзья и подруги тоже входили в круг любителей романтики. Если удавалось вытащить мужа за рубеж, он и там умудрялся найти место для «активного отдыха». Это дорого обошлось Людмиле: при сплаве по реке Саве в Словении она вывихнула правое плечо, а в Турции получила солнечный удар. И вот сейчас она была поставлена перед выбором: или избавиться от возмутителя спокойствия в отделе, или использовать ситуацию как предлог увильнуть от похода. Ей хотелось отправиться в теплую страну, купаться в синем море и загорать на жарком южном солнце, а не у костра.

«Что с того, что одна? Другие люди ездят, им нравится, хоть отдохну от всех, – уговаривала она себя. – Но, конечно, Светка недовольна будет, хотела родителей с женихом познакомить».

Подумав еще немного, Людмила наконец решила и мысленно махнула рукой: «Ничего, переживут, им и без меня будет хорошо. А Юлька пусть еще поработает, позже разберусь с ней».

После работы она заглянула в туристическое агентство, и ей с ходу предложили горящую путевку в Испанию. У Людмилы еще не закончилась годовая шенгенская виза, которую они с мужем оформили весной, когда брали круиз вокруг Европы. Лететь нужно уже в субботу, сегодня четверг, но если завтра утром оформить документы и оплатить путевку, можно успеть. Осталось сообщить родным и пережить их разочарование.

Стоически выдержав все разборки с семьей, Людмила договорилась с руководством о переносе отпуска и купила путевку. Весь вечер пятницы она собирала чемодан под неодобрительными взглядами мужа, а в субботу уже сидела в самолете, свободная и пока не верившая своему счастью. Слишком быстро все случилось.

В Барселону прилетели около пяти часов вечера, но пока собрали группу, пока все получили багаж, прошло часа три. Погода не радовала: в середине июня в «знойной» Испании температура была всего четырнадцать градусов. Людмила порадовалась, что взяла с собой куртку, но и в ней основательно продрогла. Из аэропорта Барселоны ехали долго, развозили людей по деревушкам и отелям. Оказалось, что ее деревня Тосса – последний пункт маршрута и едет она туда одна. Сопровождающая вышла вместе с туристами в предпоследнем пункте, сообщив, что в Тоссе ее встретит машина из отеля, потому что

там очень узкие улицы и автобус до отеля не проедет.

Стояла глубокая ночь, лил дождь, бушевал штормовой ветер, и Людмила слышала, как шофер громко возмущался, что придется ехать в такую погоду и везти всего одного человека. Она не знала испанского языка, но все и так было понятно. Ехали в кромешной темноте, и оставалось удивляться, как шофер находит путь, и молиться, чтобы огромный автобус не свалился в пропасть. Примерно через полчаса они прибыли в деревню и остановились на площади. Людмила выглянула из автобуса: вокруг была чернильная тьма, только в сотне метров от них горел одинокий фонарь, никаких машин видно не было.

Людмила спросила шофера на английском: «Где моя машина?» Тот в ответ выдал длинную фразу на испанском, из которой она поняла только то, что он очень зол. Невысокий коренастый испанец бегал по салону и выразительно показывал на дверь, предлагая убраться как можно скорее. Но Людмила не собиралась выходить под дождь и ледяной ветер, туда, где ее никто не встречал. Что она будет там делать? Она даже не представляет, в какой стороне отель и как до него добраться. И она продолжала в отчаянии твердить по-английски: «Я не понимаю. Я не вижу машину. Где мой отель?»

Но это было бесполезно, шофер ничего не понимал. И явно не хотел понимать. Он даже выставил ее чемодан на улицу – в надежде, что Людмила выскочит за ним, а он благополучно уедет. Но она не поддавалась на провокацию, а тащить саму пассажирку из салона водитель не решился. Поняв, что акция не удалась, завел автобус и сделал вид, что уезжает вместе с ней. Людмила осталась на месте: по крайней мере, ее привезут к людям. Поняв, что выкурить туристку не удастся, шофер принялся звонить, при этом орал в телефон во все горло. Это помогло или что-то еще, но вскоре подъехал микроавтобус, в салон зашел высокий приветливый испанец и жестом пригласил следовать за собой. Через пять минут Людмила уже стояла в холле отеля, и девочка-портье на чистом русском языке объясняла, что здесь были не в курсе прибытия гости. Скорее всего, сопровождавший их команду гид просто забыл про ее существование, как только вышел из автобуса.

Контраст между темным холодным автобусом и теплым, залитым ярким светом холлом был так велик, что на ум пришло сравнение ав-

ДЕТСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА № 14 ИМ. А. ЛЕОНОВА, ПГТ ТИСУЛЬ

«Это я!» Выставка в парке Ангелов

Е. Никифорова, 12 лет. Я на прогулке

А. Горячкин, 10 лет. Дружба

КУЗБАССКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОЛЛЕДЖ

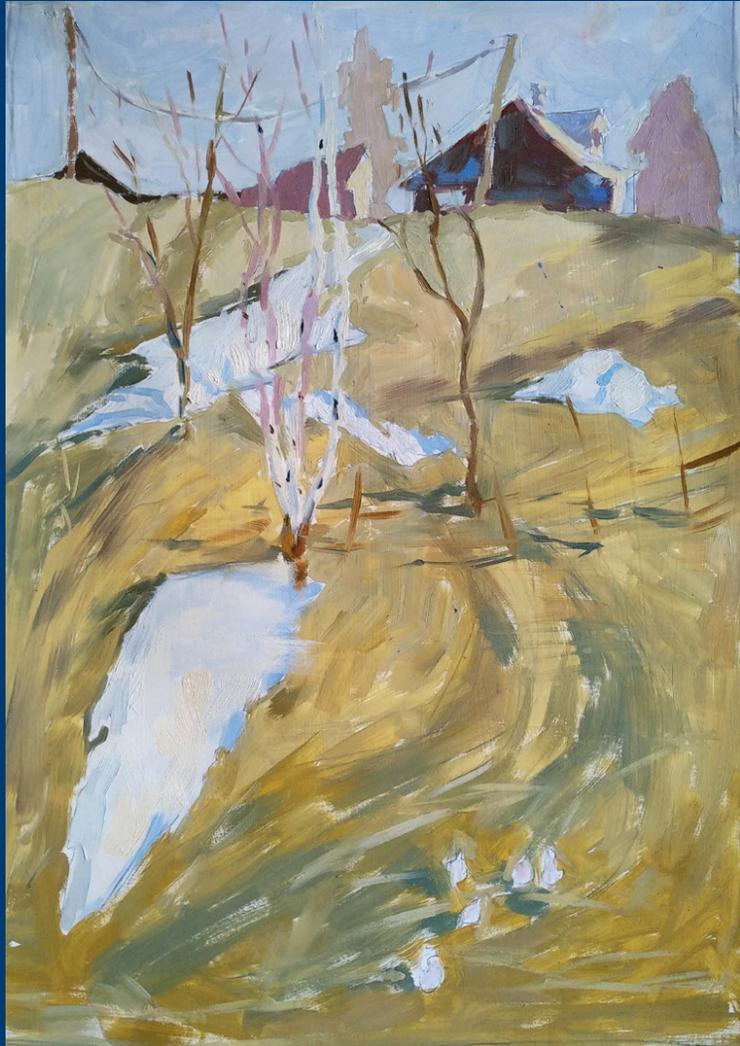
Студенты Кузбасского художественного колледжа Владимир Басканчин и Полина Шушакова. Их живопись интересна внутренней наполненностью. Через их студенческие этюды чувствуется личность современного равнодушного человека. Пейзажи Полины писались с натуры с кемеровских и кузбасских уголков природы. Вид из окна мастерской (крыши) или красочные этюды деревни Малиновки, в которой она сочувствует старым брошенным садовым домикам. Она очень непосредственна и эмоциональна. У Полины свой личный импрессионизм.

Владимир Басканчин выражает свой внутренний характер через портреты сибирских людей. Суровый экспрессионизм, который повествует об истории Сибирского края.

Ольга Помыткина

Полина Шушакова. Этюды деревни Малиновки

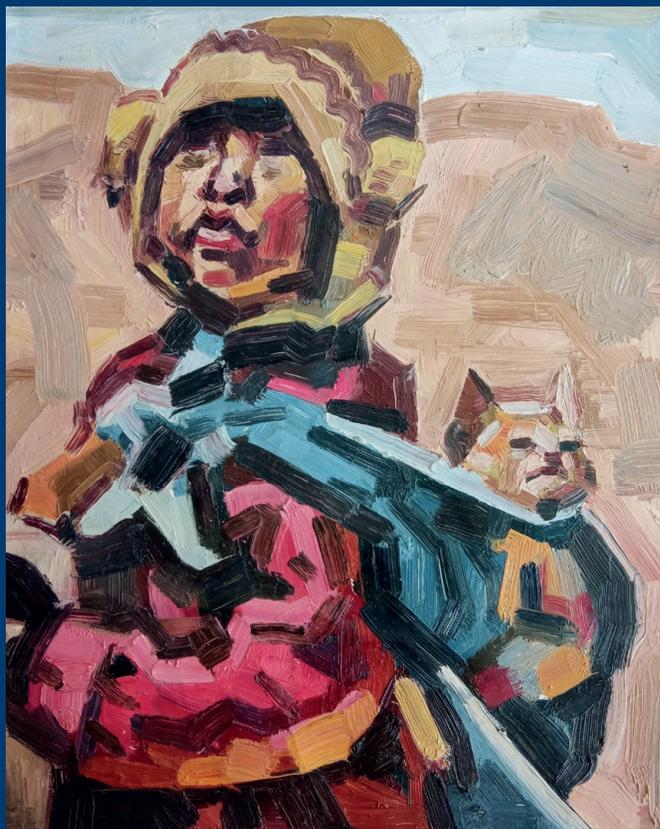

Владимир Басканчин

Этюд северянки

Этюд монголки

Пейзаж с церковью

тубуса с чистилищем, из которого после долгих мытарств она все же попала в рай. Мысли так захватили Людмилу, что, заполняя карту гостя, она ошиблась в дате рождения. Выходило, что она моложе на десять лет. Исправлять не стала, но ошибка так насмешила, что она от души расхохоталась на весь холл и смеялась не останавливаясь под удивленным взглядом портье.

– Узнаю соотечественницу, – услышала она русскую речь за спиной. – Иностранцы так заразительно смеяться не умеют.

Она обернулась и увидела мужчину чуть за тридцать. Улыбаясь, он слегка поклонился и представился:

– Меня зовут Вадим, я из Москвы. В этом отеле почти нет русских, в основном немцы и испанцы. Поздравляю с прибытием! Нашего маленького полку прибыло.

Людмила в свою очередь представилась и в сопровождении коридорного, который нес за ней чемодан, отправилась в номер. Оказавшись в комнате, быстро приняла горячий душ и упала в огромную двухспальную кровать. А перед тем как уснуть, успела подумать, что Испания встретила ее не очень ласково. С этой мыслью она и проснулась. Вспомнила, как мерзла в автобусе и что бы с ней было, поддайся она на уговоры шофера. К счастью, утро было солнечным, а из окна номера открывался великолепный вид на синее-синее море, все покрытое небольшими лодочками и солнечными сполохами, так что настроение у нее поднялось.

На завтраке за ее столик подсел Вадим, и целую неделю, пока он не уехал, они не расставались. Ему пришлось отправиться в отпуск одному, потому что жена перед поездкой сломала ногу. В связи с травмой турфирма компенсировала ей средства за путевку, а ему в возврате денег отказали. Так он оказался в испанской деревушке в одиночестве, и на него начали охоту две соотечественницы, искательницы приключений. Он старательно избегал их общества, и приезд Людмилы его здорово выручил. К ней он проникся симпатией с первого взгляда, они сразу подружились и проводили вместе все дни. За неделю успели посетить множество экскурсий, включая парк Гауди в Барселоне и музеи Сальвадора Дали. Установившаяся солнечная погода сопровождала их во всех путешествиях по испанской земле, и Вадим, смеясь, говорил, что Людмила привезла солнце из Сибири, потому что до ее приезда было весьма прохладно.

Она возвращалась с автостанции Тоссы, с той самой площади, на которую приехала ночью неделю назад. Сегодня она проводила Вадима в аэропорт, его время в Испании закончилось. Людмила грустила: за несколько дней она успела привязаться к этому мужчине, ей было легко и весело в его компании, и она знала, что тоже нравится ему. Легкая тоска по несбывшемуся и такому возможному не оставляла ее. Она раздумывала, как было бы здорово дать волю чувствам, поддаться им, и напрасно она этого не сделала, ведь так просто позволить себе немного любви.

«Дикая ты женщина, Людка, – по-своейски обратилась она к себе, – удивляюсь я на твою верность. Тоже мне, комиссарша! Как же это раздражает! Пожалуй, Вадим только и ждал сигнала, разрешения любить, готов был ко всему. Жаждал комиссарского тела. – Она засмеялась своим мыслям неожиданно громко, запрокинув голову, но быстро погасила смех, уловив удивленные взгляды прохожих. – Самому хватило деликатности не проявлять инициативу. Ну и что же, что отношения были бы недолгими, зато накал страстей обеспечен».

Она прервала внутренний монолог, огляделась. Бывая на этой площади, она неизменно вспоминала свое ночное прибытие. Добраться отсюда до отеля даже днем было делом простым, а идти ночью по лабиринту кривых улочек она и сейчас не рискнула бы. Людмила вышла на набережную и по ней направилась к своему отелю.

«Это ты сейчас такая смелая, когда он далеко и вы больше никогда не встретитесь, – продолжала думать она про себя. – Но вот так, походя, люди и ломают свои жизни, поддавшись мимолетной страсти. А как дальше жить? Обманывать? Я точно не смогу врать Олегу, он сразу почувствует: за двадцать лет мы стали единым целым. Былой любви, может, уже и нет, но мы родные люди».

Представив, что измена случилась и предстоит расставание с мужем, Людмила зажмурилась в ужасе. Потерять его она не могла.

«А чем виновата жена Вадима? Она любит его, ждет дома со сломанной ногой. Наверное, ей страшно, что он может поддаться искушению и изменить с какой-нибудь симпатичной девицей. Даже если простит, все равно трещины в отношениях не избежать. Разбитую чашку можно

склеить, но сделать целой нельзя. Нет, мы поступили правильно. Но все равно печально».

Вдоль набережной располагались отели первой линии, прибрежная полоса была шириной метров двести. Эта каменистая полоса и высокий парапет надежно отделяли отдыхающих и местных жителей от моря. Пляжи были оборудованы специальными выходами и засыпаны песком. Несколько дней назад Людмила заметила чайку, которая сидела на большом плоском камне, точнее на плоской скале. Там отдыхали разные птицы, но эта чайка была на одном месте утром, днем и вечером, никуда не улетающая – это выглядело странно. Сегодня чайка привычно сидела на скале. Людмила остановилась и решила понаблюдать за птицей, торопиться все равно было некуда. Вдруг она увидела, что чайка взмахнула крыльями, но улететь не смогла: одно крыло оказалось сломанным. Людмила всполошилась, птицу надо было спасать. Но она не знала, с кем нужно говорить о спасении чайки. Металась по набережной и наткнулась на полицейского, точнее, толстую испанку в форме, равнодушно смотревшую на странную туристку, которая на ломаном английском пытается что-то объяснить. В конце концов она просто отмахнулась от Людмилы, как от назойливой мухи, и поплыла дальше по своим важным полицейским делам. А Людмила, понурившись, отправилась в отель.

Настроение было хуже некуда. После отъезда Вадима она чувствовала себя очень одиноко на чужой земле, а тут еще встреча с птицей со сломанным крылом, и она не знала, как этой птице помочь.

В холле отеля Людмила рассказала про чайку русской девушке-гиду, и та объяснила поведение полицейской:

– Местные не любят больших белых птиц.
– Странно. Почему не любят? У них на набережной даже стела установлена с чайкой!

– Стела установлена для туристов, они возле нее фото делают, а местные относятся к ним примерно так же, как мы к голубям. Вы бы стали беспокоиться о голубе со сломанным крылом у себя в городе?

Людмила созналась, что, пожалуй, не стала бы, но щемящее чувство не покидало. Она не могла отделаться от мысли, что рядом погибает живое существо, а она ничем не может помочь. Вечер был окончательно испорчен, тем более

что за ужином «соперницы» смотрели на нее торжествующе: теперь она лишилась кавалера и тоже была одна. С одной стороны, смешно, с другой – неприятно, что ее причислили к отряду охотниц за чужими мужьями.

На следующее утро Людмила отправилась на набережную и оторопела: камень был пуст. Ее чайка, за которую она так переживала весь вечер, исчезла. В голове закружились мысли: чайку могли спасти, недаром она вчера приставала к женщине-полицейскому. Чайка могла перебраться в другое место, хотя передвигаться по таким глыбам ей было бы затруднительно. На всякий случай Людмила прогулялась вдоль набережной, но чайки нигде не было видно. От нечего делать она отправилась бродить по крепости. Поселение было весьма древним: старинная крепость, возвышавшаяся над деревней, была построена еще римлянами. Ходить по руинам было любимым развлечением туристов, сюда даже приезжали на экскурсию из окружающих городков.

Оказавшись в этой стороне, Людмила решила не возвращаться в отель сразу после прогулки, тем более что Вадим как-то показал ей неподалеку маленький, спрятанный между скал пляж, где почти не было народу. Воспользоваться этим пляжем они не успели, постоянно мотаясь по экскурсиям, а теперь времени было хоть отбавляй. До самого обеда она загорала и купалась в прохладном море. Усталая, но довольная, возвращалась в номер, чтобы переодеться, потом собиралась перекусить. Путевка включала полупансион, то есть завтрак и обед или ужин на выбор. Сейчас у нее накопилось много неиспользованных талонов, потому что они с Вадимом предпочитали обедать и ужинать в местных ресторанчиках, в основном тех, которые облюбовали местные завсегдатаи. Теперь талоны пригодились: ходить одной по ресторанам не хотелось, да и кухня в отеле была неплохая.

Проходя мимо знакомой плоской скалы, Людмила привычно бросила взгляд туда, где раньше сидела ее чайка. Птицы на месте не было, и она остановилась у парапета посмотреть на искрящуюся водную гладь, в который раз подивившись ее густой синеве, превосходящей по яркости синеву Черного моря и даже Красного. Неожиданно увидела, как большая белая птица плывет по морю, выбирается на берег и ковыляется на свое законное место. Людмила тихо засмеялась. Чайка плавает за добычей! Людмила на-

деялась, что охота прошла успешно и птица смогла поймать себе рыбу на обед. Настроение улучшилось, она отправилась в отель, довольная собой и окружающим миром.

Несколько дней прошло спокойно, чайка была на месте, а если отсутствовала, то недолго, потом неизменно возвращалась. Людмила наслаждалась покоем и одиночеством, ей так давно не доводилось бывать наедине с собой. Она стремилась наверстать упущенное время, получить красивый загар и вдоволь наплаваться. Даже занялась дайвингом. В этом месте обитали осьминоги, и народ погружался в не слишком теплые волны, чтобы увидеть их. Под воду отправлялись даже целые группы испанских школьников – покормить осьминогов. Чем не развлечение на каникулах?

До окончания срока путевки оставалось три дня, когда чайка пропала. Она не появилась утром, днем ее тоже не было. Людмила ожидала, что птица появится к вечеру, но этого не случилось. На следующее утро, не найдя чайку на камне и обойдя всю набережную, она поняла, что птица окончательно пропала. Может, не справилась с волнами и утонула, сама стала обедом для крупной рыбы, попала под весло или винт какой-нибудь лодки или катера?.. В общем, больше она не появилась, и Людмила так никогда и не узнала, что случилось с ее нечаянной подругой.

Последний день перед отъездом на родину она просидела на парапете набережной, глядя в море. Нет, она больше не ждала чайку, она думала о себе и своей жизни. Ей не давала покоя внезапно пришедшая мысль: что случится, если она, как чайка, вдруг исчезнет, растворится в морских просторах?

«Если я исчезну – не в далеком, как надеялась, будущем, а прямо сейчас? Кто станет горевать обо мне? – задумалась она и попыталась честно ответить на эти вопросы. – Родители? Конечно, они будут переживать, я их единственная дочь. Но они только что вышли на пенсию и живут друг для друга. Скоро Светка выйдет замуж, родит им правнуков, и эти новые люди заменят меня окончательно в их сердце. Про Светку говорить нечего, у нее любовь, она поглощена ею. Олег? В прошлом году мы отметили двадцатилетний юбилей совместной жизни. Он привык ко мне, как к предмету, который дает комфорт. Немного погорюет, а через полгода заменит удамой девицей из походной команды, будет счаст-

ливо жить с молодой женой. Про работу и говорить нечего. Замша спит и видит, как бы занять кресло начальника отдела, так что мое исчезновение будет подарком для нее. Коллеги? Выпьют за помин души и забудут на следующий день».

Выводы, которые сделала Людмила, повергли ее в панику, такие мысли прежде никогда не приходили ей в голову.

«Я – чайка! – неожиданно пришел в голову образ пропавшей птицы. – Я плыву в житейском море. Исчезну – следа не останется. В моей жизни есть все, что только может желать человек: прекрасный дом, карьера, семья, даже здоровье пока не подводило. Но, боже, как бессмысленна эта жизнь! Что такое любовь для меня? Не помню. Это так давно было, половину жизни назад. Я хочу любить! Хочу, чтобы меня любили! – Людмила смахнула невольную слезу, удивилась и даже рассердилась: – Ты, голубушка, совсем расклеилась на отдыхе, вот что праздность с человеком делает. Тоже мне, Нина Заречная нашлась. Чайка! Придумала ерунду. Хватит нюни распускать! Завтра домой – соберись, тряпка».

Она решительно встала с парапета. Привычка вступила в силу – Людмила начала давать себе задания и планировать, что нужно сделать в последний вечер. Завтра в три часа автобус повезет ее в аэропорт, нужно многое успеть, а у нее даже подарки не куплены!

Но попытка встряхнуть себя и настроиться на деловой лад не удалась. Видение чайки, которая одиноко плывет в море, только в этот раз не к берегу, а исчезает вдаль, не отпускало. «Далась тебе эта чайка! – в сердцах воскликнула Людмила. – У меня все хорошо! Вернусь домой – мне все обрадуются, и забудется это наваждение».

Но в глубине души она знала: это видение останется с ней навсегда.

Людмила посмотрела по сторонам: мимо спешили люди, им не было дела до русской туристки. Взгляд ее упал на испанку, сидевшую на парапете невдалеке с младенцем на руках. Это была пожилая женщина, и Людмила, проходя мимо, мельком подумала, что бабушка гуляет с внуком.

«Никакой это не внук!» – вдруг пронеслось в голове. Немолодая женщина кормила ребенка грудью!

Людмила резко остановилась и не отрываясь смотрела на испанку, забыв о правилах приличия. Не могла оторвать взгляда – столько неж-

ности и любви было в лице и каждом движении этой женщины.

«Вот! – осенило Людмилу Ивановну. – Вот чего мне не хватает! Я хочу быть матерью, любить свое дитя. Светка так рано родилась. Сейчас она выросла, и я не ощущаю себя матерью этой умной насмешливой девицы. Я хочу сына, тоже хочу бесконечного счастья, такого, какое светится в глазах этой испанки. Вот кому я буду нужна, вот кто будет меня любить и кого буду любить я. Но почему «буду»? Я уже люблю его!»

Слова у Людмилы Ивановны никогда не расходились с делом. Приняв какое-то решение, она делала все, чтобы добиться его выполнения. Правда, вернувшись домой, она ничего не сказала домашним о своих планах. Зато выслушала кучу комплиментов по поводу своего внешнего вида, и у них с мужем начался второй медовый месяц. Олег не мог понять, что изменилось в его жене, но эти изменения ему нравились. Как будто другой человек вернулся из Испании. Вместо деловой, решительной, суховатой женщины средних лет перед ним была молодая, нежная, заботливая, любящая.

Когда он спрашивал, что с ней случилось, отчего такие перемены, она загадочно улыбалась и говорила:

– Просто я поняла, что такое жизнь! – И добавляла: – Наверное, нам солнца не хватает.

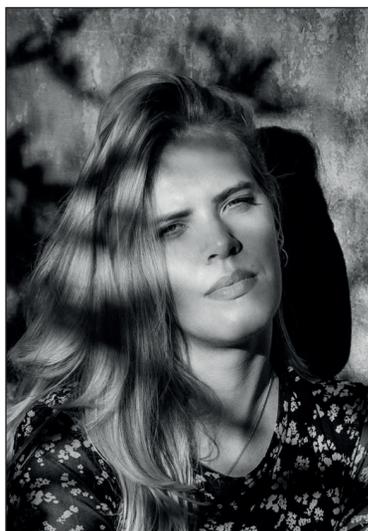
К Новому году Людмила объявила семье, что у нее будет ребенок. Сказать, что это был шок, нельзя – это был эффект разорвавшейся бомбы. Муж смущался, он не представлял себя вновь в роли отца; родители ее бунтовали, почувствовав угрозу своей вольной жизни. Больше всех бесновалась Светлана, которую в августе выдали замуж. Мысль, что они могут родить с матерью почти одновременно, приводила ее в ярость. Людмила не спорила с родней, только кротко улыбалась и светилась от счастья.

«Я чайка! – говорила себе Людмила Ивановна, а перед глазами всплывал образ пожилой испанки с младенцем на руках. – Спасибо тебе!» Она сама не знала, кого благодарит: пропавшую в море чайку, счастливую испанскую мадонну, а может быть, провидение, которое так неожиданно отпустило ее в отпуск.

**Яна
ОРЕХОВА**
ЧЕЛОВЕЧКИ

Пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Он.

Она.

Кондуктор.

Сцена изображает салон автобуса: сиденья, поручни, раздвигающиеся двери. В окнах создаются уличные виды.

За окном рассвет. В одном из кресел сидит девушка и водит пальцем по стеклу.

Кондуктор. Остановка «Школа».

В автобус заходит парень, встает посередине, держась за поручень. Девушка несмело подходит и встает рядом с ним.

Она. Ты, случайно, не в сорок четвертой учишься?

Парень не откликается, задумчиво смотрит в окно.

Я просто видела тебя там вроде...

Парень по-прежнему молчит.

Хм... ладно. Тоже мне, немой...

Он *(снимает наушник)*. Ты мне?

Она *(смотрит на наушник)*. А? Нет...

Он улыбается. Предлагает второй наушник. Она недоверчиво протягивает руку. Вставляет наушник в ухо. Там звучит какой-то очень громкий трек.

Она *(убирает наушник)*. Что это?

Он *(не снимая наушника, кричит сквозь музыку)*. Это моя песня! Послушай! *(Показывает движением, чтобы она надела наушник.)*

Она *(кричит)*. Разве это песня?

Он. Просто расслабься!

Она. Я не могу. У меня сейчас перепонки лопнут!

Музыка выводится на первый план. Он начинает напевать какие-то слова. Раскачивается на поручне и начинает пританцовывать.

Что ты делаешь?

Он. Танцую. А ты?

Она. Нас выгонят!

Он *(хватает ее за руки)*. Пой!

Она. Я не знаю слов!

Он. Просто повторяй за мной!

Она начинает выкрикивать слова. Они вместе танцуют. Падают на сиденья. Снимают наушники.

ОРЕХОВА Яна Эдуардовна родилась в Кемерове. Учится в КемГИКе по направлению «режиссер театральной студии». Выступила режиссером-постановщиком спектаклей «Мой Цой», «Мой Есенин», «Пять стадий. Не молчи», «Белый стул» и др. Лауреат Международного театрального фестиваля-конкурса «Рыжий клоун». Лауреат 1-й степени Международного театрального конкурса «Парад звезд». Автор книги пьес «Мир, дружба и другие сказки». Публиковалась в журнале «Традиции и авангард» и альманахе «Образ». Преподаватель театральных дисциплин ДШИ № 19. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

О н а. Ты сумасшедший!
 О н. Почему мы так медленно едем?
 О н а. А ты куда-то спешишь?
 О н. А ты нет?
 О н а. Нет.
 О н. Посмотри в окно, что ты видишь?
 О н а. Город.
 О н. Не, это не город. Вон женщина тащит ведро. Ты когда-нибудь видела, чтобы в городе кто-то тащил ведро?
 О н а. Может, она из магазина?
 О н. Ты видела магазин ведер? *(Ухмыляется.)*
 О н а. Можно подумать, ты с ведром никогда не ходил.
 О н. Вот именно, ходил! Вот так учебники у него складывал – и в школу. *(Показывает.)*
 О н а. Ой, ты преувеличиваешь.
 О н. Я преуменьшаю. Потому что у нее есть ведро, а у меня нет.
 О н а *(вздыхает)*. Ну и куда бы ты хотел доехать?
 О н. Не знаю... Без разницы... В светлое будущее!
 О н а *(усмехаясь)*. Да у тебя огромные планы.
 О н. У меня великие планы. Телек смотришь?
 О н а. Ну, когда уроки сделаю – да.
 О н. Вот включишь, а я там. Стадион и тысяча... нет, сто тысяч людей передо мной скандируют: «Маг-нус! Маг-нус!»
 О н а. Маг... что?
 О н. Маг-нус! Великий на латыни. Нравится?
 О н а. Где ты вообще это слово нашел?
 О н. В смысле – «нашел»? Прочитал!
 О н а *(с интересом)*. Что за книга, дашь почитать?
 О н. Не, это не книга. Это у бати на гараже было написано... но мелко... Так что никому. Это знак, понимаешь?
 О н а *(еле сдерживая смех)*. Ага, понимаю. То есть у нас теперь есть общий секрет, получается?
 О н. Получается. Мм? *(Снова протягивает ей второй наушник.)*

Они вместе выбегают из автобуса. Она распускает волосы, он надевает плащ. Меняется вид за окном.

К о н д у к т о р. Остановка «Институт».

Он забегает первым с воздушными шарами в руке. Она забегает за ним. Он лопает один шар, летят конфетти.

О н а *(отпрыгнув)*. Ты чего так пугаешь-то?! У меня чуть сердце не выскочило!
 О н. Ура-а-а-а!
 О н а. Нас сейчас опять выгонят!
 О н *(вручает ей шары)*. Мы свободны! Понимаешь? Ура!!!
 О н а. Не кричи, тише, тише!
 О н *(еще громче, прямо в окно)*. Люди! Мы свободны! Новая жизнь, встречай нас! Теперь только я, ты и веселая институтская жизнь... местами бессонная. Но это поправимо, можно досыпать на паре. Я умею спать с открытыми глазами, показать?
 О н а. Хватит дурачиться! Я так волнуюсь, у меня аж в поджилках все трясется!
 О н. Это где?
 О н а. Не знаю... Скажи что-нибудь хорошее!
 О н. В организме человека около семидесяти двух километров нервов.
 О н а. И половину из них ты уже проехал!
 О н. Целую половину?
 О н а. Возможно, даже больше.

Он показательно цокает и смотрит на ее реакцию.

Что ты делаешь?

О н. Проверка счетчиков.

О н а. Я просто так волнуюсь... А ты нет? Нам предстоит учиться в разных институтах, мы будем меньше видаться... А вдруг тебе кто-нибудь понравится?

О н. Ты моя дурочка! Вот где я еще такую найду?

О н а *(отворачивается)*. Дурочка, значит.

О н. Ну-ну, я же любя! Садись! *(Усаживает ее на сиденье, начинает ходить из стороны в сторону.)* Итак, наши великие планы. Записываешь?

О н а. Запоминаю.

О н. Ты оканчиваешь свой пед, я – культуру. Берем у бати семеру и едем в столицу матушки-России. Сначала небольшие выступления, потом песни начну записывать – и все, как снежный ком. Потом бац *(хлопает по сиденью рукой)* – и мое лицо на всех афишах города. У тебя всегда место в первом ряду, лучшие наряды, тетрадки с золотым корешком и... ручка-перо. Или что там у преподавателей в цене? Ну, в общем, директриса Марьиванна завидует и тайно плачет в подушку, мечтая о такой роскошной жизни. А дети

твердят родителям, что у них из кумиров только Шэрон Стоун и училка второго «Б».

О н а. Какая еще Шэрон Стоун?

О н. То есть «училка» тебя больше не смущает? Понял.

О н а. Кому-то сейчас не поздоровится!

О н. Ой, боюсь-боюсь!

Она делает серьезное лицо. Он ставит два пальца ей на руку и изображает шагающего человечка.

Привет, я защитник всех училок... простите, учительниц нашего хренополюса. Вас что-то беспокоит? Голова? Судороги? Повышенная ревность?

Она дует на человечка, он изображает падение.

Туф! Миссия комплited...

О н а. Это тебе надо к детям идти. Как раз на одном языке разговариваете. *(Смеется.)* Кстати, а сколько ты хочешь детей?

О н. Детей? Ну, двадцать восемь или сколько там в классе обычно бывает?

О н а. Я не про это.

О н. Ну, ты же училка будущая. Это я еще по минимуму сказал.

О н а. Ты все переводишь на шутку. Тебе не кажется, что иногда надо быть чуть серьезнее?

О н *(поправляет воротник, выпрямляется)*. Так лучше? *(Лопает еще один шар.)*

Она снова пугается. На пол вместе с конфетти падает записка.

О, счастливый попался! *(Разворачивает бумажку.)*

О н а. Что там?

О н. Подожди, не могу разобрать.

О н а. Ну?

О н. Да подожди! Вы... вы-хо-ди. Выходи за меня?

О н а. Я серьезно!

О н. Я тоже.

Она отбирает у него бумажку, пытается рассмотреть. Он достает коробочку с кольцом и встает на колено.

О н а. Ты серьезно?

О н. Это «да»?

О н а. Мы... не торопимся?

О н. Мы даже медлим! *(Вопросительно смотрит на нее.)*

О н а. Да... То есть... Да... Почему нет, да-да-да!

Он подхватывает ее на руки, кружит, они лопают все оставшиеся шары. Меняется вид за окном.

К о н д у к т о р. Остановка «Загс».

Она снимает верхнюю одежду и оказывается в белом платье.

О н а. Ты как?

О н. Как во сне!

О н а. В хорошем?

О н. Необычные ощущения. Я даже не помню, как все произошло. Представляешь? Как будто не со мной!

О н а. Я даже забыла, куда и как идти, а еще боялась не ту руку подать.

О н. Трусиха. Я же тебя вел, не заблудилась бы, поди.

О н а. У самого-то руки дрожали.

О н. Это от гитары... Репетировал много.

О н а. Ага... Так и поверила... Посмотри, солнце светит! Вот бы оно всегда так светило. Ни одного облачка на небе. С погодой повезло! Слава богу, закончился недельный дождь.

О н. Не знал, что у тебя предвзятое отношение к дождю.

О н а. А я не знала, что у тебя ужасная память. Может, ты и мое имя не помнишь? *(Садится на другое сиденье.)*

О н *(присаживается рядом)*. Привет, познакомимся?

О н а. Нет, я замужем.

О н. Надеюсь, за великим музыкантом?

О н а. Вроде того.

О н. Ну, тогда не смею вам мешать! *(Идет к двери.)*

О н а. Стой! Ты куда?

О н. Давай уедем?

О н а. Мы и так едем.

О н *(радостно)*. Нет, давай уедем завтра! Или... Прямо сейчас!

О н а. Куда? Мы же учимся, у нас пары через... *(смотрит на часы)* 15 минут. И... у нас ничего нет! А родители? Ты чего придумал-то?

О н. Давай летом? Точно, как раз перевод оформим, подкопим, батя семеру обещал. Отличная идея, точно!

Она. Точно...

За окном меняется вид. Он выходит из автобуса.

Кондуктор. Остановка «Студенческое общежитие».

Он берет в руки гитару и заходит в автобус уже навеселе. Видит, что в салоне сидит она. Подкрадывается сзади и закрывает ей глаза.

Он. Угадай: кто?

Она (*подскакивает от неожиданности*). Ты... ты же...

Он. Я же!

Она (*убирает его руки*). Ты же говорил, что у тебя срочные дела!

Он. Срочные закончились, остались несрочные.

Она. Несрочные... Это я?

Он. Ну-у-у, брось. Я и так устал. Не начинай, а? Может, поцелуешь хоть? (*Тянется к ней.*)

Она (*отодвигается*). Ты в общаге, получаешься, был?

Он (*вздыхает*). И? Была репетиция. (*Машет гитарой.*) Во, смотри, что сочинил. (*Начинает что-то натренировать.*) Сейчас, расстроилась, походу.

Она. Это я расстроилась. Может, ты это заметишь?

Он (*серьезно*). Так. Та-а-ак... Тюнер для расстроенных дам... О, вот нашел... (*Тянется к ней, чтобы поцеловать.*)

Она. Прекрати. Как мне надоело твое вечное желание все превратить в шутку! Ты сказал мне, что будешь у родителей, а сам поехал в общагу?

Он. Непредвиденные обстоятельства.

Она. Какие в этот раз?

Он. А в прошлый – какие были?

Она. Уже и не припомнить, у тебя всегда какие-то обстоятельства. Я уже забыла, когда мы просто гуляли, понимаешь? Ты вечно так! Я... Я... Проехали, короче. (*Выдыхает.*)

Автобус потрясывает на кочках.

Он. Что ты? Мне дома возле тебя сидеть? Может, прикажешь Пушкина читать или кого там тебе интереснее?

Она. Иногда стоило бы.

Он. Извините, недостаточно образован для столь культурной личности. Принести свой дневник?

Она. Ты вообще меня слышишь?

Он. Прекрасно!

Она. Отлично!

Отворачиваются друг от друга. Пауза.

Я просто хочу, чтобы ты уделял мне хоть немного внимания. Я чувствую себя забытой и ненужной. Как будто меня нет. Как будто я лежу в шкафу до лучших времен...

Он. Прости. Правда, прости меня. Я обещаю со всем разобраться, я просто немного устал. Я... ничего не успеваю. Ты же знаешь, как это для меня важно. Это наше с тобой будущее. Наше... И ты его неотъемлемая часть. Я со всем разберусь, правда...

Она. Правда?

Он (*выставляет человечка из пальцев ей на плечо*). Ну, хватит дуться. Посмотри, даже мистер Магнус пришел за обнимашками. Я хочу обниматься!

Она (*тоже выставляет человечка из пальцев на поручень сиденья*). Может, мистер Магнус хочет немного прогуляться?

Он. Если только миссис Магнус будет рядом.

Она. По мороженому?

Он. Что? Мороженое осенью? Ты еще спрашиваешь? Конечно, да!

Она. Обожаю тебя.

Они весело выходят. За окном меняется вид.

Кондуктор. Остановка «Больница».

Она заходит, держа руку на животе. Он усаживает ее в кресло.

Он. Что сказали?

Она. Вроде все хорошо.

Он. А кто – еще непонятно?

Она. Не-а. А ты кого хочешь?

Он (*неуверенно*). Я не знаю... Не думал об этом... Да и какая разница... А ты?

Она. Я буду рада любому исходу... Меня всю переполняет. Представляешь, мы создали человека! Поверить не могу. Он будет похож на нас. Вот посмотри в отражение, видишь?

Он. Да.

Она. Вот такой же нос картошкой.

Он. Эй!

Она. И кудри черные. Представляешь? Мальчик будет, как поэт, Есенин там, например. А девочка? А девочка с черными кудрями – даже звучит красиво.

Он. Музыкант.

Она. Что?

Он. Ну, мальчик-музыкант, брутально же!
(Размахивает волосами.)

Она. Вот все как будто по-другому теперь
выглядит, понимаешь? Вот видишь садик?

Он. Где?

Она. Ну вон!

Он. А, да.

Она. Она... или он... будет туда ходить! А
вон художественная школа. Я в детстве так лю-
била рисовать, но меня почему-то туда не отда-
ли, а я очень хотела. А вон парк, представляешь,
как мы будем там втроем гулять? У меня просто
дух захватывает.

Он. Так мы же... уедем.

Она. А, да... Ну, это я для примера, понима-
ешь? Просто это так все необычно, даже думать
об этом. Так поскорее хочется, чтобы все случи-
лось, да?

Он. Да, конечно.

Она. Ты не рад?

Он. Я рад, ты чего? Моя ты дуреха, конечно,
я рад. У него... или нее... будут твои глаза. Такие
же светлые и подозрительно обидчивые.

Она. Но не твое чувство юмора, надеюсь.
Фух, откуда взять столько терпения? Поскорее бы!

Звучит оглушающий сигнальный гудок. Она надевает
платок. Они рассаживаются на разные сиденья.

Он. Ты как?

Она. Нормально.

Он. Многословно. (Помолчав.) Все будет хо-
рошо.

Она. Угу.

Пауза.

Он. Мы уедем, и все наладится. Мы же хоте-
ли уехать. Да какие наши годы? (Встает на ко-
лени возле нее.) Еще десятерых... И это мини-
мум. Ну, иди сюда. (Пытается обнять.)

Она. Ты хотел уехать...

Он. Что?

Она. Я говорю, это ты хотел уехать.

Он. А ты?

Она. А я хочу побыть одна.

Он. То есть я мешаю?

Она. Где ты был?

Он. Я уже говорил: репетировал.

Она. Я ждала тебя...

Он. И я пришел.

Она. Когда ты пришел? Неужели ты не по-
нимаешь? Неужели я должна отвоевывать тебя
у гитары? Или ты скажи: может, все проще? Куда
ты постоянно бежишь? У тебя другая? Ты испу-
гался ответственности? Ты просто скажи, и все.
Тебе там интересно, весело где-то. Дома ты
всегда то уставший, то угрюмый. Это из-за меня.
Я теперь не такая веселая, да? Ты хоть пред-
ставляешь, что я сейчас чувствую?

Он. Понятно. Мистер Магнус спешит на по-
мощь...

Она (стряхивает его руку с плеча). Извини,
моя остановка.

Он. Ты вот так уйдешь? Ты думаешь, мне
легко?

Она. Остановите, пожалуйста, здесь.

Он. Подожди, мы не договорили.

Открывается дверь, она быстро выходит. Автобус
начинает раскачиваться. Свет то гаснет, то снова
включается. Он не может найти себе места.

Кондуктор. Остановка «Кинотеатр».

Она заходит и садится отдельно от него, достает
свой телефон из сумки, сбрасывает входящий вызов.
Он подходит и садится рядом.

Он. Почему ты не берешь трубку?

Она. Я не знаю, о чем говорить.

Он. У тебя другой?

Она. С чего ты взял?

Он. С кем ты была в кино?

Она. С другом.

Он. Теперь это так называется?

Она. Что называется?

Он. Измена.

Она. Думай, что хочешь.

Он. Если ты не забыла, я еще пока что твой
муж!

Она. А я и не делаю ничего предосудитель-
ного.

Он. Ты ходишь в кино с другим мужиком.

Она. Я еще раз повторяю: это просто друг.

Он. Я запрещаю тебе, понятно?

Она. Я тебе не вещь и не домашнее живот-
ное, чтобы смиренно ждать у двери.

Он. Отлично! (Идет к выходу.)

Она. Ты же не хотел, да?

Он. Чего?

О н а. Не чего, а кого...

О н. Ты опять начинаешь? Я не виноват в том, что так получилось. Так бывает, понимаешь? Я так же, как и ты, переживаю, просто не кричу об этом на каждом шагу. Мне нужно было лечь и умереть, чтобы ты поверила, что не одной тебе бывает плохо?

О н а. Да! Я хочу понимать, что рядом со мной мужчина, а не полный нереализованных амбиций шут... а, извините, великий музыкант. Который только и думает, как уехать и покорить этот гребаный мир.

О н. Господи! Это же все ради нас.

О н а. Или ради себя?

О н. Понятно. Хорошо...

Он выходит. Она бежит к двери.

О н а. Стойте! Откройте дверь! Я проехала свою остановку. Мне нужно выйти. Выпустите меня! *(Садится на пол возле двери.)*

Кондуктор. Остановка «Репетиционная база».

В автобус заходит парень в наброшенном на голову капюшоне. Она бросается к нему и обнимает со спины.

О н а. Прости меня... Глупость сказала...

О н *(поворачивается)*. Простите?

О н а *(делает шаг назад)*. Извините, я ошиблась...

Меняется вид за окном. Она садится в кресло. Он снимает капюшон и садится спиной к ней. Они начинают говорить по очереди, сначала медленно, а потом перебивая друг друга.

Так дождливо за окном. Не помню такую холодную весну.

О н. Она вечно ругается на дождь. Как ребенок, ей-богу.

О н а. Не понимаю, не хочу, пусть катится куда хочет.

О н. Ну неужели так сложно понять, что я себя перестану уважать, если не попробую.

О н а. Музыкант великий, зачем я вообще в этот автобус села?

О н. Заучка, зубрила, ждала бы тогда принца из этих сказок... Это невозможно!

О н а. Я так ждала его поддержки.

О н. Как вообще с ней разговаривать, если она сразу обижается.

О н а. У него никогда нет времени. Он вечно твердит, что устал.

О н. И постоянно считает себя умней и серьезней.

О н а. Шут гороховый.

О н. Как будто она одна переживает, а все остальные бесчувственные, камни прямо, ага.

О н а. Великий музыкант. Как я устала от этой гитары злосчастной. Выбросила бы в окно!

О н. Почему, если у человека есть собственные увлечения, цели, то всё – катастрофа. Неужели надо постоянно всё делить на двоих?

О н а. Вечно в ожидании чего-то! Придет или не придет, придет, или не придет, или не придет?

К о н д у к т о р. Остановка «Вокзал».

Он встает и направляется к выходу. Стоит возле двери. Пытается решиться, чтобы выйти и уехать.

О н а. Это я во всем виновата.

Он оборачивается на нее, резко отходит от двери, садится обратно на сиденье спиной к ней.

О н. Вот дурак я, дурак... Как можно быть та-
102 ким дураком?!

О н а. И что сложного, там такая же жизнь. Да вообще, какая разница где?

О н. Да все будет отлично, мне тут нравится, я могу играть где угодно. Я могу играть где угодно!

О н а. Смешной... Какой же он смешной. Мистер Магнус – ну кто еще мог придумать такую чушь?

О н. Обижается еще так, губы надует и сидит... Дочку хочу и сына хочу... два, а может, даже три!

О н а. Я... должна его найти.

Встают и бегут в разные двери. Автобус едет дальше. За окнами пробегают она, потом он, снова она...

Оборачиваются, ищут друг друга. Она забегает в автобус. Видит, что никого нет. Обессиленно садится.

Смотрит в окно.

К о н д у к т о р. Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка «Районный суд». Конечная.

О н. Стойте! Стойте! Подождите... Впустите меня... *(Стучит в дверь.)* Откройте! Откройте

дверь, я вам говорю! Ну, откройте же... пожалуйста-ста...

О н а (*подбегает к двери*). В смысле – «конечная»? Я... Я не хочу разводиться! Откройте дверь! Слышите? Остановите автобус! Я прошу вас. Откройте дверь! Стойте же, я вас умоляю... Остановите автобус! Я хочу выйти! Я не поеду дальше, я хочу выйти!

Звук тормозов. Открывается вторая дверь. Она выбегает к нему. Они стоят друг напротив друга.

Бегут навстречу.

Затемнение.

Рассвет. В автобус заходит он, садится на дальнее сиденье. Автобус набирает ход. За окном светит солнце.

К о н д у к т о р. Остановка «Школа».

Она заходит и становится возле поручня. Надевает наушники. Он подходит к ней сзади.

Он. Вы, случайно, не в тринадцатой учитесь?

Она делает вид, что не слышит.

Я просто вас там видел, кажется.

О н а (*вынимает наушник из уха*). Нет, вы мне льстите... Я там работаю.

Он. Странно, так сразу и не скажешь.

О н а. На! (*Протягивает ему наушник.*)

Он. Что это?

О н а. Это моя любимая песня!

Он (*кричит*). Разве это песня?

О н а. Просто расслабься!

Он. Я не могу. У меня сейчас перепонки лопнут!

Она начинает танцевать и напевать слова.

Что ты делаешь?

О н а. Танцую. А ты?

Он. Нас же выгонят!

О н а. Пой!

Он. Да я не знаю слов!

О н а. Просто повторяй за мной!

Музыка выводится на первый план. Он выставляет ей на плечо человечка из пальцев и начинает громко кричать слова песни. Она выставляет человечка ему в ответ. Они вместе танцуют и поют. Тишина.

К о н д у к т о р. Остановка «Московская площадь».

Звучит музыка. Затемнение. Звучат голоса.

Он. Не пожалела, что уехали?

О н а. Нет. Здесь очень уютные автобусы. А ты?

Он. Я счастлив, что вы рядом. Какая разница где, важно – с кем.

О н а. Ого, какие мы сентиментальные. Молодой человек, вы не видели моего мужа? Ой, кажется...

Он. Остановите, пожалуйста, здесь!

К о н д у к т о р. Остановка «Родильный дом».

Ирина ПРИЩЕПОВА

НЕКРОПОЛЬ ЗНАМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Катит Ангара свои холодные воды мимо несущихся машин, мимо высоких домов, мимо торговых рядов, мимо чадающих труб Иркутска. Но есть среди шума и суеты большого города тихие, укромные, спасительные островки, один из которых – Знаменский монастырь. Его ослепительной белизны храм с зелеными главами, увенчанными позолоченными крестами, в холода будто замирает на фоне снега и куржака, а в теплое время оживает вместе с деревьями и скромными цветами, выращенными рядом заботливой рукой. Удивительно хорош монастырь в осеннюю пору, когда золото на куполах сливается в небесной гармонии с золотом листвы высоких крон, его окружающих!

На обширной территории монастыря упокоились великие люди – такие непохожие, по-разному смотревшие на мир, жившие далеко друг от друга и в разные времена.

Устремлен в небеса беломраморный памятник Григорию Ивановичу Шелихову, купцу, мореходу, открывателю новых земель. Жизненный путь его не был гладким, пробивался Шелихов к своей цели сквозь океанские штормы и ледяные ветры. Не первым из русских купцов достиг он берегов американского континента: и до него находились смельчаки переплыть океан, дабы поохотиться в дальних краях и привезти домой богатую добычу; и до него отважные русские люди открывали новые земли и давали им свои имена. И многие заплатили за дерзость своими жизнями: тонуло каждое третье судно. А Григорий Иванович прославился своим размахом освоения Америки: он строил там церкви и школы, организовал первые русские колонии, он сумел присоединить большие территории к нашей державе. И повсюду устанавливал большие кресты в знак того, что места эти открыты русскими православными людьми. Его упорство, бесстрашие и талант мореплавателя дали возможность России закрепиться на севере далекого континента, и получила эта земля название Русская Америка. И владела когда-то Аляской Иркутская губерния. Но прошли те времена, давно продала Россия этот полуостров Соединенным Штатам, а вырученные деньги пустила на строительство железных дорог, в которых тогда остро нуждалась.

И сейчас, спустя много лет после того, как Аляска перестала быть российской, на ее территории, природа которой так похожа на русскую, осталось много православных храмов. Аборигены полуострова считают православие своей исконной религией. И до сих пор помнят имя Григория Ивановича Шелихова. Ведь он обучал их предков грамоте, счету, налаживал с ними торговлю, крестил их, учил молитвам...

За заслуги перед Отечеством Шелихов был награжден золотой медалью и серебряной шпагой. Его жена и дети были возведены в дворянское сословие. Город-спутник Иркутска носит его имя. А сам Григорий Иванович спит под высоким памятником у Знаменского собора.

На памятнике – возвышенные слова, описывающие его деяния. С одной стороны надгробия высечены на мраморе строки поэта Ивана Дмитриева:

*Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелихов без войск, без громоносных сил
Притек в Америку чрез бурные пучины
И нову область ей и Богу покорил.
Не забывай, потомок,
Что росс, твой предок,
Был и на востоке громок.*

С другой стороны памятника можно прочесть стихи Гаврилы Державина:

*Колумб здесь русский погребен!
Преплыл моря, открыл страны безвестны
И, зря, что все на свете тлен,
Направил парус свой
Во океан небесный
Искать сокровищ горних, неземных,
Сокровище благих.
Его Ты, Боже, душу упокой.*

Есть на памятнике и другое высказывание Державина о таланте Шелихова, которое заканчивается так: «Христе Спасителю! Причти его к лику Благовестников, возжегших на земле свет Твой пред Человеки».

Плывет и будет плыть вечно душа российского Колумба среди высоких звезд над ангарскими водами...

* * *

В первой половине девятнадцатого века отправлялись в Сибирь декабристы, узники, коих наша земля еще не видывала. Они были образованны, гуманны, благородны. Но к ним был приставлен большой конвой, их заковывали в кандалы. Не потому,

что они могли сбежать, а чтобы унижить. Декабристов хотели изолировать от общества, духовно поработить. Но они, работая в рудниках, живя в нечеловеческих условиях, находили силы на изучение нового края, писали книги. Они организовали каторжную академию. А впоследствии, находясь на поселении, щедро делились накопленными знаниями с местными жителями, помогали им выживать в суровых условиях, учили и воспитывали их детей.

Долгая, тяжелая выпала жизнь декабристам в Сибири. Некоторые остались здесь навечно.

Спит у южной стены Знаменского монастыря прапорщик Владимир Александрович Бечаснов, сын рязанского дворянина. Он являлся членом Общества соединенных славян. Не каждому известно это имя, хотя был Бечаснов одним из самых смелых и решительных декабристов. После восстания осудили его на вечную каторгу. Впоследствии срок наказания был сокращен до двадцати лет, потом – до пятнадцати. Содержался Владимир Александрович и в Свартгольмской крепости, и в Чите, и в Петровском заводе. Затем Бечаснова отправили на поселение в Смоленщину, основанную еще во времена освоения Сибири казаками. Теперь это большое село, и стоит оно всего в десяти километрах от Иркутска, в живописном месте слияния двух тихих рек – Иркуты и Олхи.

По воспоминаниям современников, Владимир Бечаснов был толстоват, неловок и рассеян, но очень подвижен. О неловкости его ходили анекдоты, которые он знал и над которыми громче всех смеялся. Вот как вспоминал о нем Николай Андреевич Белоголовый, врач, публицист, ученик декабристов Юшневского и Поджио: «Не подлежит сомнению одно, что и Бечаснов, при своей, общей со всеми декабристами, редкой мягкости характера, любви к народу и жажде труда и деятельности на пользу общественную, мог вносить только доброе, честное и прогрессивное в окружающую его обстановку, и хотя крестьяне деревни, где он жил, подчас подсмеивались над его неловкостью и рассеянностью, называя его, как говорят, то Бесчастным, то Несчастным, но любили и уважали его, как своего старшего брата, и в трудные минуты шли к нему за советом».

Владимир Александрович был очень близок крестьянам. Ему неоткуда было ждать помощи, он рассчитывал только на свои силы. И сумел организовать большое хозяйство, неумоимо занимаясь земледелием. Сеял, косил, собирал урожай и так же, как и крестьяне, выживал как мог в неурожайные годы. Именно он совместно с купцом А. П. Белоголовым, отцом Николая Андреевича, держал первую в Сибири маслобойню.

Образование Владимир Александрович получил не самое блестящее (окончил гимназию и кадет-

ский корпус), зато велика была его доброта, о которой говорили многие, его знавшие. О большой любви к людям свидетельствуют и пять дошедших до нас писем, написанных Бечасновым семье Бестужевых. Трогательно оправдывается он перед друзьями за долгое молчание, поздравляя их с праздником: «С Новым годом, с новым счастьем поздравляю, любезные друзья мои, вас и общих добрых наших знакомых. Знаю, что вы меня отругаете (на) порядках, за то что не получили письма ранее, которые я должен был бы и даже сбирался написать на последних днях праздника, но верьте, что, ей-богу, не до того было. Верьте, что совесть меня так мучила за это молчание, что отравляла иногда самые приятные минуты. Скажите, что вы поделывали в это время? Когда я с вами хоть с кем-нибудь увижусь? Не взыщите на меня, что ничего к вам не пишу – голова совсем пуста. Отдохну, оберусь силами и заглажу свой проступок».

В Смоленщине женился Владимир Александрович на крестьянке Анне Пахомовне Кичигиной. У них было семеро детей. Бечаснов очень любил свою семью. Вот как весело и душевно сообщает он в письме о воспитании детей: «Детишки мои растут, как грибы, здоровые, свежие, полные... Часто мне приходится заменять мать и няньку во всех их заботах, и тогда я проникаюсь удивлением к вновь открытым собственным моим качествам: изобретательный ум, чтобы забавлять, наставлять, прекратить слезы, маленькие услуги, терпение, нежность, благоразумие, подвижность – даже прыжки! – все нам нипочем, все можем... Какой хороший отец из меня вышел, это удивительно, черт возьми!» Или вот еще строки о времени, свободном от хлопот по хозяйству: «Свободное время всецело посвящаю чтению, сначала для самого себя, а потом все вечера для жены, ей редко удается найти время, чтоб читать самой».

После амнистии он остался верен Иркутской земле, на которой прожил половину жизни, к которой привязался. В эту землю он и лег навсегда.

* * *

Рядом стоят два беломраморных памятника, под которыми спят друзья-декабристы Петр Муханов и Николай Панов. Их могилы десятилетиями были заброшены, и даже отыскать их удалось с большим трудом (как, впрочем, и могилу Бечаснова).

Петр Муханов в восстании на Сенатской площади не участвовал, но до этого посещал собрания декабристов, призывал к активным действиям против царя. За что и был приговорен к двенадцати годам каторжных работ. И конечно, содержание в холодном, сыром каземате Свеаборгской крепости не могло не сказаться на его здоровье: Петр Александрович очень страдал от ревматизма ног.

Работал Муханов на Нерчинских рудниках, в Петровском заводе. Один из самых образованных людей своего времени, он был создателем острожной академии и душой литературного кружка. Там, в «каторжных норах», после многих часов тяжелейшего труда читались лекции и стихи, там родился замысел альманаха декабристов. Даже в самых, казалось бы, невыносимых условиях Петр Александрович продолжал занятия литературой, знакомил со своими работами товарищей, которые высоко их ценили.

После каторги Муханов находился на поселении в Братском остроге Иркутской губернии, о котором отзывался так: «Хуже Братского острога места я никогда не видел, несмотря на то что проехал Россию по обоим ее диаметрам. Всех поселенцев здесь пять или шесть старых, и те живут, чтобы не умереть с голоду. Здесь нет горизонту. Лес стоит вокруг, как живой частокол. Мужики почти ничего не сеют, ибо пашни нет; все они звероловы... Деревня эта навела на меня такое уныние, какого ни одна тюрьма еще не наводила на меня...»

С помощью наемных рабочих Петр Александрович все-таки стал выращивать хлеб. И хоть занятие это дохода давало мало, в труде Муханов видел большой смысл: «Бездействие для меня яд». Через век, во время строительства ГЭС, его пашня ушла под воду. А вот Братский острог дал начало городу Братску, где одна из улиц названа именем Петра Муханова.

Очень переживала за сына мать, заболела за его здоровье, обращалась с просьбами к царю, пытаясь облегчить его участь. И Муханов, будучи очень больным, старался ее не огорчать. «В моих письмах к ней я всегда весел, всегда здоров», – писал он сестре. Говорил, что отдал бы жизнь, чтобы мать была спокойна и счастлива. При этом в одном из писем сын признался ей, что не только не произнес ни единого слова ропота против своей судьбы, но даже в сердце его не было слов сожаления.

В своих сибирских записках Муханов сетовал на то, что «все стеснительные меры исполняются в Сибири с большим рвением, благодетельством». Печалился, что в деревнях не было никакой возможности получить медицинскую помощь. Ходатайствовал о свободном занятии промыслами. Сожалел, что неблагоприятные условия, отдаленность и отсутствие хорошего образования приводят к тому, что службу здесь несут чиновники-туземцы. Говорил о необходимости хорошего образования в Сибирском краю.

Петр Александрович видел, что в этой холодной глуши более счастливы те, кто обзавелся семьями. Но его преследовало одиночество. Он любил княжну Варвару Михайловну Шаховскую, которая ради него была готова на многое: «Милый друг, ты зна-

ешь, я ничего не боюсь и готова к любым испытаниям». Но ему было отказано в заключении брака с княжной, поскольку они состояли в родстве: брат Варвары Михайловны был мужем сестры Петра Александровича.

Через двадцать лет в Иркутске Муханов познакомился с начальницей Восточно-Сибирского института благородных девиц Марией Александровной Дороховой, человеком добрейшей души, личная жизнь которой также не сложилась. Он делает ей предложение. «Дело не в страсти пламенной, – писал он, – но в тихой, смирной жизни двух пожилых людей, в общем перенесении недуга и сердечном утешении». Но обвенчаться они не успели: в феврале 1854 года Петр Александрович скоропостижно умер.

В юные свои годы Муханов дружил с поэтом Рылевым, жизнь которого потом оборвалась на виселице. Оба декабриста были увлечены историей. Рылеев посвятил Муханову стихотворение (думу) «Смерть Ермака» – об атамане, погибшем на Иртыше. Не знал поэт, что в скором времени и сам трагически уйдет из жизни, а его друг отправится в Сибирь, где проживет почти три десятка лет и навечно останется лежать в городе на Ангаре, у святого Байкала.

* * *

106

Молодой декабрист Николай Алексеевич Панов удостоился особого царского внимания. «Препровождаемого Панова содержать в заключении строжайше!» – такую записку отправил император Николай коменданту Петропавловской крепости.

Панов получил хорошее образование. Любил и знал математику, географию, немецкий и французский языки, но особое внимание уделял истории и военным наукам. Николай Алексеевич ненавидел крепостное право, мечтал о равенстве всех граждан перед законом, о более справедливой форме правления. На военную службу Панов был призван еще в семнадцатилетнем возрасте. А незадолго до восстания декабристов вступил в их тайное общество.

14 декабря 1825 года поручик Панов повел солдат своего полка к Зимнему дворцу. Колонна оттеснила караул, вступив в рукопашную схватку, пробилась через личную охрану царя и, по сути, завладела всеми входами во дворец. Затем, не имея приказа о дальнейших действиях, Николай Алексеевич повернул солдат на Сенатскую площадь. Однако все эти решительные и смелые шаги оказались бесполезными, восстание было обречено на провал: им никто не руководил...

15 декабря, узнав, что многие восставшие арестованы, Панов сам пришел в Петропавловскую крепость и сдался. На допросах вел себя вызываю-

ще смело. Приговор поручику лейб-гвардии гренадерского полка был страшен: смертная казнь. Правда, потом «высшая мера» была заменена вечной каторгой...

Когда Панов, закованный в шестикилограммовые кандалы, отправился в Сибирь, ему было всего двадцать два. Долгие годы тянул он каторжную лямку. Работал на Благодатском руднике, названном так словно в насмешку над узниками: условия там были крайне тяжелыми. Вместе с другими каторжанами декабристы долбили руду и выносили ее из глубокой шахты. Позже им дали работу на свету, однако легче их жизнь не стала. Ведь трудиться приходилось на жестоком морозе в кандалах...

Нелегкой была и работа в Петровском заводе. Здесь декабристы строили свою будущую тюрьму. Жили они в двух домах в такой тесноте, что спать можно было только на боку. Но, несмотря на все выпавшие на их долю тяготы, «государственные преступники» занимались самообразованием, изучением Сибири, просвещением местного населения, обучали наукам и ремеслам детей.

Дочь декабриста Ивана Александровича Анненкова вспоминала: «Панов постоянно рассказывал мне басни и даже выписал для меня первое издание басен Крылова, которое теперь составляет библиографическую редкость. От него же я узнала первые сказки: «Красную Шапочку», «Спящую царевну» и другие».

Когда Панов уже жил на поселении под Иркутском, каторга не давала о себе забыть: он все время болел. Жена декабриста Алексея Юшневского так писала о Панове: «Ему сейчас всего лишь 36 лет, а он уже весь седой. Он небольшого роста, светлый. И как странно видеть человека с лицом молодого, а с головою 75-летнего старца. Впрочем, здесь у нас нет ни одного человека без седых волос».

Из родных у Панова остался только брат Дмитрий, который поддерживал его и добрыми словами, и посылками, и деньгами. И Николай Алексеевич эту помощь очень ценил. Смерть Дмитрия в 1843 году стала для декабриста большим потрясением. Он писал Софье Александровне, жене любимого брата: «Это сообщение поразило меня будто гром. Первые минуты я не испытал скорби или страдания... Я не верил глазам своим, читал и не понимал, что читаю. Я все мучился, не мог ничего понять, не ошибся ли я. Но когда снова перечитал, только тогда понял весь ужас своей утраты, моя скорбь камнем легла на мое сердце». А Софья Александровна сообщила ему в ответном письме, что помощь теперь будет оказывать она. Панов поблагодарил ее искренне: «Благодарю Вас, моя подруга, что намерены продолжать его заботу обо мне. Утешает меня мысль, что недолго еще буду нуж-

даться в Вашей помощи, что наконец провидение смилостивится надо мной и подарит мне давно желаемый покой». Софья Александровна поддерживала Николая Алексеевича до самой его смерти, наступившей в 1850 году в Иркутске, где он находился на лечении.

* * *

Екатерина Трубецкая выехала в Сибирь 24 июля 1826 года. Она первая из женщин отправилась за ссыльным мужем. Ее примеру последовали многие другие жены декабристов. Потрясенный их подвигом, Николай Некрасов написал поэму «Русские женщины». И первая глава этого произведения посвящена Екатерине. Начинается действие с трогательной сцены прощания графа-отца с дочерью. Отец перед трудной дорогой осматривает «на диво слаженный возок», поправляет подушки, творит молитву, не сдерживая слез.

Екатерина с болью говорит отцу:

*Благослови родную дочь
И с миром отпусти!
Бог весть, увидимся ли вновь.
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но нелегко
С тобой расстаться мне!
О, видит бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одеда грудь...
Гордись – я дочь твоя!*

Убитые горем родители, поддержавшие дочь в столь непростом выборе, видели ее в последний раз: навсегда уезжала Екатерина в незнакомую дальнюю даль. Они знали, что жизненный путь ее будет очень тяжел. И знали, что любовь ее к мужу сильна. А значит, она выдержит. Вот как написала Екатерина Ивановна о своих чувствах Сергею Петровичу, отправляющемуся в Сибирь: «Я, право, чувствую, что не смогу жить без тебя. Я все готова снести с тобою, не буду жалеть ни о чем, когда буду с тобой вместе. Меня будущее не страшит. Спокойно прощусь со всеми благами светскими. Одно меня может радовать: тебя видеть, делить твою горе и все минуты жизни своей тебе посвящать.

Меня будущее иногда беспокоит на твой счет. Иногда страшусь, чтоб тяжкая твоя участь не показалась тебе свыше сил твоих... Мне же, друг мой, все будет легко переносить с тобою вместе, и чувствую, ежедневно сильнее чувствую, что, как бы худо нам ни было, от глубины души буду жребий свой благословлять, если буду я с тобою».

В Иркутске ждали ее серьезные испытания. Известно, что гражданский губернатор Иван Богданович Цейдлер, которого современники вспоминают как человека доброго и справедливого, по поручению императора чинил Трубецкой препятствия и задержал ее в городе на несколько месяцев, что доставляло ей большие страдания. Но Трубецкая была непреклонна. В письме она рассказала Цейдлеру о причинах своего решения поехать за мужем, где самой главной назвала вот эту: «Церковь наша почитает брак таинством, и союз брачный ничто не сильно разорвать. Жена должна делить участь своего мужа всегда и в счастии и в несчастьи, и никакое обстоятельство не может служить ей поводом к неисполнению священнейшей для нее обязанности...» Она подписала бумаги об отречении от дворянских прав. Она согласилась идти пешком с заключенными по этапу. «Я готова преодолеть эти 700 верст, которые отделяют меня от мужа моего, этапным порядком, плечом к плечу с каторжниками, но только не будете больше задерживать меня, прошу Вас! Отправьте меня еще сегодня!» – умоляла она губернатора. И Цейдлер не выдержал. «Я мучил вас, но мучился и сам», – говорит он княгине в поэме «Русские женщины» и в порыве благородства приказывает немедленно дать ей лошадей.

Неласково встречала жен декабристов суровая Забайкальская земля. Но как рады были мужья и другие каторжники приезде Трубецкой и Волконской! Через женщин наладилась и связь с внешним миром, в том числе переписка с родными. «Я хотел бы лучше иметь дело с тремястами государственных преступников, чем с десятью их женами. Для них у меня нет закона, и я часто поступаю против инструкции...» – сетовал комендант Нерчинских рудников Лепарский.

Неподалеку от Благодатского рудника Трубецкая и Волконская сняли полуразвалившуюся хибарку со слюдяными оконцами и чадящей печью. Щели между бревнами делали это жилище зимой настолько холодным, что ночью волосы примерзали к бревнам. Женщины сами топили печь, носили воду, кололи дрова, готовили еду. А питались скудно. Порой съедали за день только по куску черного хлеба, чтобы было из чего приготовить горячий обед мужьям и их друзьям. И хоть были княгини не слишком искусны в приготовлении пищи, декабристы с большим удовольствием принимали их угощение. Евгений Петрович Оболенский, называвший Екатерину

Ивановну ангелом-хранителем, писал: «Как не вспомнить и импровизированные блюда, которые приносились нам в нашу казарму Благодатского рудника, – плоды трудов княгинь Трубецкой и Волконской, в которых их теоретическое знание кухонного искусства было подчинено совершенному неведению применения теории к практике. Но мы были в восторге, и нам все казалось таким вкусным, что едва ли хлеб, недопеченный княгиней Трубецкой, не показался бы нам вкуснее лучшего произведения первого петербургского булочника».

Женщины не могли покупать лекарства, одежду и обувь, так как у них не было денег. Княгиня Трубецкая, ходившая почти босиком, однажды сильно простудилась и слегла. Но самое горькое для Екатерины Ивановны было то, что редко можно было видеть мужа, да и эти короткие свидания проходили под надзором. Стремясь видеть его чаще, она поднималась на гору, откуда просматривался двор тюрьмы, и глядела на мужа издали, когда каторжан выводили на прогулки.

В Петровском заводе декабристам пришлось жить и в тюремных камерах. «Я живу в очень маленькой комнатке... Темень в моей комнате такая, что мы в полдень не видим без свечей. В стенах много щелей, отовсюду дует ветер, и сырость так велика, что пронизывает до костей», – писала Трубецкая матери. Детей туда, в тюрьму, брать не разрешалось, и женщины могли их только навещать. Екатерина от этого очень страдала: «Физические страдания, которые может причинить эта тюрьма, кажутся мне ничтожными в сравнении с жестокой необходимостью быть разлученной со своим ребенком и с беспокойством, которое я испытываю все время, что я не вижу его».

Как только удавалось Екатерине стойко выносить все тяготы сибирской ссылки?! Ведь воспитывалась она в роскоши, окруженная заботой многочисленной прислуги. Особняк ее родителей был похож на дворец. В нем устраивались самые роскошные в Петербурге балы. Здесь проходили спектакли и праздники, здесь бывали Карамзин, Жуковский, Грибоедов, Пушкин. Среди гостей были император Александр I и великий князь Николай Павлович, будущий Николай I. Очарованная Екатериной, Николай скажет, что она «самая просвещенная девица высшего света». Екатерина часто бывала за границей, где и встретила свою настоящую любовь – князя Сергея Трубецкого, героя войны 1812 года. Венчание Екатерины и Сергея происходило в Париже. И вот беззаботная, счастливая жизнь осталась только в воспоминаниях. А в настоящем – необходимость выживать в суровом Забайкальском краю. Но и в каторжном аду осталась Екатерина добрейшим человеком, сострадающим лю-

дям, животным, птицам. Была она любящей женой и матерью, заботливо пестующей детей, вложившей в них всю свою большую душу.

И вот каторга позади. В 1839 году Сергей Петрович перебрался на поселение в Оёк под Иркутском. А в 1845-м Трубецким было позволено жить в Иркутске. Графиня-мать выслала дочери денег, и семья купила красивый просторный дом, принадлежавший ранее губернатору Цейдлеру.

Екатерина Ивановна, сполна познавшая лишения, помогала нуждающимся, была щедрой на жертвования Знаменскому монастырю, прихожанкой которого стала. Ее любил весь город. И весь город потом хоронил, оплакивал эту замечательную женщину, творившую добро и раздававшую его людям.

Через два года после ее смерти пришло известие об амнистии. Безутешный Трубецкой жил в осиротевшем доме и не хотел уезжать из Иркутска. Ему пришлось согласиться на отъезд только из-за тринадцатилетнего сына Ивана, которому нужно было дать хорошее образование. С трудом оторвали Сергея Петровича от могилы жены, которая значила в его жизни так много. И отзывался о ней Трубецкой только с благоговением: «Жена моя была не просто женщина, которая соединила судьбу свою с моей судьбой для прохождения жизни по одному общему пути. Она слила все существование свое с моим; мысли, чувства, правила, желания, надежды – все, одним словом, все было у нас общее. Она не жила для себя, она жила единственно для меня и детей; и это не на словах, а на деле, все поступки ее, все помышления ее не имели предметами ничего другого. В отношении самой себя она старания прилагала единственно о том, чтобы исправить все недостатки, которые в себе замечала, и приобрести все христианские добродетели, которых исполнение требует от нас Спаситель... Тридцать четыре года мы прожили вместе, и прожили их, как один день».

Умер Сергей Петрович Трубецкой в Москве в возрасте семидесяти лет. А Екатерина Ивановна, несмотря на нелегкую жизнь, была счастлива рядом с мужем, с детьми, с друзьями. «Если бы мне было суждено пережить все снова, я поступила бы точно так же», – признавалась она в письме Николаю I.

У главного входа в Знаменский монастырь видно мраморное надгробие, надпись на котором гласит, что здесь похоронена Трубецкая Екатерина Ивановна. А рядом другой памятник. Под ним лежат ее дети: Никита, Владимир, София.

* * *

В марте 2015 года у Знаменского монастыря нашел свой последний приют один из лучших писателей и сынов Отечества нашего – Валентин Григорьевич Распутин. Для него Сибирская земля – луч-

шая в мире, потому что родная. Она вдохновляла его на творчество. А он воспевал ее, жил ее жизнью, болел ее болью. И спасал ее от рукотворных бед как мог.

Первые детские воспоминания Валентина Распутина связаны с Ангарой. «Сколько ни веду я в себе раскопки, ничего прежде Ангары не нахожу», – удивлялся сам писатель. Вся его жизнь связана с этой рекой, полной красоты и животворной силы. Будучи уже немолодым человеком, Валентин Григорьевич с благодарностью скажет: «Ангара, Ангара! – изумрудная наша красавица, еще и теперь протекающая по моему сердцу, – сколь многим она меня напоила и накормила!»

Далекая ангарская деревня Аталанка, где Распутин родился и вырос, дала ему нескончаемую пищу для размышлений, для творчества, дала силы для борьбы за природу, которая, как был уверен писатель, стоит между человеком и Богом, и нужно соединиться с нею, чтобы идти к Творцу всего сущего. Сжимали сердце коренного сибиряка страдания любимой реки, коих выпало ей немало.

На ангарских берегах впервые услышал он живое народное слово, которое считал главнейшим нашим богатством. А когда открыл «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири», составившийся по крупницам четверть века, то не мог от него оторваться. «Так бы слушал и слушал, так бы пил и пил из этого глубинного самотканого источника! – восторгался писатель. – До чего же звучно и красиво здесь слово, как радужно оно переливается, приобнимается с другими, чтобы сказать тепло и живо, трепещет крылышками, взлетая в замысловатых формах с каких-то таинственных гнездовых, почти песенно выговаривая душу...»

Валентин Григорьевич очень переживал из-за того, что вольную реку сломали плотинами, заставили ее затопить свои же берега. С глубоким сожалением говорит он о больной реке: «Не стало Ангары, молодой, быстрой и завораживающей, в которую я беспрестанно заглядывался в детстве. Теперь она, обузданная плотинами, изъезженная, распущенная, гнилая, лежит в беспомощности, теряя свое имя. Надо ли гордиться, что я, кажется, последним пропел ей сыновью песню со словами, которые она в меня наплескала?! И, быть может, в вечное утешение за благодарную мою память случилось так, что бабушка и дедушка, а также отец лежат вместе в сухой земле, а не под водой, как их бабушки и дедушки».

Страшно, когда уходит под воду обжитая предками земля, жутко видеть, как топит вода все родное с детства: поляны, леса, огороды, могилы... Ушла под воду Аталанка. И только Распутин, переживший трагедию гибели матери-земли, мог создать книгу, никого не оставляющую равнодушным.

И даже если бы написал он лишь одну повесть «Прощание с Матёрой», его имя осталось бы в веках.

Как-то, находясь на ангарском истоке, любовался писатель величавой картиной рождения реки, которая только здесь еще и оставалась собой и текла в своих берегах. Видел темнеющую макушку Шаман-камня, которым, как гласит легенда, отец пытался укротить и остановить своенравную дочь. «Не от этой ли судьбы Шаман-камень, легший поперек ее русла, пытался преградить беглянке путь?!» – с грустью спрашивает Валентин Григорьевич.

Не раз пришлось отстаивать Распутину и отца Ангары – великий Байкал. Трудно ему было поверить, что может подняться у кого-то рука на такую чудесную святыню мира, пред которой «обмирает в глубоком обмороке душа». Он говорил, что, если бы не могучие белоголовые Саяны под стать Байкалу, не красавицы-реки Лена и Ангара, можно подумать, что Байкальское море упало с какой-то более радостной и богатой планеты. «Господи, вразуми нас, неразумных, убивающих то, в чем неистощимо можем мы черпать и силы, и вдохновение, и возвышение!» – призывал Распутин.

Побывав на мысе Саган-Хушун, в святом месте, Валентин Григорьевич записал взволнованно: «Сюда бы и приводил я грешников всякого рода, чтобы видели они, против какого мира идут войной; здесь находить слабым душам утешение, больным – выздоровление, чрезмерно здоровым гордыней и самомнением – усекновение».

Валентин Распутин жалел не только природу, но и человека, дух которого ослаблен темными силами

нашего смутного времени. Укрепить дух человека – такова была цель его произведений.

Город Иркутск, где Распутин учился, работал, дружил, любил, создавал свои произведения, крепко связан и с Ангарой, и с Байкалом. Валентин Григорьевич любил этот город, изучал его историю. В книге «Сибирь, Сибирь...» он увлекательно рассказал об Иркутске, о его домах, улицах, храмах, интересных людях. «Каким-то вседержительным оком, тревожным и внимательным, всматривается Иркутск в нас: какие бы вы ни были, все вы мои, – замечает писатель. – Этим оберегом и вздохнем утешенно: Иркутск с нами».

Лежит Валентин Распутин недалеко от Ангары, несущей байкальские воды. Живут за писателя его книги. Дышат они теплом и добром, дают веру в людей, наполняют гордостью за Сибирскую землю, защищают ее.

Золотится осенней листвой тихий монастырь. Доцветают скромные цветы. Стоит неподалеку в тишине памятник Колчаку, земной путь которого оборвался здесь же: у стен монастыря он и был расстрелян.

Сколько судеб сошлось в этом месте! Таких непохожих. Но есть во всех одно общее начало, роднящее их, – Россия, Русь наша. Из этих разных судеб и соткана наша история, в ней кровь, страдания, боль, успехи и победы людей русских.

Мир и покой тебе, Знаменский монастырь, частичка души огромной Сибири, бескрайней России...

г. Иркутск

**Николай
НИКИТИН**

АТАМАН ЕРМАК КАК ФИГУРА РАЗДОРА

(историографические
заметки)

«Покоритель Сибири» в последнее время часто становится поводом для полемических баталий в медиапространстве – то при обсуждении сценария художественного фильма о Ермаке (1991), то в связи со сносом памятника Ермаку в Павлодарской области «братского» Казахстана (1992), то из-за попытки установить аналогичный монумент в Тюмени (2003, 2016). А в 2020 году вокруг личности Ермака закипели нешуточные страсти, вызванные сразу двумя обстоятельствами. Первым стало намерение предпринимателя, мецената и книгоиздателя, председателя президиума общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» А. Г. Елфимова установить в парке, созданном им в Тобольске на месте заброшенной свалки, поклонный крест, посвященный Ермаку и его дружине. А второй повод для «дискуссий» был создан требованием группы активистов внести Ермака в шорт-лист с именами знаменитостей, достойных быть увековеченными в названии нового тобольского аэропорта.

Эти инициативы натолкнулись прежде всего на протесты неких представителей «сибирско-татарской общественности», которые в письмах, направляемых в разные инстанции, обвинили сторонников сохранения благодарной памяти о Ермаке в «великодержавном шовинизме», «принижении иных национальностей», «разжигании межнациональной розни» и тому подобных прегрешениях. «Протестные заявления» татарских активистов в свою очередь вызвали в их адрес контробвинения (в попытках «развалить Россию», «подорвать российскую государственность» и так далее), и в итоге ситуация, сложившаяся вокруг имени Ермака, уже стала наводить сторонних наблюдателей на мысль, что и до нас, похоже, докатилась модная нынче война с памятниками. И поскольку обе стороны в разгоревшейся полемике обращались к «фактам истории», нужно и профессиональным историкам высказать свои соображения о предмете периодически возникающих вокруг личности Ермака споров.

Прежде всего необходимо констатировать, что при изложении и характеристике событий, связанных с «покорением Сибири», неверные мнения высказывают как почитатели, так и хулители Ермака. Однако если у первых ошибки не носят принципиального характера и обусловлены главным образом скудостью и сложностью источников, с разных позиций освещающих «сибирское взятие», то вторые демонстрируют либо полное незнание, либо абсолютное непонимание, либо крайне тенденциозную трактовку относящихся к нему фактов.

В обобщенном виде доводы противников «возвеличивания» Ермака сводятся главным образом к тому, что Ермак – «неоднозначный исторический персонаж» и «криминальная личность», «разбойник», «кровопийца», «завоеватель». Он «пришел с войной» в Сибирь и «истребил мирное население Сибирского ханства». «Не татары пришли с войной на русских, – подчеркивается в одном из заявлений, – а Ермак пришел с войной». И значит, памятники «надо ставить тем, кто героически защищал свое Отечество, а не тем, кто напал на чужое государство». И вообще, недопустимо постоянно напоминать татарам, что их «завоевали»...

Авторы подобных заявлений начисто игнорируют (либо просто не знают) предысторию похода Ермака в Сибирь, имеют весьма смутные представления о событиях, происходивших на территории бывшего Сибирского ханства как накануне, так и после ее включения в состав России. А при их оценке грубо нарушают главное, чем должен руководствоваться любой исследователь прошлого, – принципы историзма, суть которых выразил еще Н. М. Карамзин: «Мы должны судить о героях истории по обычаям и нравам их времени».

Последнее время приходится все чаще напоминать пишущей братии, что у каждой эпохи своя мораль, своя этика, нередко сильно отличающаяся от позднейших представлений о том, что «хорошо» или «плохо», что допустимо или неприемлемо во взаимоотношениях между людьми, народами и государствами. В частности, в Средние века сам по себе вооруженный захват чужих земель вовсе не считался чем-то предосудительным. Наоборот, такими приобретениями гордились, воспринимая их как проявление воли Всевышнего. И если они не встречали возражений со стороны других претендентов, то рассматривались всеми как законное право победителя. Именно так, кстати, отреагировали на извещение Москвы о завоевании Сибирского ханства европейские державы. А германский император Рудольф в грамоте, отправленной в 1600 году русскому царю, даже поздравил его с этой победой.

Но даже отказавшись от принципов историзма и подходя к обстоятельствам «сибирского взятия» с

позиций современной морали и этики, аргументацию противников увековечивания памяти Ермака придется признать несостоятельной. Напомню, что еще в 1555 году прибывшие в Москву послы правителя Сибирского юрта Едигера передали Ивану Грозному просьбу их государя о покровительстве. После долгих переговоров этот вопрос был для них решен положительно, и в 1557 году к титулу русского царя прибавился еще один – «всея Сибирския земли повелитель» (после чего, по представлениям той эпохи, территория Сибирского ханства уже могла на законных основаниях считаться присоединенной к Московскому государству, но раз уж мы отказываемся от принципов историзма, то абстрагируемся и от этой формальности). Однако в 1563 году при поддержке Бухары и ногайцев Сибирский юрт захватили братья Ахмад-Гирей и Кучум, при этом правившие им вассалы Москвы Едигер и его брат Бекбулат были убиты, а внешнеполитический курс их государства резко поменялся, особенно после того, как Кучум в 1569 году стал единоличным правителем ханства. Первое время он еще сохранял вассальные отношения с Москвой, но, узнав о ее сожжении при очередном крымском набеге (в 1571 году), разорвал их и активизировал антирусскую политику, после чего стал фигурировать в русских документах как «изменник».

Стремясь распространить свое влияние на народы не только Уральского, но и Поволжского регионов, сибирский хан стал переподчинять себе находившееся в российском подданстве мансийское население, подстрекал к антирусскому бунту марийцев, а в 1573 году бросил открытый вызов Москве: по его приказу был убит вместе со своей татарской свитой направлявшийся к казахскому хану Хакк-Назару царский посол Третьяк Чебуков. На уральские владения Московского государства начались регулярные вооруженные нападения со стороны Сибирского ханства, его вассалов и союзников. С 1572 по 1582 год было совершено не менее пяти опустошительных рейдов по русской территории, которые возглавляли то мансийские князья (Бегбелей, Кихек), то родичи самого Кучума (племянник Маметкул, сын Алей). Они «предавали огню и мечу» русские и мансийские поселения по Чусовой, Сылве, Косьве, Каме. От этих набегов в первую очередь страдали владения купцов и солепромышленников Строгановых, жаловавшихся царю, что «сибирцы» у них угоняют скот, выжигают деревни, убивают и захватывают в полон людей, «и промыслы у них в слободах отняли, и соли варити не дадут». Но кучумляне разоряли и другие земли русского Приуралья, осаждали даже Чердынь – главный город Пермского края, а Соликамск сожгли, вырезав почти всех жителей.

Ну и как должна была реагировать на такие эксцессы русская сторона? Строгановы отреагировали вполне адекватно – пригласили для защиты своих владений волжских казаков во главе с Ермаком. А тот, понимая, что «лучшая оборона – наступление», предпринял поход в Сибирь. Все это – к рассуждениям о том, кто на кого «пришел с войной» и кто первым «напал на чужое государство»...

Типичным искажением характера и хода «сибирского взятия» являются также его уподобления «избиению беззащитных туземцев», ибо татары не могли-де оказать Ермаку серьезного сопротивления из-за отсутствия у них огнестрельного оружия. «Силы были неравные, – излагает свое видение этих событий некто М. Х. Халитов. – Профессиональные убийцы, вооруженные огнестрельным оружием, расстреливали наших предков, как диких животных, в крови потопили их сопротивление. Привычные убивать всякого, кто попадетсЯ, к убийствам «туземцев»... относились как к тренировкам по мишеням».

Трудно представить себе более далекую от исторических реалий картину. Татарские воины (как и другие кочевники Евразии) являлись очень сильным противником. С «огненным боем» они были знакомы давно, и гром выстрелов вовсе не приводил их в ужас. Кучумляне, как правило, имели добротное холодное оружие и доспехи, а конструкция татарских луков к тому времени была доведена до такого совершенства, что позволяла успешно конкурировать с казачьими пищалями вплоть до XVIII века, практически не уступая им в дальности стрельбы, но превосходя в надежности и скорострельности. Единственное преимущество казачьих ружей над луками заключалось в том, что пуля, в отличие от стрелы, пробивала любой доспех, но это обстоятельство позволяло казакам лишь поддерживать своеобразное равновесие сил в сражениях с численно многократно превосходящим противником, которое, впрочем, сводилось на нет во время рукопашных схваток, тоже отмечаемых сибирскими летописями.

Главная причина побед Ермака заключалась, конечно же, не в пресловутом «превосходстве ружья над луком», а в полководческом таланте атамана, высоком боевом духе, мужестве и воинском умении его казаков, а также в самой тактике их продвижения вглубь Сибирского ханства. На своих стругах они были недоступны татарской коннице, и Кучуму, не имевшему речного флота, было сложно что-либо противопоставить казачьей «судовой войне» (как и правителям кочевых «орд» по другую сторону Урала, жаловавшихся, что «казаки приходят на них водяным путем... а на воде над ними промыслу никоторого не умеют учинить»).

* * *

Не подкрепляется фактами и причисление атамана Ермака к «криминальным личностям», ибо пока не найдено ни одного документально обоснованного подтверждения популярной версии о его непосредственном участии в грабежах и разбоях (с чем согласился даже немецкий историк Дитмар Дальман – при всем его, мягко говоря, критическом отношении к «покорителю Сибири»). Между вольным казаком и разбойником XVI века действительно порой трудно провести четкую грань, но только не в случае с Ермаком. Есть, правда, сведения, что незадолго до похода в Сибирь он отогнал у ногайцев табун лошадей, однако угон скота у соседей – обычное дело для обитателей степи, своеобразный «спорт»; у него и название есть – «баранта» (или «барымта»). Вместе с тем давно известно заслуживающее доверия сообщение о службе Ермака в царской армии на фронтах Ливонской войны. Конечно, далеко не у всех соратников Ермака была чистая биография: среди них встречались даже лица, приговоренные (за грабежи) к смертной казни. Но, судя по летописному сообщению, в Ермаковом войске была установлена строжайшая дисциплина, и потому все своеволия и конфликты в нем должны были сводиться к минимуму.

Потому-то известное по летописям поведение Ермака на территории Сибирского ханства совершенно не соответствует расхожим понятиям о «злодее-кровопийце», коим стремятся его представить иные татарские активисты. Разумеется, XVI век – время суровое, и казаки вели себя за Уралом в соответствии с нравами и обычаями своего времени. Но при этом в жестокости они вовсе не превосходили татар, совершавших набеги на русские земли. Ну, а сам Ермак проявил себя в ходе сибирской кампании и как выдающийся военачальник, и как человек с государственным мышлением, и раз продемонстрировавший незаурядный дипломатический талант, благородство и гуманное отношение к побежденным. Он быстро нашел себе союзников не только среди недовольного Кучумом ханты-мансийского населения, но и среди татар, освободил от уплаты ясака впавшее в нищету племя туралинцев, принял с честью плененного «царевича» Маметкула, несмотря на то что тот погубил немало русских людей по обе стороны Уральских гор, отказался принять в дар от одного из татарских князцов его дочь и запретил казакам прикасаться к ней. Да и смерть Ермака связана с приведшим его в ловушку порывом освободить бухарских купцов, якобы задержанных Кучумом на Вагае. Заслуживает внимания и тот факт, что в XVII веке сами же татары фактически обожествили «покорителя Сибири»: по их преданию, от тайной могилы Ермака исходил только им видимый свет и земля с нее имела целебные свой-

ства. А в тягубу за обладание снятым с тела Ермака панцирем, хранившимся более 70 лет в роду одного из татарских мурз, вынуждена была вмешаться царская администрация. Озвучиваемые ныне представления сибирских татар о Ермаке – это уже продукт новейшего времени...

Глубоко неправы обличители Ермака и когда пишут, что он «покорял татар». Не сибирских татар он покорял, а Сибирское ханство, и это две большие разницы. В ипостаси такого же «покорителя» за два десятка лет до того выступал и Кучум. Ведь он, в отличие от казненных им представителей местной династии (Едигера и Бекбулата), этническим татаринном не был. Кучум был Чингисидом (одним из потомков Чингисхана) и воцарился на сибирском престоле благодаря иностранной поддержке, придя в Сибирь из Бухары. Так что и Ермак, и Кучум – оба «завоеватели», оба для сибирских татар чужаки, но разница между этими «покорителями» принципиальна. Ермак «напал» на Сибирское ханство, чтобы пресечь набеги на русские земли с его территории, подчинив ее Московскому государству. Кучума же никакие набеги «сибирцев» на Бухару не беспокоили (ввиду их отсутствия), и он захватил Сибирский юрт лишь для того, чтобы сделать его своим владением и всемерно расширять во всех направлениях, включая западное. А методы правления Кучума своим ханством наглядно демонстрируют картинки из Ремезовской летописи (относящиеся к «статьям» 26 и 28). На них показана расправа «сибирского царя» над «абызами» и «волхвами», предсказавшими ему военное поражение. Особенно впечатляют изображения голых людей, привязанных за ноги или за руки к хвостам мчащихся по лугу лошадей...

* * *

Тем не менее получается, что для русских Ермак – герой, для татар – злодей. То есть усилиями некоторых представителей татарской общественности у нас складывается очередная ситуация, когда историческая память одного народа вступает в противоречие с исторической памятью другого народа. Как разрешать подобные дилеммы?

Задача не из простых. Во-первых, надо выяснять, мнение какой из сторон соответствует историческим реалиям. В нашем случае совершенно ясно, что позиция лиц, обвиняющих Ермака во всевозможных злодеяниях, находится в вопиющем противоречии с историческими фактами и уже потому не может быть принята ни в каком виде. А во-вторых, все неоднозначно трактуемые события необходимо рассматривать в исторической перспективе, с учетом нынешнего знания об их последствиях, то есть с точки зрения исторического прогресса. Это не всегда легко сделать прежде всего

потому, что само понятие прогресса многими считается условным и что далеко не все из уходящего шло во вред и не все из привнесенного идет на пользу человечеству. Однако улучшение или ухудшение качества жизни является все же универсальным критерием в оценках итогов затрагивавших социум событий, как и выводы о том, способствовали они поступательному развитию общества или толкали его назад. Как же оценивать с таких позиций поход Ермака, нанесшего смертельный удар Сибирскому ханству и тем самым положившего начало присоединению зауральских территорий к России?

Как мы выяснили, «Кучумово царство» не было государством татар, и нетрудно представить перспективы их дальнейшего пребывания в составе этого государства в случае сохранения им независимости. При самом благоприятном раскладе их ждала бы участь жителей слабого подобия хорошо известных нам Хивинского или Кокандского ханств, которые, наживаясь на работоторговле и контроле за торговыми путями, даже в конце XIX века являли собой редкий заповедник экономической, социальной, культурной и политической отсталости. А Россия, раздвинувшая благодаря походу Ермака свои пределы до Тихого океана, к тому времени стала одной из мировых держав, достигла грандиозных успехов в развитии экономики и культуры как в центре страны, так и на ее окраинах. Даже Фридрих Энгельс при всей его неприязни к России был вынужден признать, что она играет прогрессивную, цивилизаторскую роль по отношению к Востоку, особо выделив бассейны Черного и Каспийского морей, башкир и татар.

Некоторые представители татарской общественности давно настаивают на том, что жизнь сибирских татар в России была крайне тяжелой и едва не привела к полному вымиранию этого народа. А одна из современных сибирско-татарских активисток, решительный противник установки каких-либо памятников Ермаку Луиза Шамсутдинова в одном из интервью заявила следующее: «После присоединения Сибирского государства к Руси сибирские татары пережили настоящую трагедию, насилие, крещение. Шло уничтожение коренного народа – сибирских татар, шло обрусение».

Но это уже полный абсурд. На демографическую ситуацию Сибири, конечно, влияли разные факторы, в том числе крайне неблагоприятные: войны, эпидемии, неурожаи и падежи скота, «испромышление» охотничьих угодий; не прекращались и ассимиляционно-миграционные процессы. Тем не менее численность сибирских татар при всех колебаниях неуклонно росла, и если на рубеже XVI и XVII веков она составляла примерно 15–20 тысяч человек, то в 1897 году – почти 57 тысяч, в 1939 году –

около 80 тысяч, а по переписи 2010 года – 190 тысяч (всего же татар в Западной Сибири – с теми, кто переселился туда из европейской части страны, – более полумиллиона).

* * *

Как заметил доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров, «Ермак следовал принципам религиозной и национальной терпимости, благодаря реализации которых Россия стала многонациональным и многоконфессиональным государством, где сохраняются самобытные этносы со своей уникальной культурой». И положение сибирских татар в государстве Российском служит тому наглядной иллюстрацией.

В конце XVI и XVII веке судьба «сбитого с куреня» Кучума не слишком печалила его бывших подданных: они, видимо, хорошо помнили, каким образом он воцарился на сибирском престоле, и после постройки за Уралом первых русских городов стали охотно пополнять их гарнизоны, присягая на верность русскому «белому царю». И это тогда не считалось чем-то недостойным: к тому времени множество татар – касимовских, казанских и других – уже находилось на русской службе, и их переход на нее целиком укладывался в феодальный менталитет, подразумевающий, что воины служат не столько «стране» или «народу», сколько государю – сюзерену, которому присягнули. А смена сюзерена в феодальном обществе была делом обычным.

При некоторых сибирских гарнизонах (тобольском, тюменском, томском, тарском, красноярском) появилась даже особая категория ратных людей – «юртовские служилые татары». Они сохраняли мусульманскую веру и родовые земельные владения, размеры которых позволяли обеспечить безбедное существование не только своим хозяевам и их семьям, но и их многочисленным «захребетникам». При этом рубежи государства Российского служилые татары защищали порой более ревностно, чем русские казаки и стрельцы, упрекая их в недостаточном рдении великому государю. Показательно, что в сибирской столице – Tobольске – служилыми татарами «ведал» соратник Ермака Черкас Александров, и в 1598 году они с ним участвовали в походе, закончившемся окончательным разгромом Кучума на Оби возле Ирменского бора. А во время Смуты начала XVII века татары находились в числе сибирских служилых людей, влившихся во Второе ополчение (Минина и Пожарского): их привел в Ярославль касимовский «царевич» Араслан (между прочим, внук хана Кучума). Конечно, далеко не все татары «Кучумова царства» готовы были сразу же сменить сюзерена и присягнуть русскому царю, но даже те из них, кто ушел в степи с уцелевшими сыновьями сибирского хана, совершая отту-

да набеги на российские владения, в конце концов поняли бесперспективность и ненужность борьбы с Россией и стали переходить в ее подданство.

Сибирские татары, не занятые военной службой, в массе своей тоже отнюдь не бедствовали и в обеспечении земель, как правило, находились в более выгодном положении, чем русские поселенцы, вынужденные вплоть до 1930-х годов арендовать у татарских соседей покосы и пастбища или пользоваться этими угодьями «по упросу» и какому-нибудь «полюбовному договору». О широком распространении такой практики я впервые узнал еще будучи студентом, в 1968 году, когда в этнографической экспедиции расспрашивал о прежней жизни стариков из деревень на берегах Тобола. А доктор исторических наук А. Л. Вычугжанин недавно нашел в газете «Тифлисский листок» от 10 октября 1917 года любопытную заметку следующего содержания: «Среди татар Тобольской губернии в последнее время появилось крайне опасное течение под флагом «Давай царя». Движение растет, захватывая все больше и больше татарских селений. Татары Тобольской губ. в большинстве являются крупными земельными собственниками, за которыми земельные угодья закреплены жалованными царскими грамотами. Татары боятся, что новый строй отнимет у них земли...»

Ну, а чтобы понять беспочвенность обвинений российских властей в «насильственной христианизации» сибирских татар, достаточно ознакомиться со списком населенных мест Тобольской губернии по сведениям 1868–1869 годов. Там при большей части татарских деревень тот же А. Л. Вычугжанин обнаружил указание на наличие мечетей.

* * *

Помнится, в 1968 году меня приятно удивил добрососедский характер отношений в Сибири между русскими и татарами; особенно впечатляли их рассказы о том, как они ездили друг к другу в гости – «чай пить». Сам же я встречей с сибирскими татарами был просто очарован: они оказались людьми на редкость приветливыми, радушными, доброжелательными, красивыми и совершенно свободными от комплексов по поводу событий, произошедших на их земле четыре столетия назад (хотя и знали о них). Правда, общался я тогда исключительно с «сельскими тружениками». А вот от моего более позднего знакомства с представителями «национальной интеллигенции» впечатления оказались совсем другими.

В июле 1991 года я участвовал в работе круглого стола, посвященного обсуждению сценария фильма «Ермак» (режиссеров В. А. Краснопольского и В. И. Ускова). Позиция присутствовавших на этом мероприятии членов Ассоциации татар Тюменской

области «Сыбыр» была крайне жесткой и непродуктивной. Воспроизведя практически тот же набор «доводов», который ныне используют противники установки памятников Ермаку, они требовали, чтобы «покоритель Сибири» был показан в фильме как однозначно отрицательный персонаж, вызывая у русских лишь чувство глубокой вины перед татарами за содеянное 400 лет назад. Иные мнения, не смотря на всю их обоснованность, татарская сторона просто не воспринимала, и разгоревшаяся на круглом столе дискуссия (в которой между делом зашла речь и о желании сибирских татар иметь в России свою республику) оставила крайне неприятный осадок...

Складывается впечатление, что среди татарской интеллигенции сложилась весьма деятельная группа, которая одержима идеей во что бы то ни стало рассорить свой народ с русскими, для чего готова использовать любой повод – будь то фильм, памятник или национальные обиды многовековой давности. Влияние этой группы, конечно, не надо преувеличивать. Как заметил один из инициаторов присвоения тобольскому аэропорту имени Ермака директор Тобольской комплексной научной станции Игорь Ломакин, «в целом местные татары к Ермаку относятся сдержанно. Они не почитают его, как русские, но относятся терпимо». Вполне адекватные, образованные представители сибирско-татарской общественности тоже не редкость. Одним из них является глава Омской татарской культурно-национальной автономии Рафаэль Забиров, который заявил: «Ермак принес сюда государство Российское, чему мы рады. Поэтому, я думаю, таким людям, как Ермак, мы сейчас обязаны тем, что у нас прекрасная страна, крепкая, сильная. Мы живем в мире. Мы не делились, мы делали общее дело, государство Российское мы поднимали все вместе. Нам нечего делить, мы должны радоваться, что у нас такая прекрасная страна!»

О том, что Р. Забиров вовсе не одинок в этом своем мнении, свидетельствует и частота татарских свадеб, проводимых на территории созданного А. Г. Елфимовым парка «Ермаково поле». Или, например, такой комментарий к ситуации, сложившейся вокруг установки поклонного креста дружине Ермака: «Я татарка, всю жизнь живем на Тюменской земле... В свое время мои бабушка и дедушка приехали ликвидировать неграмотность, стали основателями одной из школ в Вагайском районе. Я давно уже переехала в Тюмень, мои родные в районе. Никаких радикальных течений по вопросу установления памятника Ермаку нет. Это чисто пиар-ход госпожи Шамсутдиновой. Есть некоторые личности, как Шамсутдинова, Марганова, Абукин, которые жаждут власти, но никак не удается. А тут можно разжечь пламя из ничего. Не нужно обращать на них

внимания, все само исчезнет. Мы не против никаких памятников».

Однако пока в информационном пространстве превалируют противоположные такой позиции мнения, в том числе распространяемые из-за рубежа. Их транслируют не только активисты Всемирного конгресса татар, но и не связанные с ним граждане, казалось бы, дружественных (и даже союзных) нам государств, и первое место среди них занимает Казахстан. Там еще накануне развала СССР разогрелись страсти по поводу наличия в русскоязычной (как и весь Северный Казахстан) Павлодарской области города с названием Ермак и нахождения в нем памятника прославленному атаману, воздвигнутого в начале 1960-х годов от имени «благодарных потомков – целинников».

Так, преподаватель Казахского педагогического института им. Абая филолог Ж. М. Куанышалин (позднее известный как активный противник любых союзов с Россией) вопрошал со страниц журнала «Вопросы истории»: «Справедливо ли, что в Казахстане город, сельский район, ГЭС и другие объекты носят имя... завоевателя этих мест Ермака, там же ему воздвигнут величественный памятник, в то время как мало кто даже из лучших представителей казахского народа удостоен подобных почестей?» «В памяти казахского народа до сих пор жива рана, нанесенная ордой Ермака – разбойника и завоевателя, – возмущался на страницах журнала «Родина» писатель Смагул Елубаев. – Даже царская Россия не осмеливалась ставить памятник разбойнику там, где оставались его кровавые следы (о памятнике Ермаку в Тобольске, поставленном в 1838 году, г-н Елубаев, видимо, не знал. – Н. Н.). Но в советский период... партократия во главе с Никитой Хрущевым не только воздвигла монумент в честь главара шайки, но и назвала его именем город в сердце (? – Н. Н.) Казахстана. Это был открытый, беззащитный жест неокOLONиализма».

Абсурдность этих заявлений и невежество их авторов состояли в незнании не только маршрута похода Ермака (вверх по Иртышу он продвинулся чуть дальше Ишима, то есть не дошел до Казахстана сотни километров), но и того, что Ермак в то время был, по сути дела, союзником казахов в борьбе с Сибирским ханством.

Столь же далекими от истины являлись утверждения директора Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР академика М. К. Козыбаева. Он был не менее суров в характеристиках Ермака и в своих работах, опубликованных в 1990–1991 годах, называл его не иначе как «разбойник с большой дороги», «убийца в ранге святого». Козыбаев утверждал, что Кучум-де по этническому происхождению был казаком, что Сибирское ханство «имело непосредственное отношение к казахам» и

потому поход Ермака – это один из эпизодов экспансии России против казахского народа.

В 1992 году памятник Ермаку в одноименном городе снесли бульдозером, сам город переименовали в Аксу, но антиермаковская кампания в Казахстане не затихала и все более превращалась в антироссийскую, чему в немалой степени поспособствовал не кто-нибудь, а сам президент этой «братской» нам республики. В 1992–2016 годах Н. А. Назарбаев неоднократно говорил о завоевании и «колониальном порабощении» казахского народа Россией, и как ответ на эти заявления в Казахстане появилось целое направление в историографии, в котором все действия России в Сибири и Центральной Азии рассматриваются как однозначно захватнические, агрессивные. Одним из авторов таких работ является доктор исторических наук М. Ж. Абдиров. В своей книге, вышедшей в 2000 году, он пишет, что национально-освободительная борьба казахского народа против России началась «именно с хана Кучума», который-де остановил русское продвижение в Казахстан почти на целый век, и потому нужно «отдать должное его заслугам».

Надо ли после этого удивляться тому, какое направление получило развитие межнациональных отношений в суверенном Казахстане? Стоит ли поражаться массовому оттоку русского населения из этой республики, еще недавно считавшейся живым воплощением мечты о дружбе народов? А ведь начиналось все, казалось бы, с пустяка – с выражения недовольства сооружением памятника Ермаку...

В постсоветской России тоже немало историков, негативно воспринимающих личность Ермака. Так, известный исследователь екатерининской эпохи А. Б. Каменский еще в 1992 году сравнивал «сибирское взятие» с преступлением и заявлял, что оценки действиям таких фигур, как Ермак, надо давать именно с современных морально-этических позиций. В последнее время число подобных высказываний сильно возросло, но их авторы по-прежнему демонстрируют крайне слабое знание предыстории и истории похода Ермака.

Среди них кандидат исторических наук Ф. А. Байрамова, защитившая в 2006 году диссертацию о репрессированном в 1936-м историке Поволжья, апологете Казанского ханства М. Г. Худякове, но известная в первую очередь как активный деятель радикального движения за полную независимость Татарстана, дважды осужденная (условно) по статьям о разжигании межнациональной розни. Обратившись («как историк») к фигуре Ермака, она прежде всего стала отрицать наличие у него полководческих талантов, потому что «он завоевал только одну из столиц Сибирского ханства – город Искер. И то

он не сам завоевал, а Кучум-хан ему позволил» и «на протяжении двух лет морил его и его войско голодом. А через два года Ермак попытался сбежать оттуда». Вот и все «сибирское взятие» в представлении Ф. А. Байрамовой! Никаких, стало быть, сражений и проявлений ратной доблести. У Байрамовой получается, что, сидя два года в осажденном Искере и погивнув при попытке сбежать оттуда, Ермак успел каким-то образом совершить «много жестокоостей» против татар: «обокрал, убивал, насильно крестил жителей татарских деревень». Что ж, созданный воображением г-жи Байрамовой образ казачьего атамана, занимающегося крещением жителей, пожалуй, красноречивее всего показывает степень ее понимания реалий XVI века.

Кандидат исторических наук из Тобольска З. А. Тычинских – признанный специалист по истории служивых татар Сибири и, как и Ф. А. Байрамова, противник установки любых памятных знаков Ермаку – неприятно удивила упреками своих оппонентов за стремление «возвести фигуру Ермака на самый-самый высокий пьедестал» и «создать вокруг него такой ореол сказочности, былинности». Неужели г-жа Тычинских не знает, что такой «ореол» Ермаку уже давно создан, и не какими-то современными энтузиастами, а русским народом? Ведь «покоритель Сибири» – один из самых любимых героев русского эпоса. Достаточно сказать, что большинство дошедших до нас исторических песен о событиях XVI века посвящено именно Ермаку. Изучению этого феномена посвящено немало работ историков и филологов, он даже является предметом диссертационных исследований.

Уделил ему внимание и крупный специалист по истории Сибири М. М. Громыко. «Большой популярностью пользовалась у крестьян фигура Ермака Тимофеевича, – пишет она в своей монографии о крестьянском менталитете. – Особенно значительным было его место на Дону и в среде уральских и сибирских крестьян. Здесь он приобрел даже некоторый ореол святости. Во второй половине XVII века голландец Николай Витсен писал о Сибири: «Русские, живущие в этой стране, еще до сего времени молятся на этого Ермака, смотря на его дело как на святое...» В 1842 году П. И. Мельников-Печерский в «Дорожных записках на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» рассказывал о Приуралье: «Ермак живет в памяти жителей Пермской губернии, много преданий и песен о нем сохранилось до сих пор. В селах и деревнях у всякого зажиточного крестьянина, у всякого священника вы встретите портрет Ермака»... Это же отметил позднее П. И. Небольсин для Тобольской губернии».

Известно множество народных песен, легенд, сказаний, где Ермак действительно выглядит сказочным, былинным богатырем. И причины того эле-

ментарны и не имеют никакого отношения к какому бы то ни было шовинизму (в чем нередко обвиняется русский народ): поход Ермака стал одним из завершающих эпизодов тяжелой, изнурительной борьбы Руси с наследием ордынского ига и воспринимался народом как очередной акт отмщения за причиняемое врагами «зло». После свержения этого ига в 1480 году образовавшиеся на развалинах Золотой Орды «царства» (в числе которых был и Сибирский юрт) еще долго терзали Русь опустошительными набегами, сжигая села и города, увозя в рабство или убивая самым жестоким образом множество мирных жителей. О сожжении крымскими татарами Москвы в 1571 году уже упоминалось выше. В целом же о масштабах урона, наносимого стране осколками Золотой Орды, можно судить хотя бы по таким данным: в Казанском ханстве накануне его завоевания Иваном Грозным находилось не менее ста тысяч русских пленников, а сколько их к тому времени было продано в рабство на рынках Крыма, Средней Азии и Северной Африки, вообще не поддается исчислению. В Крым с территории Московского государства лишь за первую половину XVII века было угнано не менее 150–200 тысяч человек. Это огромные потери для страны, численность населения которой на период с середины XVI по середину XVII века составляла всего 6,5–7 миллионов человек.

117

Впечатляют и дошедшие до нас воспоминания современников. Вот что, например, писал автор знаменитой «Казанской истории»: «И было тогда беды за многие годы от казанцев и черемисов больше, чем при Батые. Батый единожды Русскую землю прошел, как молнии стрела. Казанцы же не так губили Русь, никогда из земли Русской не выходили: когда с царем своим, когда с воеводами воевали Русь и посекали, как сады, русских людей... Многие грады русские разрушены, и травой и быльем заросли села и деревни, многие области опустели от варваров. И продавали русский плен в дальние страны, где вера наша неизвестна, и выйти оттуда невозможно...»

А вот слова князя Андрея Курбского, не понаслышке знавшего проблемы с обороной южных и восточных рубежей Московского государства: «Безчисленными пленными варварскими, ово от царя перекопского, ово от татар ногайских, сиречь заволских, а наипаче и горши всех от царя казанского... уже было все пусто и за осмьнадесят миль до Московского места...»

Об обращении татар с русским «полоном» современники тоже оставили весьма красноречивые свидетельства. Как писал в середине XVII века французский военный инженер на польской службе Гийом Боплан, «самое бесчеловечное сердце содрогнулось бы при виде того, как разлучаются муж

с женой, мать с дочерью, без всякой надежды увидеться когда-нибудь, отправляясь в прискорбную неволю, к язычникам-магометанам, которые наносят им бесчисленные оскорбления. Грубость их позволяет им совершать множество самых грязных поступков: обесчещивать девушек и насиловать женщин в присутствии их отцов и мужей и даже делать обрезание детям на глазах их родителей, чтобы обратить их в магометанскую веру. Наконец, самые бесчувственные сердца дрогнули бы, слыша крики и пение среди плача и стонов этих несчастных русских... Эти несчастные разлучены, чтобы быть отправленными в разные стороны: одни – в Константинополь, другие – в Крым, третьи – в Анатолию и т. д.».

Для защиты мирного населения от татарских набегов правительство шло на беспрецедентные по масштабам и дороговизне меры: от польской границы до предгорий Урала была построена непрерывная цепь укреплений, состоящая из крепостей, валов, частоколов, надолб, засек. Вдоль этой «черты» (представлявшей собой, по сути, древо-земляной аналог Великой Китайской стены, прикрывавшей Поднебесную от вторжений из степи) были размещены внушительные военные силы, была до совершенства отлажена разведывательно-сторожевая служба, однако полностью пресечь вражеские вторжения эти меры не смогли. Покончить с исходящей от осколков Золотой Орды опасностью удавалось только после их включения в состав России. Поэтому нетрудно представить, какой отклик должна была получить в стране весть о том, что уже не грозный царь, а какой-то казачий атаман разгромил еще одно «татарское царство»!

На большей части российской территории реальная сторона событий, связанных с именем Ермака, вскоре забылась, но память о нем как великом ратоборце, народном заступнике и герое навеки осталась, воплощаясь даже в былинные образы, вплоть до превращения знаменитого атамана в соратника самого Ильи Муромца. Как заметил один из лучших знатоков русского фольклора Л. Н. Пушкирев, «сам факт превращения казачьего атамана в русского богатыря следует рассматривать как феномен народного сознания, как оценку подвига исторического деятеля народом».

Примечательно, что никто из первопроходцев, пошедших далее в Сибирь по проложенному Ермаком пути, не был удостоен подобной чести и славы. И понятно почему: они уже воевали с народами, которые, в отличие от татар, были неизвестны в коренной России. По той же, в принципе, причине не стали героями испанского народа конкистадоры, завоеватели Америки: их противник, в отличие от мавров, был на родине тоже неизвестен. Тем не менее многие историки и публицисты любят уподо-

блять Ермака конкистадорам типа Кортеса и Писарро, а индейцев – сибирским аборигенам. Но это крайне некорректные сопоставления. Во-первых, ни ацтеки, ни майя, ни другие индейские племена никогда не совершали набегов на Испанию и не угоняли тысячи ее жителей в рабство. Во-вторых, военное-техническое превосходство европейцев над их противником в Новом Свете не идет ни в какое сравнение с военным превосходством русских над татарами, о чем уже шла речь выше. И в-третьих, совершенно несопоставимы судьбы большинства аборигенов Америки и Сибири: хорошо известно, что если общая численность коренного населения, проживавшего, например, на территории США, с XVI до начала XX века в несколько раз уменьшилась, то на пространстве от Урала до Тихого океана она за это же время в несколько раз увеличилась...

* * *

В обращениях татарской общественности в инстанции по поводу «восхваления Ермака» обычно красной нитью проходит мысль о необходимости уважительного отношения к национальным чувствам любого народа. Мысль, безусловно, верная. Вот только одна незадача: «подписантами» почему-то не учитывается, что их выпады против Ермака, основанные на незнании исторических фактов или их тенденциозной трактовке, тоже могут оскорблять чьи-то национальные чувства. Особенно если в своем критиканском раже иные татарские активисты доходят до абсурдных обвинений Ермака в никогда не совершаемых преступлениях и даже до сравнений его с... Гитлером (как это делает, например, кандидат филологических наук Насия Уразова).

А ведь речь в данном случае идет об очернении не просто любимого героя народных преданий, а знаковой фигуры нашей истории, запечатленной, кстати, в ряду ее выдающихся деятелей на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. С фигурой атамана Ермака связаны события глобальной для целого континента значимости. Они по достоинству оцениваются историками и уже давно привлекают внимание своим высоким драматизмом людей творческого склада, и в первую очередь писателей.

Да и как не привлечь? Отряд казачьей вольницы, уйдя от утеснений с Волги на Каму к позвавшим их для защиты купцам Строгановым, отправляется в неведомую Сибирь, кажется, на верную (ввиду близкой зимы) гибель. Но, очутившись в «незнакомой», суровой стране за сотни верст от родной земли, эта предоставленная самой себе горстка людей, эта «частица Руси, далеко залетевшая», три года держится в Сибири, побеждая многочисленных врагов и обретая неожиданных друзей. Казачья дружина отчаянно сопротивляется превратностям

судьбы, тает, претерпевает величайшие из мыслимых в то время невзгод, и все это в одной лишь надежде на помощь Руси. Кроме вражеских стрел на них обрушиваются лютые морозы, болезни и голод. Многоопытный в интригах и ратных делах противник пускает в ход всю свою военную мощь и неистощимое коварство, нанося казачьему войску как массированные, так и тонко продуманные, неожиданные удары. Ермак воочию являет самоотверженность и личное мужество, незаурядный воинский и дипломатический талант, и хотя не избегает роковых ошибок, но не теряет власти над войском и его доверия, оставаясь до конца верным «товариществу» и избранному пути. Вплоть до последнего боя Ермака его войско выходит с честью из всех передраг. И только гибель атамана, бывшего, судя по всему, инициатором и душой казачьего предприятия, заставляет его уцелевших соратников «уйти на Русь» – буквально перед самым приходом долгожданной подмоги... Разве это не драма, достойная внимания художников?

Простой перечень посвященных Ермаку литературных произведений составил бы целую книгу, однако суть всех содержащихся в них высказываний о «покорителе Сибири» сводится к признанию того, что именно благодаря ему наша страна существует в своих нынешних пределах. «Словно брешь пробил Ермак в стене, сдерживавшей напор колоссальных, пробудившихся в народе сил», – писал Игорь Забелин. Николай Коняев называл Ермака человеком, «продвинувшим Русь в сибирские просторы». Широко разошлись и слова Валентина Распутина, заметившего, что именно благодаря Ермаку и его дружине Русь обрела Сибирь и «стала Россией». Неужели очернители образа Ермака, пытающиеся воспрепятствовать установке ему памятников, не понимают, что своими действиями они оскорбляют и память этих достойнейших людей?

Ситуация вокруг поклонного креста в Тобольске не оставила равнодушным и нашего знаменитого путешественника Федора Конюхова. В своем письме главе администрации Тобольска М. В. Афанасьеву он напоминает: «Ермак со товарищи положили начало присоединению Сибири к России, что на века стало залогом ее могущества». За сооружение памятников Ермаку и присвоение его имени тобольскому аэропорту высказывались и другие медийные персоны: писатели Александр Проханов и Захар Прилепин, публицист Егор Холмогоров и журналист Сергей Мардан, публицист и телеведущий Анатолий Вассерман и многие-многие другие. На их стороне выступил и директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров.

Порой выступления в защиту памяти о Ермаке носили крайне эмоциональный характер, как, например, у члена Союза писателей, тележурналиста

и общественного деятеля В. Е. Хомякова, заявившего: «Сибирь без Ермака – это все равно что Россия без русских. Нужна ли нам такая Сибирь и такая Россия?» Не менее резки в своих суждениях были активисты казачьего возрождения, воспринявшие «наезды» на легендарного атамана как вызов казачеству и проверку его сплоченности. «Сможем ли мы, казаки, отказаться от своих героев в угоду ничтожным личностям? Начнем ли мы каяться и становиться на колени, как это делают сегодня в США? Перепишем ли мы свою историю и историю России в угоду тем, кто повышает уровень межнациональной напряженности в нашей стране?» – с этими словами обратился к казачьей аудитории А. В. Бредихин – кандидат исторических наук и советник атамана одного из казачьих союзов.

Как видим, обострение межнациональных отношений в Сибири уже произошло, но вызвано оно было не намерением установить поклонный крест Ермаку или присвоить его имя тобольскому аэропорту, а протестными выступлениями, организуемыми некоторыми представителями татарской общности. Именно их действия приводят к тому, что личность Ермака, которая при объективном ее освещении могла бы стать консолидирующей для русского и нерусского населения Сибири, превращается в фигуру раздора. А самое печальное, что и в этой, и в других подобных ситуациях местная власть обычно прогибается под давлением агрессивных невежд и тем самым умножает их ряды и стимулирует новые нападки на героев нашей истории...

Впрочем, власти этой, конечно же, нелегко выбирать наиболее оптимальную позицию в подобных спорах. Ведь острота конфликта из-за поклонного креста и наименования тобольского аэропорта усугубилась тем, что в числе противников увековечения памяти Ермака оказались не только активисты татарских общественных организаций. На их стороне выступили и весьма авторитетные персоны, например известный казанский этнолог, доктор исторических наук Д. М. Исхаков, назвавший почитателей Ермака «шовинистами», или доктор исторических наук, профессор Тюменского университета А. П. Ярков, считающий, что, назвав аэропорт именем Ермака, мы «раскачаем лодку». А известный московский журналист и общественный деятель либерального толка Н. К. Сванидзе свою позицию обозначил так: «Если эта идея встречает неприятие у части общества, значит, нужно от нее отказаться... Неважно, какое количество «за» и какое «против». Если какое-то количество против, значит, это уже делать нельзя... Это касается всех противоречивых фигур». Такими фигурами г-н Сванидзе назвал кроме Ермака Дзержинского и Сталина, но почему-то не упомянул Солженицына и ака-

демика Сахарова, а ведь памятники им были поставлены, несмотря на неоднозначное отношение к этим личностям значительной части нашего общества. Видимо, ее мнение Н. К. Сванидзе и его единомышленники не считают нужным учитывать...

Итоги полемических баталий вокруг поклонного креста и названия тобольского аэропорта оказались таковы: крест дружине Ермака в своем парке А. Г. Елфимову в конце концов удалось поставить, а вот возможности тобольчанам проголосовать за Ермака при выборе названия аэропорта предоставлено так и не было. Кому-то это может показаться компромиссом, но большинство «дискуссантов» восприняли такое решение как поражение патриотических сил, как отсутствие у местной власти чувства гражданской ответственности перед обществом. Их настроение предельно ясно выразил упомянутый выше В. Е. Хомяков: «Толерантное помещительство крепчает, как и всякая болезнь, если ее не лечить, и рано или поздно перерастает в очередное безумие, которое уже не лечится. В Прибалтике и на Украине, например, недавно тоже памятники сносить полюбили, а теперь там нацисты с факелами шествия устраивают. Это и есть то безумие, к которому под видом «борьбы с разжиганием» рано или поздно приведут люди, воюющие с памятью».

Действительно, если абсурдные национальные обиды многовековой давности будут культивироваться и «встречаться с пониманием» властью, следует ожидать лишь усиления тенденции к дегероизации российской истории, четко обозначившейся в последнее время. Из пантеона национальных героев, наверное, будет изъят Дмитрий Донской (он же воевал с «татарами!»), а из списка Дней воинской славы России придется убрать Куликовскую битву («чтобы не напоминать татарам, что их покорили»). А там и до ликвидации других символов русских побед дело дойдет. Мы же хотим жить в дружбе со всеми народами...

Недавняя кампания за океаном по сносу памятников Колумбу и отцам-основателям США должна насторожить и нас. Америка-то подобные умопомешательства переживает, а вот в России они могут привести к более тяжелым последствиям, чем изменение архитектурного облика городов.

«Можете себе представить, что в нашей стране когда-нибудь возникнет дискуссия об уместности, например, памятника Хабарову в городе, названном его именем?» – такой вопрос был задан доктору исторических наук А. С. Зуеву, крупному специалисту по проблемам присоединения Сибири к России. Вопрос этот был, что называется, с подковыркой. В отличие от Ермака землепроходец Ерофей Хабаров являлся типичным конкистадором, и многие его поступки в ходе «покорения Приамурья» крайне далеки от современных представлений о

морали и этике. Но ответ А. С. Зуева расставил все точки над і: «Памятник, даже персональный – это всегда память о чем-то и символизация чего-то. Памятник Хабарову – это память об освоении Приамурья русскими людьми, и не только русскими, но и представителями других народов России. Поэтому, на мой взгляд, подобная дискуссия означала бы появление сомнений в праве России на Приамурье».

Солидаризируясь с этими словами А. С. Зуева, в свою очередь не могу удержаться от вполне естественных в данном случае аналогий и вопросов. Поскольку фигура атамана Ермака ассоциируется у нас с началом присоединения Сибири к России, не проявляется ли в попытках воспрепятствовать увековечиванию его памяти простое желание оспорить права России на всю территорию от Урала до Тихого океана?..

* * *

В обсуждении ермаковской темы всплыл еще один немаловажный нюанс: противники увековечивания памяти о Ермаке любят подчеркивать, что они представляют коренной народ региона и, следовательно, их голос в сложившейся ситуации должен иметь особую значимость и наибольший вес. «Тут хозяева мы!» – заявляет уже упоминавшаяся противница установки поклонного креста Ермаку, председатель совета региональной татарской общественной организации «Наследие» по Тюменской области Луиза Шамсутдинова.

Сибирские татары действительно являются коренными обитателями Северной Азии, однако хорошо известно, что на основной территории своего нынешнего расселения их предки обосновались только в XIV–XV веках, то есть всего за столетие до прихода русских. Выходит, что пять веков проживания на одном месте дают на него какие-то особые права, а четыре – нет? Несерьезно это...

Около 90 % населения Сибири и 80 % всей России составляют русские, и публичные проявления неуважения к «государствообразующему этносу» страны могут иметь для нее самые пагубные последствия. Небрежение национальными интересами и чувствами русского народа у нас, конечно, имеет давние традиции. Проявляется оно и в открытом глумлении над отечественной историей. Пик его, как известно, пришелся на 1920-е и середину 1930-х годов, время господства в нашей историографии «школы» М. Н. Покровского. Ее сторонники, выдергивая из общей канвы событий лишь выгодные им моменты (а то и вовсе не утруждая себя поисками доказательств), в своих разоблачениях «царизма» более всего поливали грязью как раз полководцев, защищавших и расширявших границы государства Российского. Тогда же некоторые большевистские вожди называли русский народ

«нацией обломовых», «великой только тем, как велик держиморда». Демьян Бедный высмеивал русских былинных богатырей. Комсомольский поэт Джек Алтаузен призывал расплавить памятник Минину и Пожарскому («Подумаешь, они спасли Рашею! А может, лучше было б не спасать?»). И лишь когда «запахло жареным» ввиду приближения войны, власти опомнились и пошли на серьезную корректировку идеологического курса. А 7 ноября 1941 года с трибуны Мавзолея уже во всеуслышание прозвучал призыв вдохновляться «мужественными образами наших великих предков», среди которых были упомянуты и Минин с Пожарским, и Дмитрий Донской с Александром Невским, и Александр Суворов с Михаилом Кутузовым, – те военачальники, в деяниях которых еще недавно историки «школы» Покровского не усматривали ничего, достойного подражания и уважения.

Тогда обошлось, за страну отчаянно сражались даже те представители «нации обломовых», у которых не было причин любить власть: «пламенные интернационалисты» не успели вытравить чувство патриотизма из русского народа. Сейчас ситуация сложнее. На границах у нас опять «тучи ходят хмуро», однако «покровщина», вернувшись к нам в лихие девяностые (пусть и без теорий торгового капитала и классовой борьбы), всю процветает, не встречая никакого противодействия со стороны властей и принимая порой весьма изощренные, но по-прежнему оскорбительные для русского народа формы. Такие, например, как борьба с памятниками его героям...

Сейчас уже мало кто сомневается в том, что основной причиной развала СССР и установления в бывших союзных республиках этнократических режимов стали ошибки в проводимой правящей партией национальной политике. Вспомним ее некоторые постулаты. Главной опасностью для международного мира в стране объявлялся «русский великодержавный шовинизм» (который долгое время усматривался практически в любом проявлении русскими своей национальной идентичности). Предлагалось различать национализм «больших» и «малых» народов и к последнему относиться снисходительно, объясняя его в первую очередь реакцией на национализм «большого» (то есть русского) народа. Ну и где в итоге рвануло? 1988 год – Сумгаит (резня армян в Азербайджане). 1989 год – Фергана (погромы турок-месхетинцев в Узбекистане).

Что, к этим событиям были причастны «русские шовинисты»?..

Уже три десятилетия в нашей стране господствует не коммунистическая, а либеральная идеология, но национальная политика властей, в принципе, не меняется. Они по-прежнему готовы идти на уступки элитам «малых» народов в ущерб интересам «большого» народа, подкрепляя такую позицию на сей раз уже либеральными постулатами – о главенстве частного над общим, о приоритете интересов меньшинств перед интересами большинства и так далее. «Нас пытаются затолкать в мир, где правят меньшинства» – так характеризует эту ситуацию известный политолог Дмитрий Евстафьев.

От высших должностных лиц государства порой доводится слышать, что если будут чем-то обижены национальные меньшинства, «то мы потеряем страну». Но не больше ли шансов ее потерять, если в ущемленном положении будет постоянно находиться «национальное большинство»? «Если русские не будут чувствовать себя хозяевами своей страны, Россия разрушится», – заявляет еще один известный политолог Сергей Михеев, и он, безусловно, прав.

Как заметил А. И. Вдовин, один из ведущих специалистов в области исследования межнациональных отношений, «осмысление исторического пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской империи в 1917 году и Советского Союза в 1991 году заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе «империи», утрачивающей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей... Русский народ в массе своей не рассматривал страну как свое национальное государство, поэтому не стал защищать ее от распада ни в 1917-м, ни в 1991-м».

Неужели мы так никогда и не научимся извлекать уроки из трагических событий прошлого? А может, кто-то из сильных мира сего именно на это и рассчитывает? И на таких расчетах будет и далее строить свою политику, направленную на уничтожение России?..

Опубл.: Проблемы новой и новейшей истории России. – Москва: АИРО-XXI, 2022. – С. 8–36.

ЗВЕЗДЫ НАД ДОНБАССОМ

С 3 по 7 мая в ДНР, в Мариуполе, прошел V Международный литературный фестиваль «Звезды над Донбассом». Фестиваль организован Общественной палатой ДНР при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. В фестивале приняли участие более 300 прозаиков, поэтов, актеров, музыкантов. Десятки и десятки мероприятий, выступлений перед бойцами, семинаров, мастер-классов, спектаклей, лекций и дискуссий. На фестивале представили «Азбуку Донбасса», «Азбуку Херсона», сборники и антологии «Пароход современности», «#ЮныйДонбасс», «Война и мир: Великая Отечественная война в русской поэзии XX–XXI вв.», «Поэзия русского лета», «Великий Блокпост». О своих книгах рассказали поэты Игорь Караулов, Анна Долгарева, Анна Ревякина, Дмитрий Артис, Елена Заславская. Журнал «Огни Кузбасса» на фестивале представляли поэт Дмитрий Мурзин и литератор Александр Мухарев.

Предлагаем вашему вниманию стихи участников фестиваля.

Дмитрий АРТИС,
г. Домодедово

* * *

*В одночасье страна разделилась на две,
у обеих расквашена морда...
Светлоликие эльфы с дырой в голове
саранчой налетели на Мордор.*

*Небеса, будто веки, поднял доброхот.
По классическим правилам шахмат
светлоликие первыми сделали ход,
пока орки корячились в шахтах.*

*Присосались к земле озорным хоботком,
не стесняясь отсвечивать задом,
и пищат: «Выходите на драчку бегом
из рабочего ада.*

*Выходите, иначе дома подожжем...
Только миру окажем услугу,
как детей ваших вырежем, мамок и жен
с удовольствием пустим по кругу».*

*Где-то еж копошился в зеленой траве,
одуванчик обнюхивал заяц,*

*расписная свистулька с дырой в голове
у плохого мальчика оказалась.*

*«Выходите, оценим бесстрашный порыв –
на осинах развесим повыше...»
И к полуночи, смену на шахте закрыв,
орки взяли да вышли.*

2022

* * *

*Со всех сторон предатели,
кругом одни враги...
Сто лет стоят у матери
в прихожей сапоги.*

*Отцовские как новые,
с калошами рядом,
подошвы коронованы
железным каблучком.*

*На старте, что на финише,
один потенциал.
Я раньше даже выпивший
сапог не надевал.*

*Отечества и отчества
ни разу не сменил.
Отец мой вроде плотничал
и пчелок разводил.*

*У горизонта пасмурно.
Мне издали видать
разграбленную пасеку
и вражескую рать.*

*Играть судьбе изломанной
в бездомного щенка.
Горит, как зацелована
предателем, щeka.*

*И жизнь еще не прожита,
не набраны долги,
но я иду в прихожую
примерить сапоги.*

2022

* * *

*Падет не Киев – Киев нерушим,
падет преступный киевский режим,
который раскрутился на оси
предательства, оставшись без Руси.*

Под натиском прозападных элит
он устоит, как русский алфавит.
На фоне развязавшейся войны
падет не Киев тенью от стены,

но, прислонясь к империи плотней,
он выпрямится тысячью теней,
и мы с тобой сквозь дымку разглядим
падеж скота, откормленного им.

И будет Киев кроток и стоглав,
отмолит грех, себя отлупцевав,
и, дай-то бог, в свой суетный черед
еще немного Польшей прирастет.

2022

Ольга СТАРУШКО,
г. Севастополь

РЯБИНА

Белые шапки надвинув
низко, до темных бровей,
смотрит сквозь годы рябина
алых уральских кровей.

Сколько она провожала,
сколько с Победой ждала!
Жаркое сердце Урала
не выгорает дотла.

Жаркое слово напутствий:
не поддавайтесь врагу,
белая сталь Златоуста,
каслинский темный чугуун.

Все, что добыто веками,
будет подмогой в бою:
крепче металла и камня
станьте – и я устою,
ваша, родная во веки,
дочери и сыновья.

Бейтесь за все, человеки,
светлые силы ея.

ПИСЬМА

Время словно вспять идет:
снова пишут школьники
дорогим бойцам на фронт
письма-треугольники.

Строки те, где ждут с любовью
и считают дни,
положи у изголовья,
на груди храни.

Сложат наискось опять
листки тетрадные.
А когда-то воевать
уходили прадеды.

Старшине и лейтенанту
пишет как родня:
если ранят вас, то знайте –
ранят и меня –

свой парнишка, не чужой:
Степа или Коленька.
Вам от всей страны большой
пишут письма школьники.

Пехотинца и танкиста
в ливень и в пургу
пусть укроют эти письма,
пусть уберегут.

ПЕСНИ

Снова стон у нас песней зовут.
На разрыв – кто в тылу, кто в окопе –
вновь Россия исходит на звук
под ударом единой Европы,

от прощания с мамой: «Сынок!» –
до соленого, горького: «Братья!»,
отдавая себя кто как смог,
не за страх и награды не ради.

Хлещет горлом – поди перекрой,
словно реки ревут в половодье –
ропот гнева.

И страшен порой
полный ярости голос народный.

Так поют, за нетленное встав,
за отцом повторяя, за дедом.
Но однажды и наши уста
тихо вымолвят слово «Победа».

Вот тогда, отрывае, отхрипев,
тишину обнимая за плечи,
мы вернем колыбельный распева
вековечной отеческой речи.

Горло, как при космических перегрузках,
И вот тут-то – русские против русских?

Черные реки Питера,
Гремячие Подмосковья,
Ходим мы тут больные своей любовью,
Ладно, пускай и в брониках, и в разгрузках,
Только, Господи,
пусть не русские против русских.

Елена ЗАСЛАВСКАЯ,

г. Луганск

МАРИУПОЛЬСКАЯ ВИШНЯ

Был дом разбит. Остался остов:
Труба печная да очаг.
Термобарические звезды
Все превратили в тлен и прах.
И только глупенькая вишня
Свои расправила крыла
И на безлюдном пепелище
С упорством жизни зацвела!

2023

БАХ В МАРИУПОЛЕ

Концерт бойцам играет Лундстрем.
И в мариупольском ДК
Как лучшее из всех напутствий
Бах молится через века.

Душа, не плачь. Играй, скрипач.
Есть Бог. Есть правда. Есть надежда.
Пришли снаряды вагнерам.
И вечна музыка как прежде.

Признайся, юный музыкант:
Ведь Бах – он наш! Он тоже русский!
Простым парням-штурмовикам
Играет Баха Петя Лундстрем.

2023

СТРЕЛА

Лучнику Эдуарду Семенову

«В мире столько тоски, тоски и муки, –
сказал мне однажды стрелок из лука. –
Если Бог посылает нам день у моря,
Один день без тоски, без тоски и горя,

Далеко от печалей, тревог, лишений, –
Этот день устремлен
прямо в центр мишени!»
Будет пуст колчан. И я вспомню как-то
Лук горизонта, стрелу заката.

2023

Игорь КАРАУЛОВ,

г. Москва

* * *

«Назовите молодых поэтов», –
попросил товарищ цеховой.
Назову я молодых поэтов:
Моторола, Безлер, Мозговой.

Кто в библиотеках, кто в хинкальных,
а они – поэты на войне.
Актуальные из актуальных
и контемпорарные вполне.

Минометных стрельб силлаботоника,
рукопашных гибельный верлибр.
Сохранит издательская хроника
самоходных гаубиц калибр.

Кровью добывается в атаке
незатертых слов боезапас.
Хокку там не пишутся, а танки
Иловайск штурмуют и Парнас.

Не опубликуют в «Новом мире» их,
на «Дебюте» водки не нальют.
Но Эвтерпа сделалась валькирией
и сошла в окопный неуют.

Дарят ей гвоздики и пионы,
сыплют ей тюльпаны на крыло
молодых поэтов батальоны,
отправляясь в битву за село.

Есть косноязычие приказа,
есть катрены залповых систем,
есть и смерть – липучая зараза,
в нашем деле главная из тем.

* * *

Буйная растительность, однако.
Главное, пока не началось
наступленье холода и мрака
в мире, продуваемом насквозь.

125

Главное, что солнышко нагрело
теплохода белые бока
и танцует лодочка на гребне.
Главное, что русская река.

Русская, как школьная задача,
до звонка решенная в уме.
Белый гравий и песок горячий.
И конечно, церковь на холме.

Женщина застыла на пороге
и дитя готовится внести.
И кафе, где сживали боги,
как всегда, откроют к десяти.

Главное, что лето не проходит,
только пролетают облака.
Можно сесть на этот теплоходик,
можно посмотреть издалека.

Александр СИГИДА – МЛАДШИЙ,
г. Донецк

ЗОВ АТАМАНОВКИ

Ночные улицы таят
Невыразимую угрозу
Прохожего, чей пьяный взгляд
Напоминает о Ломброзо.
Здесь не выходят без ножа
На остановку или в гости,
Безликий остов гаража
Как образ склепа на погосте.
Угрюмый сумрак тех минут,
Забывших копанок провалы
Иной реальностью живут,
Водю наполняясь талой.
В глазницах брошенных домов
И саркофагах терриконов
Мне ясно слышен древний зов
Богов индустриальной зоны.

В ПОИСКАХ НЕВЕДОМОГО ВОРОШИЛОВГРАДА

В краю степном, угрюмом, ледяном,
Вспетом в «Мельпомене» Геродота,
Хребты и бездны над голодным дном
Откроют лабиринты для кого-то.
Таинственный, неведомый Кадат,

Индустриальный Ворошиловград.
Стигийская вода грунтовых вод
Размыла известь меловых пород;
Сломив сопротивление камней,
Река ушла, сухое русло – с ней.
Колодец времени, неведомый Кадат,
Где ураган, неистовый Адад.
В краю степном, угрюмом, ледяном,
Вспетом в «Мельпомене» Геродота,
Тебя отстроят в облике другом
Разумные рабочие – шошготы.
И там, где плющ и дикий виноград,
Появится неведомый Кадат,
В подземных галереях и хребтах,
Забывтых штольнях и стальных путях...

Дмитрий МУРЗИН,
г. Кемерово

* * *

Когда еще в европах не замерзли,
Мир разделился на Трудю и после.

Все начиналось с понтом и апломбом,
А в результате – в основном обломки.

Обломки делятся. На тех, кто огребли,
И тех, кто покупает за рубли.

Ошибок метод. Он же метод проб.
Мир быстро до... катился до амб.

И все – в труху. Останется лишь боль.
И шрам. Как от деления на ноль.

* * *

Ты – старался, он – старался,
Ну а этот – так вообще.
Кто еще не оттоптался?
Я еще не оттоптался
На украинском борце!

Перемога, перемога
Или зрада на душе?
Мне жена кричит с порога
Об украинском борце.

Отчего в глазах поблекло,
Отчего крепчает враг?
Оттого что в борц не свеклу
Нужно класть... А класть буряк.
Я супруге молвил веско:

Милая, не голоси,
Русский дух вертел юнеску
На декартовой оси!

У него ответ короткий:
Наливай и нос не морщь!
Мы встречаем русской водкой
Наш прекрасный русский борщ.

Наталья ЛИТВИНЕНКО,

г. Донецк

* * *

План неведомого города
На неведомой земле
Нарисован лапкой холода
На трамвайном на стекле.
Может, их границы снежные
Каждодневно не бомбят?
Я смотрю на них с надеждою,
Но насквозь проходит взгляд,
Где у нас другой расклад:
Тут враги побед не празднуют,
Тут мой город ленинградствует
Сколько лет уже подряд.

* * *

Этот город по гудку просыпается в путь.
Там и голуби любят ходить пешком.
Город, где каждый – шахтер
хоть чуть-чуть.
И каждый – металлург на треть или две.
Там, где день прирастает
приставным шажком
И стрижи орут прямо на голове.
Где торчит во дворе хвостовик от мины.
Где на стенах не только маты,
но и картины.
Где порою с неба падают кирпичи.
А то, что не кирпичи, по двери стучит.
Где и кот в обстрелах собаку съел,
Где дивится человек тому, что цел.
Где сначала учатся падать,
а потом ходить.
Где вообще-то нельзя жить,
невозможно жить.
Город, в котором гаубица – это быт,
Город, который под бубухи спит.
Где собаки научились переходить

по переходу.

Где люди на каждый грюк реагируют сразу.
Я с тобой пережила четыре времени года,
Четыре года два раза.
Ты мое Золотое Колечко –
Как не отдать тебя злу?
Я умею есть гречку,
Я умею спать на полу.
Где у нас вот такой непростой коленкор.
Где фазаны и прогрызенный
минометом забор.
Где замечен монастырь через любую из пор.
Город, в котором по-прежнему и до этих пор.
Там, где за битого дают в глаз,
А за недобитых ушли на войну.
Город, который пропустил весну...
Город, в котором я живу сейчас.
Город, в котором вечером я усну.

Дарья ПИОТРОВСКАЯ,

г. Москва

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДОНЕЦКОМ КАМЕННОУГОЛЬНОМ БАССЕЙНЕ

127

Антрацит, бурый, газовый,
газовый жирный...
Еду из дому в дом,
изучаю в метро пассажиров.
Длиннопламенный, коксовый,
но отощенный...
Накрывает закат город необреченный.
Где-то в шахте космической
слабо спекается уголь,
Дышит жабрами ночь,
на земле укрепляется рубль,
Город шумно храпит,
и алмазные спят незабудки
В диаметровой части
большой кимберлитовой трубки.

24.04.2023

КАИН

Ты возьми меня на руки, ангел Божий,
Ты прости меня, Господи всемогущий,
Окуни меня в землю горячей рожей,
Покажи мне хоть краешек райской кущи.
Я убил в себе Авеля. Я разрезан
Пополам, словно яблоко. Распадаюсь.

Человеку в клетке Эдема тесно,
 Человеку ближе огонь и ярость.
 Ты накормишь землю войной и хлебом,
 Райским светом солнца, горячей кровью...
 А быть может, брата и вовсе не было,
 Говорят, я Каин – а я не помню...

2013–2018

Ольга ЕРЕМИНА,

г. Москва

ДУХОВ ДЕНЬ

Дожди мешают аэроразведке,
 И наша артиллерия слепа,
 Намокли маскировочные сетки.
 Черна тропа.

На Троицу пришелся вражий наступ,
 На Духов день – еще один удар.
 Но, Троица-заступница, за нас ты,
 Горяч твой дар.

На минах рвутся танки, бэтээры,
 Трехсотым спешно колют обезбол.
 И наши принимают контрмеры,
 И мяч у наших. Это ль не футбол!

А в Устюге Великом ночи белы,
 А в Кинешме пионы расцвели.
 А в ночь опять Шебекино горело,
 И срочники опять в атаку шли.

А дождь мешает аэроразведке,
 И мы, вжимаясь в мокрый чернозем,
 Кляня колючки на упавших ветках,
 Ползем.

5 июня 2023

**НА УБИЙСТВО
 АЛЕКСЕЯ МОЗГОВОГО**

Вечер тепл и влажен. Сирень в цвету
 После ливня к нам наклоняет кисти.
 Хороводом – люди. Но за черту
 Только избранных кинет

разрыв и выстрел.

Сорт махровый, розовый, фиолет –
 И внезапной вспышкой тюльпан багряный.
 Ныне тот, кому выпало сорок лет,
 Никогда не будет страдать от раны.

Месяц остр и резок. Звездой с небес –
 Завершил свой прожиг на диске жизни.
 И встает сиреневый дивный лес
 Ликовать – и плакать на новой тризне.
 24 мая 2015

Вероника БАТХЕН,

г. Москва

* * *

Слово на букву радость, на букву рана.
 Мятый советский рублик со дна кармана.
 Дряхлый автобус школьный до Городища.
 Устерсы, о которых писал Радищев.
 Печка-голландка, яблоки, щи да каша.
 Медленный поезд, байки, купе, поклажа.
 Мга, Вычегда, Еланчик, Двина и Шуя.
 Те, кто решает, и те, кто своих крышует.
 Китеж и Питер, трасса Москва – Хабаровск.
 Черное море, Ялта и алый парус.
 Лица и лики, пальцы и отпечатки.
 День начинается

с Петропавловска-на-Камчатке

И не кончается на берегу Вуоксы.
 С неба летят ответы, с земли – вопросы.
 Истина где-то между, в пятиэтажке:
 Бабка и внучка мирно играют в шашки,
 Прячется Жучка в ванной, а мышка в банке.
 Мимо
 Проходят
 Танки.

* * *

Пылают яблони и груши,
 Недавний день разрывом стерт...
 Солдаты в бой берут игрушки –
 Подарки дочек и сестер.
 Сквозь дождь и снег глядит сурово,
 На пули глупые рыча,
 На рюкзаке у птицелова
 Кудлатый песик «мэйд ин Ча...».
 У музыканта белый мишка –
 Кривой, нелепый самострок,
 И буквы вкось – вернись, братишка,
 И пыль полей, и грязь дорог.
 Сапера куклой наградила
 Девчонка с бывшего села:
 Она на берег выходила,
 А дом и сад война смела.
 Окопный сон – святое дело.
 (Прилет, минуй, свеча, согрей!)

Хранят мальчишек поседелых
Отряды плюшевых зверей.
Хранят от пули и осколка,
От лепестка и дурака.
Живи, Алеша, Ваня, Колька,
Живи сейчас, живи пока.
У соловьев ночная сходка,
Лежат поля, полны свинцом,
Луны серебряная лодка
Встает над медленным Донцом...

ПАМЯТНИК

Давным-давно оплакана война,
Но в шуме волн мне слышится «мементо».
Так старый танк, попутав времена,
Одышливо съезжает с постамента.
И, обходя бетонные ежи,
Рокочет «Оккервиль», «передовая».
Так мерзнет в карауле вечный жид,
Цигарку в кулаке передавая.
Так пахнет хлеб. Обычный каравай.
Без карточек. Ломтями на тарелке.
Так дребезжит немислимый трамвай,
Глуша раскаты дальней перестрелки.
Так дети верещат: смотрите – кот!
И он идет, худой и величавый.
Несет поток реки бумажный флот.
Вещает репродуктор: над Варшавой...
Мементо – мир! Вокзалы, пустыри,
Духи, пластинки, вальсы Мендельсона.
На улицах цветы и фонари.
В Крыму уже готовятся к сезону,
Выгуливают платья и собак,
Вздыхают над символикой момента...
Свистит снаряд. Смердит знакомый страх.
Рокочет танк, сползая с постамента.

Игорь НИКОЛЬСКИЙ,

г. Санкт-Петербург

* * *

Ничего я в жизни не пойму,
Созерцая смерть и кутерьму.
Было ж просто: вечером – закат,
Поутру – надежда, автомат.

Пусть все будет просто у ребят,
Что в герои новые хотят.
За спиною первая верста.
Мы вчера вернули Азовсталь.

Пусть все будет очень хорошо:
Дед же как-то с той войны пришел.
Дед же как-то смог уговорить
Смерть свою на краешке зари –

И вернулся, скрючен и упрям.
Время выползает на свет из ям.
Вот идет рубить и помирать
На Бахмут и Славянск наша рать.

Рать пойдет туда, куда пошлют,
И увидит праздничный салют.
Грохнет так, что каска набекрень,
По доспехам облачным кистень.

...Я смотрю небесные цветы
Посреди степей и пустоты.
Кровь, как встарь, красна и горяча.
Мы вчера вернули Лисичанск.

Выдыхает старый террикон:
Выигран сегодня страшный кон
У планеты, что лежит во лжи.
Будущее нам принадлежит.

Вот оно – хохочет и ревет.
Вот оно – горячее, свое.
Вот решили – плюнуть, растереть.
И бежит от нас, пугаясь, Смерть.

Июль 2022

* * *

Мы были наивны как дети.
Мы будем смертельны, как ртуть.
Оставьте ужастики эти.
Мы вынесем их как-нибудь.

Прошедшие годы как чушки:
Расколоты, брошены в печь.
И натовских новеньких пушек
Мы слышим циничную речь.

За что испытанья такие?
А может, вернуться назад?
Смеются Варшава и Киев,
Рыдает старик Сталинград.

Что ж, раз этот мир не на месте
И пляшет неустово бес –
Пусть снова играет оркестр
И Рихард смеется с небес.

Ведь будет поболее толка
В местах, где смычок словно кнут,
Где дядьки в размытых наколках
Штурмуют треклятый Бахмут.

Февраль 2023

Мария СЕМЕНОВА,

г. Санкт-Петербург

* * *

Пуховые тучки клубятся со всех сторон.
Внизу земля. Поближе – синяя высь.
Я просто жужжалка. Игрушка.

Маленький дрон.

Я только умею зорко смотреть вниз.

Меня по дуге облетел любопытный стриж.
Щебечет о том, как в Африке он жил.
Пустился бы я в догонялки с тобой, малыш,
Но я не затем с ладони сюда взмыл.

Большие машины ползут внизу как жуки.
В цветах за ними чернеют следы ран.
А где-то в канаве, в ракетах возле реки,
Лежит мой человек и смотрит в экран.

Он видит моими глазами. Диктует цель.
Сейчас на земле вскипит огненный дым!
Но этот красный потек у него на лице...
И я почему-то выюсь прямо над ним...

Как вышло, что он там остался совсем один?
Кому он сказал «прощай»? Точно не мне...
Я лишь верчу туда и сюда зрачками линз
По команде на очень тихой волне.

И вот небеса расколол гремящий удар!
Лечу кувырком, не знаю, где верх-низ!
Огонь, и осколки, и дым, и свистящий пар!
И сразу команды с земли прервались...

Я просто жужжалка. Игрушка.
Безмозглый дрон.
Меня алгоритм аварийный ведет.
Я помню свой курс и пытаюсь
найти ладонь,
Которая меня послала на взлет.

Разбитая лопасть... опоры нет... пустота...
Искры и брызги... аккумулятор сел...
Но вдруг замечаю:
в сметенных взрывом кустах –
Он! Мой человек. По виду – почти цел.

Последний рывок. Опускаюсь ему на грудь.
В его глазах облака и синева.
Мы сделали все. А теперь пора отдохнуть.
Стоп-кадр. Солнце. Небо. Цветы и трава.

Алексей ШИРЯЕВ,

г. Минск

ТЫЛОВАЯ ИСТОРИЯ

Серой струной перечеркивал степь
Южный стремительный поезд.
Стыками рельсов стучал, дребезжал...
Я, торопясь, до конечной лежал,
До Севастополя то есть.

Череповец угощает Тюмень,
Запахи кофе и каши...
Берцы затопали, звякнул металл –
Зашевелился вагон, зашептал:
«В брониках, мальчики, наши».

Первый – с багажный отсек высотой,
Ежик волос белокурых,
Сажень косая, прямая спина,
А на лице расписалась война
Снайперским строгим прищуром.

Был в половину камада – второй.
«Как вас зовут? Не по-русски...»
Прыгнул на полку – ну чисто манул!
Тайной Тувы исподлобья сверкнул
Глаз беспокойный и узкий.

Лишь телефоны достали – шалишь!
Вы же не чужие нам вроде.
«Как там на фронте, что кушать дают?
Ясно, в землянке откуда уют –
Вот с колбасой бутерброды».

Только сосед с бокового привстал
И забурчал недовольно:
«На фиг вообще мы совались к хохлу?»
Вскинулись люди: «Не скучно в тылу?
Спи уж, умен что-то больно!»

Тут проводница – вагонная мать
В узком возникла проходе:
«Будет шуметь, пусть поспят пацаны!
Там взсэушники, тут болтуны,
Хватит – ребята на взводе...»

Долго ли, ходко ли – вот и Джанкой,
 Время кому-то куда-то.
 Под рюкзаками не станешь дремать –
 Собраны, свежи, готовы опять
 К трудной работе солдата.

Наша вагонная мать раздает
 Горстку напутствий на сдачу.
 Каждый пусть будет богат и здоров!

Только тому, кто стыдил пацанов,
 Не пожелала удачи.

* * *

По команде учителя выйди к своей тоске,
 Необъятной и черной, непаханой,
 словно поле,
 Словно вся твоя жизнь ходит
 жилкою на виске,
 Словно ты на столе хирургическом,
 а не в школе.

«Пусть задание тебе
 поумерит немного прыть.
 Мы все знаем ответ – вот посмотрим,
 как ты готова.
 Основной элемент, счастья формула,
 смысл жить.
 Только это должно быть одно лишь слово».

В голове туман,
 вот бы выскочить за предел,
 Освежиться, ускориться,
 вон посмотри: по парте
 Что-то белое рассыпается,
 только это уже не мел,
 Что-то черное просыпается
 и стоит у черты на старте...

И не будет надежды в таком
 долгозваном звонке,
 И подсказки сегодня что-то тихи и редки.
 Ты не Эллочка – твои слова
 не вмещаются на доске,
 Ты не елочка – твои слова
 не прочтут тебе с табуретки.

«Что стоишь столбом,
 все стирай и садись – «два»,
 Если сможешь найти путь домой,
 принесешь мне автограф мамин,
 И – обратно к доске,
 крутить и вертеть слова.
 До доски гробовой у тебя каждый день –
 экзамен».

Наталья САДОВНИКОВА,
 г. Москва

ПОСВЯЩЕНИЕ ЗАХАРЧЕНКО

Нет любимчиков у войны.
 Был сегодня закат кровав, густ.
 Звезды падали, не слышны,
 Зацепил на излете август.

Отомстил или отскорбел,
 Но от смерти ничто не лечит.
 Строй заращивает пробел,
 Непреклонно смыкая плечи.

Непохожая на парад
 Неизбежность пути героя.
 Просто небо решит: пора –
 И объятья свои откроет.

* * *

И снова под колесами дорога.
 Все так же продолжается отсчет,
 А сделано пока что так немного,
 Так много сделать хочется еще.

Рукам, сердцам трудиться неустанно,
 Покуда время бурь не истекло.
 Вскипают белопенные каштаны,
 Снарядам не желая бить поклон.

А города, конечно же, отстроят,
 И крепкий мир вернется наконец,
 И вечно будут павшие герои
 Смотреть с Аллеи Славы на Донецк.

Наталья КУРЧАТОВА,
г. Санкт-Петербург

* * *

*Крупный жемчуг мечет Москва,
Питер льет серебро ночей,
Севастополь, как солнце, бел,
А восток, как всегда, ал.*

*Этот город среди степей –
Ни алмазов, ни янтаря,
Ни корон на его щите,
Ни меча нет, ни якоря,
Чтоб его охранял, берёг.
И не спрятаются между строк
Умудренного классика
Этим улицам пыльным,
Заводам, сталинкам,
Мелким домикам на окраинах
И ларькам из пластика.*

*Этот город красив не для
Легкомысленного турья,
Что глазами сжирает наш
Петергоф или Эрмитаж.
В нем и тайны как будто нет,
Он такой: в окна бьет рассвет,
Человек потянулся, встал,
И пошел закалять металл,
И отправился печь в печи
Огнерудные калачи.
А другой встал из душа в лифт
И уехал надолго вниз,
К сердцеvine земли сырой,
Где огнем полон каждый слой,
Где привычно раскалены
Черным пламенем недра страны.*

*Оттого и тепло в ночи
Мне идти по твоим камням.
Южных звезд обнимает крест,
Шепчет: я никому не отдам
Всех, кто к этой земле приник
Во скитаниях вечных своих,
Вы теперь навсегда свои,
Вы теперь, вероятно, ничьи,
Узнавать вам друг друга по голосу
Где угодно. Как соловьи,
Или горлицы дикие,
Или жаворонки в степи.*

Борис ЛУКИН,
Подмосковье, с. Архангельское

БАЛЛАДА ОБ АНГЕЛАХ МИРА

Российским героям СВО

*Что может быть парадоксальной,
когда ты жив, а сын погиб?
Но жизнь и смерть его сакральны:
апостольский последний пир.
Как в притче, всех позвав на праздник,
но не дождавшись никого,
сбирали с мира всяких-разных:
тот слеп, тот глух, а тот кривой.
Смеются в голос за воротами.
Зол хор избранных былых.
Что ждать от порождений ада?
Сарказм, плевок, трусливый рык.
А за столом куда как тесно,
и тема общая у всех:
зачем собрали, интересно...
Все здесь калеки, как на грех.
Увечным ли бояться боли?
И смертным ли про смерть молчать?
Но вот явился все же стольник.
За ним приносят сотни чаш...
Без пьяного мирского шума –
ядущий Плоть, пиющий Жизнь
не вспомнил даже, не подумал
взмолиться: мимо пронеси!
Но каждый, скинув, как вериги,
болезни плоти, немощь душ,
в жизнь вечную восстав смиренно,
на бой поднялся Воин, Муж.
В ушах звучало: в день последний
Я воскрешу вас... Смертный бой
пусть не страшит, иди, Наследник,
Ты – Ангел мира,
Бог с тобой.*

132

23 ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА

*Пьет виски. Снаряжает патронташ.
Он ныне автор этого абсурда.
Палатка. Ливень. Тьма. Ажиотаж
весенних запахов, военных шумов.
Грязь непролазна. Вот бы босиком...
Но холодно, и после не согреться.
Такое, понимаешь, скерцо...*

Осталось две недели до того,
как пуля вырвет сердце.

Штурмовикам
на небушке
легко –
бессмертно.

* * *

Сразу за Мариуполем
поля полны минной убыли.
Других здесь в помине нет.
Чтоб убыли жизни не было,
бредут по земле и до неба
саперы.
Жизнь. Жизнь. Жизнь...
...смерть.

Алексей ЕВТУШЕНКО,

г. Москва

21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Что ты топчешься, беда, вокруг да около,
как невытая старуха-скиталица?
В синем небе потихоньку тает облако,
день субботний нескончаемо тянется.
Тишина, покой, гостям угощение,
Нинка замуж собралась, Вовка – в летное.
Завтра будет у страны воскресение –
закричит земля, как девка под плетками.
Восемнадцать лет исполнится заново,
деньги, слава впереди – дело случая.
Разгорается на западе зарево,
обрывается моя доля лучшая.
Смерть бойца страшит,
как ложь во спасение,
а в живых остался – память, не вынести.
Завтра будет у страны воскресение –
час для веры, для надежды, для истины.
Кто народу враг, известно лишь Сталину.
Перед боем, перед смертью – все равные.
Наплевать, что от Европы отстали мы,
закидаем гадов шапками рваными.
Пуля воздух рассекает рассеянно,
все равно, в кого попасть, – дура, знаем.
Завтра будет у страны воскресение –
командиры впереди и под знаменем.

133

Сколько крови из артерий повытечет...
Сколько песен понапишется к праздникам!
Будто вытащили перья повытчики,
злое дело сочинили и дразнятся.
Окружение, разлука осенняя...
А покуда – летний ужин по-скромному.
Завтра будет у страны воскресение,
рявкнет радио: «Вставай,

страна огромная!»

Помнишь, девочка, закаты над речкою?
Помнишь, мальчик, «Рио-Риту»
под липами?

Ох, отведает война человечинки,
Много мы холмов могильных насыпали.
После гибели дождусь вознесения,
Прямо к Богу обращаюсь – дело личное.
Завтра будет у страны воскресение,
По приметам всем – погода отличная.

* * *

Аты-баты, шли нацбаты,
Шли нацбаты прямо в ад.
Аты-баты, шли нацбаты
В ад, как будто на парад.
Шли под яростные всплески
Беспощадного огня.
Полям, улицей и лесом,
Без тебя и без меня.
Жарят «Су» и «Буратино»
Боевого гопака.
Невеселая картина:
На четыре кулака
Обманули дурака.
И теперь идут нацбаты
Без надежды и любви.
Справа русские солдаты,
Слева русские солдаты,
Позади кресты да хаты,
Впереди закат в крови.
Что им ждать от смерти черной?
Чарка чёрта за чертой.
Принял, выпил – перечеркнут.
Жизнь позорна и никчемна.
Кончился последний бой.

Анна МАТВЕЕНКО,
г. Донецк

КРАЙ СЕДЫХ ТОПОЛЕЙ

Моему отцу –
Матвеевко Борису Александровичу,
главному маркшейдеру донецкой шахты № 29

Край седых тополей,
где бушует пушистая вьюга,
Строгий край терриконов,
где ширится в степь оком.
Край, что дорог стократ:
мы с тобой отыскивали друг друга
Здесь, в шахтерском краю, где мы дышим,
которым живем.

Где ночами копры маяками
плыли над простором,
Алых звезд четкий абрис
был виден нам издалека.
Здесь подземья тесны,
здесь забот и лавы, в которых
Спят спрессованным солнцем
в пластах угленосных века.

Здесь встречаются люди,
чьи веки очерчены пылью,
Шахтный след, черный контур
работой впечатан в лицо.
И мешают в труде здесь легенды
с привычною былью,
И растят поколения,
достойные славы отцов.

Старый край терриконов,
где снова засушливо лето,
Край надежды и веры,
где могут стоять до конца.

Край нелегких решений,
где ищут к вопросам ответы,
Край, что полнит любовью
и силой людские сердца...

ТРАМВАЙ № 001

Донецкий старенький трамвай
Бежит, трясясь и громыхая.
Он много видел, много знает –
Вопрос ему ты лишь задай!

И он расскажет не таясь
Все о заводах, шахтах, стройках
И о народе – гордом, стойком,
Которым славится Донбасс!

Трамваю скоро сотня. Он
В душе своей и юн, и звонок...
Но пробирает до печенок
Вибрация былых времен!

ТЫ ПРОСТО ПОМНИ ОБО МНЕ...

Дозрели яблоки на Спас,
Медовым соком плачут сливы –
Им август даровал красивый
Пурпурный, царственный окрас.

До горизонта неба синь,
И зной донецкий ветер гонит.
Сплетают листья, как ладони,
Типчак и горькая полынь.

А я погиб. На Сартане*.
Остались мать, жена и дети.
Над терриконом солнце светит...
Ты просто помни обо мне...

* Сартана – поселок под Мариуполем.

**АРИСТАРХ,
митрополит Кемеровский
и Прокопьевский**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ В XXI ВЕКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ТРАДИЦИИ*

Литературный процесс во все времена являлся отражением социальной и культурной жизни людей. Не вызывает сомнений, что литературное творчество за многие века претерпело ряд серьезных и глубоких трансформаций, затронувших и форму выражения литературного гения писателей, и способ отображения действительности. Более того, менялись фундаментальные основы и концепции литературного творчества.

XXI век в этом плане не является началом новой трансформации литературного творчества, скорее, сейчас уже можно подвести некоторые итоги и отметить результаты процессов, активно протекавших на рубеже тысячелетий.

И во-первых, необходимо сказать о трансформации самих идейных основ творчества. Если раньше литературное творчество не было направлено на коммерческий успех и обогащение, хотя были немногие писатели, имевшие славу, почет и богатство при жизни, то в настоящее время огромное количество людей, ориентируясь на пример западных авторов, видит в профессии писателя ключ к богатству и славе.

Во-вторых, в настоящее время пишется и публикуется столько произведений, что очень сложно сориентироваться и найти то, что качественно полезно и приемлемо, идейно состоятельно и интересно, а в будущем может стать новой классикой и имеет право на внимание последующих поколений.

Более того, поменялась сама система жанров. Ближе всего здесь ассоциация с разнообразием кулинарных меню и рецептов, и современный читатель, подобно посетителю ресторана, может выбрать не только жанр, но и предполагаемый сюжет книги, которую он хочет прочесть. Таким образом,

увлекательность и эмоциональные приемы, как крючки цепляющие и удерживающие внимание, выходят на первый план. На этой волне появляется книга-манипуляция, книга – источник определенных заданных эмоций, причем не всегда хорошего качества, книга-допинг, позволяющая сбежать от суровой реальности и на время погрузиться в вымышленный мир с заданным счастливым финалом событий. Так же появляются и онлайн-курсы, гарантирующие обучение технологии написания интересных книг. Превращение искусства в технологию – процесс, который мы наблюдаем во многих сферах, в педагогике в частности. И эта тенденция вызывает определенные опасения.

В-третьих, повсеместная цифровизация делает процесс создания литературного произведения как никогда легким и быстрым: достаточно освоить навык быстрого набора печатного текста, и можно кропать «шедевры» не выходя из дома, с огромной скоростью. Публикации на бумаге не являются в наше время обязательной составляющей литературного процесса, и достаточно большое количество людей увлекается творчеством на уровне хобби, а наиболее удачливым и попадающим в ожидания аудитории удастся это хобби монетизировать.

Хочется отметить и еще один аспект. Нельзя забывать о психотерапевтическом эффекте любого вида творчества. И литературное творчество здесь не является исключением. Многие люди, фигурально выражаясь, берутся за перо для того, чтобы написать такую книгу, которую они хотели бы прочитать, чтобы решить в виртуальном мире какие-то личностные проблемы или залечить психологические травмы.

Указанные явления можно характеризовать и оценивать с разных сторон. Любое явление культуры имеет влияние на душу человека, и характер этого влияния может быть совершенно разным, как спасительным, так и губительным.

В тот момент, когда книга выходит из печати, автор теряет над ней какую-либо власть. Сейчас даже нельзя сказать, что автор лучше знает, что он написал, – нет, лучше знает каждый отдельный читатель. Более того, у читателя сейчас появился «голос». Читатели получили возможность высказывать свое мнение публично.

Если существовавший раньше литературный канон книг, обязательных для прочтения, формировал определенный общий культурный код, каждый у своего поколения читателей, то сейчас мы видим совершенно иную картину. Распался канон, и распался контекст – люди теперь читают тексты как они есть, не видя и не зная, что стоит за литературным произведением.

135

* Выступление на фестивале «Матрица речи» 21 марта 2023 г.

Еще одна вещь, которая происходит с нами прямо сейчас, – это распад глобальной систематики. Система поиска Google считает, что сегодня в мире существует 137 миллионов 165 тысяч книг. И эта цифра ежесекундно растет. Каждый день нам становится доступно все больше и больше книг, а это значит, что любая систематика рушится. Не то что прочитать, а даже просто промаркировать весь этот объем не представляется возможным.

Происходит и распад всей системы авторитетов. Стремительно снижается авторитет литературных премий. Люди перестают верить премиям и на них ориентироваться.

Происходит абсолютная девальвация профессии критиков. Их авторитет ничтожен. Раньше, если какой-то критик объявлял произведение гениальным, было стыдно признать, что лично тебе оно не понравилось. Сейчас же мнение этих экспертов не имеет никакого значения.

Поэтому сегодня как никогда важно творчество тех авторов, которых мы называем христианскими писателями, которое продолжает поддерживать веру в светлую сторону бытия.

Констатируя глубокие изменения самих основ литературного процесса в XXI веке, мы сконцентрировались на том, что находится на поверхности и сразу бросается в глаза. Однако нельзя не заметить, что под этим спудом ярких образов и громких имен по-прежнему жива большая вечная литература, которая являлась и является отражением жизни, ценностей и борьбы человека, в том числе борьбы с самим собой.

Что важно помнить и как поступать в настоящее время участникам литературного творчества? Настоящая литература без нравственного начала немислима. Когда писатель пишет сценарий или работает над книгой, очень важно оставаться людьми: верить в Бога, быть мужественными, чтобы защищать образ Божий в человеке, человеческое достоинство и противостоять разложению общества. Подлинный писатель во все времена призван отстаивать принципы духовного устройства жизни. Образцом в этом смысле является Федор Михайлович Достоевский, который никогда не отступал от этих принципов.

Достоевский был глубоко православным человеком, это раскрывается через его творения. Поэтому вполне естественно, что его знаменитая цитата: «Если мне кто-то скажет, что есть некая истина вне Христа, то я лучше останусь со Христом, чем с этой истиной» – в каком-то смысле лейтмотив всего творчества Достоевского.

Нам необходимы сегодня произведения, которые бы настолько же точно, как произведения Достоевского, высвечивали нравственные проблемы современности и помогали делать верный выбор, основанный на следовании евангельским заповедям.

Известный русский философ Иван Ильин утверждал, что «по чтению можно узнавать и определять человека, ибо каждый из нас есть то, что он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного». От того, чем мы наполняем себя, свою душу и свое сердце, зависит и то, как мы проявляем себя в различных жизненных ситуациях: сможем ли мы отозваться на чужую боль или пройдем мимо, сможем ли утешить человека или отнесемся к нему с равнодушием, сможем ли донести до других и отстоять свою личную позицию или будем постоянно зависимы от чужих мнений.

Мы все и в школах, и в университетах изучаем и воспитываем молодежь через русскую литературу. Но разве возможно понять ее без осознания того, какое значение играла христианская православная вера в истории России и в жизни людей? Прочитай-те стихотворение Пушкина «Пророк»: как можно понять смысл этого произведения, если не знать, откуда поэт взял основной образ и как этот образ из Книги пророка Исаии он переплавил в горниле своего творческого гения, создав бессмертное творение?

За что же мы так ценим Пушкина? Почему ведем отсчет классической русской литературы и современного русского литературного языка именно с него? Очевидно, что одно только художественное совершенство не позволило бы Александру Сергеевичу претендовать на столь значимую роль в нашей культуре. Творчество любого художника – это его духовная биография. Неслучайно Спаситель сказал: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лк. 6:45). Творческий путь Пушкина – это путь к свету и добру. Самое главное, чтобы мы были готовы делать добро.

Будучи писателем исключительно светским, Пушкин в то же время отразил в своем творчестве христианский взгляд на мир, смог восстановить духовную родословную русской культуры, прерванную происшедшим в результате петровских преобразований резким разворотом на Запад и разрывом многих связей с нашей многовековой традицией. Пушкин сумел примирить новый мир со старым, вернее, с вечными основами бытия. Он сумел выразить этот хрупкий баланс удивительно точным и образным языком, вобравшим в себя богатства церковнославянского и меткость разговорного народного языка.

Хорошая книга – это добрый советчик. Поэтому, читая художественную литературу, мы становимся мудрей, обогащаемся жизненным опытом других людей – в первую очередь писателей, которые вкладывают свои мысли в своих героев. А среди писателей много людей, остро чувствующих, переживающих происходящее вокруг них, способных анализировать это происходящее и формулировать соответствующие мысли, которые, несомненно, могут быть полезными для многих.

Не следует относиться к прочитанному тексту с полным доверием, хотя не следует и отчуждаться от текста только потому, что нам в этом тексте что-то непонятно. Нужно помнить: то, что доносит до нас страница книги, принадлежало другому человеку или другим людям, но у каждого свой жизненный путь, каждый является собой уникальную личность. Поэтому, читая книги, мы должны обогащаться добрым, правильным опытом других людей, ограждать себя от ошибок, через которые прошли другие и тяжесть последствий которых запечатлена в том числе на страницах книг, и, идя своим путем, отталкиваться от опыта других людей настолько, насколько этот опыт для нас приемлем.

Сила слова – это больше, чем сила денег или оружия. Все, что происходило в истории, все самые большие перемены начинались со слова. Идея, мысль представлялась и передавалась другим, а затем, если она захватывала людей, появлялись и деньги для ее реализации, а когда нужно – и военная сила. Слово несет в себе потенциал спасения и потенциал гибели, и минувший XX век силу слова поразительным образом иллюстрирует.

Слово – это инструмент коммуникации, в том числе устной. Известно, какие угрозы разговорному русскому языку сейчас возникают, как он наполняется абсолютно нелогичными заимствованиями из других языков, как часто он искажается жаргонами. Так вот, для того чтобы нам быть действительно сильными, суверенными, для того чтобы нам развивать свою культуру и науку, нужно прежде всего, чтобы мы все правильно говорили по-русски. Русский язык – это великое сокровище, и к нему нужно бережно относиться. И не только для того, чтобы стать культурными, интеллигентными людьми, а для того, чтобы страна наша ничего не теряла из нашей культуры, но возрастала, чтобы народ наш восходил от силы к силе, чтобы он был сильным и способным защищать свой духовный и культурный суверенитет.

К сожалению, в средствах массовой информации нередко приходится наблюдать печальную картину. Речевая культура личности, вне всякого сомнения, опирается на речевую культуру общества. «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим» (Еф. 4:29) – это слова апостола Павла из его Послания к ефесянам. Однако, как мы знаем из Евангелия, уста говорят от избытка сердца (см. Мф. 12:34). А что это значит?

Это значит, что воспитание культуры слова начинается с воспитания сердца, то есть с воспитания внутренней культуры личности, культуры мысли. Гнилое слово – это, конечно, не только слово пошлое, грубое или ругательное, это еще и слово лжи, клеветническое слово, несправедливое слово.

Литература открывает для нас мудрость, накопленную веками, и человек, который погружается в чтение, становится сопричастным этой мудрости. Сегодня время сплочения всех здоровых сил. Церковь, искусство, культура, наши писатели, ученые, все те, кто любит Родину, должны сегодня быть вместе, потому что мы входим в критический период развития человеческой цивилизации.

Добрым помощником церкви в укреплении нравственных основ жизни людей является литература. Стремление соблюдать правду Божию, быть честными по отношению к себе и к окружающим, нести в мир добро и милосердие – это то, что проистекает из нашей веры и без чего вера мертва есть (Иак. 2:26). Для того чтобы наша вера была живой и действенной, она должна включать в себя реальные проявления любви – от доброго слова во взаимном общении с ближним до личного участия в тех или иных важных гуманитарных проектах.

Сегодня, когда мы говорим о подлинной русской культуре, которая утверждается на ценностях православия, возможности языка раскрывают перед человеком и возможности для постижения этого мира. Ибо мудрость познается в слове (Сир. 4:28), как говорит нам Священное Писание. Русский язык обладает удивительными по красоте и богатству выразительными средствами, позволяющими точно, глубоко и в тончайших оттенках передать любую человеческую мысль. Недаром еще Ломоносов, сравнивая русский с другими европейскими языками, восхищался его великолепием, живостью и силой в изображениях краткостью.

Именно в литературе русская культура нашла свое самое глубокое выражение; изучение классической словесности есть один из важнейших способов национального самопознания. Не будет преувеличением сказать, что будущее России напрямую связано с будущим ее литературы. Очень надеюсь, что усилиями церкви, писателей и всех неравнодушных к судьбам отечественной словесности людей в нашем обществе будет возрождаться роль литературы как важного пространства духовной жизни народа.

Алина ДИЕМ

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Автобиографические записки. 1962–1965 годы

Первое сентября

В 1962 году мы жили в собственном доме в городе Кунгуре Пермской области на улице, только что поменявшей свое имя: из Крестьянской она превратилась в улицу Юрия Гагарина. Нашей радости не было предела, особенно этим гордились ребяташки, хвастаясь перед соседями с улицы Бочкарева.

А меня переполняла еще одна радость – ожидание первого дня в школе.

Мне исполнилось уже семь лет и девять месяцев, а я все еще ни разу не посещала школу. В то время в школу записывали в полных семь лет, а я декабрьская, так что в прошлом году к сентябрю мне полных семь лет не исполнилось.

Девочка я домашняя, в садик никогда не ходила, но и не скучала с любимыми бабушкой и дедушкой. Дел в домашнем хозяйстве было по горло, вокруг жили подружки, а с дедом мы частенько ходили «в город». Насыщенная жизнь, что и говорить.

Подготовка к школе началась в августе 1962 года и будоражила, как ожидание праздника. Куплено коричневое шерстяное платье с длинными рукавами, к нему два фартука: белый с крылышками – для праздников и черный шерстяной на лямках – на каждый день. Вместе они назывались – школьная форма. Мама уже пришила к платью шелковый белый воротничок и белые манжеты. Широкий белый шелковый бант предназначен был для праздничной косы с приплетом. Красное осеннее пальто и коричневые ботинки тоже обновка. Мне бы хотелось пойти в школу в туфельках, но сентябрь в Кунгуре всегда прохладный, лето позади.

Самое упоительное – портфель. По сотне раз за день я повторяла это сказочное слово. Мой портфель был черный и блестящий, лаковый. На самом деле – клеенчатый, но это слово мне не нравилось, как слишком обыденное, кухонное, я предпочитала «лаковый портфель». В нем два отделения: для те-

традей и учебников. Тетради для первоклассников – особые, в косую линию, как мне объяснила мама. Она приготовила их целую стопку, а еще купила специальную толстую тетрадь, которая называлась «Прописи».

Мама сказала, что я научусь писать так же красиво, как в прописях, и я подолгу разглядывала эти прописи, затаив дыхание. Учебников купили всего три: «Букварь», «Родная речь» и «Арифметика».

В портфель на первое сентября мама положила только одну тетрадь и один учебник – «Букварь». А еще пенал. Деревянный, тоже лаковый, на крышке выжжен портрет собаки, похожей на нашего Буяна. В пенале три отделения: в одном – зеленая деревянная ручка с пером «звездочка», в другом – простой карандаш, остро отточенный мамой, а в маленьком поперечном отделении ситцевая круглая перочистка, темно-розовая резинка-терочка и запасное перышко.

Великолепные сокровища портфеля я показывала всем приходящим в наш дом весь август и, думаю, к сентябрю так надоела своим портфелем бабушке с дедушкой, что и они с нетерпением ждали начала школьных занятий – в надежде, что после этого я стану поспокойнее.

738
Первого сентября утром меня собирали как принцессу, всем двором. Мама умыла меня сама, без морщинок натянула чулочки и туго их пристегнула к детскому фланелевому лифчику (колготок у меня еще не было, как, впрочем, и у других моих ровесниц), заплела мою толстую косу красиво, с приплетом на косой пробор и большим бантом. На отутюженных белых крылышках фартука я порхала бабочкой на стуле перед настенным зеркалом.

Еще с вечера, боясь ночных заморозков, бабушка срезала в палисаднике три самых ярких георгина для учительницы, а утром аккуратно обернула их стебли белой бумагой и перевязала ленточкой.

После чая мы наконец все выходим. Мама держит меня за руку, в другой руке у меня букет. Жаль выпускать ручку портфеля, но скрепя сердце я отдала портфель маме, выторговав у нее за это разрешение не застегивать красное пальто. Прятать красоту школьной формы было выше моих сил.

К общей радости, утро стояло ясное, солнечное, с бодрящим свежим духом. Воздух у нас в такие дни творил оптические чудеса: дальний край улицы под самой Ледяной горой приблизился, стал отчетливо виден ее бурый пустой склон. С другой стороны в четкой перспективе, казалось, нарисовался далекий сылвенский мост.

Мы с мамой, нарядные до невозможности и надушенные «Красной Москвой», пошли вверх по нашей длинной и прямой улице Гагарина. Я оберну-

лась и осторожно помахала букетом бабушке с бабушкой. Вот такими, рядышком, у наших высоких ворот, я и запомнила их навсегда.

Надо сказать, что я еще никогда не видела нашу начальную школу, она была в стороне от обычной дороги «в город». Младшие классы школы № 18 в то время занимали другое, маленькое здание на набережной Сылвы. Большое новое здание школы для старшекласников я видела у дороги, но, прежде чем в него попасть, надо было отучиться четыре года в маленькой школе.

Улица все гуще заполнялась спешащими нарядами ребятами и взрослыми. Вот и школьный двор. Куча народу! Представьте себе, что параллельных классов было по четыре-пять и в каждом по тридцать учеников, то есть во дворе начальной школы собралось как минимум пятьсот детей да еще родители первоклашек. С трудом пробираясь сквозь густую кишашую толпу, мы с мамой еле отыскали свою учительницу, окруженную родителями и перепуганными, молчаливыми первоклассниками.

В отличие от нас второклассники и другие большие ребята активно двигались, толкались и орали, не обращая никакого внимания ни на родителей, ни на учителей. Я опасалась, что они затопчут и мои георгины, и меня, и маму, поэтому только и ждала момента, чтобы избавиться от цветов. Наконец мне удалось подsunуть их нашей учительнице, уже прижимавшей к животу другие букеты.

Учительницу звали Таисья Михайловна Болотова. Она была нашей соседкой напротив, окна в окна, как говорила бабушка. Но мы ее совсем не знали, видели редко, мельком. О том, что она будет моей первой учительницей, стало известно только несколько дней назад.

Вдруг откуда-то из центра двора раздались командные голоса. Двор постепенно затихал, взрослые дергали детей за руки и задвигали их к забору, освобождая пространство. На освободившемся пятачке стояло несколько учительниц. Они говорили по очереди что-то неразборчивое, им хлопали.

Наши первые классы с помощью родителей с трудом развернули и какой-то бестолковой гурьбой повели к школе. Все это время я крепко держала маму за руку. Мне стало что-то совсем не радостно, а, наоборот, тревожно. В такой толпе немудрено было потеряться.

Мы вошли в класс (новое слово!) и столпились у большой черной доски. Учительница Таисья Михайловна сложила грудой все цветы на стол, велела родителям снять с нас пальтишки и повесить на крючки вдоль стены.

Потом она велела родителям встать у двери и вдоль вешалок, а нас кучкой оставила у черной до-

ски. И громким, четким голосом объявила, что сейчас она рассадит всех по алфавиту, а дальше будет видно.

«Рассаживание по алфавиту» началось, и я смогла рассмотреть помещение. Класс показался мне большим, с очень высоким потолком и двумя высокими незанавешенными окнами. Здесь стояли темно-коричневые парты, за вешалкой – узкий шкаф, тоже коричневый. Стены выкрашены в темно-зеленый цвет выше наших голов, а сверху побелены. Вблизи я рассмотрела и нашу учительницу. У нее были рыжие волосы, уложенные валиком; все лицо, полная шея и руки в мелких, но ярких веснушках. Темно-зеленое шерстяное платье плотно облегало. Худой и молодой ее никто бы не назвал.

Учительница громко называла фамилию и имя и показывала рукой на определенную парту. Мальчики и девочки с портфелями занимали свои места.

Парту я до этого дня не видела. Это наклонный столик с приколоченной к нему жесткой скамейкой. Столик состоял из двух неравных частей; нижняя часть, поуже, откидывалась наверх и почему-то называлась крышкой. Учительница уже несколько раз сказала «не хлопайте крышкой», а как не хлопать, если крышка сама стучалась, стоило ее задеть. Под крышкой находилось углубленное место, куда нужно было засунуть портфель. Парты стояли в три ряда. За каждой сидело по двое. Первые два ряда парт уже заполнились, и я стала волноваться, хватит ли мест для всех.

Наконец учительница отчетливо произнесла: «Ковшевникова Галя», и я шагнула к парте, засунула портфель в углубление, и крышка, конечно, громко хлопнула. Я поискала глазами маму, она улыбнулась мне. Рядом со мной уже сядил крошечный белобрысый мальчик Кожевников Саша. Мы успокоенно посмотрели друг на друга: наконец-то угнездились, и места достались хорошие – на второй парте третьего ряда, рядом со стоящими родителями.

Рассаживание по алфавиту закончилось благополучно: мест хватило всем детям.

Потом учительница рассказала, как правильно сидеть за партой. Нужно выпрямить спину и облокотиться на парту, сложив руки – правую на левую. Не шевелиться, не поворачиваться назад к соседям, не разговаривать, а смотреть прямо на учительницу и слушать ее. На вопросы отвечать поднявшись, но откидывать крышку без стука. Все это называется «правила поведения», и нарушать их нельзя. Мы присмирели окончательно и замерли, сложив руки правую на левую. Учительница говорила так строго и убедительно, что я уже боялась повернуть голову к маме.

Еще она сказала, что сейчас начнет задавать вопросы, и если кто-то знает ответ, то надо поднять

правую руку на локте, не выше. Когда учительница вызовет, назвав фамилию, надо встать и громко ответить на вопрос. Хором отвечать нельзя. Сесть можно по команде «Садись!».

Учительница стала задавать вопросы. Я знала ответы и исправно поднимала правую руку на локте, но так делали многие дети вокруг. Учительница вызывала их, они вставали «по правилам поведения» и отвечали. Меня всё не вызывали. После вопроса, кто умеет читать, я снова подняла руку. И учительница вызвала меня! Я молча встала, не хлопнув крышкой. «Ты и писать умеешь?» – спросила учительница. Я не знала, умею ли я писать. Никто никогда мне не говорил, что я умею писать. На всякий случай я молча пожала плечами. «Ну, тогда иди к доске и что-нибудь напиши нам!»

Такого в классе еще не было, к доске никого не вызывали.

Я заробела, но к доске послушно выдвинулась. После слов учительницы «возьми мелок и пиши» я нашла у доски в корытце кусок мела и с самого краешка внизу черной крашеной доски написала маленькую кривую М. Потом я задумалась. В классе стояла тишина. Кто-то из взрослых шепотом подсказал: «Пиши букву А». Но я-то задумалась не из-за того, что не знала букву А, а из-за того, что сомневалась, как изобразить букву И: палочку слева направо или наоборот. Выбрав N, я быстро дописала еще и P и оглянулась. Получилось «MNP». Современным типографским шрифтом, к сожалению, не передать мое руническое угловое письмо. Родители зашептались, зашевелились. Я нашла глазами маму. Она улыбалась и кивала мне одобрительно. Обрадованная, я посмотрела на класс от доски. Передо мной чинно сидели нарядные дети, их родители приветливо смотрели на меня, а учительница сказала: «Молодец, Галя, садись».

Мама улыбалась. Мой страх ушел навсегда. С первого стояния у доски и до окончания десятилетки я не боялась ни вызова к доске, ни класса перед собой. А в тот первый день учительница сказала, что к весне мы все научимся читать, писать и считать, а на сегодня все закончилось и мы можем идти по домам.

Мы с мамой чуть не бегом, взявшись за руки, припустили домой. Я летела вприпрыжку – скорее-скорее рассказать все бабушке с дедушкой. Праздник 1 сентября мы отметили весело и вкусно – с пирогами и бесконечными рассказами про самую лучшую в мире школу и учительницу.

Классная работа

Первых классов в школе было пять, но наш первый «Г» – самый лучший в мире. К тому же получи-

лось, что мы в большинстве своем соседи по улице. Моими одноклассниками стали ближайшие подружки – Таня Паклеева и Наташа Полетаева. Недалеко от нас жили Аркаша Пиликин и Слава Андрюков. В соседних кварталах были дома Толи Новикова и Люды Лебедевой. Возвращаясь из школы, до поворота мы шли вместе с Ирой Банниковой и Люсей Козицыной.

Как оказалось, я действительно не умела писать, хотя читать начала задолго до школы. Дома меня чтению никто не учил, но чтение вслух с мамой по вечерам, а днем с дедом его газет сыграло свою роль, и я незаметно для всех научилась читать. Обнаружил это дед, когда мне было пять с половиной лет. Он выписывал несколько газет: «Известия», «Труд», «Красную звезду», возможно, и другие, но эти я помню точно. Летом газеты копились в стопке на стуле, а потом исчезали в бабушкиной растопке. Однажды летним днем дед, зачитавшись, сказал мне: «Ну-ка, подай мне «Красную звезду» за прошлую неделю». Я порылась в стопке и выдала нужную газету. Дед стал читать, а потом, опомнившись, опять мне: «А подай-ка «Известия» за июнь». Я послушно зашуршала в стопке, выискивая июньские номера. Дед пересмотрел поданные газеты и позвал бабушку: «Настя, иди сюда, Галинка-то у нас читает!»

Вдвоем они указывали мне крупные газетные заголовки, и я, помолчав с минуту над газетой, выдавала бодрым дикторским голосом весь заголовок: «Быстрыми темпами идет сенокос» или «Успешно закончено строительство многоквартирного дома». Дед с бабушкой переглядывались удивленно, а вечером рассказали маме. Ну, подивились-порадовались, но учить письму или счету не стали: в школе научат. А вот вечерние мамини чтения продолжались, как раньше. Читала она плавно, с выражением, лучше всяких артистов по радио, к тому же в это время я сидела у нее на коленях и рассматривала картинки в книге – как можно отказаться от такого счастья?

В школе никакого чтения пока не было, вместе с остальными ребятами я училась писать простым карандашом. Не удивляйтесь, такое в то время было методическое требование: начинать обучение письму не с ручки, а с простого карандаша. Мы учились выводить крюки и палочки четко по косым линиям для правильного наклона. Несколько недель мы выводили эти загогулины, прежде чем перешли к алфавиту и прописям.

Уроки письма я обожала, от слов «волосаяная», «нажим» замирала душа. Я вдыхала аромат чернил, с упоением выводила красивые письменные буквы, будто бы китайский писец-художник просыпался во мне. А слово-то какое замечательное – «чистописа-

ние»! Тщательно выверялось качество перышка, в левой руке я держала наготове перочистку. Никаких чернильных заусениц не должно появиться! В итоге заглавные буквы со скромными завитушками радовали глаз. Я научилась писать как в прописях!

Каллиграфия – искусство и, как всякое искусство, оставляет след в душе. И до сих пор я обожаю красивый русский почерк. А недавно мне посчастливилось в домашнем архиве мужа-эльзасца обнаружить старые немецкие письма, написанные восхитительно мелким, с волосяными линиями! Письма датированы 1904 годом. И девичий песенник моей свекрови-француженки исписан манером «волосая-нажим».

Цифры на уроках арифметики я тоже любила писать. Вот двойка: начинается с жирной точки, потом идет ровная головка, плавный изгиб и заканчивается волнистым хвостиком – красивая цифра.

Уроки чтения никогда не проходили для меня скучно. Я легко и послушно привыкла читать по складам «для всех», хотя «Букварь» и даже «Родная речь» были мною давно и не раз прочитаны про себя.

Уроки рисования, труда и физкультуры считались у нас легкими и шли всегда четвертым уроком. Из рисования помню первую в моей жизни тройку. Получила я ее за то, что нарисовала снеговика красным карандашом. Объяснялось это просто: синий карандаш сломался, а занять у соседней не удалось – все синие карандаши были в деле, поскольку мы рисовали тематическую картинку «Зимние забавы детей». Мое художественное виденье снеговика в красном цвете учительница оценила как посредственное. Тройка запомнилась, но не огорчила: за оценки мне не приходилось бороться. Без больших усилий я получала пятерки и превратилась в крупную отличницу.

Косы и бантики

Через некоторое время, когда выявилась разница в наших успехах, по какому-то своему учительскому методу Таисья Михайловна затеяла «пересаживанье». Сия участь постигла меня в числе первых. Крупную послушную отличницу не стоило держать на второй парте, вблизи учительского стола и внимания, и меня пересадили за вторую с конца парту среднего ряда. А моего маленького соседа Сашу Кожевникова, к которому я успела привыкнуть, оставили на прежнем месте. Я оказалась за одной партой с Ирой Банниковой, тоже высокой девочкой и отличницей. Мы с ней быстро подружились и потому были довольны таким решением.

Но многие мои одноклассники плакали и с трудом привыкали к новому месту. Вероятно, вмеши-

вались и родители, так что пересаживанье время от времени продолжалось в течение всего учебного года. Некоторые ребята возвращались на старое место к прежним компаньонам.

На фоне тревожного для всех пересаживанья как-то незаметно прошло вступление в октябрят и деление нас на «звездочки». Возможно, для мальчиков что-то значило быть командиром нескольких своих однокашников, но для меня – нет; я даже не помню, кто входил в нашу пятерку-звездочку. Нам прикололи октябрятский значок на форму слева, тем и обошлись.

Мы с Ирой Банниковой благополучно досидели за одной партой до весны. А потом грянуло роковое для нас пересаживанье – по вине Ирки Гнедышевой. Эта девица отличалась взбалмошным характером. Она могла, например, посреди урока встать без разрешения и пройти через весь класс к кому-нибудь, чтобы рассмотреть приглянувшийся ей карандаш. Иногда Ирка даже выходила из класса. Или шла к вешалке в поисках своей варежки, срочно ей понадобившейся посреди урока. Одним словом, девочка была своеобразная, не всегда послушная. На мою беду, стриженную под горшок Ирку заинтересовала моя пышная длинная коса. На переменках она часто подходила ее погладить, пыталась расплести. Я спокойно относилась к этому, никогда Ирку не отталкивала и вообще старалась быть дружелюбной со всеми. Вероятно, Таисья Михайловна заметила тягу Гнедышевой к моей косичке и решила с ее помощью утишить непослушницу. Ирку посадили ко мне. Она вся засияла, а мы с Ирой Банниковой хотя и не заревели, но расстались грустными.

Мама заплетала меня по утрам по-разному: то в одну косу, то в две, то с приплетами, то высоко, то в корзиночку. Ирка млела от моих причесок. Иногда на уроках чтения она и не слышала, как твердила Таисья Михайловна: «Следите за текстом», а расплетала потихоньку мою левую косичку и старательно ее вновь заплетала. Когда Таисья Михайловна, пытаясь ее вразумить, грозно говорила: «Гнедышева, продолжай!» – Ирка испуганно тарасилась в «Родную речь». Я, как верная соседка, тут же тыкала пальцем в нужное место, и Ирка мгновенно подхватывала продолжение, соображала она быстро.

В отличие от нее я прилежно следила за текстом, хотя про себя прочитала его уже не раз. Во мне было заложено безоговорочное послушание, и будь я мальчиком, то непременно стала бы военной и дослужилась до генерала.

Вероятно, дисциплина – явление не только социальное, но и биологическое, передается генетически и досталась мне по отцовской военной казачьей линии.

Видимо, моя коса подействовала. Ирка перестала блуждать по классу, когда ей вздумается. Таисья

Михайловна решила пересадить ее от меня. Но не тут-то было. Ирка не заревела, но, как выражались мои одноклассники, «подговорила» свою маму, и та настояла, чтобы ее дочь осталась со мной за одной партией до конца учебного года. Впрочем, меня это уже несколько не волновало, потому что через несколько дней на меня обрушилось страшное горе. Конец учебного года прошел как в тумане, и кончилось мое счастливое детство.

Умерла бабушка. Свет померк для меня во вселенной.

В конце учебного года, в последних числах мая, Таисья Михайловна велела нам прийти в школу нарядными. Оттуда она повела весь класс фотографироваться. И в темном фотосалоне у Сылвы недалеко от моста нас рассадили и поставили, как пожелала учительница. На фото рядом с ней сидят в первом ряду два отличника: насупленный, серьезный Аркаша Пиликин и большеглазый, красивый и прилежный Слава Андрюков. Оба в школьной форме для мальчиков – толстых шерстяных темно-серых рубашках с блестящими серебряными пуговицами, с пришитыми белыми воротниками.

Рядом с ними еще один мальчик в форме, кажется Леня. Его фамилии я не помню. Остальные мальчики на фотографии в вельветовых рубашках, а высокий Толя Новиков в белой рубашке с коротким рукавом.

Все девочки без исключения в коричневых школьных платьях и белых фартуках. Мы с Ирой Банниковой стоим за спиной учительницы. У многих девочек в косичках уже не атласные и шелковые ленты, а модные капроновые.

Они только-только появились в городе. За моей спиной у подружки Наташи Полетаевой в ее тонюсеньких, обрысканных косичках узкие, но все же капроновые красные бантики, которыми девочки восхищались всю дорогу. В моей косе, самой толстой и длинной в классе, тоже белый широкий капроновый бант, и я перебросила косу через плечо, чтобы его было видно на снимке. Жаль, что фотография черно-белая – неразличимы наши рыжие, рыжеватые, русые головенки и веснушки.

Все мы серьезно, без улыбок смотрим в объектив. Впереди у нас долгая жизнь.

К весне, как и обещала учительница, мы действительно все научились читать, писать и считать. Пусть успехи были разными, но научились все! Спасибо учителям, учительницам-старушкам, которые спокойно, доброжелательно, без крика, понуканий и наказаний, неспешно за год выучивали по тридцать – сорок детей чтению, письму и счету.

Поклон им низкий.

Пашия цементная

В августе 1963 года, через четыре месяца после смерти бабушки, мы с мамой уехали из Кунгура в рабочий поселок Новая Пашия Пермской области – километров за двести к северу от родного дома. Там к тому времени обосновались семьи маминых старших сестер – Ляminy и Голышевы. Их соблазнила возможность пожить «со всеми удобствами», как тогда говорили, в благоустроенных квартирах.

Жилье это было получено в домах, которые строил для своих рабочих крупный цементный завод. Сам он был возведен к середине пятидесятых годов рядом с железнодорожной станцией Пашия. Продукция завода быстро расходилась для послевоенного восстановления страны. Потому и квартиры рабочим давали довольно быстро, особенно семьям с детьми. Ляminy с семьей детьми получили благоустроенную трехкомнатную квартиру в центре поселка на улице двухэтажных домов. Голышевы с четырьмя детьми получили трехкомнатную квартиру в пятиэтажке на первом этаже. Сестры хвастались своим благоустроенным бытом.

На что рассчитывала моя легкомысленная мамочка, одинокая, с маленькой дочкой, уезжая из родного дома к сестрам в переполненных квартирах? Какой из нее мог быть ценный сотрудник для цементного производства? Кто дал бы ей благоустроенное жилье? Но перед соблазном примера сестер она не устояла. Как ни уговаривал ее дед остаться дома, мама все-таки решила по-своему. Сдерживающей силы бабушки уже не было. С чемоданом и восьмилетней дочкой мама появилась в Пашии.

Не успело наше место в родимом доме остыть, как его заняла старшая дочь деда Анфиса Архипова с семилетним сыном Витей. Она переехала из Осы с благородной целью – досматривать одинокого отца. А нам с мамой возвращаться было уже некуда.

На завод в Новой Пашии мама не попала, устроилась в промтоварный магазин младшим продавцом на крошечную зарплату. Жили мы с ней на кроватях то у Голышевых, то у Ляminyных в течение полугода. Затем за небольшую взятку комендантше, на которую мама решилась от безысходности, ей удалось получить комнатку в двенадцать квадратных метров в большой коммунальной квартире.

Трехэтажный дом назывался секционным и представлял собой настоящий муравейник с крошечными комнатками для одиноких рабочих. Наша секция – квартира из шести комнат, большой общей кухни и общего туалета – была женской. В ней проживали две старые девы, одна незамужняя молодка и две одинокие женщины с нагулянными дочками. Мама поселилась третьей «с нагулянной».

Все, кроме мамы, работали на цементном заводе по сменам, и довольно давно. Во всей квартире было чисто и тепло, в общей кухне никаких склок и ссор мы не слышали. Женщины жили замкнуто, тихо, но доброжелательно.

Центром новопашийской культурной жизни был великолепный дворец со странным названием – Дэкабэра. Белые круглые колонны по фасаду двухэтажного длинного зеленого здания мне особенно нравились. В Дэкабэре шли фильмы, проводились торжественные концерты на всенародные праздники 1 и 9 Мая, на 7 Ноября и Новый год. Эти концерты будоражили весь поселок, потому что в переполненном зале сидело все начальство, а на сцене выступали все местные таланты. Постоять на большой сцене Дэкабэры удалось даже мне, когда нас целым третьим классом торжественно принимали в пионеры. Других талантов у нас с мамой не обнаружилось, мы не пели и не плясали в кружках, а лишь изредка ходили в Дэкабэру на новые фильмы.

С поселением в секционном доме наш с мамой быт налажился.

«Медленным грузом» по железной дороге доехала из Кунгура мамина мебель: железная полуторная кровать с блестящими шишечками, черный комод и сундук. Маленький столик и две маленькие табуретки собственного изготовления подарил нам дядя Володя Голышев. Больше ничего невозможно втиснуть в нашу комнатушку, поэтому мы с мамой спали вместе в одной кровати. На маленьком столике мама варила утренние каши и какао, если молоко на подоконнике не скисало. Днем после школы я делала за столиком уроки. По вечерам на новой электрической плитке мама жарила картошку или яичницу. Готовить на общей кухне она не захотела, там мы пользовались только раковиной для мытья, да набирали воду в чайник. В туалете унитаз был с высоким бачком, и для смыва надо было дергать за цепь. Пенье этого бачка слышалось во всех комнатах все утро и весь вечер. По субботам мы ходили в общую поселковую баню, изредка мылись в ванной у Голышевых. Белье стирали у Ляминых в их новой стиральной машинке. Вот и все прелести благоустроенного пашийского жилья, за которым мама уехала из родного дома...

Я поступила во второй класс Новопашийской школы. Моя вторая учительница – Елизавета Яковлевна Карманова. Среднего роста и среднего возраста, подвижная и худенькая, она мне очень понравилась.

Елизавета Яковлевна часто нам улыбалась даже на уроках, а на перемене могла и обнять, и утешить, если требовалось.

Ей было лет сорок, а маме тридцать, но они подружились. Умная Елизавета Яковлевна смогла оказать на маму очень хорошее влияние. А началась их дружба из-за нештучного для меня происшествия.

Первую четверть в новой школе я легко окончила отличницей. И вот в первый зимний день Елизавета Яковлевна строго объявила на уроке арифметики, что отпрашиваться в туалет с урока нельзя, потому что она будет объяснять новый трудный материал. Через несколько минут вверх все же потянулись руки – в туалет! – но Елизавета Яковлевна повысила голос: «Никто не выходит, всем сидеть на месте и слушать внимательно».

Вскоре и я почувствовала, что хочу в туалет – по-маленькому. Терпела почти до конца урока, но в какой-то момент не выдержала. Одета я была как все – в толстые рейтузы да шаровары с начесом поверх валенок. Все туда и уплыло. По звонку я, осторожно ступая, пошла в туалет, оставляя за собой предательские мокрые следы. Елизавета Яковлевна заметила их и пошла за мной, мягко велела немедленно одеться и бежать домой. Она обняла меня, довела до раздевалки, помогла натянуть пальто, шапку и варежки. Потом поцеловала в щеку, ласково сказала: «Прости меня, пожалуйста». И велела бежать не останавливаясь по дороге, а дома все с себя снять и надеть сухое белье.

Так я и добежала без портфеля по морозной улице до нашего дома.

173

Под вечер с работы вернулась мама с моим портфелем. Она рассказала, как пришла к ней в магазин Елизавета Яковлевна, принесла портфель и просила извинения за то, что так строго поступила на уроке. Призналась, что очень раскаивается и переживает за меня. Мы с мамой, конечно, простили Елизавету Яковлевну, но на этом грустная история не закончилась, просто она превратилась в веселую.

На следующий день в школе все для меня было как обычно. Никто ничего не говорил, поэтому я и подумала, что никто ничего не заметил. Но после уроков мой одноклассник Вовка Паравышний, сын маминной начальницы, заявился в магазин и, улучив минутку, когда моя мама, стоя за прилавком, обратила на него внимание, прошептал ей: «А я все равно вашу Галю люблю, хотя она и уписалась вчера на уроке».

От неожиданности мама рассмеялась. Ободренный Вовка докладывал: «Я видел следы и в классе, и по коридору до раздевалки, а потом ваша Галя убежала без портфеля и не вернулась». Мама сказала ему: «Да, случилась вот такая неприятность, но ничего страшного не произошло, ведь так?» На разговор вышла Вовкина мама – заведующая магазином Марья Мироновна. Вовка все повторил и добавил: «Это ничего, я все равно ее люблю». Наши

мамы рассмеялись, а Марья Мироновна ехидно спросила Вовку: «А женишься?» И тот выпалил мигом: «Конечно! Лучше Гали я еще не нашел!» Дружный хохот женщин несколько его не смутил.

Вечером дома мама, смеясь, передала мне этот разговор. Я тоже среагировала мгновенно: «Вот дурак! Да я никогда за него замуж не пойду, он носится как слон по коридору и всех толкает!»

Несмотря на мою отповедь, раскритикованный, но верный Вовка Паравышний два года не сводил с меня влюбленных глаз и хвастался тем, что наши мамы работают вместе в магазине в самом центре поселка. А мама и моя учительница с той поры подружились.

Вскоре Елизавета Яковлевна пригласила нас с мамой на день рождения одной из двух своих дочек-старшекласниц. С подарком – книгой – мы, волнуясь, переступили порог учительской квартиры и ахнули. Уютная прихожая с красивыми светильниками, большая комната обставлена красивой блестящей мебелью. Шкаф с посудой сиял, книжные шкафы наполнены прекрасными книгами, были еще и подвесные полки с книгами, толстый ковер на полу под большим праздничным столом, какие-то необыкновенно удобные мягкие стулья, необыкновенная люстра. Я разглядывала все в молчаливом восторге, а мама разговаривала с девочками-подростками о моде. На ней была только что купленная юбка плиссе, бежевая, чехословацкая. Все восхищались маминной модной юбкой. У меня тоже была обновка – первые мои колготки, коричневые, в тонкую резиночку. Вообще, много нового узнали мы в Новой Пашии: первый шампунь, первые чебуреки, первую полированную мебель, первые индийские фильмы. И именно Елизавета Яковлевна прояснила нам наконец загадочное слово «Дэкабэра». Оказалось, это Дворец культуры имени Бэра – ученого-физика.

В июне, после окончания второго класса, мама впервые отправила меня в лесной пионерский лагерь. Лагерная смена продолжалась целый месяц, я с трудом его прожила в дощатом домике с кучей девочек в спальне, с зарядкой по утреннему холоду, линейкой, хождением строем всем отрядом, несладкой кашей и чаем, с какими-то пустыми девчачьими разговорами и ссорами. После лагерной смены я уже чувствовала себя заболевшей, но окончательно свалилась в конце июля.

Мама отвезла меня в город Чусовой в больницу. Диагноз – повторная желтуха (первый раз я болела перед школой). Состояние мое резко ухудшилось: резкая боль в печени, постоянная тошнота, рвота. Изнуряющее выкачивание желчи через противные оранжевые трубки сил не добавляло, я таяла, как

Снегурочка в сказке. Даже стоять у окна и смотреть на реку Чусовую было трудно, ноги подкашивались, и я ползла на кровать. Новые слова «капельница», «глюкоза», «процедура» меня не радовали. Держать в руках книжку и читать не было сил. Разговаривать не хотелось. Словом, наступил конец света в жутком одиночестве.

Мама приезжала по воскресеньям. Она ехала на поезде сорок километров от Пашии до Чусового, а потом тащила на гору, где находилась больница, ящик виноградного сока. Дело в том, что я ничего не могла есть, только пила этот сок. В больнице его не было, вот мама и привозила ящик на целую неделю. Санитарки ставили ящик прямо под мою кровать, а потом открывали тяжелые бутылки, когда я просила. Старенькие санитарки меня жалели и любили. Пила я прямо из толстых пупырчатых бутылок с большим горлышком, как у банки. Я их помню на ощупь, помню и вкус натурального сока из темного винограда, спасшего мне жизнь. Маму ко мне не пускали, потому что отделение было закрытое инфекционное, и она стояла под окном палаты. А я через две рамы не могла до нее докричаться и только махала слабой ручкой, пытаюсь улыбнуться. Так продолжалось три месяца: август, сентябрь и октябрь. Деревья на склонах у реки сначала пожелтели, как мое желтушное тельце, потом потемнели от дождей, засучили голыми ветками под ветром, а вот и забелели в первом снегу.

*Умирала на реке Чу.
Виноградный сок был едой.
Из лекарств – «умереть не хочу»
да задушенный мамин вой.*

*У камней пена как цветок:
разукрасилась река Чу.
Унесет меня твой поток
одуванчиком на плоту.*

*Но мадонна в валенках постоит
под больничным белым окном.
Из ее неслышных молитв
возродится жите мое.*

Через полвека я написала эти стихи, благодарно вспоминая о реке Чусовой и маме.

Как только мы вернулись после больницы в Пашию, приехал из Кунгура дедушка. Мы бросились друг к другу и уже не могли расцепить руки. Дед сгорбился, постарел, а я вытянулась и уже вблизи рассмотрела его тоскливые, мокрые от слез глаза, слабую улыбку. От волнения дед сначала не мог го-

ворить, только все гладил мои ручонки, не выпуская. Мы вышли с ним на улицу, от всех подальше, ходили по поселку, и он все время держал меня за руку, как раньше в Кунгуре. Я показывала деду дома, улицы, повела к Дэкабэре, к школе, рассказывала про нашу жизнь, а дед все молчал да ласково поглаживал мое запястье повыше варежки своими теплыми пальцами. Наконец, продрогнув и проголодавшись, мы пошли к Голышевым, где дед устраили на диване на время гостеванья.

Стояли ноябрьские каникулы, голышевские ребята толклись в квартире. Дед с утра приходил к нам, забирал меня, заботливо укутав в старенькую шаль поверх шапки, и мы шли бродить по поселку, держась за руки. Я была еще очень слаба, чтобы гулять одной, а с дедом наконец-то надышалась свежим воздухом после трехмесячного больничного заключения. Обедать шли к Голышевым, где тетя Дуся кормила нас горячим супом и пирогами. Она работала сестрой-хозяйкой в больнице совсем рядом с домом и успевала приготовить свежий суп к обеду. Потом мы опять бродили по улицам, присыпанным снежком, смотрели, как зажигались первые ранние огоньки, и шли в наш «муравейник». По дороге заходили в угловой магазин, дед покупал конфеты-пряники к чаю. К приходу мамы у нас был готов чай и жареная картошка. Дружно поужинав в нашей комнатухе, мы прощались. Дед уходил спать к Голышевым, потому что у нас даже на полу ему не было места вытянуться. А мы с мамой садились за уроки.

Чтобы мне не отстать от класса, Елизавета Яковлевна снабдила маму заданиями по арифметике, разъяснениями и диктантами. И каждый вечер мама терпеливо решала со мной примеры на деление в столбик, все нужные задачи за первую четверть и диктовала упражнения. За неделю каникул мы полностью справились с программой. Завтра мне в школу, а дед уедет домой в Кунгур. Прощание с ним было душераздирающим, я редела весь вечер, загнула в слезах.

Вторая четверть катилась своим чередом, я легко догнала одноклассников, вот только ходить на лыжах на уроках физкультуры мне не разрешалось, и я мерзла возле учительницы, завидуя разряженным подружкам.

Мы активно готовились к новогоднему концерту. На уроках пения разучивали песню о чибисе. Чаще всего эти уроки проходили в школьном коридоре, где в ряд выстраивались все третьи классы и дружно выпевали по голосам: «У дороги чибис, у дороги чибис, он кричит, волнуется, чудак...» Тут мальчишки смолкали и дальше пищали одни девочки: «А скажите, чьи вы? А скажите, чьи вы?»

Песня про чибиса мне нравилась, но с особым волнением я ждала свою любимую – «Там, вдали за рекой, зажигались огни...». Мы начинали ее тихонько, потом песня нарастала, будто всадники приближались под цокот копыт: «Они ехали долго в ночной тишине по широкой украинской степи...» Дальше мы пели строго и громко: «Вдруг вдали у реки за сверкали штыки, это белогвардейские цепи. И бесстрашно отряд поскакал на врага, завязалась кровавая битва» – и тут мы переходили в тихий минор: «И боец молодой вдруг поник головой...» Ну прямо слезы наворачивались. Особенно меня трогали слова: «Ты, конек вороной, передай, дорогой...» Словом, это была не просто песня, а маленький спектакль, в котором мы участвовали. Урок пения был одним из любимых моих уроков.

Иногда на уроке труда, когда мы вырезали снежинки и клеили бумажные цепи для елки, Елизавета Яковлевна параллельно устраивала репетицию чтецов. Первой всегда начинала наша звезда Ира Токарева. Она репетировала длинное стихотворение «Сын артиллериста». Ира – маленькая ростом, но спортивная, подвижная и очень красивая девочка с низким выразительным голосом. Мы переставали щелкать ножницами, когда она выходила к доске, становилась лицом к Елизавете Яковлевне, а к нам боком и начинала низко и раздумчиво: «Был у майора Деева товарищ майор Петров. Дружили еще с Гражданской, еще с двадцатых годов». Ира уже не ошибалась в тексте, а отработывала интонации по тихим указаниям нашей учительницы. Мы ловили каждое их слово, непроизвольно про себя повторяя за Ирой. Но куда нам было до нее! Ира читала блестяще, она жила каждой строчкой. Как душевно звучал ее голос, как она умела сделать паузу в самом трагическом месте, как чеканила командирским голосом: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!»

У меня каждый раз мурашки по коже пробегали, когда я слушала Иру. Она была не только умница-отличница, но и безусловный лидер класса. А среди мальчиков лидером был самый маленький, но самый умный Валера Перескоков.

После блестящего выступления нашего третьего «А» класса на новогоднем концерте, где Ира Токарева, конечно же, вызвала гром аплодисментов учеников, родителей и учителей, Елизавета Яковлевна решила сфотографировать на память своих любимчиков – четырех отличников. Помимо Иры, Валеры и меня, был еще Сережа Стариков. Так мы и остались на памятной снимке – серьезная четверка вокруг нашей учительницы.

Как выяснилось чуть позже, фотография была задумана не случайно. В новогодние каникулы Ели-

завета Яковлевна опять пригласила нас с мамой к себе на чай. Мы радостно уселись за столом (к слову, только у Кармановых я и видела настоящий чайный сервиз с голубыми узорами), и во время чаепития Елизавета Яковлевна сказала, что откроет нам большой секрет. Их семья в скором времени уезжает навсегда на юг, потому что муж Елизаветы Яковлевны, инженер, получил новое назначение. Известие это нас оглушило, слезы закапали и у меня, и у мамы. «Вот почему я хочу с вами серьезно поговорить о вашем будущем», – сказала Елизавета Яковлевна. Она стала говорить о том, что и нам тоже надо уезжать из Пашии, желательно в южный университетский город; там мама должна все свои силы приложить, чтобы дать мне высшее образование. Мои способности надо развивать, говорила Елизавета Яковлевна, а для этого надо жить в большом городе, а не в рабочем поселке. Здоровье здесь легко угробить, а на юге витамины, солнце и тепло укрепят слабое здоровье, настаивала учительница. Мне кажется, именно после этого разговора моя мама и обрела новую цель и смысл жизни – дать дочери университетское образование.

«Но куда же нам ехать в далекий южный город, если у нас нет денег и родственников на юге?» – сомневалась мама.

«Надо искать возможности и связи. Если вы не найдете, то мы вам поможем, спишемся и вы останетесь у нас на первое время. Пока мы и сами не знаем, какое служебное жилье нам дадут в Ростове-на-Дону, но вам обязательно поможем», – убеждала маму Елизавета Яковлевна. Долго и грустно мы чаевничали в этот раз у Кармановых и ушли домой озадаченными.

Как ни странно, у нас все же обнаружилась родня на юге. Точнее, пока лишь упоминание о ней. Тетя Шура Лямина слышала, что где-то в Донбассе жили тетки наших пермских родственников. Начался первый этап поиска: нужно было найти этих дальних родственников из Перми. Тетя Шура узнала их адрес. Потом она и мама вместе написали им письмо. Из ответного письма мы узнали, что донбасские тетки еще живы, живут в Донецке; уехали они в Сталино еще до войны, но с родней связь поддерживают, даже иногда приезжают на родину в Пермь.

Второй этап не был столь быстрым и успешным. На мамино письмо в Донецк незнакомым тетюшкам долго не было никакого ответа. Мы потеряли надежду. Но мысли о юге и Украине не выходили из головы.

Еще зимой я попросила у библиотекарши книгу про Украину, и она выдала мне Гоголя – «Вечера на хуторе близ Диканьки». Я заглянула в оглавление: «Сорочинская ярмарка. Вечер накануне Ивана Купа-

ла. Майская ночь, или Утопленница. Пропавшая грамота. Ночь перед Рождеством...»

«Ночь перед Рождеством» – да это же тот чудесный фильм, что мы с мамой смотрели еще в Кунгуре! Ясно встали перед глазами красивая Оксана, кузнец Вакула, хитрая Солоха и смешной черт, укравший месяц, царица в Санкт-Петербурге, красные черевички с ее ноги... Как здорово! Значит, это и есть Украина?! Значит, хоть одним глазком, но мы уже видели Украину с ее чудесами! Я прижала книжку к груди и помчалась домой.

За окном был тридцатиградусный мороз, а я, задрвав на горячую батарею замерзшие ноги в шерстяных носках, связанных еще бабушкой мне на вырост, погрузилась в чудную гоголевскую речь. Свалилась из уральской зимы в украинское лето: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное!»

Забыв обо всем на свете, я попала на Сорочинскую ярмарку и услышала от Гоголя первые украинские слова: «Що, боже ти мій, господе! Чого нема на той ярмарці! Колеса, скло, дьоготь, тютюн, ремінь, цибуля, крамарі всякі...»

Я еще не знала, что в скором времени буду не просто учить эту забавную мову, а поглощать ее с упоением, слушая, как она льется и щекочет язык, словно вкуснейшая газировка в жаркий день.

176

Насилу дождались мы к майским праздникам весточку с юга. На поздравительной открытке с салютом было всего несколько слов: приезжайте в гости, живем мы в Донецке на Петровке. И подпись: тетя Поля и Нина. Коротко, но главное – есть приглашение! Есть куда ехать на Украину!

В июне тетя Дуся Гольшева решила свозить меня в Кунгур попрощаться. Мама не могла ехать, она отработывала срок перед увольнением. А мне кажется, она просто боялась Кунгура, боялась, что в родном доме не устоит перед отцовыми слезными просьбами и тогда мы навсегда останемся на Урале. Многолетнее ожидание юга ее истомило.

В Кунгур мы поехали вчетвером: тетя Дуся, ее дочки Галя с Катей и я. Родной дом обнял меня, как бабушка. Мы с дедом сразу пошли на кладбище. Все знакомо до мелочей: улицы, дома, брусчатка на дороге перед церковью. А вот и бабушкина могилка с голубым деревянным крестом и посаженными ноготками, уже скромно цветущими.

Не знаю, чем занимались в гостевании Гольшевы, а у нас с дедом был свой распорядок. Каждое утро после чая мы шли на кладбище, кланялись бабушке, молча разговаривали с ней. Потом неспешно обходили другие аллеи, смотрели памятники, проходили кладбище насквозь и спускались по каменной тропинке с Ледяной горы на нашу улицу. Возвращались к обеду усталые. После обеда спали

вместе на дедовой кровати и, испив чаю, опять ушли – «в город».

Каждый день дед находил какую-нибудь хозяйственную надобность, и мы шли ее покупать в круглый магазин, гуляли по нашим любимым улицам, не расцепляя рук. Так прошло несколько счастливых дней. Однажды вечером я случайно услышала, как раздраженно говорили о нас с дедом мои тетушки: только, мол, и знают, что на могилку ходить, с сестрами не разговаривают, а Галинка даже к подружкам не пошла поиграть.

Действительно, нам с дедом никто не был нужен. С мясом и кровью отдирали меня от него при прощании на кунгурском вокзале.

Лето было нерадостным. Мы простились с Кармановыми. Они первыми уезжали в южные края. Елизавета Яковлевна и мама плакали, мы с девочками Кармановыми переглядывались, но не ревели: уже большие.

Дед не выдержал и в конце июля приехал к нам в Пашию. Мама опять плакала, но на уговоры не поддавалась и упрямо твердила, что надо ехать на юг ради меня, ради моего здоровья и будущего. Сгорбившись, теребя старую хозяйственную сумку с пашийскими гостинцами, стоял дед на маленьком вокзальчике совсем потерянный.

Он знал, что больше никогда не увидит нас.

Григорий ШАЛАКИН

УНИКАЛЬНЫЕ «ХОЛСТЫ» НА ОБЕРТОЧНОЙ БУМАГЕ

Старожилы Кемерово легко припомнят, что в 1970–1980-х годах на улицах города можно было видеть по меньшей мере двух мужчин, одевавшихся необычно легко даже в сильные холода. Один из них вообще чуть ли не ежедневно бродил по тротуарам Ленинского района обнаженным по поясу. Воспринимался он закаленным человеком, иными словами – моржом. Но и только.

Второй был гораздо загадочней. Появлялся на людях реже. Быстрым шагом преодолевал расстояние от бульвара Строителей до центральной части столицы Кузбасса. Злые языки судили-рядили: нет, мол, у мужика пятака на троллейбус или шести копеек на проезд в автобусе. Да и вид у него был какой-то легкомысленный: тонкая ветровка, хэбэшные штаны и кирзовые сапоги. Не из дальних ли мест товарищ освободился?

Однако непохоже. Больше этот спешно двигавшийся поджарый мужчина смахивал на возрастного студента. И нередко он держал под мышкой рулон бумаги грязно-серого цвета (в такую работники торговли заворачивали покупателям соленую рыбу и мясопродукты, скручивали из нее кульки для конфет, муки и сахара). А еще, бывало, в руках он нес связки деревянных рам с сюжетными картинками и портретами в черно-красных тонах.

– Я – последний передвижник! – так называл он себя. – Любую свою выставку в рулоне легко перенесу с места на место.

Его знали библиотекари, писатели, поэты, работники Художественного фонда, партийные идеологи и журналисты. То был художник Герман Захаров. Он оставил работу в редакции областной молодежной газеты «Комсомолец Кузбасса» и пребывал на вольных хлебах. То есть творил по собственному графику и в свое удовольствие, умудряясь что-то зарабатывать на жизнь, входя в близкое ему по духу творческое сообщество – Союз журналистов СССР.

Герман Порфирьевич превосходил меня возрастом лет на пятнадцать. Дружбы как таковой между нами не было. Однако мы были представителями одного цеха и потому состояли в приятельских отношениях. Ведь в начале 1980-х годов и мне довелось работать корреспондентом областной партийной газеты «Кузбасс».

Периодически мы встречались, разговаривали. И однажды Захаров признался, что мечтает о свободном творчестве.

– Художнику мало чего надо в жизни, – подчеркнул Герман. – Вот дали бы мне год свободно и спокойно поработать! Я бы все за это отдал. И если бы не убедил своими работами высокую комиссию – сел бы в долговую яму!

Дать творческим людям возможность свободно трудиться. По мнению Захарова, это было бы выше всех наград и званий.

Его подлинная независимость от конкретных официальных организаций являлась нонсенсом в советский период. Могли и ярлык тунеядца приклеить. Но Герман Захаров уже слыл мастером своего дела. Автор графических работ с изображением известных в стране и мире людей был довольно востребованным. К нему обращались издатели, руководители партийных и советских органов. Хорошо помню его панно с Лениным на парадных стенах домов политического просвещения. На литературных праздниках появлялись созданные им стилизованные образы русских и советских писателей, поэтов. Ошеломляющий Александр Сергеевич Пушкин, например, был запечатлен в тот момент, когда его сразила пуля. Эту работу хотелось рассматривать. Она будила много мыслей.

Как позже оказалось, и лениниана Захарова, и портреты Федора Достоевского, Александра Блока, Дмитрия Шостаковича, Василия Федорова вошли в ряд лучших творений кузбасских мастеров кисти, карандаша и пера переходного периода от социализма к коммунизму.

Талант и творческое своеобразие Германа Захарова, родившегося в 1933 году в городе Ленинске-Кузнецком в семье педагогов (мать была москвичкой, отец из Новосибирска), избравшего в искусстве путь самообразования и учившегося на опыте оформителей клубных стендов, красных уголков и ретушеров фотографий для газет,

в полнейшей мере проявились в его книжных иллюстрациях.

Помогли детские, юношеские впечатления, пробы схватывания характеров людей на натуральных зарисовках и по памяти.

Захаров рассказывал мне, что перед его глазами всю жизнь проходили картинки детства и молодости. Память сохранила немало ярких моментов ленинск-кузнецкой жизни военного и послевоенного времени. Герман Порфирьевич отлично помнил шумный базар шахтерского города по воскресным дням, песни фронтовиков на площади под гармошку, вид калек, нищих. С его слов, один из земляков был похож на российского императора Александра II. Другой старик, с четырьмя георгиевскими крестами, восклицал про товарища: «Вылитый царь-батюшка!» Третьего фронтовика, контуженного на войне, величали Эскадрой. Он часами смотрел вдаль, ожидая прихода кораблей из Порт-Артура.

Рыночные зеваки спрашивали:

– Что видишь?

– Пока один дым, – следовал ответ инвалида.

Именно в Ленинске-Кузнецком, глядя на отца, Герман Захаров пристрастился к рисованию. Воспроизводил на бумажных обрывках лица соседей, знакомых. Позже начал четко прописывать образы земляков. Когда накопилась пачка работ, отправился с ними в Кемерово на выставку. Вдруг возьмут и покажут широкой публике? Но не тут-то было. Все вышло наоборот.

Знатоки посмотрели на результаты поиска самодеятельного рисовальщика и спросили:

– Нет ли среди твоих соседей героев, ударников труда и выдвиженцев в депутаты?

– Нет таких. Просто этих я знаю, – пояснил молодой человек.

– Но люди у тебя какие-то деградированные. Кто будет на них смотреть, станет перенимать нехорошее, – сделали нелестный вывод пропагандисты советского реалистического искусства.

* * *

Последующие годы учебы и творчества привели Захарова к первым успехам. К 1980-м годам он освоил сложнейший жанр книжной иллюстрации. В ту пору Кемеровское книжное издательство с великим трудом находило специалистов именно этого вида изобразительного искусства. Зачастую даже маститые местные живописцы не справлялись с поручениями художественных редакторов. И книги кузбасских авто-

ров выходили порой с блеклыми, неинтересными рисунками.

Громким событием для всей страны явился выход в Кузбассе в 1983 году миниатюрного издания памятника древнерусской литературы – «Слова о полку Игореве». При тираже десять тысяч и цене 75 копеек за экземпляр книга разошлась мгновенно. Издание получилось солиднее и популярнее даже такого «хита» нашего издательства, как томик избранной прозы Исаака Бабеля.

Более десятка ярких красно-черных рисунков к рассказу о тяжелом походе русских богатырей Герман Захаров сделал с подачи редактора книжного издательства и Кемеровской студии телевидения Тамары Махаловой, а также своей жены Ольги Кашиной – редактора социально-экономических программ Кемеровского областного телевидения.

Ольга, насколько помню, напрямую искусство по телевизору не пропагандировала. Мы с ней, режиссером Татьяной Новицкой, редактором Виктором Болотниковым, операторами Николаем Щетинкиным и Владимиром Грязновым делали для эфира передачи из цехов ведущих промышленных предприятий Новокузнецка, таких как Кузнецкий металлургический комбинат, завод «Сантехлит». То есть тема «Человек и металл» Ольге была ближе. Но зато творчество Германа – роднее. Эта семейная пара, по воспоминаниям Владимира Ивановича Бедина, много лет возглавлявшего управление (и департамент) культуры Кузбасса, вообще жила душа в душу. Привожу это авторитетное мнение в противовес нынешним кривотолкам отдельных озлобленных товарищей. Да и мне самому в годы знакомства с Германом и Ольгой сталкиваться с «мусором из их избы» не приходилось.

Раскладывая в квартире листы будущих полотен прямо на полу, Захаров не испытывал никаких неудобств. Картины выходили из-под его кисти легко, быстро. За неделю-две – готовыми выставками на определенную тему. Тот же Владимир Бедин бережно хранит книгу «Слово о полку Игореве» первого выпуска, куда вошла соответствующая серия Германа Захарова, с дарственной надписью художника: «Глубокоуважаемому Владимиру Ивановичу на память с добрыми чувствами и уважением! 1985 год».

Иллюстрации к этому изданию были одобрены академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым во время поездок к нему Тамары Ивановны

Махаловой. По ее утверждению, рисунки к книге были формата А4. Художнику начислили полагающийся гонорар. А позже родились картины на те же темы большого формата, которые, насколько мне известно, рассредоточены теперь по нескольким адресам. Какая-то часть находится у дочери Германа Порфирьевича Вероники, еще часть – в кемеровском музее-заповеднике «Красная Горка», что-то осело и в частных коллекциях.

* * *

А теперь небольшое отступление, касающееся той же знаменитой книги. Напомню ее важнейшие выходные данные. Вступление «Золотое слово русской литературы», примечания, редакция текста, дословный перевод с древнерусского повести о походе Игоря, сына Святославова, внука Олегова, – Д. С. Лихачева. Художник – Г. Захаров. Кемерово.

И вот кто-то, услышав звон, в интернете написал иллюстрации другому автору. Будто бы их сделал Гурий Филиппович Захаров (1926–1994) – график, заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР им. И. Е. Репина, действительный член Академии художеств СССР. Якобы иллюстрации к книге выполнены им под влиянием гравюр В. А. Фаворского в черно-красной печати.

Обманщики, остановитесь! И перекреститесь! Отрицать авторство Германа Захарова – это не просто низко, но и глупо! Его работы к «Слову о полку Игореве» отметил даже председатель правления Союза художников РСФСР, народный художник СССР, лауреат государственных премий СССР и РСФСР Сергей Петрович Ткачев! О том, как это произошло, рассказал мне в 1987 году сам Герман Порфирьевич.

В июне-июле 1985 года в городе Кемерово, в легкоатлетическом манеже на улице Ворошилова, работала зональная выставка «Сибирь социалистическая». На ней было представлено 2064 работы 701 автора, 355 из которых были членами Союза художников РСФСР. А вот в произведениях Германа Захарова выставком усомнился, в экспозицию они не попали. Зато украсили стены Кемеровского Дома актера. И как раз туда зашел по делам Сергей Ткачев. Там он и увидел иллюстрации к «Слову о полку Игореве».

– Кто же в Кузбассе такой интересный художник? – поинтересовался всемирно признанный мастер. (Это не преувеличение. Сергей Ткачев –

автор многочисленных произведений, посвященных истории, военной тематике. В соавторстве с братом, народным художником СССР Алексеем Ткачевым, создал произведения, вошедшие в золотой фонд русской живописи.)

Директор Дома актера Изабелла Владимировна Крейнис попросила гостя повторить сказанное.

– Чтобы присутствующие в свите хорошенько это услышали, – пояснила она.

И Ткачев снова похвалил увиденные картины. Возникла немая сцена. И тут же сомнения партийных товарищей и руководства местного художественного союза в профессионализме Захарова вмиг развеялись. Хотя буквально накануне они призывали не вывешивать работы «самоучки» для обозрения и здесь, в Доме актера. Но Крейнис не поддавалась на уговоры.

– У нас не музей изобразительных искусств, так что ничего плохого картины на древнерусскую тему не принесут, – отрезала она.

После этого случая Герману Порфирьевичу предложили написать заявление о вступлении в Союз художников РСФСР. Сказали, что рекомендация даст Ткачев, а также местные киты. Захаров отказался.

– Можете ли вы сказать то же самое секретарю Кемеровского обкома КПСС по идеологии Петру Михайловичу Дорофееву? – спросили озадаченные посланцы.

– Могу, – ответил Герман Порфирьевич.

Он считал кощунством делить художников на профессиональных и непрофессиональных.

– Леонардо да Винчи – профессиональный скульптор? – спрашивал он меня. И тут же сам отвечал: – Профессия художника – познание чувств, души, любви. Быть профессионалом в любви? Тут можно неизвестно до чего договориться. Каждый художник изображает свой мир. Это доказывают примеры Ван Гога, Крамского. Каждый художник должен иметь право выставлять свои работы на суд зрителей, если не проповедует насилие, чуждое и противоестественное человеку. Страшного нет в том, если люди будут видеть, каким мир представляется художнику.

В другой раз Герман Порфирьевич объяснял мне свою позицию так:

– Я член творческого Союза журналистов СССР. Приняли меня в него за изобразительное искусство. Значит, я художник и журналист.

А однажды он принародно вынул из кармана куртки паспорт и, показывая его, сказал:

– Я – член Союза. Надо понимать, Советско-го Союза. У нас, художников, одна платформа – советская. Каждый выражает ее видение по-своему, через свое отношение к жизни и через ее восприятие.

* * *

Захаров вполне успешно творил в обычной кемеровской квартире. И это притом, что ему выделяли художественную мастерскую в доме на берегу Томи в центре областной столицы. После ремонта он попытался переселиться туда. Принес «холсты» из оберточной бумаги размером 90 сантиметров на два с половиной метра. День провел в мастерской, два, неделю. Не пишется, не работается. Месяц прошел – нет результата. По застольям коллег он ходить не привык. В итоге попросил передать мастерскую на улице Весенней другому художнику. А сам снова начал творить в обычной квартире, расстелив серую бумагу на полу.

* * *

7 апреля 1987 года в Кемеровском драматическом театре им. Луначарского Захаров показывал свою выставку, посвященную Дню Победы. Перед собравшимися очень зримо предстала тема войны и мира. Работы шириной около метра и длиной до четырех-пяти метров держались на веревках, натянутых между колоннами в фойе театра. Такой крепеж листов придумал сам Захаров.

Немаловажно отметить, что мероприятие проходило в рамках творческих встреч, организованных клубом ученых города Кемерово.

Автор рассказал о выставке. А потом сами за себя говорили его работы. На одной из них, к примеру, мужчина играет на гармошке. Сзади ватага пацанов. И среди них – узнаваемый Герман детского возраста.

Зрители спросили художника:

– Как вы используете натуру?

Захаров посетовал, что это для него практически неосуществимо:

– Когда писал портрет Федора Михайловича Достоевского, сам подолгу позировал себе через зеркало.

Одна дама заметила, что некоторые работы ей как будто знакомы. Автор заверил, что все

картины показывает впервые. Они только что закончены.

– Добротное художественное полотно рождается, когда сам все переживешь. Поэтому пишу так, как подсказывает боль души, – объяснил Герман Порфирьевич, отвечая на другой вопрос.

А вот когда его спросили про самые удачные работы, Захаров посчитал такую постановку вопроса некорректной:

– Разве можно спрашивать отца или мать о том, какой ребенок в семье лучше: младший или старший?

Затем кто-то отметил пессимизм художника.

– Да, я пессимист, если убивают и калечат людей, – быстро нашелся он.

На этой выставке в театре Герман Порфирьевич рассказал о своем увлечении творчеством поэтов Алексея Суркова, Дмитрия Кедрина и Анатолия Жигулина. Периодически он включал магнитофон, и собравшиеся слушали песни под гитару на их стихи в исполнении самого Захарова.

После мероприятия, на котором также выступил заслуженный артист РСФСР, директор театра Виктор Мирошниченко, было устроено чаепитие. С удовлетворением вспоминаю те события 36-летней давности. В тот день мы беседовали с Германом Захаровым еще часа два. «Винючник торжества» блистал в традиционном своем одеянии. В кирзовых сапогах, темно-серых брюках и такого же цвета свитере. Поверх – зеленоватая хлопчатобумажная курточка. Венчала его гардероб зеленая штормовка с шерстяным в рваную строчку шарфиком. Была при нем и обычная хозяйственная сумка. С чем, не знаю. В течение всего вечера я фотографировал. Ушло шесть черно-белых пленок по 36 кадров. И кое-что получилось.

А еще я запомнил рассказ художника о том, как он звонил Анатолию Жигулину в Москву. В первый раз того дома не оказалось. Трубку телефона взяла жена. Захаров сказал ей, что напоет немного на стихи мужа, но она может прервать его в любой момент. Не прервала. Потом Герман Порфирьевич пел самому поэту. А Жигулин смотрел передачу о Захарове по Центральному телевидению Советского Союза.

* * *

Вскоре в Москве прошли Дни культуры Кузбасса. Работы Германа Захарова представили в Центральном Доме работников искусств. С этой

выставки не вернулся портрет Владимира Высоцкого. Дочь Германа Ирина училась в МГУ на факультете журналистики (ей помогало семейство поэтов Федоровых – Василия и Людмилы) и узнала, что работа находится в кабинете директора ЦДРИ. Дошло до Петра Дорофеева. Был туда его звонок. Ирина забрала картину.

Она ехала на метро от «Детского мира» до «Пушкинской площади» к жене Василия Федорова. Люди останавливались, любовались работой, особенно при подъеме эскалатора и на спуске. Еще бы! Высоцкий с гитарой! Портрет размером метр на полтора. Потом эта картина осталась у Федоровых, потому что планировалась персональная выставка Захарова в Москве. И она состоялась в Доме журналиста.

– Пришло много людей во фраках, – рассказывал потом Герман Порфирьевич. – Генерал Павел Иванович Батов прибыл в парадном кителе с двумя звездами Героя Советского Союза. На специальном автобусе привезли коммунистов, встречавшихся с Владимиром Ильичом Лениным. Они, опираясь на тросточки, стояли около моих картин с изображением вождя, покачивали головами и многозначительно произносили: «Да!» То есть было понятно: они подтверждали верность решения выбранной темы. Пришлось рассказать, почему я приступил к лениниане. Не считаю эти работы конъюнктурными. Конкуренцию составлять никому не собираюсь.

Герман Захаров не был избалован вниманием. Не любил шумных компаний. А вот для телеаудитории выступал с удовольствием. Как-то во время прямого эфира на Кемеровской студии телевидения его попросили что-нибудь изобразить на чистом листе бумаги. Позже он признался, что до последней минуты не знал, что выйдет из-под руки. А когда камера подъехала к ватману, оказалось, что рисунок связан с войной.

– Работа написана. К ней больше не возвращаюсь. Счет картин не веду. Год удачный или неудачный, не определяю, – признавался художник без всякой рисовки.

Ему некогда было расслабляться, потому и искать ответы на подобные вопросы не приходило в голову.

Герман Захаров был щедрым. Подарил пятьдесят работ историко-этнографическому музею-заповеднику «Шушенское» Красноярского края после закрытия своей выставки. Портреты Василия Макаровича Шукшина остались во Всероссийском мемориальном музее-заповеднике в Сростках. В Марьевке Яйского района Кемеров-

ской области, на родине поэта Василия Федорова, есть картины Захарова, изображающие нашего прославленного земляка. Как и в мариинском музее Владимира Чивилихина, понятно, тоже. А портреты Александра Блока, Владимира Высоцкого украшали Кемеровское городское общество книголюбов. Еще две работы Захарова – «Георгий Победоносец» и «Сергий Радонежский» – до сих пор находятся в Знаменском соборе города Кемерово. Также его картины хранятся в Государственном историческом музее-заповеднике «Горки Ленинские», в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Новокузнецке, в Кемеровском областном краеведческом музее, в городском краеведческом музее Ленинска-Кузнецкого.

Портреты Людмилы и Василия Федоровых есть и в Москве, и в Кемерове. Германа Захарова с поэтической четой связывала добрая дружба. Как рассказывала мне Тамара Ивановна Махалова, знакомство их состоялось у нее на квартире, где группа товарищей собралась почитать стихи. (К слову, дело ограничилось чаем: ни Федоровы, ни Захаров увеселительных застолий с горячительным не любили.) И та памятная встреча вдохновила художника на создание нескольких работ. Затем дружба перемежалась с деловыми отношениями.

Герман Порфирьевич глубоко сожалел, что Василий Дмитриевич рано ушел из жизни. И ему, и Тамаре Махаловой запомнилось, как они последний раз виделись на кемеровском железнодорожном вокзале. Федоровы прошли в купе, встали у окна, а на столик поставили букет огромных хризантем от благодарных кузбассовцев. Через стекло особо не поговоришь. Но было видно, как поэт взволнован. Василий Дмитриевич беспокоился, что Захаров с кипой работ для Москвы может опоздать. Но тот успел дойти от дома до вокзала своим быстрым шагом.

Увидев его в бессменных сапогах, Федоров стал переживать, как художник выдержит в них долгие сибирские холода. Герман жестами успокаивал его. Поезд тронулся. Друзья попрощались. И кто бы мог предположить, что вместе с красивыми хризантемами отправляется в самый последний отрезок жизни наш замечательный земляк Василий Федоров?..

Память о нем жива. Не забыт и Герман Захаров. В последнее время одна за другой в разных местах Кузбасса проходят выставки его работ. Популяризатором творчества художника вы-

ступает историк, краевед, фотограф Владимир Павлович Надь. В марте 2017 года на организованном им вернисаже в кемеровской детской библиотеке им. А. М. Береснева собравшиеся отмечали, что психологизм, экспрессия, стремление изобразить человека в напряженные, требующие самоотверженности моменты жизни – характерные черты творчества Германа Захарова. Особенно его интересовали образы людей, составляющих гордость России: Федор Достоевский, Николай Гоголь, Александр Пушкин. А Василий Макарович Шукшин и его жизненный путь вообще одна из любимейших тем художника.

На выставке в библиотеке были также представлены портреты Вольфганга Амадея Моцарта, Людвиг ван Бетховена, Михаила Юрьевича Лермонтова. Многих они потрясли исходящей от них мощью и лиризмом. Дарования автора и героев его картин словно слились воедино, многократно усиливая воздействие на зрителей.

В марте 2023 года книжные иллюстрации Германа Захарова были представлены на выставках в кемеровском музее-заповеднике «Красная Горка» и в Кузбасском центре искусств.

г. Кемерово

**Олег
РАЖЕВ**

ГЕРМАН ЗАХАРОВ: БЕЗ ПОВТОРОВ И ШТАМПОВ

Только вернувшись в Ленинск-Кузнецкий – город моей юности – после окончания Новосибирского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева (чем до сих пор горжусь), на одной из встреч в квартире моих родителей на улице Коломейцева я окончательно и бесповоротно познакомился с дядей Герой. Именно с дядей Герой – другом детства моего отца Геннадия Ивановича Ражева, а не с Германом Захаровым – выдающимся художником-графиком, которого я узнаю позже.

Надо, конечно, уточнить, что общались мы с ним и раньше, когда я учился в школе, но тогда я не придавал этим встречам особого значения. Только одна из них врезалась в память. Дядя Гера тогда беседовал с моим отцом, сидя в зале, в кресле перед журнальным столиком. Разговор зашел о моем увлечении рисованием. Гость попросил принести мои картинки, и я их показал. Тут-то и произошло событие, которое до сих пор стоит у меня перед глазами. Дядя Гера взял лист бумаги, карандаш и начал рисовать, объясняя. Для меня как будущего архитектора это был первый урок о законах перспективы, полученный от мэтра графики.

Такие встречи повторялись. Тогда я и узнал, что мой отец с дядей Герой жили в детстве в Ленинске-Кузнецком на одной улице Сухова, почти что дом в дом, то есть напротив друг друга. Учились в одной школе и ходили вместе купаться на речку Иню. Герман был моложе отца, почти ровесник его сестры Валерии. Сохранилась фотография, где они стоят вместе после его возвращения из армии.

Итак, я, человек, рожденный в городе Ленинске-Кузнецком, знаю трех Германов Захаровых.

Первого – на уровне пятилетнего визуального восприятия и памяти запахов. Мы с отцом, приезжая на улицу Сухова к его родителям Ивану Семеновичу и Елизавете Никаноровне, очень часто ходили к Захаровым. В низенький дом напротив и чуть-чуть правее – к Порфирию Ивановичу Захарову, где всегда пахло масляными красками (до сих пор, почти 65 лет ощущаю этот запах). Честно сказать, зрительно Германа в то время я почти не помню, хотя приезжал к дедам часто.

Второй Герман – мой учитель рисования и перспективы. Он часто бывал у нас, и я никак не выделял его из многих друзей родителей. Хотя, пожалуй, он единственный интересовался моим изобразительным творчеством.

Знаю я и третьего Захарова – творца.

«Увидев или услышав произведение, ты должен оценить эмоциональное воздействие его на тебя, а потом размышлять, за счет чего оно произвело на тебя такое впечатление. Изучать приемы и технику мастера, его создавшего».

Это почти дословно мнение Германа Захарова о требовании к качеству произведения искусства, о том, каким оно должно быть вообще. Это – результат многих моих встреч с не признанным при жизни (как мне представляется сейчас) мэтром.

Окончив институт, я с женой, тоже архитектором, приехал работать в родной город. Герман к тому времени перебрался в Кемерово, где и творил историю на бумаге и картоне. Периодически мы встречались у моих родителей и несколько раз у него дома, где он показывал нам с супругой свои новые произведения. Эти встречи напоминали больше диспуты об искусстве и архитектуре. Да-да, и об архитектуре. Именно Герман Порфирьевич вселил в меня мысль, ставшую впоследствии моим кредо, – о недопустимости повторов и тиражирования в архитектуре.

Было и обычное, бытовое общение в качестве давних друзей. То рулон кальки ему принесу для работы, то еще какую-нибудь мелочь. Но и эти встречи всегда перерастали в беседу, в обмен мнениями по поводу его и моих текущих работ.

г. Кемерово

прот. Сергей АДОДИН

ДВА РАССКАЗА

МЫТАРЬ

День был пасмурный, нежаркий, поэтому работа продвигалась неплохо. Ящик под неторопливый скрип пера наполнялся монетами. Люди хмурились в тон небу, стараясь свести общение со сборщиком податей к минимуму. Никто не желал ему ни благословения от Господа, ни долгих лет жизни. Мытарей не любил никто. Старый каменщик, уплативший за прошедший год, тяжело вздохнул вместо приветствия и сокрушенно покачал головой, отходя прочь от стола.

– Мало того что подать дерут для безбожной власти, так еще эти кровопийцы себе кошельки набивают за наш счет! – прошипела женщина, проходя мимо мытницы.

– А в Иерихоне-то слышала какой себе дом отгрохал ихний главный? – вторила ее товарка. – Соломон в гробу переворачивается!

Женщины куда-то тащили на веревке упирающегося козла. Пахло от него не очень хорошо.

– И когда же вы уже насытитесь, аспиды? – Последняя реплика прозвучала уже из глубины бурлящей толпы.

Мытарь невозмутимо взирал поверх торговых рядов и праздного народа. Слава человеческая не наполнит сосудов маслом, и почетом сыт не будешь. А вот монета – другое дело. Что же до власти, то какая разница, кто собирает подать и кто ловит воров? Да правь Израилем хоть главный крокодил Верхнего Нила! Лишь бы мясо всегда было в котле да хлеб в миске не переводился.

Внезапно вдали зашумел народ. Мытарь схватился за денежный ящик и нашел глазами своих рабов, что сидели поодаль, вооруженные дубинками, – вынужденная мера против разбойников. Стражник на городской стене беспокойства не проявлял, стало быть, ничего страшного не происходит. Можно расслабиться.

– Это Иисус Назорей, заклинатель бесов! – послышался голос какого-то мальчишки.

К его голосу добавлялись другие:

– Целитель галилейский!

– Пророк, Которого Иоанн проповедовал на Иордане!

– Смутьян, пьяница, друг блудниц и мытарей!

На этом сборщика податей словно молнией поразило. Если это и вправду Иисус из Назаре-

АДОДИН Сергей Сергеевич родился в Кемерове 22 декабря 1977 года. Священник РПЦ. Окончил Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет по специальности «теология», дважды КемГУ: по специальностям «генетика» и «зоология и биоэкология», СмолГУ по специальности «теология». Автор книг стихов и прозы: «По дороге вечной» (2007), «Ворваться в рай» (2016), «Цветоворот» (Кемерово, 2016), «Быть попом. Нежалобная книга» (2017), «Книжка для своих» (Смоленск, 2018), «Орто.docx. Записки непрозорливого священника» (Москва, 2019). Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Наследник», «Алтай», в газетах Кемеровской области, на портале pravoslavie.ru. Лауреат Кузбасской литературной премии им. святителя Павла Тобольского (2016). Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

та, обязательно произойдет нечто сверхъестественное. Не так давно Левий, сын Алфея, оставил ящик с деньгами и все расписки только потому, что услышал от проходившего мимо Галилеянина: «Следуй за Мной». И ведь встал и последовал. Да вот же он – в простой пыльной одежде, среди других учеников. Это какое же должно быть сильное колдовство, чтобы человек променял прибыльное занятие на странствия и проповеди!

Отведи, Господи, такую напасть!

Но процессия все ближе. Вот и Тот, о Ком все говорят. Хорошо одет, кстати. Любопытно, какое же чудо Он сотворит на этот раз? Пойдите, а что, если Его цель – я? Как там говорилось? Друг мытарей? Гипнотизирует их с целью разрушения системы налогообложения! Левий и Закхей вчера, сегодня я, а завтра вообще деньги отменяет. И будет все общее. И в мою купальню будут ходить мыться назореи, странники и прочие босяки. А рабов и вовсе на свободу отпустят. Даже тех, у кого ухо проколото шилом в знак пожизненного рабства.

Иисус с учениками и зеваками шел по городской площади, а на мытнице съезжился сборщик податей, спрятав голову за денежный ящик. Больше всего на свете он боялся, что его окликнут по имени, позовут присоединиться к взыскующим небесного вместо земного, а он не сможет этому воспротивиться. И тогда – прощайте все надежды выдать дочерей замуж и сытая старость! Здравствуйте, скитания, холод и голод! Вот Он, совсем рядом. В Его глазах – знание всех и каждого, власть над миром, царское спокойствие и достоинство. Хотелось бежать куда угодно – в пустыню, в море. Лишь бы оказаться подальше от Его внимания!

Но Тот, Кто, сотворив мир, называл Себя Сыном Человеческим, прошел мимо, ничего не сказав...

* * *

«Бог настолько любит атеистов, – считает один хороший батюшка, – что Его для них не существует». Я тоже считаю, что Господь намеренно отсутствует в жизни тех, кому Он доставляет неудобства Своим Законом. Любые скорби, связанные с несением Христова ига на себе, невыносимы для безбожника. «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо те-

бе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Втор. 5:16). Вот заповедь, которая обещает понятную награду уже в этой жизни. И мы видим, как она сбывается даже на тех, кто, подобно вышеозначенному мытарю, скрывается от лица Божия.

«Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной», – сказал Господь богатому юноше (Мф. 19:21). Среди нас, православных, полно таких богачей. Один богат именем своим, другой славой человеческой, третий облечен властью, которую никак не хочет потерять. А вот если бы можно было следовать за Христом виртуально, в душе своей! Так я самый первый буду среди диванных апостолов! А насчет раздачи имения... Вон в ближайшем храме свечки-то дорогие какие да обедня аж по 20 целковых. Ух и цены ломают! Тут даже и не до десятины Богу. Разве что мяты могу отдать, все равно я ее не ем. А за мяту можно сесть в Царствии Божиим одесную Царя Славы? Или хотя бы ошуюю?

У Достоевского Алеша Карамазов сказал себе: «Не могу я отдать вместо “всего” два рубля, а вместо “иди за Мной” ходить лишь к обедне». Вот этот юношеский порыв и дает направление к тому наследию, которое Бог приготовил для Своих друзей. Всю Вселенную можно приобрести, если однажды отдать все, что имеешь, в обмен на евангельский участок земли, где зарыто несметное сокровище.

Хватило бы только любви и доверия к Богу, а то так всю жизнь просидим эдакими мытарями, которые изо всех сил держатся за свои мытницы.

БЕЛЕЕ СНЕГА

Ночь застала меня врасплох, когда я внезапно открыл глаза и понял, что сна больше не будет. Плотно задернутые шторы ровно подсвечивались снаружи белым, словно это и не ночь была вовсе, а театральная постановка. Осторожно выглянув наружу, я понял, что свет шел отовсюду: с неба, из фонаря на углу дома и даже пары-тройки горящих окон квартир, чьим хозяевам не спалось; но ярче всего блистал снег, раскинувшийся повсеместно барханами взбитых сливок.

Казалось, сверкает каждая снежинка в отдельности, а небо лишь отражает это сияние. Ветер, трудившийся еще с вечера, разгладил неровности сугробов и причесал каждый куст под

окном; теперь ветки шиповника, усыпанные бордовыми капельками ягод, уже не торчали в беспорядке, а рядились изящными икебанами, окутанными дыханием люков теплотрассы. Раньше я их как-то не замечал, а тут насчитал сразу четыре люка. Пейзаж искрился словно свадебный десерт, отчего убеленная трансформаторная будка напротив окна казалась сделанной из сладкой глазури, а оставленная открытой на подоконнике псалтирь будто бы покрылась тонким слоем сахарной пудры – такой эффект давала легкая изморозь на стекле. Не подумайте плохого: взбитые сливки и сахарная пудра – это вовсе не пошлые грехи стилистики. Просто при диабете сладкое мерещится повсюду. Иногда даже снится.

Зима в мой город всегда приходит незваной. Не мной в любом случае. Так было и на этот раз. Но прежде она никогда не старалась мне понравиться и я не обращал на нее особого внимания: ни тебе запахов, ни красок, ни звуков примечательных. Ну, вьюга воет, бывает. Так и волки тоже воют с голодухи. Тоже мне, особенность. Холодно, ветрено, ни сочной листвы, ни разноцветных стрекоз с полосатыми шмелями... Ой, что это? Неподвижность картины внезапно нарушил прошмыгнувший мимо рыжий кот с куцым хвостом; озираясь вороватой мордой с мерзлой сосиской в зубах, он осторожно тронул лапкой колючий иней вокруг продуха да и юркнул в подвал: холодно на улице. Удачи тебе, котейка!

Зима в Сибири всегда чувствует себя хозяйкой положения, забирая часть полномочий у весны и осени: в октябре снег уже лег, а в марте он все еще никуда не собирается, порой ожидая середины апреля. И ветер, ветер то и дело. Всякий раз норовит выдуть из моей головы всю лирику.

Эта зима приходит в мой город с достоинством и берет в плен все, что видит на небе наверху и на земле внизу. Реки сковывает ледяными веригами, на птиц накладывает обет молчания, повелевает также сосновым бором, улицами и каждым парком, туманом и облаками, утками и собаками. Повсюду анабиоз и безвременье.

В зарослях шиповника спят снегири, уткнувшись лбами в ветки и друг в друга. Напрыгавшись за день, они теперь сгрудились в две плотные стайки: восемь в одной и девять в другой. А чего мне тут делать, у жаркого радиатора? Одевшись потеплее, я потихоньку вышел из дома, обмотав нижнюю половину лица шарфом. Понаблюдаю за зимой. Как бы инкогнито.

Ветер стих, и пошел крупный снег. Значит, завтра будет оттепель. Судя по ощущениям, хлопья падали отовсюду. Некоторые валялись отвесно, тяжело и, казалось, бесследно исчезали, едва коснувшись поверхности сугробов. Другие летели по диагонали, щекоча мне брови и ресницы. Уже через пять минут припаркованные во дворе автомобили стало невозможно отличить один от другого. Модель сейчас у всех была одна – сугробная, а цвет – снежный. Нет, не так. Сладко-снежный, вот. Я задрал голову. Ни луны, ни звезд. Лишь сплошной туман белых мух. Время остановилось, я выдохнул облачко пара и задержал дыхание, закрыв глаза...

Я вспомнил историю, которую некогда поведал мне один англичанин, перебирая струны в задумчивой грусти:

– Когда-то давным-давно по тропинке не то людской, не то звериной пришел сюда человек с мешком за спиной. Шел он долго ли, коротко ли, никто уже и не знает. Может, миль тридцать, а то и поболее. Выбрав место получше, он скинул свою ношу и сделал эту дикую местность вокруг своим домом. Человек вспахал землю на берегу холодного озера у реки и построил себе хижину, заготовив в ней запасов на всю зиму. И вот той же тропинкой пришли и другие странники, посмотрели вокруг и тоже остались тут. Затем возникли церкви и школы, пришли юристы и принесли с собой законы. Люди построили шахты, и оттуда пошла угольная руда. Позднее здесь появились поезда и грузовики со своими грузами, а взамен той грязной старой тропинки проложили дорогу с телеграфной линией. Потом настали трудные времена, а затем случилась война. А телеграф все пел и пел свою песню о мире. И та дорога с телеграфной линией со временем углублялась и расширялась подобно бегущей реке, и вот теперь это уже не тропинка, а шестиполосная магистраль с затрудненным движением по трем полосам в одну сторону. Кто-то едет домой с работы, а кто-то лишь рыщет в ее поисках. И вроде бы право на труд есть у каждого, но далеко не всем хватает места под солнцем, даже птицам. Вот они, глянть – расселись на проводах и телеграфных столбах, я слышу их щебет, похожий на телеграфный код, но птицы-то всегда могут улететь от всего этого холода и потоков шахтерских огней, а нам, людям, приходится пожинать урожай, что мы сами когда-то

посеяли... Правильно говорится: долги придутся возвращать. Радиосводки сулят, что ночные морозы будут крепчать и крепчать. И я, пожалуй, не хочу видеть этого снова...

Что он тогда хотел этим сказать? Что, может, обиделась мать-земля, крепко обиделась на человека, бесцеремонно вторгшегося в ее тайные пределы и выжавшего из нее все соки, и призвала на помощь зиму, которой, поди, и не было отродясь? Что, живя вместе с землей и небом, человек мог бы составить единое целое со всей этой незыблемостью первозданного бытия? Но для этого надо было идти по жизни, вооружившись одной лишь любовью. Не взятая силой, земля могла бы безраздельно принадлежать сынам Адама, рождая им хлеб и без пролития пота. Зачем сражаться, состязаться и соперничать, если можно просто воздавать друг другу должное уважение, следуя друг за другом? И мы увязли в суете дорог без помощи скорой. Скованные цепью огней ночных городов, мы обречены проживать за зимой зиму.

И я долго шел по пустынному проспекту, вслушиваясь в эти слова, всматриваясь в сокрытый от меня лик зимы, изучая ее призрачный абрис в желтом свете фонарей. И меня осенило: чтобы увидеть самую сущность зимы, а не обманываться макияжем, нужно представить себе, что я вижу ее последний раз в своей жизни. Вот сейчас я живу, а завтра уже не наступит. Когда ведешь себя таким же образом с людьми, с ними не хочется ссориться. Даже если человек ведет себя возмутительно. А с любимыми и вовселовишь каждый момент и радуешься, «слагаешь его в своем сердце». Я зажмурился и сказал себе, что это последняя ночь для меня. Последний снегопад. Последняя ночная прогулка. Открыл глаза, я увидел слишком много. То, чего не замечал каждую зиму, теперь обрушилось на меня потоком впечатлений. И запах. Это был особенный зимний запах – запах холодного воздуха и замерзшей воды.

Я понял, что зимы и правда не было изначально, равно как и весны с осенью. На заре времен было одно только вечное лето, и это не было скучно. Зима была рождена намного позднее – из-за человека и для человека. Рождена прятать все его ошибки под толстым слоем снега и льда. Рождена убелить все те мазки на полотне жизни, что человек наносит впопыхах. Стирать, чтобы дать ему возможность передумать, переписать всю картину наново. Да и земле тре-

бывалось отдыхать от хаотичной деятельности человека и обновляться. Мир взывал к Богу, и Бог дал ему зиму.

Мне открылось все ее разнообразие, я влюбился в нее без памяти. И мог различать более сорока основных типов снежинок вплоть до алмазной пыли. Каждая из них, если приглядеться, переливалась всеми цветами радуги. Ветви деревьев потрескивали под косматой тяжестью кучты. Вроде бы я даже слышал звук, с которым потоки снега рассекали загустевший воздух. Хотя, возможно, это шумела кровь, разгоняясь по венам в ночной тишине, ведь город молчал, и мой слух, привыкший к фоновым шумам, успел отдохнуть и теперь мог распознавать то, что раньше проходило мимо сознания. Как тиканье часов, когда о них вспоминаешь.

Я не заметил, как дошел до общежития, где прошло мое раннее детство. Еще несколько метров мимо полузаброшенных погребов – и вот ряд толстоствольных тополей, под которыми когда-то, более шестидесяти лет назад, стояла простенькая Знаменская церковь, переоборудованная из обычного частного домика. Я не застал ее, лишь спустя двадцать лет после ее разрушения городскими властями играл с приятелями на том самом месте, где когда-то в алтаре приносилась бескровная Жертва.

Сибирская зимняя ночь. Город еще спит, и колкая свежесть наполняет пространство вокруг. Вилля хвостом, ко мне подходит заснеженный барбос: я разбудил его, и он надеется, что это неслучайно.

– Здравствуй, собака, – говорю я, – никакой еды у меня для тебя нет.

И глажу умную морду.

«Ничего, – отвечает пес, – зато ты не злой и даже не дерешься. Это уже хорошо». И, потянувшись, беззвучно уходит по своим собачьим делам куда-то за детскую площадку. Как это у него получается? Вот под моими ногами снег еще как скрипит. Белые хлопья все не кончаются, и я начинаю напоминать снеговика.

Уловить бы момент, когда снежинка, замеченная в снопе фонарного огня, пролетает свой путь до самой земли, но мне это долго не удастся. Каждая из них уникальна, но лишь тогда, когда смотришь через увеличительное стекло. На расстоянии же все они одинаковы, и топтать их ногами совсем не жалко. Думаю, именно так и выглядит личность в глазах гоббсовского Левиафана. Издалека это просто масса. А пригляды-

ваться ведь некогда, да и неохота опять же. Мельче будешь – дольше протянешь. Возможно ли договориться с самой жизнью, поступившись суверенным правом на смерть?

Где-то наверху звезды переплетались причудливыми соцветиями, я их не видел, но знал, что далеко отсюда, там, где облака забыли выйти на работу, эти небесные огоньки зябко дрожали в отражении холодных морей и вдохновляли влюбленных забывать о времени.

Млечный Путь, сияя миллиардами космических искр, простирался на сотню тысяч световых лет, увлекая мой город вместе со всей планетой в полет длиною в жизнь и запуская в межгалактическое пространство горячие брызги звездных систем. Рев солнечного ветра, теряющийся в безвоздушном пространстве, медленно растворялся в хрусте снега под моими ногами и смешивался с отдаленным запахом печных труб, прилетевшим с правого берега Томи.

Я надел наушники, закрыл глаза и с расстояния в пять тысяч километров увидел своего при-

ятеля Марка, того самого англичанина. Вот он, седой, семидесятилетний, обритый почти что налысо. Лицо пропитано спокойствием и неторопливостью. Я знаю его почти тридцать лет, но ни разу с ним не встречался. Он даже не догадывается о моем существовании, оставаясь при этом моим другом и умным собеседником. Как старший брат по оружию. Когда слушаю его, ловлю себя на мысли, что ему должно быть лет сто, не меньше.

...Открыв глаза, я проснулся. Ночь разбудила меня своей тишиной. Подойдя к окну и выглянув из-за штор, я долго смотрел, как снежинки ложатся на спящих в шиповнике снегирей. Фонарь на углу дома затмевал свет луны, едва пробивавшийся сквозь мешанину смога и облаков, каждая звезда знала свою дырочку в далеком полотне небосвода и даже не претендовала на право быть увиденной тут, в зимнем Кемерове, а ветер, не прощаясь, отправился спать до самого рассвета.

ИЗ СИБИРИ С ЛЮБОВЬЮ

Этот не единственный у меня на полке сборник Сергея Донбая «Во сне снегов» я впервые открыл три года назад. И вот сейчас перечитывание заново литературных произведений неожиданно обернулось впечатлением, будто мне предложили совершенно новые стихи, написанные сегодня, настолько они оказались актуальными. Зацепившись за первые попавшиеся, я стал уже целенаправленно обращать внимание на им созвучные.

В написанном двустихии стихотворении «Строчка» – всего-то за год до украинской катастрофы 2014 года! – все дышит глубочайшим почтением и любовью к западноевропейскому искусству, которым, например, не устают одарять и изумлять туристов со всех уголков земного шара петербургский Эрмитаж:

*Нет стройности ее поступкам:
Рембрандт ван Рейн играет кубком.*

*Впорхнула строчка ненароком:
В ней Саския присела боком,*

*Судьбой присела на колени.
Впорхнула строчка о ван Рейне*

*Со шпагой, в шляпе, при усах.
Впорхнула строчка впопыхах!*

*И стройной сделалась опять
Беспечность – вечности под стать.*

Тем же предельно благожелательным по отношению к Западу чувством, приправленным добродушным юмором, читатель услаждает себя, перечитывая сегодня написанную тогда же «Балладу о замке от западных ворот Рейхстага». Сказовый жанр позволяет прибегнуть к лаконичному изложению фабулы: дошедший до Берлина советский солдат из сибирской глубинки поднял валявшийся у Рейхстага замок и привез его домой, приспособив эту «железяку» для сарая, в котором содержался «злющий, словно Гитлер», боров. Сарай стал местной достопримечательностью, своего рода музеем. Дело, однако, этим не ограничилось:

*Слухом полнится Расея –
Знаменитей нет музея!
Долетело до Москвы,
И она «пошла на вы»:*

*Разбежалась со всех ног,
Отдавайте, мол, замок,*

*У нас три, у вас один –
Все равно мы победим!*

*Но директор-фронтовик
(Побеждать он не отвык)
На столичную интригу
Посылал в конверте фигу!*

За этим неприятным сюжетом, за его комедийной развязкой читатель ощутил широту души народа-победителя, не таящего зла против поверженного агрессора. Ничто как будто не предвещало метаморфозы, в результате которой Запад из цивилизованного вдруг обернулся варварски диким.

Стихотворение «9 мая 2014 года» Сергей Донбай написал после того, как коллективный Запад поддержал государственный переворот на Украине. Тональность поэтического высказывания резко меняется:

*Америка и прочий Запад с Римом
Опять сорвались как с цепи на нас.
Опять кружат, как фурии, над Крымом.
И зреет новый «Севастопольский рассказ».*

*На части света рвет себя Украина.
Казацкий бунт республики? Да нет.
То с краешка у западного «рая»,
Как Брест,*

дерется постсоветский контингент.

*Но Белый дом пусть купол свой почешет,
И новый купол поскребет Рейхстаг...
Не по зубам славянский вам орешек.
А над Рейхстагом был наш русский флаг!*

В первые из восьми кошмарных для республик Донбасса лет приходит осознание, что Запад лицемерит, а на деле всемерно поддерживает милитаризацию киевского режима. Лирический герой стихотворения «Гайд-парк», которого «попутным ветром занесло из Кемерово в Кембридж», на примере Шотландии приходит к выводу, что «не только нам, не только нам – но англичанка гадит». Приходит отрезвление, и проходит увлечение Западом, который на глазах дичает. Так стоит ли брать их за образцы? Однако обратим внимание на то, что поэт в России – так всегда было, есть и будет! – опережал нас, читателей: следующее (без названия) стихотворение датировано 2013 годом; вот первое его четверостишие:

*Мы все время оправдываемся,
Впадая в отчаяние,
Перед англичанами,
Что не англичане мы...*

Во втором разделе сборника «Во сне снегов», который вышел в Красноярске в 2018 году, автор знакомит нас с поэтическими миниатюрами. Одна из них, отвечающая теме настоящих заметок, может быть предложена в качестве заключения:

*Не научай, американец,
Как нам Россию не любить.
И корсиканец, и германец
Ее пытались застолбить.*

Коротко и вполне ясно.

Вяч. ЕЛАТОВ,
г. Кемерово

АСИНСКИЙ ПАТРИОТ

(о творчестве Сергея Подгорнова)

Как ни странно, получается так, что очень мало пишут о современных кузбасских прозаиках. Вынесу за скобки творчество моего друга Сергея Павлова (хотя и он заслуживает большего), приведу в пример еще одного автора – Сергея Подгорнова.

Специально проверил по годовым указателям содержания журнала «Огни Кузбасса» – сколько раз в нем напечатался он сам и сколько раз напечатали о его творчестве. Так вот, начиная с 2000 года Сергея Подгорнова опубликовали в 17 номерах. Не так уж и мало! Иные члены нашего Союза писателей России за это время «засветились» в «Огнях Кузбасса» всего по три – пять раз. А как часто журнал публиковал критику и отзывы о творчестве Сергея Подгорнова? Ни разу! Ни ра-зу! И в том я вижу вопиющую несправедливость.

А между тем смею утверждать: Подгорнов на нашем писательском небосклоне звезда весьма и весьма яркая! По моему мнению, к его уровню может быть отнесено не более трех – пяти современных прозаиков Кузбасса. Стиль Сергея самобытен, его невозможно спутать ни с кем из собратьев. Искренне считаю, что как писатель он уже давно перешагнул границы не только Кемеровской области, но и Сибири.

Припоминаю случай. Шло ежегодное публичное обсуждение наполняемости и содержания журнала «Огни Кузбасса». В одном из выпущенных номеров была напечатана моя повесть «Мелодия текущего тока» – как мне казалось, не самое худшее мое творение. В качестве оппонента взял слово Подгорнов. И размазал повесть практически с самого первого ее абзаца. Я был категорически с ним не согласен, однако обиду на Сергея не затаил. Наоборот, пригласил к себе домой переночевать, поскольку вернуться после обсуждения в свою Анжерку он уже не успевал. Что же до критики... «Каждый пишет, как он слышит». А воспринимается все сугубо индивидуально.

И то, что одному критику видится в произведении крайне слабым, другой отмечает как достоинство.

Не могу судить о качестве стихов Сергея Подгорнова (как поэта его знали у нас еще с 80-х годов), а вот о нем как о прозаике все же попытаюсь высказать свое мнение. Отмечу при этом еще один парадокс: за все то же время, с начала века, у него была издана всего лишь одна книга прозы «Ну – будем!». Всего лишь одна – за двадцать лет его членства в Союзе писателей! Хотя даже из того, что было опубликовано в журналах, наберется по меньшей мере на полдюжины книг.

Вернусь к его первым публикациям в нашем журнале. Но прежде важно отметить, что родился Сергей Елизарович Подгорнов в 1956 году в Кузбассе, в шахтерском Анжеро-Судженске. Вырос в этом городе, уезжал на несколько лет, но потом вернулся. И до сих пор является его жителем. И именно Анжеро-Судженск можно назвать едва ли не главным действующим лицом многих его рассказов, повестей и даже романов. Правда, в прозе Подгорнова у города имеется «литературный псевдоним» – Асинск. А относительно этого названия в его повести «Сказки горного цеха» приводится такая легенда. Якобы первой на месте нынешнего города обосновалась вельможная парочка из Испании, сосланная в Сибирь еще в XV веке, и имя поселение получило в честь любимой женщины маркиза де Савиньи – Асунсьонск; однако впоследствии из-за грубости местного языка, «поломавшего благородные имена и названия», все сократилось до Асинска...

В остальном же в произведениях Подгорнова фигурируют вполне современные и узнаваемые реалии родного города: стекольный завод, водоканал, администрация, школы, профтехучилища и другие объекты, официально-бюрократически именуемые инфраструктурой. И еще всегда (пусть и слегка замуфлированно) в литературных творениях Сергея явно чувствуется его собственное присутствие – как персонажа или повествователя. Благодаря этому достигается эффект абсолютного доверия читателя автору. Кроме того, почти все повести и рассказы Подгорнова пропущены сквозь призму если не гротеска, то уж во всяком случае иронии (в том числе и к самому себе или главному герою).

Парадоксальность ситуаций – вот что лежит в основе большинства его произведений. А возникают такие ситуации, когда в обыденной жизни обыватель или даже профессионал сталкивается с очевидной нелепостью. Например, с чиновничьими препонами или, напротив, «указивками», которые, несмотря на явное противоречие здравому смыслу, приходится исполнять.

В народе говорят: «Чтобы почувствовать вкус супа, вовсе не обязательно съесть содержимое всей тарелки, достаточно и одной ложки». Я это к тому, что Асинск – содержимое той самой ложки из тарел-

ки под названием Россия. А наполняется эта «тарелка» компонентами из произведений Сергея Подгорного. И вкус, надо признать, весьма своеобразный, да еще и с перчиком!

Уже упомянутые «Сказки горного цеха» были напечатаны в нашем журнале (тогда еще альманахе) в 2000 году. В центре повести бригада промывщиков песка асинского стекольного завода. В ней мастер, два бульдозериста – Толян и Витя-боцман, а также трое рабочих: Костик, Боря и Мирон. На фоне нескольких рабочих смен этой бригады разворачиваются события, которые, впрочем, и событиями-то назвать трудно. Получается, что повесть как бы обо всем и ни о чем. Правда, персонажи выписаны весьма колоритно. Как мне видится, главное здесь диалоги. Причем на любую тему. И у каждого из персонажей по этому поводу имеется свое мнение. Нечто похожее через десять лет представил фильм «О чем говорят мужчины»: там ведь тоже почти никакого сюжета нет, зато диалоги... И тоже на любую тему. И тоже все так грамотно, остроумно, с неожиданными поворотами в разговорах, с тонким юмором, а то и откровенной сатирой.

90-е годы прошлого века иначе как смутным временем и не назовешь. Глобальный развал отлаженного Советами производства, повсеместно массовый локаут для профессиональных кадров. Пустующие полки магазинов, невыплаты зарплат и пенсий, тотальное безденежье обнищавшего разом народа и насущные поиски средств пропитания и выживания.

Вот на этом фоне и происходит «Обыкновенная история поиска работы, данная в размышлениях и обобщениях», напечатанная во втором номере «Огней Кузбасса» за 2001 год. Кстати, и тут не обошлось без эпизодов биографии самого автора: помотавшись по морям Дальнего Востока со специальностью «океанограф», Сергей возвращается к родным пенатам. Но пока лихие девяностые лишь на пороге стояли. «Работы было больше, чем людей! Господи, ну почему, почему я не был безработным тогда?»

А вот и они нагрянули: «Сегодня работу потерять нетрудно. Трудно найти ее. В первом я с легкостью преуспел. Принес заявление, мне его мигом подписали, и я ушел. Все... Остаться наедине с самим собою и трудовой книжкой – это, скажу я вам, не повод для восторга...»

Вот и начинается «хождение по мукам», то бишь беготня по инстанциям, различным бюро по трудоустройству, отделам кадров... Школы, профтехучилища, железнодорожные и пожарные депо, машзавод, стекольный завод... «Я мотался по городу, выцеливая подряд все конторы и скромненько проскальзывал в кабинеты... Любопытствовал: «Нет ли у вас какой-нибудь работы?» Естественно, мне сразу же говорили: «Нет!»

Но наконец-то, кажется, повезло. Кто в эту пору самые востребованные? Презентанты и маркетологи –

будущие менеджеры! Кто бы еще знал, что это такое... «По ночам мне снился маркетинг. Он был большой и пушистый». А-а, как говорится, была не была, маркетологом так маркетологом! Но надо при этом, оказывается, еще и выдержать конкурс, а претендентов на одно место аж семь человек. И тут как на рыбалке: клюнуть-то клюнуло, да сход уже с крючка случился.

Зато, как на охоте, в самый последний момент да и наткнешься на какую-нибудь дичину или животину. Ай, повезло! И не маркетологом вовсе можно стать, а в конструкторский отдел стекольного завода попасть! Но перед этим надо пройти медкомиссию, встать на учет в военкомате и сделать еще много чего. Но главное, тут еще экзамен... по технике безопасности. Скажем, билет номер 9 с вопросом «Правила движения пешеходов по территории завода».

«Старик, – однажды сказал мне Степа Побокин (лицо вполне реальное – анжерский поэт и прозаик, встречающийся как персонаж в повестях С. Подгорнова неоднократно. – Прим. авт.), – я прошел сто предприятий и везде сдавал технику безопасности. Так вот: меня никто не пытался затянуть в станок, зато я девять раз травился в производственных столовых. А про столовые ни в одной технике безопасности не сказано. Ни в одной!»

И сколько же счастья испытывает главный герой, когда все препоны уже позади и он наконец-то обрел вожделенную работу! Вот они – язвы капиталистической системы, которую совсем недавно так критиковали все учебники по политэкономии и научному коммунизму.

Очередная повесть «Забег неудачников» начинается с вопроса того же Степы Побокина: «У тебя нет ощущения, что за десять последних лет мы оказались не просто в другом городе, а на другой планете?»

И действие переносится в ретрогоды, самый конец восьмидесятых, канун развала Советского Союза. Это – время экономической и политической агонии, разгула чиновничьей бюрократии, когда те, кто стоял у кормила власти, уже прицеливались на жирный кусок общенародной собственности, прикрывая предстоящий грабег обманной приватизацией и ваучерами. Ненамного лучше в те годы пресловутой перестройки и «ускорения» обстояло дело и со служебным инженерно-техническим рвением, когда ценность выполняемой работы подменялась иллюзией ее огромной важности...

Герой повествования оказывается уже в качестве шефа по гражданской обороне на городском водоканале, и вся суть его должности заключается в написании инструкций, к примеру, охранникам и сторожам: «У меня обязанность такая – готовить инструкции для тех, у кого их нет, а потом следить за исполнением. Я служащий, и этим все сказано». Так и приходит на ум параллель с фильмом Эльдара Рязанова «Забятая мелодия для флейты», где чиновники

поют. А еще о том времени говаривали: «Мы делаем вид, что работаем, а начальство делает вид, что нам платит». И неудачниками в таком «забеге» (в никуда) оказывается большинство бывших уважаемых (и чаще – порядочных) людей.

В этой повести много отступлений, как, впрочем, и в предыдущей, когда главный герой нашел работу на стекольном заводе. И тогда повествование велось махонькими озаглавленными порциями – в виде анекдотов и бытовых случаев и даже одно-двухстрочных афоризмов. И употреблять эти порции следует вдумчиво, мелкими глоточками, будто дегустируя дорогой коньяк. Смакуя, скажем, юмор, которого и тут предостаточно. Да вот, к примеру, чем не афоризм: *«Зимой в Асинске дни настолько короткие, что даже молоко приходится выбирать на ощупь»*. Или такой диалог на базаре: *«Эй, товарищ, сало бери! Погляди какое – с прослойками»*. – *«Какие еще прослойки? Ты лучше скажи: зачем свинью мучил?»*

Не удержусь еще от одного смачного «глотка»: *«В честь наступающего Дня города по указу мэрии над Асинском были развешаны новые звезды. Самая крупная получила имя «Губернаторская». У звезды, сиявшей над 5-м отделением милиции, два луча были заломлены за спину»*.

А теперь опять по поводу «забега», его конечной цели и месте в нем. Тут автор явно скромничает, утверждая: *«...даже в утешительном забеге я далеко не первый. Никого я не догнал и никуда не втиснулся... Да и надо ли?»* Догнал, догнал! Да и обошел многих – по крайней мере, на ниве литературной. А вот с дальнейшим тезисом я полностью соглашусь: *«Ведь, по сути, вся наша дорога – не в погоне за кем-то, она – в поисках человеческого тепла. Нашел – ты царь. И принимай чужое, и делись своим. По-царски щедро и безоглядно – так, как только сердце твое способно. Вот это и есть жизнь!»*

Повесть «Консервативный ряд» была напечатана в журнале «Огни Кузбасса» № 1 за 2006 год. Особое внимание хочу обратить на то, что написанное Сергеем Подгорновым не залеживалось подолгу в его писательском столе – так же как и в редакторском портфеле. И время создания той или иной повести, как правило, совпадало с реальным временем происходящего в них. В этом явная актуальность прозы автора. И даже небольшие отступления в прошлое лишь играют на настоящее. Они всегда к месту и обоснованны.

Бартер – слово-то какое. Что, забывать стали? А ведь через него все прошли, особенно производственники. Это когда «ты – мне, я – тебе». За водичку, скажем, платить нечем, денег нет на ферме или стекольном заводе? А вы нам тогда – телочками, или поросятами, или рыбой живой, допустим карпами. Или: мы вам – воду, вы нам – трубы, задвижки, флан-

цы, кабели, химреактивы, стекло... Идет? Тогда по рукам!

Повесть «Консервативный ряд» как раз о тех сединно-девяностых, бартерных, когда, чтобы не померли с голоду свои работяги, отоваривали их в счет зарплат бартерными продуктами (через свои уже коммерческие ларьки и магазины). Экономили, выгадывали на всем, хватаясь как за спасительную соломинку за подсобные хозяйства. Свои производственные дыры и прорехи латать было нечем.

Вот в такое время и попадает в нелепую ситуацию герой повести Леонид Фигуркин. Он пришел в контору водоканала заплатить за воду, а его впопыхах по ошибке приняли за другого человека, однофамильца, устраивавшегося сюда на должность консультанта по разведению карпов на очистных сооружениях, – для получения, так сказать, побочного продукта. А почему бы и нет? Ведь Фигуркин – бывший океанолог. Рыбу видел в морях? Как не видеть. Значит, подойдет... *«Так вот, вода водой, но нам, если выжить хотим, с любого хвоста навар иметь надо. Даже с рыбьего. А почему за карпов беремся – они быстро растут. Но в теплой воде»*, – подведет итог директор водоканала на одной из планерок.

И этот будто бы вымышленный курьезный случай вовсе не редкий для того времени. Мой однокашник и друг, инженер-лесовод по образованию, в самом деле стал вдруг директором мебельной фабрики. А что? Там лес, и тут дерево...

163
Мода. Она может быть не только на стильную одежду, обувь, прическу, татуировку, песни, музыку, абстрактно-образную поэзию, авангардистское искусство. В наше время – это еще и повальное увлечение юбилейными датами.

«Девяносто пять» – сатирическая повесть Сергея Подгорнова как раз о таком виде моды – отмечать юбилеи. И не столько отдельных личностей, сколько целых организаций и офисов, коих расплодилось с началом нового века как грибов после благодатного дождика. Теперь их, кстати, стало модно называть на западный манер корпоративами. А для коммерческих скороспелок уже и какие-нибудь пять лет существования – повод для шумного праздника, с приглашением раскрученных поп-звезд.

И вот, глядя на такие корпоративы, прочие организации и предприятия, кое-как выжившие в жесточайшей схватке с капиталом, стали думать: а чем мы-то хуже?

«Вон, тепловая станция годовщину отметила: торжественное собрание, банкет и все такое... Металлический завод перед Днем космонавтики юбилей отпраздновал; налоговая служба, горноспасательная станция» – не то 90, не то уже 95 лет. Так ведь и нам уже... дай бог памяти, а сколько же нам-то лет?

А давайте и мы закатым что-нибудь похожее! Правда, зарплату особо платить нечем и на новые

трубы с задвижками не хватает, не говоря уже про новые бульдозеры и экскаваторы. Но ничего, как-нибудь осилим... Да не просто одним банкетом надо отделаться, с грамотами и премиями. Еще и книжку сделаем по поводу юбилея, отразив в ней свою историю! А то вон металлический завод брошюру издал «90 лет металлическому заводу»... Кто этим займется? А кто у нас тут самый грамотный, синекурный? Леонид Фигуркин – начальник ГО? Вот ему и поручим это дело!

«– А нужна ли эта книга? Кучу денег потратим, а толку? Лучше подарки детям купить, – сомневались сотрудники.»

– Книга нужна, – объявил директор. – Подарок быстро забудется, а книгу, если даже и сунешь куда, все равно нет-нет да наткнешься. Без книги никак нельзя».

Девяносто пять – это же о-го-го! Чего ж дожидаться столетия?! Девяносто пять – это же на год больше, чем у соседей, тепловой станции! Наметим дату и время празднования. И книгу – через полгода!

Вот и занялся нежданно-негаданно наш герой сбором материалов для будущей книги к юбилею: архивы, музеи, старые газеты, фотографии, встречи с ветеранами Асинского водоканала. И чем дальше углублялся он в историю, тем больше выявлялось неприглядных фактов, как выражались раньше – «крупных недостатков». А с ними-то как быть? Предать огласке или умолчать? Но главное все же – установить точную дату: когда на самом деле появился в Асинске водоканал?

Не получилось бы с книгой как с теми же карпами, напомнили Фигуркину о неудавшемся недавнем рыбном эксперименте. А у того сразу страх: «Не написанная книга вдруг представилась мне взведенным капканом, и я, рохля, сую в него свою бестолковую голубу».

И хоть не удалось доказать, что водоканалу не 95, а всего лишь 75 лет, как это официально утверждала справка из архива, юбилей все равно состоится и книга будет написана и издана к намеченному сроку.

«Дом». Какое лаконичное и в то же время емкое слово!

Пожалуй, и начать анализировать творчество Сергея Подгорнова следовало бы с его философского эссе с таким названием. Дом – это не просто место твоего обитания. Это не какая-нибудь панельная или кирпичная многоквартирная хрущевка. Дом непременно должен стоять на своей территории – осаннй, рубленый из кругляша (лучше листвяжного), и вокруг него – постройки хозяйственные, стайки для скота и птицы, огород и обязательно банька. Раньше все это называли одним словом – усадьба.

«Дом – это твоя собственная вселенная. Он скорее открыт миру, чем закрыт от него. В доме есть все, чего недостает за его пределами. А если все-таки чего-то нет, значит, сам виноват. Какие претен-

зии ты можешь предъявить миру, если не в состоянии обустроить дом?»

Вот и обустроивали дом-усадьбу веками по своему семейно-родовому укладу, по усмотрению патриархальному. Недаром же столько хорошего ему посвящено и столько ностальгического связано именно с домом (добавлю, уточняя: с отчим домом).

Вот и для писателя Сергея Подгорнова отчий дом – то главное, что привязывает его к малой родине, все к тому же (пусть будет и тут в авторской версии) Асинску.

У этого населенного пункта, как и у любого другого, есть своя история, начало которой уходит корнями к местным преданиям. О таких преданиях и узнаем мы из небольшого эссе «Асинск». Оказывается, начинался этот город как поселок, где стали добывать каменный уголек. Сначала вручную, примитивно, это потом уже настроили шахты с современным оборудованием.

Одна из легенд открытия «горючего камня» в районе Асинска связана с... обыкновенной рыжей лисицей, которая своими лапками выковыривала из мышиной норки черные камушки. И кстати, если посмотреть на контуры Асинска на карте, можно разглядеть именно силуэт лисицы: «туловище, лапы, горделивая высокая шея, хвост на отлете и корона на голове». А уж от этой легенды прямая тропинка к настоящему открывателю асинских углей, к кузнецу Ивану Карышеву и его сыну Сергею. А от них – к промышленнику Льву Михельсону, бывшему питерскому адвокату... Были у Асинска свои времена детства, юности и возмужания. А в ностальгические детско-отроческие годы будущего писателя Подгорнова (1960-е) Асинск «занимался тем, чем и всегда: выпускал стекло, лекарства и необходимые шахтам скребковые конвейеры. И вычерпывал уголь из-под себя. Центр его оседал. Он все больше походил на огромную вогнувшую чашку, сильно припорошенную шлаком, вылетающим из труб ТЭЦ».

И еще о доме в том же Асинске. Но уже в другом произведении, в романе под названием «Поглощение». Конечно, сам жанр подразумевает, что здесь все намного шире, объемнее. С глубокой проблематикой и подтекстом, как и положено у настоящего мастера слова. Но именно вокруг дома и города на протяжении романа все и вращается.

Главный герой Юрий Михайлович Волков является инженером по охране труда и промышленной безопасности ООО «Ремстройналадка». Время действия – уже второй десяток нового столетия. После пресловутой приватизации многие городские предприятия и организации оказались обществами либо акционерными, либо с ограниченной (что это такое, никто не знает) ответственностью. И у каждого ООО свой хозяин, как правило живущий в Москве, лишь изредка наведывающийся в свою вотчину. И большая часть доходов организации, как правило, хозяину-барину

и достается. А на все производственные нужды (не говоря уже про соцпакеты работникам) один ответ: денег нет. Нет даже на лампочку в туалете. Даже на специальную форму-одежду и средства индивидуальной химзащиты, хотя их обязательное наличие предписывает закон.

Управляет же хозяйством исполнительный директор, у которого тоже денег не допросишься. Да и появляется он в конторе от силы раз в неделю, только чтобы подписать накопившиеся бумаги.

А надзорных организаций – пруд пруди, с плановыми и внеплановыми проверками, аудитами и инспекциями. И всем им надо иметь кусок хлеба, да еще и с хорошим слоем масла. Вот и облагают штрафами, часть из которых приходится на долю крайнего – инженера по ТБ да из его же дырявого кармана и изымается. Тут, как говорится, хочешь жить – умей вертеться...

Да и ладно бы. Только вот беда у нашего героя – покруче штрафов. Его личный дом (точнее даже, усадьба) стал проваливаться в буквальном смысле слова.

Многие годы из-под Асинска вычерпывали уголек. Стало быть, внизу образовывались пустоты. И поверхность города постепенно проседала.

Как-то, возвращаясь домой после работы, Юрий Михайлович вдруг обнаружил, что «перед самой калиткой, всего в полуметре, земля со стороны дома осела. Неглубоко, на штык лопаты. Обрез был ровный и четкий, словно кто-то лопатой и подрубал».

Дальше – больше: «Он обежал свои владения. ¹⁶⁵ Вся усадьба, словно аккуратно вырезанный кусок торта, опустилась на двадцать – двадцать пять сантиметров».

Причем в таком же положении в Асинске оказывается не только усадьба Волкова, но и многие другие дома и объекты инфраструктуры. Тут следует авторский комментарий: «Под землей располагались выработки заброшенных шахт. Ближе других была «Асинская». Ее в середине девяностых, как и все остальные, прихлопнули, а пустые выработки остались. Сколько на разных глубинах нарыто, никто не знает. Вот земля и начала оседать. Отец Юрия Михайловича к этим выработкам тоже руку приложил, двадцать три года отдал «Асинской».

О приближающейся катастрофе во все фанфары трубила лишь местная газетенка. Знали об этом и местные власти, да отделялись лишь одними обещаниями о переселении и просили обреченных «держаться».

А между тем дом Волкова стал походить на «спустившего штаны бедолагу, когда у того внезапно прихватило живот. Даже окна выглядывали из ямы страдальчески». Через некоторое время не выдержала, лопнув, водопроводная труба, и палисадник быстро превратился в небольшое озеро.

Примечателен диалог Юрия Михайловича с женой Леной:

«– Это когда-нибудь прекратится? – допытывалась Елена Петровна.

– Прекратится, Ленусь. Вот только пустоты в шахтах заполнятся, и сразу все прекратится.

– Татьяна на работе говорила, что тут не пустоты виноваты.

– А что?

– Грехи наши...»

Что сказать: с этим трудно не согласиться. Грехи. Их немало на совести любого человека. А сколько их на совести политиков? Власть имущих? Хозяев, граблящих трудяг и население, вывозящих награбленное в офшоры, покупающих для себя дорожные виллы, яхты и даже футбольные клубы? И ничего не меняется!

Так что провал – это еще и глубокий символ результатов политики и экономики управления не только ООО «Ремстройналадка», Асинска, но и страны в целом!

В итоге вся усадьба нашего инженера проваливается окончательно, вместе с ним самим. Выбраться самостоятельно он уже не может.

Но! Вот тут-то и есть главная изюминка романа! В провале Юрий Михайлович обнаруживает небольшую лазейку, ведущую в старые выработки. А там – о чудо! – ему навстречу по галерее уже спешит бригада шахтеров, освещающая путь своими фонарями: «Где-то здесь должен быть выход. Идем с нами, выход искать». И они все вместе уходят.

Такой вот финал романа. С надеждой на непременный выход из завала. Только искать его нужно. Но он точно будет найден! Выход – для инженера Волкова. Выход – для нашего народа. Выход – для Асинска.

Выход – для России!

...Как-то мой студенческий друг, ныне доктор наук и профессор одного из Санкт-Петербургских университетов (между прочим, уроженец города Анжеро-Судженска) обидно упрекнул меня в квасном патриотизме. Мне было что язвительно ответить: «Ну как же – мы ж теперь питерцы! Нам не квасок хлебный, русский – нам кока-колу подавай!» Но я промолчал...

А вот Сергей Подгорнов, как асинский кулик, не застыдился своего «болота»: «...Я оглядываю мою землю. Тот кусочек Кирпичной, к которому привязан больше всего. Здесь дом моего отца, моей матери. Здесь мой дом. Для себя я давно определился: ума надо набираться на стороне, а жить дома; такая вот штука. Это правило, само собой, не для всех, но для меня это – правило».

Вне всякого сомнения, одной этой бегло-обзорной статьей (за бортом остались даже такие крупные произведения, как повести «Ну – будем!», «Салим», «Счастливые люди», «ЧП в Асинске», роман «Аукцион») невозможно охватить все многогранное творче-

ство нашего земляка, современного писателя Сергея Елизаровича Подгорнова. Да я и не ставил перед собой такой задачи. Это – дело настоящих критиков и литературоведов. Только вот где они, эти критики и литературоведы? Ау!

Это я к вам обращаюсь, студенты и преподаватели филфака госуниверситета! Не пора ли свои курсовые, дипломные и диссертационные работы начинать писать на местном материале? Уж поверьте мне, как бывшему студенту и аспиранту, высасывать из пальца ничего не придется: богатейшего материала для анализа и выводов – море безбрежное!

Виктор АРНАУТОВ

«ОГНИ КУЗБАССА»

В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ

Пять лет, как я вернулся на родину – в Кемеровскую область. Вынужден был бежать с Украины по политическим обстоятельствам.

В первый же день, когда приехал в Кемерово, начал читать «Огни Кузбасса», но не с последнего номера, а с далеких шестидесятых.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

«Огни Кузбасса», 1966 / № 1 (17)

Прочитал от первой до последней страницы номер, увидевший свет пятьдесят один год назад. Яркая обложка и авторы – будущие классики кузбасской литературы.

Стихотворения Виктора Баянова: «У истоков», «Изба моего детства», «Перед дорогой», «Чьи вы?».

Рассказ «Атака» Петра Карякина. Из минометного расчета сержанта Локоткова уцелел он один – остальные погибли.

В рассказе «Отрез шевиота» Олега Павловского – трюки, фокусы с организацией женского труда на строительстве весной 1945 года. Обманщика, обещавшего заоблачные зарплаты и жилье деревенским бабам, гонят взащей. Когда приходит Победа, «отдел кадров только успеваешь оформлять людей на работу».

Далее – новые стихотворения: Михаила Небогтова, Игоря Киселева, Геннадия Юрова.

Короткая повесть «В теснине Арачева» Анатолия Яброва: водителя Федора Дыгая в зимнюю бурю спасает кержачка Грунька.

Интереснейшие воспоминания о Великой Отечественной «Шел солдат...» Александра Бормотова.

В лирическом очерке И. Алексеева «Верность» – святая убежденность в том, что не только на Марсе, но и гораздо ближе – в суровом климате Сибири будут цвести яблони.

Одна из первых – публикация «АИК Кузбасс» об автономной индустриальной колонии.

В обзоре А. Абрамовича «Заметки о поэзии» разбираются стихотворения Баянова, Генке, Ян, Торбокова, Чурилова и др.

«Огни Кузбасса», 1967 / № 1 (18)

Материал, открывающий альманах, «Доброго пути в большую литературу!».

«С 31 мая по 7 июня 1966 года в Кемерове проходил семинар молодых писателей Урала и Западной Сибири.

Кузбасс встречал Ярослава Смелякова, Василия Федорова, Виктора Астафьева... Старшие товарищи ступили на землю Кузнецкую, чтобы помочь своим молодым собратям по перу советом и делом, встретиться с читателями городов и сел.

На семинаре обсуждалось творчество более чем пятидесяти молодых прозаиков, поэтов, драматургов и сатириков».

Участники не подвели – их творчество по достоинству оценили. К изданию в Москве рекомендованы книги Геннадия Емельянова, Анатолия Яброва, Виктора Гонтера. Много добрых слов было сказано в адрес Игоря Киселева.

«Интересный, просто интересный поэт», – так сказал о творчестве кемеровского журналиста Анатолия Саулова поэт Ярослав Смеляков.

Высокую оценку получили стихи Виктора Чурилова, слесаря из Юрги.

Фаворитом среди приглашенных оказался горный инженер из Междуреченска прозаик Виктор Чугунов.

Чем же взяла молодая поросль, в чем секрет ее успеха на семинаре? Авторы пришли в литературу не со школьной скамьи, за не ахти какие прожитые годы уже многое успели повидать, сойтись со всеми перипетиями нашей сложной жизни впритирку и о многом подумать. Темы их произведений не взяты с потолка и не высосаны из пальца. Они пишут о пережитом, увиденном, говорят о том, что им по-настоящему дорого, что волнует, заботит и беспокоит их.

Деталей, которыми насыщена повесть Валентина Силакова «Прощай, экзотика!», характеров, которые в ней выведены, при любом таланте и воображении

художника придумать нельзя. То же можно сказать и о рассказе Виктора Чугунова «Сибириада».

«Прощай, экзотика!» Валентина Силакова – повесть о молодых романтиках, связавших свою жизнь с океаном и морями.

Дневник Владимира Власова «Отряд идет на Каным» примечателен ироническим отношением и всепобеждающим оптимизмом в весьма затруднительных ситуациях, когда лошадки в тяжелой дороге проявляют строптивость, погода выдает неприятные сюрпризы, геологи шутят со смертью, открывая руды – сырьевые базы Запсиба.

Рассказ «Осенний отпуск» Петра Шмакова – приезд к маме в деревню ее дочери с мужем.

«Вернулся с билетами Дмитрий Сергеевич, взял жену за плечо и слегка повернул к себе. Она увидела чисто выбритый подбородок, галстук с ракеткой на сверкающем зажиме, острый кадык, порезанный при бритье. Лиде не хотелось смотреть выше. Она боялась увидеть довольные, с усмешкой глаза...»

Любопытны краеведческие изыскания В. Кадейкина «История одного поиска» о партизанском отряде Пугачева в районе Мариинской тайги в годы Гражданской войны.

Исследование А. Мазюкова «Герой поэмы – кольчугинский шахтер» о работе над поэмой Николая Асеева «Семен Проскаков». Откликается в сердце очерк того же автора «Медсестра из легенды» о подвиге Зинаиды Михайловны Тусноловой-Марченко.

В разделе «Критика и библиография» обзор поэтических произведений «Слово о молодых» Михаила Небогатова.

«А. Саулов – несомненно способный, интересный автор. Лучшие его стихи свидетельствуют об интенсивной работе мысли, о поисках своих образов. В степи, где кипели битвы, «окровавленной шашкой со свистом радуга взвилась»; падающие в бою пахари рождают у поэта ассоциацию со «сбитыми под корень колосками».

«Коварды» – это маленькая поэма. В. Юрченко сумел сжато, емко сказать об очень многом. Мы сами как будто побывали в доме двух овдовевших солдаток – так точен отбор деталей, рисующих обстановку: подшитые валенки, большой сундук, книги, запах дрожжей... Часто вещи говорят о хозяине больше, чем он сам».

«Огни Кузбасса», 1968 / № 2

Открывает номер стихотворение Михаила Небогатова «Россия». Далее – «У лесника» Виктора Баянова, «Не спорь со временем бесстрастным» Игоря Киселева, «Вечная мерзлота» Геннадия Юрова.

Также опубликованы поэты Виталий Юрченко, Борис Кузнецов, Николай Пискаев, Александр Суров. Во всех сочинениях – дух советского оптимизма.

Новелла Зинаиды Чигарёвой «Что в имени тебе моем?..» о взрослении. Девчонка признается в любви герою, тот же за советом, как быть, обращается к опытной женщине.

В рассказе «Обида» Олега Павловского – ситуация острой конкуренции в колхозном хозяйстве. Новатор-агроном одержим активностью, ставит в неудобное положение партийца – председателя колхоза. Конфликт обрастает снежным комом неприятностей. В итоге экс-председатель (сняли за ошибки) пишет «телегу» на обидчика и отправляется в мир иной...

Встретился и фантастический рассказ.

«Гость» Николая Сазонова. От «инопланетянина» маститый академик получает в дар чемоданчик, напичканный знаниями далеко продвинутой цивилизации...

В очерке Владимира Юриша «Следы усчилар» упоминается, что шорцы владели технологией плавки и обработки металлов еще до появления русских в Сибири.

Подборку шорского фольклора представил Виталий Рехлов.

Шорец С. Торбоков призвал путешественников по земле Кузнецкой обращаться к его сородичам. Шорцы увлекательно расскажут о названиях гор и мест, поведают легенды – лишь бы туристы успевали восхищаться и удивляться исконному богатству народной истории.

Исследование А. Абрамовича «М. Горький и сибирские писатели» не устарело и по сей день.

Увлекают воспоминания «Фронтовые годы Эммануила Казакевича» Г. Казакевича. Автор повести «Звезда» был освобожден от службы в армии по причине слабого зрения, но все-таки пробился на передовую Великой Отечественной войны, став разведчиком.

Материал Г. Гряновой «Л. И. Лутугин на земле Кузнецкой» о том, как искали в Кузбассе полезные ископаемые и с каким почетом провозжали в последнюю дорогу в Петербурге родоначальника промышленной геологии Леонида Ивановича Лутугина.

Трогательны свидетельства Анастасии Жинжиловой «В те суровые годы» и Ольги Михайленко (Жидковой) «Наша военная молодость» о том, как вчерашние школьницы сражались с немецко-фашистскими оккупантами.

«Огни Кузбасса», 1968 / № 3

В начале альманаха – дневник космонавта Алексея Леонова «Да здравствуют Архимеды!» – это еще не о выходе в открытый космос, но предыстория к вселенскому событию.

«Август» Виктора Баянова – рассказ о влюбленности мальчика Митьки во взрослую девушку Варвару.

«Тузик» Владимира Власова – новелла о проходчиках и взрывниках.

Поэзия представлена стихами Геннадия Юрова, Сергея Донбая, Геннадия Кравцова, Раисы Чиграковой, Анатолия Саулова, Виталия Писарева, Ильи Ляхова, Евгения Харламова, Надежды Каркавиной, Александра Береснева и др.

Цикл документальных заметок Андрея Троицкого «Ответственная должность» повествует о становлении советской власти на Украине, в селе Мозолеевка. Описываемое время: 1924–1926 гг.

Историческую тему, но уже в сибирском промышленном пейзаже, продолжает С. М. Франкфурт фрагментами книги «Рождение стали и человека». Начало тридцатых. Крупным планом показано строительство КМК.

Добавление к сибирской истории – очерк Т. Головатова «Первые» о подпольщиках и комсомольских активистах начала двадцатых.

О рождении нового города Березовского в январе 1965 года на карте Кузбасса рассказывает А. Мазюков в статье «Алтайские копи».

Любопытна публикация «Встреча с Михаилом Булгаковым» Н. Яшиной и В. Чамлера. Сопоставление постановки пьесы «Бег» в Кемеровском и Прокопьевском драмтеатрах. Авторы отдают предпочтение Прокопьевску.

А. Абрамович в эссе «Слово и деталь» упоминает выразительные приемы в «Степи» А. Чехова, «Хаджи-Мурате» Л. Толстого, высказывания М. Горького на фоне цитат местных литераторов Герберта Генке, Леонида Гержидовича и Владимира Мазаева.

«Огни Кузбасса», 1969 / № 1, 2, 3

Зацепила проза. Откроем рассказы.

«Яшка-лось» и «Зачем я убил коростеля?» Виктора Астафьева (№ 1).

Первый – о гибели жеребца, загнанного нетрезвым мужиком.

Второй – о терзаниях охотника, подстрелившего птицу. Крылатая красавица изображена на гербе одного из южных городов Франции. Там она считается священной. За ее гибель в прошлые века охотника приговорили бы к смерти.

В «Тихом утре» Зинаиды Чигарёвой (№ 1) лирические трудности начинающего журналиста ничтожны в сравнении с ужасами Великой Отечественной войны.

«Обыкновенная история» Владимира Власова (№ 3) о находчивости русского в плену у фашистов, сумевшего вырваться на свободу.

Валерий Шевцов в «Первом дне отпуска» (№ 3) описывает вдохновенный труд молодого рабочего. Тот сильно увлечен и не может уйти в отпуск.

«Лайма» Игоря Дручина (№ 1) о нерешительности юного Николая, попавшего на Север. Он упускает свою судьбу – лишается Жанны.

«Певучая скрипка» Ильи Зыкова (№ 1) о том, какой фурор произвел деревенский музыкант в клубе игрой на скрипке. Успех вынес его на просторы большого сибирского города.

«Кинь грусть» Игоря Минутко (№ 2) о миграции. Девушка едет из села к молодому рабочему в город, но из-за его пьянства возвращается обратно – к маме, к полюбившейся работе, в коровник.

В рубрике «Из дальних странствий возвратясь...» заметки Геннадия Юрова «Здесь начинается Россия» (№ 1) о Чукотке и Колыме. В № 2 заявленная тема дополняется поэмой автора «Борискин ключ».

Интересны публикации о людях производства, глава «Мастер-академик» из книги С. Франкфурта «Рождение стали и человека» (№ 1).

В очерке «Встречи с деловым человеком» (№ 2) П. Ворошилов рассуждает, как могла бы развиваться экономика Кузбасса (а в идеале и СССР), используя ориентацию на предпринимательскую выгоду. Но виновник инициатив, к сожалению, «сгорел» на работе. Идеи не получили развития.

Продолжение следует.

Александр МУХАРЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

30 июня проект Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Писатель в маленьком городе» (автор и руководитель проекта Д. Филиппенко) получил поддержку в Президентском фонде культурных инициатив. С сентября 2023 года по апрель 2024 года в городах Кузбасса пройдут творческие встречи с писателями России. Команда проекта: Д. Филиппенко (Ленинск-Кузнецкий), А. Смолина (Великий Устюг), О. Рокова (Березовский), А. Коржова (Калтан), О. Телегина (Белово), А. Алехина (Мыски).

1–12 июля поэт Н. Мурзина проводила поэтические мастер-классы, обучая юных воспитанников бард-лагеря «Спутник» (Завьяловский район Алтайского края) литературному мастерству. Будущим бардам необходимо уметь работать с поэтическим текстом, составляющим основу любой песни.

4 июля в областном музее изо прошло открытие юбилейной выставки члена Союза писателей и Союза художников России, поэтессы и художника Л. Арбачковой. От Союза писателей Кузбасса Любовь Никитовну поздравил главный редактор журнала «Огни Кузбасса», поэт С. Донбай, вручив авторский экземпляр журнала с юбилейной публикацией. Прозвучали песни на стихи юбиляра на шорском языке. Сама поэтесса читала свои стихи по-русски и по-шорски.

6 июля в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошло представление 3-го номера журнала «Огни Кузбасса». Свои стихи прочитал А. Аксенов, о публикациях рассказали В. Кабин, С. Чиняев, С. Чернопятков, В. Иванов. Других авторов номера представляли Б. Бурмистров, С. Донбай, Д. Мурзин, А. Королев. Б. Бурмистров показал зрителям сигнальный экземпляр патристического сборника «Русский мир, как космос, навсегда».

14 июля в зале Краснодарской филармонии в рамках Международного кинофестиваля «RT.Док: время героев» состоялась премьера документального фильма «Сила», созданного съемочной группой канала RT (автор фильма – тележурналист Р. Гусаров, режиссер – Е. Китайцева). Это лента о людях, которые объединились в тылу, чтобы накормить, обогреть, поддержать тех, кто на фронте. В фильме лейтмотивом звучит песня «Тыловая», созданная кемеровчанами – поэтом Н. Мурзиной и композитором М. Шампоровым. Наряду с другими регионами представлен и Кузбасс. Фильм получил приз зрительских симпатий. На церемонии закрытия фестиваля под овации зала песню исполнили кемеровчане М. Шампоров, Н. Мурзина, Т. Чукреева и Д. Латышева.

20 июля состоялся творческий десант в Юргинский военный госпиталь. Перед ранеными бойцами выступили Б. Бурмистров, Т. Колач, дуэт А. и Т. Болотовых, солист Кемеровской филармонии М. Сатаров.

29 июля в Юго-Александровке прошел ежегодный фестиваль «Юго-Александровский родник». В фестивале приняли участие кузбасские члены Союза писателей России: Г. Золотаина, С. Уланова, Д. Филиппенко, Ю. Сычева, О. Рокова, В. Киселев, А. Пятак, В. Гуляев, Н. Катрич, И. Надирова и др.

4 августа в Марьевке Яйского района на малой родине русского поэта Василия Федорова прошел литературный праздник «Всекузбасские Федоровские чтения», посвященный 105-летию со дня его рождения. На митинге выступили поэты, члены Союза писателей России Д. Филиппенко, Ю. Михайлов, И. Тюнина, И. Фролова, З. Козлова, а также поэты из литературных студий Анжеро-Судженска, Гурьевска, пгт Ижморского, Кемерово, Мысков. К юбилею знаменитого земляка Центральной библиотечной системой Яйского округа (директор Н. Терентьева) издан сборник стихотворений – посвящений В. Д. Федорову «Неиссякаемый родник...» с предисловием поэта Б. Бурмистрова.

5 августа в Прокопьевском муниципальном округе прошел VI открытый фестиваль-конкурс поэзии «Свежий ветер», в работе жюри которого принимали участие поэты Л. Чидилян, Е. Краснова и руководитель проекта «Достоевский в Сибири» Э. Вистерман.

8 августа в модельной библиотеке № 17 «Островок знаний» г. Прокопьевска, созданной в рамках национального проекта «Культура», для юных читателей прошел праздник «В волшебной пушкинской стране» (в рамках всероссийского проекта «Молодой Пушкин» федерального гранта «Творческие люди»).

8–13 августа на территории музея-заповедника «Томская писаница» прошла арт-резиденция Кузбасского центра искусств. Участниками мастерских арт-резиденции стали 10 молодых писателей, победителей Регионального молодежного литературного фестиваля-конкурса «Оперение-2023», и 10 молодых художников, победителей Межрегиональной молодежной художественной выставки-конкурса «Новое слово». Мастер-классы для молодых писателей вели поэт и журналист Д. Коржов (г. Мурманск), писатель и публицист С. Чураева (г. Уфа). 11 августа участникам резиденции представили журналы «Огни Кузбасса» (Д. Мурзин), «Бельские просторы» (С. Чураева) и альманахи «Капитан Грэй» (Д. Коржов) и «Образ» (Д. Филиппенко).

10 августа в штабе общественной поддержки партии «Единая Россия» прошла акция памяти, посвященная 80-летию начала Курской битвы, «От Курской битвы до наших дней». Школьники города познакомились не только с историей подвига Красной армии, но и с произведениями авторов нового поэтического сборника «Русский мир, как космос, навсегда»: Д. и Н. Мурзиных, С. Донбая, И. Фроловой.

13 августа в Центральной городской библиотеке г. Белово прошла творческая встреча с поэтом С. Улановой.

16 августа в кемеровском музее изобразительных искусств состоялся вечер памяти художника В. Кравчука, творчество которого сыграло огромную роль в книгоиздании Кузбасса. Он оформил сотни книг кузбасских авторов. От Союза писателей на вечере выступил поэт С. Донбай.

16 августа в библиотеке им. Н. К. Крупской для жителей города Ленинска-Кузнецкого прошла презентация книги Д. Филиппенко «Подземное притяжение», в рамках всероссийского проекта «Молодой Пушкин» федерального гранта «Творческие люди» национального проекта «Культура».

17 августа в Новокузнецке в кафе «Квартирник» прошел музыкально-поэтический вечер «Самый душевный квартирник». В мероприятии приняли участие Д. Филиппенко, Д. Хохлов и Кортик. Организовано мероприятие было членами СМЛ Кузбасса Л. Соколовой и Е. Гончаровой.

18 августа в модельной библиотеке им. М. А. Небогатова в рамках проекта «Молодой Пушкин» прошла литературная мастерская «Драматургия: творческие поиски и ориентиры». Провел мастерскую член СМЛ Кузбасса Е. Клейменов.

18 августа в рамках проекта «Молодой Пушкин» в Межпоселенческой централизованной библиотечной системе Тисульского округа Кемеровской области с лекцией-диалогом «Современная русская литература для библиотекаря: есть ли она и как ее найти?» выступили Р. Круглов (Санкт-Петербург) и А. Тимофеев (Химки).

20 августа в рамках областного проекта «Творческий десант» в Ижморском сельском Доме культуры выступили поэты И. Фролова и В. Киселев.

22 августа в модельной библиотеке города Полысаево состоялась презентация альманаха «Кольчугинская осень» в рамках проекта «Молодой Пушкин».

24 августа Кемеровское региональное отделение Союза писателей России и Совет молодых литераторов Кузбасса представили новый проект «Литеаратура. Разговоры за кружкой чая» на платформе VK-видео.

Первым гостем видеопрограммы стал поэт, член Союза писателей России Д. Мурзин (Кемерово).

25 августа в Тисульской центральной библиотеке в рамках всероссийского проекта «Молодой Пушкин» состоялась встреча с поэтом, членом Союза писателей России, ответственным секретарем журнала «Огни Кузбасса» Д. Мурзиным.

27 августа Юргинский военный госпиталь посетили представители писателей Кузбасса Э. Вистерман и

Т. Колач, которые предали в дар сторожевой пост и останочный павильон.

1 сентября в Ижморской центральной библиотеке им. М. С. Прудникова прошла встреча с поэтом А. Правдой.

1–3 сентября на Театральной площади в Кемерове прошел фестиваль «Книжная площадь». На его открытии свои стихи прочли кемеровские поэты С. Донбай, И. Тюшина, В. Киселев, А. Пятак и Д. Мурзин. В Кемерово приехали известные писатели: П. Беседин (Севастополь), А. Малыгина (Барнаул), М. Четверикова (Омск), А. Тимофеев, Е. Усачева, Х. Патаки, Ш. Идиатуллин, С. Данилова (все – Москва). Кузбасс на фестивале представили писатели А. Куприянов, Д. Филиппенко, Т. Ильдиминова, Д. Мурзин, И. Фролова, Ю. Малеванова, А. Ахметшин, А. Назаров.

4 сентября с дружеским визитом Союз писателей Кузбасса посетила делегация писателей Узбекистана, прибывшая на открытие в Мариинске первого в России памятника узбекскому писателю Усману Насыру. Во встрече участвовали председатель Союза писателей Узбекистана, народный поэт Узбекистана, член Олий Маджлиса (парламента) Сирождиддин Саййид, заместитель председателя Академии художеств Узбекистана Фарход Ташмухамедов, руководитель отдела международных связей и перевода Союза писателей Узбекистана, поэт, переводчик Рустам Мусурмон, старший сотрудник Союза писателей Узбекистана, поэт и переводчик Николай Ильин, сотрудник информационной службы Союза писателей Узбекистана Ахмад Эргашев, председатель Союза писателей Кузбасса, поэт Борис Бурмистров, главный редактор журнала «Огни Кузбасса», поэт Сергей Донбай, ответственный секретарь журнала «Огни Кузбасса», поэт Дмитрий Мурзин, руководитель проекта «Достоевский в Сибири» Эдуард Вистерман. Писатели договорились о сотрудничестве и обмене публикациями.

Антологии фронтовой поэзии Союза писателей России «Стихи из огня», «Порохом пропахшие строки», «Сыновья уходят в бой», «ПоЗЫВной – Победа», «Оберег», «Мы с вами, братья» (составители: В. Кирюшин, Н. Попова, Е. Хапланова, В. Латынин, Ю. Щербаков) стали лауреатом Национальной премии «Лучшие книги, издательства, проекты года – 2022» в номинации «Поэзия». В них вошли авторы из Кузбасса: Б. Бурмистров, С. Донбай, Н. Мурзина, В. Коврижных, В. Киселев.

Сборник «Великий Блокпост. Антология донбасской поэзии 2014–2022» (составитель А. Ревякина, издательство «Лира») стал лауреатом Национальной премии «Лучшие книги, издательства, проекты года – 2023» в номинации «Поэзия». В него вошли стихи поэта Д. Мурзина.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В журнале «День и ночь» (Красноярск) № 3 вышел рассказ **Т. Маркиновой** «История Ванюшки».

На сайте поддержки специальной военной операции в Донбассе и на территории Украины «Отечество мое» опубликованы подборки поэтов **Н. Мурзиной** и **Д. Мурзина**.

Альманах «Чаша круговая» (Екатеринбург) напечатал подборку стихов поэта **Б. Бурмистрова**.

Журнал «СовременникЪ» (Краснодар) № 11 напечатал подборку стихов поэта **Н. Игнатьева**.

Журнал «Новая Немига литературная» (Минск) № 4 напечатал подборку стихотворений «Режим тишины» поэта **Д. Мурзина**.

Сайт «Литературной газеты» (Москва) дал подборку «Я в тылу сижу. Я носки вяжу...» поэтессы **Н. Мурзиной**.

Журнал «Звезда Востока» (Ташкент) № 1 напечатал переводы поэта **В. Махалова** из Усмана Насыра.

Журнал «Алтай» (Барнаул) № 4 дал подборку стихов поэта **Д. Мурзина**.

Журнал «Абакан» № 2 напечатал подборку стихов поэтессы **Н. Мурзиной**.

ИЗДАНЫ КНИГИ

Неиссякаемый родник...: сборник стихотворений, посвященный 105-летию со дня рождения В. Д. Федорова / вступ. ст. Б. Бурмистрова; сост. Г. Карпова, С. Морозова, С. Нестерова и др.; ил. Н. Кочетковой и др. – Вып. 2. – Кемерово: СИБ ПРИНТ, 2023. – 176 с.

Литературный альманах «Образ» (Ленинск-Кузнецкий). – 2023. – № 3. – 106 с.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 5. Дата выхода в свет: 05.12.2023

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 1128. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс,

г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Вектор-Принт»: 650021, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»

(650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **М. Н. Долгов**

Верстка: **А. Д. Серова**

Кузбасский фестиваль «Книжная площадь». Стоят: С. Донбай, Д. Филиппенко, А. Тимофеев (Москва), Д. Мурзин, С. Уланова, А. Бурко. Сидит: А. Пятак

Фестиваль «Звезды над Донбассом» (Мариуполь). Представление журнала «Огни Кузбасса». Ответственный секретарь журнала Д. Мурзин, автор журнала А. Ревякина

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40